

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ ДЕВЯТЫЙ [156]
СЕНТЯБРЬ 2014

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ — СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ДЕВЯТЫЙ [156]

Редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Ф.Г. Тараторкин	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора (художественный редактор), член Творческого союза художников России
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефью	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
--------------	---

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятков	доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Д.Р. Жантиев	кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.

Подписано к печати 15.09.2014 г. Формат 70 × 108 1/16. Усл.-печ. л. 28,7. Печать офсетная. Заказ № 84

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76

E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2014

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в ЗАО «Издательство ИКАР».

117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Тел.: +7 (495) 936-83-28, +7 (495) 978-35-99. Тел./факс: +7 (495) 330-89-77

www.ikar-publisher.ru

Журнал «Исторический вестник» издается
при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть».
ISSN 2306-4978

ОТ РЕДАКЦИИ

Девятый том «Исторического вестника» не объединен общей темой. Это общеисторический номер. Однако, как часто бывает в исторической науке в целом и в нашем журнале в частности, объединяющая тема все равно вырастает из научного контекста. А в 2014 г. и сам контекст особенный: столетний юбилей Великой войны стал исследовательским магнитом, к которому притягиваются самые разные векторы научных работ специалистов по истории России, европейской истории, историографии. Наш журнал намерен продолжать научное сопровождение юбилейных лет в каждый из последующих годов столетней годовщины, анализируя проблемы, факты и события 1915, 1916, 1917-го гг.

Публикуемое в настоящем номере масштабное историко-ведческое исследование А.Б. Асташова, посвященное военным письмам с Русского фронта Первой мировой войны, тематически соседствует со статьей С.А. Чорбачиди о благотворительных открытках тех же военных лет. А рядом с Русским фронтом — Балканский фронт Первой мировой, представленный подробным анализом балканской национально-государственной проблематики в статье А.А. Улуняна. Научный этюд А.Н. Закатова рассказывает об истории императорского военного ордена Святителя Николая Чудотворца с 1929 г. до наших дней. Военную тему номера продолжает статья В.Н. Томилина об одном из ключевых событий Сталинградской битвы.

Общим контекстом для статей, публикуемых в разделе «Новая история» настоящего номера, можно считать социальную историю, конкретнее — историю сословий, явленную в людях. Эта тема, одним из первопроходцев в

изучении которой был еще В.О. Ключевский, в современной исторической науке интересно и разнообразно преломляется в самых разных методологических и предметно-тематических средах. Московское университетское студенчество в статье М.В. Фадеевой; либеральное чиновничество в Западной Сибири в статье О.Н. Овчаренко; Российский Императорский Дом в его родословии в статье С.В. Думина; казаки во взаимоотношениях с Патриархом — «собинным другом» Тишайшего царя в статье И.Л. Андреева. В исследовании К. Ле Торривеллека прослеживается становление новой советской социальной идентичности местных народов на примере преподавания языков в башкирских школах в первые послевоенные десятилетия.

Проблема личности в истории — еще одна сквозная тематическая нить нынешнего тома журнала: от литературного автопортрета XVII в. (статья Л.А. Черной) до исследования тонких нюансов жизни и творчества ученого в советском обществе и в эмиграции в статьях Л. Кациса и С.Р. Чеджемова.

Традиционный для журнала раздел «Историческая мысль» представлен аналитическими рецензиями К.Ю. Ерусалимского и С.А. Толстогузова.

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

СОДЕРЖАНИЕ

НОВАЯ ИСТОРИЯ

И.Л. Андреев. Как казаки патриарха Никона бунтовать подбивали.....	6
С.В. Думин. Родословная книга Российского Императорского Дома.....	30
М.В. Фадеева. Опыт реконструкции ежемесячных бюджетов студентов Московского университета конца XIX — начала XX в.	44
О.Н. Овчаренко. Взгляды либерального чиновничества Западной Сибири на аграрно-крестьянскую политику в начале XX в.	82
С.Р. Чеджемов. Г.В. Баев — просветитель, ученый, политик.....	106

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 гг.

Ар.А. Улунян. Балканские национально-государственные автономии накануне и во время Первой мировой войны.....	122
С.А. Чорбачиди. Благотворительные открытки Первой мировой войны....	140
А.Б. Асташов. Русский фронт 1914—1917 гг.: военные письма.....	148
А.Н. Закатов. Императорский военный орден Святителя Николая Чудотворца. 1929—2014 гг.	168

СОВЕТСКАЯ ХРОНИКА

Л. Капис. Из жизни интеллигентов советской эпохи: А.Г. Габричевский как «агент» Н.С. Трубецкого.....	214
X. Le Torrivellec. Languages, Education, and Politics: Soviet Bashkiria in the 1950/1960's	230

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1939—1945 гг.

В.Н. Томилин. Разгром базы люфтваффе под Тацинской — кульминация Сталинградской битвы	256
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Л.А. Черная. Русский литературный автопортрет XVII в.	278
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

К.Ю. Ерусалимский. Res Rossica & Moscovitica: заметки об исследованиях Д.В. Карнаухова.....	294
С.А. Толстогузов. Томита Такэси. Японо-советские отношения в межвоенный период. 1917—1937 гг.	318

И.А. Андреев

КАК КАЗАКИ ПАТРИАРХА НИКОНА БУНТОВАТЬ ПОДБИВАЛИ

История с речной ратьёю Степана Разина, в составе которой было два струга, один — будто бы с царевичем Алексеем Алексеевичем, другой — с патриархом Никоном, лишенным патриаршего сана, хорошо известна. Об этом упоминается даже в школьных учебниках. При этом априори предполагается, что

подобное в принципе быть не могло, что перед нами — причудливое проявление традиционного сознания восставших. Отчасти подобный взгляд — наследие жестко классового подхода, свойственного советской историографии. Считалось невозможным пересечение интересов казаков и «князя церкви» до такой степени, что это могло привести к каким-то совместным действиям, не говоря уже о появлении Никона среди казаков. Возможно, поэтому всей этой истории не уделялось сколь-нибудь серьезного внимания, и подобная ее трактовка представлялась вполне самодостаточной.

Между тем сюжет представляется весьма любопытным. Как с точки зрения понимания поведения разинцев в пределах их политического сознания, так в плане уточнения биографии Никона, проливающий дополнительный свет на характер и «степень» смелости «строптивного патриарха».

Начнем с того, что обращение казаков к Никону было вовсе не случайным. Он имел репутацию доброго, расположенного к казакам пастыря, ко-

торуую приобрел еще до конфликта с Алексеем Михайловичем. Для донских казаков она подкреплялась не только положительным отношением к Никону «родственного» Запорожского войска — на Украине Никон воспринимался как защитник войсковых прав и вольностей. В удалении Никона, жертвы происков бояр, старшина видела одну из причин разлада между Москвой и Киевом¹.

У донцов были и свои основания «положительно» относиться к Никону. Во время Русско-шведской войны 1656–1658 гг. патриарх Никон по собственной инициативе и на свои средства направил в помощь действовавшему в районе Невы воеводе П. Потемкину несколько сотен казаков. Украинские и донские казаки, как известно, славились своими морскими экспедициями на Черном море. Патриарх вознамерился повторить подобные казачьи экспедиции и на Балтике. При этом он занимался далеко не пастырским делом, чуть ли не планируя предстоящие операции, включая нападение на Стокгольм! Сохранилась памятная записка патриарха, датированная концом мая 1656 г.: «О посылке донских казаков в полк к Петру Потемкину и о благословении им в Стекольной (Стокгольм. — И.А.) и в иные места морем»².

Замыслы воинственного архипастыря оказались неосуществимыми. Казаки до коренных шведских территорий не добрались. Но посаженные на лодки, они захватывали мелкие шведские суда, среди которых оказалась даже шестипушечная шведская галера. На Балтике подобное молодечество было в диковинку³.

Репутацию «доброго пастыря» среди казаков не смогла до конца испортить даже старообрядческая пропаганда, возможно потому, что Никон скоро удалился от дел, а затем был предан «неправедному суду». Страдательность сразу придавала имиджу низвергнутого патриарха привлекательность,

¹ Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. М.: Ладомир, 1995 (репринт). Гл. III. С. 180–181.

² Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 592.

³ Любопытно иное: 5 мая 1703 г. Петр с Меншиковым, посадив охотников из преображенцев и семеновцев на лодки, в жестоком абордажном бою взяли на шпагу два небольших шведских судна, неосмотрительно введенных адмиралом Нумерсом в устье Невы. Царь был в восторге от победы, сделавшей его кавалером ордена Андрея Первозванного. Он приказал выяснить: случилось ли раньше так пленять корабли? Остается гадать, по нерадению ли, или, наоборот, из-за слишком «большого радения», но приказные ничего подобного не обнаружили. Обрадованный Петр приказал вычеканить медали с надписью «Небываемое бывает», вовсе не ведая, что подобное «небываемое» уже случалось и даже не так далеко, близ Котлина, облюбованного им для морской крепости Кроншлот — будущего Кронштадта.

какую он едва ли добился финансированием десятков морских экспедиций. Так что не удивительно, что имя Никона казаки решили использовать еще до того, как опрокинулись на Московское государство. Уместно предположить, что попытка привлечь Никона была частью плана, разработанного радикальной частью казачества.

Сама эта идея, как уже отмечалось, не кажется случайной. Монархические представления казаков естественным образом предполагали объединение всех пострадавших от «государевых изменников» — бояр и приказных. В сборе воедино обиженных виделось бесспорное доказательство справедливости учиняемого «завода», к тому же еще и благочестивого, раз к нему присоединяется патриарх Никон. В этом смысле показательно, насколько широкое распространение получила версия о вине бояр в падении Никона. Высказанная впервые самим патриархом, она была подхвачена и разнесена среди народа, для которых происшедшее стало еще одним подтверждением очевидного — обилия «злых» слуг в окружении государя. Стереотипные представления подпитывались стереотипными интерпретациями, и чем громче было дело, тем весомее выставлялся счет «государевым изменникам» и народным обидчикам.

Версия о «низвержении» Никона боярами получила распространение даже за пределами Московского государства. Защищавший летом 1674 г. в Тюрингии диссертацию Иоганн Марций писал: «Этот патриарх не только пользовался славой святейшего, но и на деле трудился, используя все свое влияние ради общего блага и попечения о народе. Однако бояре извратили это и направили все свои усилия, чтобы лишить Никона его положения и места, чего они легко достигли несправедливыми обвинениями, опорочив его во мнении царя».

Источник Марция — раннее анонимное известие, автор которого утверждал, что Разин хорошо знал, что народ откликнется на призыв отомстить за обиду Никону: «Потому что тот был несправедливо низвергнут с высоты своего сана по злобе боярства»⁴.

К началу выступления весной 1670 г. в рукаве казацкого атамана оказались два весомых «козыря» — наследник престола, царевич Алексей Алексеевич, якобы нашедший защиту от гонений бояр у казаков, и патриарх Никон. Было бы ошибочно думать, что это — «крапленые карты». Даже в случае с умершим в 1667 г. царевичем Алексеем Алексеевичем, предполагавшим заведомое самозванство, это не так. Для обыденного сознания

⁴ Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. Л., 1975. С. 66.

Патриарх Никон. Гравюра XVIII в.

«простецов», по крайней мере, на какой-то отрезок времени, правдоподобие было важнее правды. В бегстве царевича от бояр, якобы покушавшихся на его жизнь, в их понимании не было ничего невозможного. Так, в рамках самозванческой легенды нечто подобное случилось с царевичем Дмитрием. То же по версии «простецов» произойдет и с Петром III, будто бы намеривавшимся дать вольность крестьянству и потому бежавшим от мести дворян. Отработанные модели, выстроенные по принципу «подобного», воспроизводились снова и снова. И не просто воспроизводились, успешно функционировали. Но, конечно, появление не самозванца, а подлинного, узнаваемого патриарха, которому не нужно было доказывать, что он — это он, представлялось делом еще более выигрышным. Отсюда великий соблазн — заручиться поддержкой самого Никона.

Что же собирались предложить казаки Никону? Согласно источникам, весной 1668 г. к патриарху в Ферапонтов монастырь — место заключения Никона — пришли три казака. Они пообещали опальному патриарху расправиться с тюремщиком-приставом С. Наумовым и далее «звали де ево, Никона, с собою, чтоб с ними шол к Кирилову монастырю. А их де пришло *по него* двесте человек, а есть де готово и 500 человек». После взятия монастыря казаки вместе с монастырской казной, оружием и Никоном собирались идти на Дон.

Трудно сказать, что за казаки появились в Ферапонтове. Были ли они посланы Разиным и его атаманами? Надо заметить, что в этот момент ватаги Разина совершали свой знаменитый поход «за зипунами» и потому едва ли

помышляли о связях с Никоном. Однако оппозиционный запал Дона был столь велик, что его хватало и на «шарпанье» по Каспию, и на Вологодчину, с планами разорения Кирилло-Белозерского монастыря. Косвенно это свидетельствует о силе и глубине брожения, волнами расходившегося от Дона в регионы с развитым помещичьим и монастырским землевладением.

Но что Никон? Насколько он серьезно отнесся к этому предложению? Следом за советскими историками надо признать, что из предложения казаков ничего не вышло. Но было бы большим упрощением свести все к «классовому» неприятию Никоном планов бунтовщиков. На самом деле все сложнее. Предложение изначально было фантастично, и, похоже, Никон, способный на дерзкий, а иногда даже на дерзновенный поступок, осознал авантюренность замысла. Однако для нас здесь существенно другое: важно, что Никон, выслушав казаков, *задумался*. Явились смутные надежды, итогом которых стало *промедление*. Никон не стал сразу доносить властям о разговоре с казаками. В последующем это обстоятельство послужило основанием для серьезного и вполне обоснованного обвинения в «злоумысле». Ведь казаки собирались убить государева служилого человека, а затем взять и разграбить святую обитель.

Сам Никон утверждал, что призвал казаков повиниться и отстать от «воровства». Когда же ему поставили в вину, почему он схватил казаков, то Никон сослался на отсутствие у него людей. С этим тоже не согласились: стрельцов в Ферапонтовом монастыре было достаточно. Но, подчеркнем, все же не это — «прямил» или «кривил» в своих оправданиях старец — существенное: главное и самое показательное — он промолчал. Промолчал, потому что на что-то понадеялся и, уж во всяком случае, стал размышлять о том, как повернуть дело в свою пользу.

Нельзя сказать, что властям ничего не было известно о появлении в 1668 г. казаков у Никона. В сентябре того же года Никон объявил за собой «слово и дело», обвинив своего заклятого врага, боярина Богдана Хитрово, в намерении колдовством «очаровать» Алексея Михайловича. За этим замыслом стояла надежда встретиться с Алексеем Михайловичем, чтобы добиться если не прощения, то возвращения в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Все это, конечно, косвенно свидетельствовало о том, в каком отчаянии пребывал Никон. В 1658 г., безуспешно требуя наказания за свое оскорбление все того же Б. Хитрово, Никон опирался на высокий статус патриарха. Теперь прежнего положения не было, а вот царский фаворит остался тем же «тяжеловесом». И хотя речь на этот раз шла уже не об умалении чести патриарха, а колдовстве против государя, все эти сопутствующие факторы продолжали работать против старца. Так что шансов

свалить боярина практически не было. Но Никоном руководили плохие советчики — обида и отчаяние.

Что касается обвинения Хитрово в колдовстве, то оно было для того времени очень серьезно. Ведовство, чародейство, наговор вызывали равный страх как в низах, так и в верхах общества. В канун Петровских реформ такого рода суеверия не только не уменьшились — они стали гуще и распространнее. Особенно «популярной» стала вера в волшебство, в возможность «порчи», «сглаза», «наговора». Царский двор периодически сотрясали колдовские процессы. Иногда они становились средствами политической расправы, как это случилось с А.С. Матеевым, обвиненным в порче царя Федора. Иногда — следствием вполне искренней веры, точнее суеверия, приправленного большой толикой страха за себя и близких. Так, к примеру, на вершине своего могущества поступал образованнейший человек В.В. Голицын, обвинивший некоего Бунакова в том, что тот «вынимал его княжой след»⁵. До какой степени доходил страх перед чародейством, свидетельствуют крестоцеловальные записи, обязательно содержавшие новеллы не делать никакого «лиха» государю и его ближним. Жесточайшее наказание за «колдовской промысел» предусматривало Соборное уложение. Так что Никон, объявляя за собой «слово и дело», был вполне на уровне времени.

Никону не поверили. Его обвинение провалилось. Но оно потянуло за собой целую цепь событий. Присланный досматривать за Никоном бывший Новоспасский архимандрит Иосиф окончательно расписался в своей неспособности осаживать не в меру ретивого старца. Решено было Иосифа сменить, о чем, собственно, он и сам просил. Ситуация, однако, складывалась так, что с переменой дело затянулось. Тогда архимандрит решил ускорить процесс. В ноябре 1669 г. он обвинил Никона и пристава Наумова в измене — объявил за собой «великое страшное государево слово и дело» и просил взять его поскорее в Москву, иначе его «за такие великия страшныя дела погубят запанапрасно»⁶. 20 ноября 1668 г. приказано было вести Иосифа в Тайный приказ.

В Москве архимандрит и сделал сообщение о появлении весной 1668 г. у Никона донских казаков. Он сам видел двоих, но, по словам Никона, были и другие. Пришли они переодетыми в монашеском платье «и говорили ему: “Нет ли тебе какого утеснения, мы отсюда тебя опростаем”». Никон так-

⁵ См.: *Архангельский А.С.* Образование и литература в Московском государстве конца XV—XVII в. Казань, 1898. Ч.1. С. 20—21.

⁶ *Николаевский П.Ф.* Жизнь патриарха Никона в ссылке и в заключении после осуждения его на Московском соборе 1666 года // *Христианское чтение.* 1886. № 1—2. С. 74; *Бриллиантов И.* Патриарх Никон в заточении на Белоозере. СПб., 1999. С. 40—41.

же доверительно признался Иосифу, что казаки приходили к нему еще в Воскресенский монастырь (!) и предлагали помощь: «Если захочешь, то мы тебя по прежнему на патриаршество посадим, сберем вольницу, боярских людей». Наконец, Никон также поведал Иосифу, что по требованию константинопольского патриарха будет о нем новый собор. О том писал ему иконийский митрополит Афанасий». Он даже показал копию с грамоты Афанасия⁷.

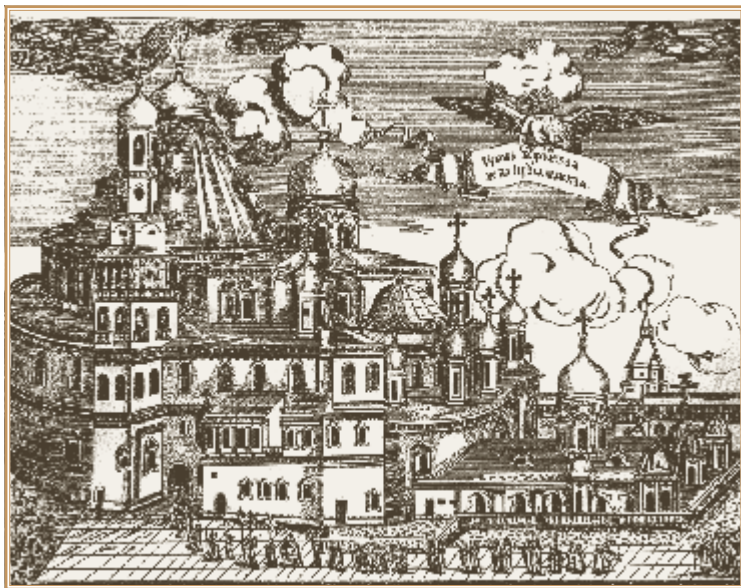
Возможно, кое в чем Иосиф стеснялся краски, но едва ли он мог отважиться на абсолютную ложь. Тем более что его показания — появление казаков — подтверждаются приведенными выше показаниями самого Никона. Примечательно, что Никон предпочел при этом умолчать о намерении казаков вернуть его на патриаршество.

Свидетельство архимандрита проливает свет на те мотивы, которыми руководствовался в эти месяцы Никон. Он, как известно, постоянно отказывался дать полное прощение и благословение Алексею Михайловичу за суд, устроенный над ним в 1666 г. На Пасху 1668 г. он вроде бы сделал важные шаги в сторону примирения с государем, объявив: «Да не до конца вражда наша со благочестивейшим царем пребудет». Но затем, не получив ожидаемого, обвинил Наумова (и, строго говоря, самого Алексея Михайловича) в заурядном обмане — поманили, но не исполнили — и взял прощение обратно. Звучало в письмах Никона это так: «Сказывал мне Наумов, что великий государь пожалует, велит взять меня в Москву скоро; *выманил* (выделено мной. — И.А.) у меня Наумов великому государю и дому его благословение и прощение тем, что государь меня пожалует, велеть из Ферапонтова освободить и все мои монастыри отдаст. Терпел я после того договора год два месяца в заточении и никаких клятвенных слов не говорил; вперед еще мало потерплю, а если по договору ко мне государевой милости не будет, то я по прежнему ничего от государя принимать не стану и перед Богом стану плакать и говорить те же слова, что говорил прежде с клятвою»⁸.

Показания архимандрита свидетельствуют, что, во-первых, «упрямился» относительно прощения Никон не только потому, что надеялся переломить, или, проще, «сторговаться» с царем по формуле: возвращение взамен

⁷ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VI. М., 1991. С. 264–265; Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 265–266; Николаевский П.Ф. Указ. соч. С. 75–76.

⁸ Николаевский П.Ф. Указ. соч. С. 73–74; Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследования и тексты. М., 2007. С. 334.

Воскресенский собор Новоиерусалимского монастыря. Гравюра XVIII в.

прощения. Он также полагался на заступничество вселенских патриархов. Не тех, кто его судил, а тех, кто ему сочувствовал⁹.

Во-вторых, Никону несомненно льстило народное сочувствие. Страдательная роль вообще была по сердцу всем ревнителям, и тем, кто ушел в раскол, и тем, кто остался в «никонианской» церкви. Быть поборником веры — это, конечно, хорошо. Но уподобиться первым христианским святым и даже апостолам, пострадать за веру — это уже было нечто такое, что выходило за пределы желаемого. В 1653 г., с началом церковных реформ, протопоп Неронов объявил своим сторонникам: «Престало время страдати». И они стали страдать по полной и даже через край, демонстрируя небывалую силу духа и верности святорусской старине. Теперь пришел черед Никона, не столь, впрочем, ужасный в сравнении с участием многих расколуучителей. Но и ему крепко перепало...

Мученичество всегда притягивало низы. А раз Никон был травим боярами, то в низах не сомневались — он пострадал за веру и правду. Заступник. В понимании казачества именно такой пастырь им был нужен. А все, кто против — неуютны. В свое время среди прочих обвинений, предъявленных разинцами астраханскому архиепископу Иосифу, фигурировало его

⁹ Действительно, бывший константинопольский патриарх Парфений IV в мае 1668 г. призывал Тишайшего вернуть Никона в Воскресенский монастырь: «Не медли, царь, молю тебя, но как можно скорее дай освобождение Никону». Грамота пришла 20 февраля 1669 г., уже после окончания розыска по извету архимандрита Иосифа. См.: Гиббелет П. Исследования о деле патриарха Никона. СПб., 1884. Т. 2. С. 1117.

участие в суде над Никоном. Как известно, архиепископ Иосиф в итоге пал жертвой расправ, учиненных казаками. С другой стороны, молчание пастыри, безучастно наблюдающей за страданиями безвинного пастыря, должно обернуться бедами. Средневековая концепция божественного воздаяния по типу «безумного молчания» Авраамия Палицына побуждала именно в таком ключе интерпретировать действительность. Так, когда в Москве в 1668 г. случились большие пожары, польский посол писал в Варшаву о толках в народе относительно причин несчастья. Оказывается, пожары — наказание за низложение патриарха¹⁰. При таком восприятии Никон поневоле становился неким символом протеста для всех недовольных.

Дело, инициированное архимандритом Иосифом, разрасталось. В декабре монах Пров, по какой-то причине вызвавший гнев Никона, в отместку объявил за собой «слово и дело». Он тотчас был отправлен в Тайный приказ, где был не просто допрошен, а допрошен с пристрастием¹¹. Под пыткой Пров поведал следующее: когда старец Мардарий¹² явился от Никона с письмом в Москву (речь шла об обвинении Хитрово в намерении «очаровать» Алексея Михайловича), то он ему признался: этим патриарху «боярам не досадить», «разве самому уйтить из Ферапонтова монастыря к Москве тайно и говорить народу, что он, Никон, стражел безвинно, а из Ферапонтова, де, монастыря уйтить ему мочно, караул худ». Доказательство «худости» сторожей — бегство из патриаршей кельи старца Виктора, отправленного тайно в столицу. Того хватились в монастыре только через 8 дней!¹³

Обращает внимание, что и казаки, и люди из окружения Никона говорили о бегстве из монастыря. Одни — на Дон, другие — напрямик в Москву. Едва ли сам Никон всерьез рассматривал подобное предположение — возраст и положение сильно ограничивали его, не говоря уже о последствиях в случае неудачи. Похоже, однако, что он размышлял над предложением казаков в другом ракурсе, озвученном Мардарием: как бы «досадить боярам». Но казацкий призыв все же был для Никона слишком радикальным: он хорошо понимал, во что может вылиться это самое «досадить» в исполнении вольного казачества. Но и от возможности с помощью казаков «досаждать» недругам не отказывался. Во всяком слу-

¹⁰ Зызыкин М.В. Указ. соч. С. 198.

¹¹ Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни...». С. 264.

¹² Старец Мардарий, между прочим, был молодым человеком, из поляков, которого Никон держал при себе, по-видимому, для разного рода тайных посылок. Пристав Наумов характеризовал его как опасного и «непостоянного человека», который легко может с письмами от сопровождавших его стрельцов уйти.

¹³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 140а. Ч. 1. Л. 121–122а.

Вид Ферапонтова монастыря. Рисунок 1835 г.

чае, не порвал с казаками, дал *надежду*, вероятно полагаясь на русское авось — авось пригодятся.

Как ни странно на первый взгляд, инспирированные и Никоном (колдовство Хитрово), и архимандритом Иосифом (связи с казаками) дела окончились без видимых последствий. Главная причина кроется в настрое Алексея Михайловича. Царь предпочел ограничиться внушениями. 3 марта 1669 г. умерла царица Марья Ильинична. С печальным известием в монастырь отправляется Родион Стрешнев. С ним была послана царская милость — 500 рублей денег. Никон отказался взять деньги, объявив, что он «у вас, государей, не наймит». При этом он добавил, что совершит поминовение по усопшей и без платы, по долгу святителя и «за многую ее милость прежнюю».

В разговорах со Стрешневым Никону пришлось оправдываться за связи с донскими казаками. Патриарху удалось перевести разговор в иное русло: Никон предрекает новые беды. Для большего впечатления он преподносит свои «прогнозы» в виде пророчества, ниспосланного ему свыше: «...Я ему (Родиону Стрешневу. — И.А.) о представлении царевича Алексея Алексеевича и о разорении козацком (восстании Степана Разина. — И.А.), чему быть, назначил, а мне это было объявлено от господа Бога»¹⁴.

Надо заметить, что Никон любил пророчествовать. Субъективно для него это было, по-видимому, явственное доказательство собственной избранности¹⁵. В первые годы общения с царем пророческие видения архие-

¹⁴ Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие... С. 464; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 265.

¹⁵ Первушин М.В. Пророчизм в жизни патриарха Никона. <http://do.gendocs.ru/index-225237.html>

рея производили сильное впечатление на Алексея Михайловича. Однако ко времени ссылки патриарха второй Романов давно перестал верить в эти предсказания. Так, когда в декабре 1664 г. неожиданно приехавший в Кремль Никон объявил о своем возвращении на патриарший престол, потому что был зван к тому посланным «ангелом бела», то в ответ услышал скорее не гневную, а насмешливо-издевательскую отповедь: то, должно быть, к нему явился во сне не ангел «бела», а «ангел черна». В 1669 г. пророчество о грядущих бедствиях тем более не произвело впечатление. Когда же восстание действительно случилось, то «расшифровка» Никоном задним числом своего пророчества (декабрь 1671 г.) могла вызвать у Алексея Михайловича только приступ негодования. Стало ясно, что встречи Никона с казаками были не столь безобидны, что отставной монах кое о чем догадывался и кое-что утаил из того, что ему поведали «воровские казаки».

Происшествия 1668–1670 гг. сильно подкосили Никона. Он заметно сдал. По признанию старца, он «оцынжал и одряхлел», левая рука отказала. В иные дни болезнь и старость подступали так, что Никон не надеялся более подняться¹⁶. Никон ослабел не только физически, но и духовно. Мы уже не встречаем в нем то упорство, с каким он прежде отстаивал свою Правду. Сказанное не в укор старцу. С возрастом патриарху просто стало не хватать жизненных сил противостоять всем невзгодам. Истаяли его надежды на царя, вроде как обещавшего вернуть его в Воскресенский монастырь, но не сдержавшего слова, на вселенских патриархов, заступничество которых не принесло успеха.

Весной 1670 г. донцы осуществили задуманное и опрокинулись со всей своей мятежной силой на Московское государство. Естественно, первое время, пока бунт был в разгаре, властям было не до Никона. Но он понимал, что о его связях с казаками обязательно вспомнят, а вспомнив, припомнят. Это страшило узника, тем более что к осени наступил перелом и следовало ожидать масштабных расследований и пристрастных допросов плененных «воров».

В январе 1671 г. Алексей Михайлович вступил в брак с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Подобные события в царской семье обыкновенно сопровождались щедрыми милостями. С радостным известием от царя в Ферапонтово прибыл стольник Ларион Абрамович Лопухин. Он привез подарки — 700 рублей денег, меха на шубы, сукно и пр. Никон на этот раз дары принял и ответил благодарственным письмом: «И паки Бога молю за

¹⁶ См.: Николаевский П. Указ. соч. С. 80; Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни...». С. 272.

вас, государе, многогубо...»¹⁷ Тон был подобострастным — чувствуется, что на душе патриарха непокойно.

12 мая 1671 г. последовала еще одна перемена — указано было стольнику князю Самойлу Никитичу Шайсупову сменить Наумова. Новое назначение пришло в самое время. Наумов с Никоном были к этому времени на ножах. Никон ничего не спускал пристава и обо всем доносил в Москву. Так, когда в Ферапонтово пришло известие о смерти царевича Алексея, Наумов, по отписке патриарха, торжествовал: «На Москве кручина, а у нашего боярина радость» (слова пристава передали патриарху слуги Наумова). Здесь же и причина торжества пристава: Наумов был уверен, что Никон надеялся на царевича, а ныне надежда «погибла». Уж теперь «колодник кротче будет!»¹⁸

Наумов догадывался о содержании грамоток «колодника» и, в свою очередь, подозревал его в самых ужасных намерениях. При этом он опасался, что с него спросят за все прежние послабления и промахи в отношении Никона, особенно если узнают, что он не воспрепятствовал контактам старца с казаками. Теперь, усердствуя, Наумов приставил крепкий караул к Никону и выставил по всем дорогам заставы — хватать подозрительных людей. Когда на Светлую неделю в мае 1671 г. Никон вкопал у кельи дерево с доскою и начерченным на ней крестом, мнительность пристава дошла до паранойи: Наумов принял сооружение за какой-то тайный знак и собственноручно отодрал доску. Затем он потребовал от Никона разъяснение. Что ответил патриарх, мы узнаем из более позднего расспроса в Москве стрельцов. Те поведали: поскольку Никона лишили возможности ходить с крестами в седмицу, то он велел поставить дерево с крестом — смотреть в оконце и радоваться Христову Воскресению¹⁹. Похоже, Наумова такое объяснение не устроило. Следом за доской снесли и дерево.

Но обеспокоенность пристава не шла ни в какое сравнение с тревогой Никона. Он ждал для себя новых бедствий. Это ожидание выводило его из себя, делало вспыльчивым и раздраженным. Никон то грозился стрельцам, будто бы беспокоивших его своими ночными бдениями под окнами кельи: «Ушыбу... дождався ночи кирпичем до смерти»; то выспрашивал, по словам Наумова, у своих старцев про Степана Разина, заверяя, что в случае пленения атамана никаких писем у него не найдут²⁰. Признание многозначительное и, хотя прозвучавшее из уст старцев, едва ли ими придуманное.

¹⁷ Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие... С. 459.

¹⁸ Цит. по: Николаевский П. Указ. соч. С. 83.

¹⁹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 140а. Ч. 1. Л. 204–205.

²⁰ Там же. Л. 187а–188; Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие... С. 479.

Между тем в Москве заваривалась крутая каша. Если бы Никон знал про нее, испугался еще сильнее. Возможно, когда-то Никон и подумывал о том, чтобы с помощью казаков получить для себя какие-то выгоды. Возможно, даже кое-что сделал в этом направлении. Но в конечном итоге из этого ничего путного не получилось. Зато получилось у казаков. Без самого Никона, но с его именем. Оно было задействовано по полной. «Участие» низложенного патриарха в бунте придало движению больший размах, а участникам — уверенности в справедливом характере выступления. То не «гиль» и «не скоп», раз с ними царевич и патриарх, а всенародное наказание тех, кто «мир выедаёт» и неправду по земле сеет. Царевич и патриарх своим «присутствием» давали санкцию на выступление, изначально «реабилитировали» гилевщиков перед Богом и царем.

Прелестные грамотки Разина и его атаманов содержали набор обязательных аргументов, призванных рассеять последние сомнения и колебания. Так, сын боярский С. Невежин в расспросе поведал: «Да он же, Савелей, слышал в Ламовском уезде от мужиков, что пришла от вора Стеньки Разина ево воровская грамота, чтоб де черные люди крест целовали государю царевичю Алексею Алексеевичю и батюшку нашему; а называют де они батюшкой бывшего Никона патриарха»²¹. Призывы верно «служить царевичю да патриарху Никону, да Стеньке Разину и за них битца» звучал набатно во всех местах. «А малоумные люди, — писал по поводу подобных обращений один из воевод, — все то ставят в правду, и от того пущая беда и колебание в людях»²².

Отмечены были случаи целования креста «царевичу и великому князю Алексею Алексеевичю... и бывшему патриарху Никону, только де выведем помещиков да в городех воевод и приказных людей, а черных, де, людей он, Стенька, не ворошит»²³. Существуют, наконец, известия, что даже на знаменах восставших будто бы были изображены Алексей и Никон²⁴.

Таким образом, вне зависимости от личного отношения к Никону, в верхах должны были понять, насколько взрывоопасной оставалась история с Никоном и как просто это имя могло объединить антиправительствен-

²¹ Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. № 92. С. 109.

²² Цит. по: *Бриллиантов И.* Патриарх Никон в заточении на Белоозере. С. 41–42.

²³ Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. Т. 2 Ч. 1. № 203. С. 246; М., 1957. Т. 3. С. 356, 358–359; *Севастьянова С.К.* Эпистолярное наследие... С. 479, примечание.

²⁴ См.: *Руцинский Л.П.* Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М., 1871. С. 158–159.

Степан Разин. Немецкая гравюра 1670 г.

ные элементы. Пренебрегать этим было никак нельзя²⁵. К подобным соображениям у Алексея Михайловича добавлялось еще одно, сугубо личное. Ему важно было знать, в какой мере бывший «собинный друг» причастен к бунту. Как ни парадоксально это звучит, но чем больше Никон мог быть повинен в смуте, тем, похоже, свободнее чувствовал себя Тишайший. «Измена» Никона облегчала нравственную тяжесть от дела Никона.

Развязка была быстротечной. Пленного Степана Разина привезли в Москву 23 мая 1671 г. Утром 24-го начались допросы. Вечером был оглашен приговор — четвертование. Но казнь отложили до 27 мая²⁶. Причина — неудовлетворенность Алексея Михайловича тем, что удалось выяснить в ходе короткого дознания. Тишайший сам сформулировал для Разина несколько вопросов. В них царь не вдавался ни в выяснения причин выступления, ни целей мятежников. Здесь все для него исчерпывалось одним словом «воры». Зато он хотел знать провинности знакомых ему лиц, в частности Никона.

Царские вопросы были следующие: «За что Никона хвалил, а ныне шеваша²⁷ бесчестил?» Иначе говоря, царь пытался понять причины популярно-

²⁵ Любопытно, что за границей в связях Никона с разинцами не сомневались. Так, в «Голландском Меркурии» за 1671–1672 гг. сообщали, что судьи «хотели еще обвинить бывшего патриарха Никона в том, что он будто бы был подстрекателем Разина». См.: Иностранные известия о восстании Степана Разина... С. 129.

²⁶ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 130–131.

²⁷ То есть патриарха Иоасафа II.

сти Никона среди казаков. Не потому ли, что Никон что-то обещал или к чему-то призывал казаков?

Следующий вопрос: «За что вселенских хотел побить, что они по правде извергли Никона?», то есть лишили вселенские патриархи Никона сана по его винам, но Степан Разин их собирался «побить»? Почему? Не причастен ли к этому Никон, подбивая атамана к столь преступному умыслу?

Следующий вопрос был поставлен с истинно жандармской ловкостью, какую было даже как-то трудно ожидать от Алексея Михайловича. Никон, конечно, будет уверять, что с ворами не состоял в переписке. Царь в сомнении: Разину предложен вопрос, в ответе на который можно ненароком *проговориться*: «И што он к ним (то есть Никон — казакам и Степану) приказывал?» Ведь если скажет, что «приказывал», значит, писал и был сговор!

Наконец последний вопрос — прямо в лоб: «И старец Сергей от Никона по зиме нынешней пришедшей приезжал ли?»

Об ответах Степана Разина известно из обвинения, прозвучавшего в адрес патриарха в 1676 г., уже после смерти Алексея Михайловича. Тогда недругам патриарха нужно было обнародовать его новые «вины», чтобы упрятать опального патриарха за крепкие стены Кирилло-Белозерского монастыря. Тогда-то вновь и выплыла история с казаками. «Как де Стенька Разин привезен к Москве, и в то время в роспросе у пытки... сказал, — повествует новое обвинение, — приезжал к Синбирску старец от него, Никона, и говорил ему, чтоб ему итти вверх Волгою, а он, Никон, в свою сторону пойдет для того, что ему тошно от бояр; да бояре же переводят государские семена». Этот старец от Никона (старец Сергей. — И.А.), кроме того, будто бы поведал Разину, что у Никона готовы пять тысяч человек. «И тот старец на бою был, исколол своими руками сына боярского при нем, Стеньке».

О появлении старца с пытки также говорили брат Разина Фрол и есаул Лазарь Тимофеев. «А для чего приходил, того не ведает. А от Стеньки слышали всем войском, что старец от Никона был с теми словами, что писано выше сего», — разъяснил есаул Тимофеев²⁸.

Никон наотрез отказался подтвердить показания Разина и его подельников. Должно быть, в 1671 г. Алексею Михайловичу очень хотелось выяснить, насколько правдивы показания разинцев. Но для этого надо было продолжить розыск. Топор палача оборвал жизнь Разина, а с ней и ниточку,

²⁸ Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 3. № 288. С. 356.

могущую, быть может, дотянуться до Никона. Допрашивать же Никона тогда Тишайший не стал — предпочел остаться в положении милосердного обвинителя, будто бы знающего все, но не договаривающего до конца.

Оставался, впрочем, еще один путь — выявление неоспоримых доказательств вины — писем Никона. Сумевший на несколько лет оттянуть свою казнь брат Разина Фрол поведал о каких-то важных бумагах атамана, закрытых на одном из островов Дона под вербой²⁹. По наводке обвиняемого заветный горшок с бумагами искали — не нашли. Так в объятии корней вербы навсегда остались похоронены самые потаенные секреты грозного атамана.

Но вернемся к ответам Разина. В сказанном им едва ли можно обнаружить что-то такое, что не мог произнести Никон. Он и в самом деле смотрел на бояр, как на своих непримиримых недругов. Во фразе от «бояр тошно» так и слышится его голос. Обвинение бояр, изводящих «государевы семена», также могло прозвучать в общении Никона с казаками. Но прозвучало ли оно на самом деле или было ему приписано Разиным — сказать трудно. Подобные обвинения широко бытовали среди «простецов», пытавшихся в рамках обиденного сознания объяснить причины неожиданной убыли в царском семействе. Объяснение вполне укладывалось и в понимание Никона.

Но если в том, что было произнесено или приписано Никону, нет ничего необычайного, то в «способе» общения с казаками — сплошные неясности и вопросы. Существовал ли на самом деле посланец Никона, некий старец Сергей, о котором говорили Разин и два его товарища? К тому же проявлявший несвойственную окружению Никона прыть — на глазах Разина заколоть государева служилого человека. Вообще, слово «старец» не должно смущать читателя. Это совсем не обязательно пожилой, немощный человек. Мы уже отмечали, что у Никона были люди, нужные для разного рода пересылок. Но вот посылал ли Никон кого-то к Разину? Уже одно то, что будто бы от имени патриарха передает атаману Сергей, невероятно: будто Никон выступит навстречу восставшим с пятью тысячами человек. На самом деле у Никона не то что не было и сотни сторонников — сомнительной оставалась сама идея выбраться из Ферапонтова. Посланец Никона, скорее всего, очередной вымысел, своеобразная вариация на тему само-

²⁹ Фрол Разин рассказал, что брат спрятал засмоленный кувшин с «воровскими письмами» на одном из островов Дона. Письма же «к нему присыланы откуда ни есть, и всякие ... то все брат его, Стенька ухоронил в землю, на Дона на острове под вербою». См.: Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина... Т. 3. № 85. С. 94.

званства, возможно, затеянная атаманом: раз доверенное лицо Никона с нами, то и Никон уже почти здесь³⁰.

Можно предположить, что в расспросе Разин повторил то, что ему было известно от приходивших прежде к патриарху казаков. Итог этих встреч — и в Ферапонтове в 1668 г., и ранее в Воскресенском монастыре — был таков, что Разин мог зачислить Никона в число *сочувствовавших* его намерению «вывести» из царства бояр-изменников. Об этом атаман и твердил с самого начала выступления, естественно делая акценты на том, на чем Никон никогда бы акцента не сделал. Утверждение есаула Тимофеева, что все войско от атамана слышало те же слова Никона, «что писано выше сего», есть слова о «переводе» боярами царского семейства, то есть об их несомненных и очевидных «изменах».

Чтобы уточнить картину, прибавим к этому еще толки и разговоры в стане восставших. Так, московские стрельцы, попавшие в свое время в плен к Разину, а затем освобожденные, в расспросе поведали, что «Никон де патриарх к Стеньке Разину на Дон писал, чтобы он, Стенька, собрався с воровскими казаками, шол на бояр к Москве; а его де, Никона, бояре согнали с Москвы напрасно». По-видимому, это еще одна из вариаций слов, приписываемых Никону. Повторимся, казаки связывали с Никоном большие надежды: те же стрельцы рассказали, что «многажды» слышали, что казаки «меж собою говорят и похваляют бывшего Никона патриарха, что де он, Никон, будет на Москве патриархом по-прежнему, так де и все будет смирно. И пришед де он, вор Стенька, к Москве, и бояр и всяких начальных людей побьет; и ево де, Никона, возьмут и посадят на Москве

³⁰ Темная история со старцем на самом деле и не такая темная. В 1672 г. черный поп Кирилло-Белозерского монастыря поведал про некоего старца Виталия, который промышлял в отрядах восставших. Вернувшись в обитель, он стал сманивать Ивана идти в Вологду. Можно ли отождествить этого старца со старцем Сергием — сказать трудно, если невозможно. Но показателен прецедент. О положении Никона в Кириллове все были осведомлены настолько, что вполне могли для повышения собственного статуса выдать себя за его посланца (См.: Летопись занятий Археографической комиссии. 1861. Вып. 1. Протоколы. С. 32). Этим ситуация не исчерпывается. В ночь на 26 июня 1669 г. из кельи Никона, «выломав доску в выходе», бежал «пришлый дьячек Сенька, который жил при патриархе без государева указа больше года (!). Беглец исчез, «а с каким умыслом тот дьячек Сенька отпущен от старца Никона, про то нам неведома», — добавил в своей отписке Наумов. Едва ли можно сомневаться в том, что этот Сенька пользовался доверием патриарха и, при желании, мог без «санкции» последнего выдать себя за патриаршего посланника. Гадать в этом случае бессмысленно. Показательно другое — широкие возможности для разного рода авантюр, которые многие могли подкрепить действительным общением с Никоном в ссылке. См.: О пребывании патриарха Никона в заточении в Ферапонтове и Кириллове Белоозерских монастырях по актам последнего и описание сих актов // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. С. 155–156.

Скит патриарха Никона под Новоиерусалимским монастырем. Гравюра XIX в.

на потриаршество по прежнему... А нынешнего потриарха бронят они... матерны»³¹.

Осмелился ли Никон пойти дальше сочувствия и надежды на то, что казаки накажут бояр, от которых ему «тошно» и которым надо, по словам Мардария, «досадить»? Заявление разинцев, что патриарх писал к атаману и призвал его идти на Москву, сродни с утверждением разинцев, что вместе с ними плывут наследник престола царевич Алексей и патриарх Никон. То был прием, типичный для разного рода антиправительственных выступлений. Мифы и стереотипы традиционного сознания, чтобы воздействовать, должны были обретать материальные формы: слово ложиться на бумагу, «правда» облачаться в «прелестные грамотки», знаковые имена — в конкретных людей. Все это дает весомые основания утверждать, что многое было «придумано» и разыграно восставшими. Сам же Никон не должен был идти дальше разговоров и сочувствия. Вот только как в этом случае забыть о его признании, которое поведали келейные старцы? О том самом, в котором Никон утверждал, что писем (*его* писем?) у Разина не найдут! Что здесь: радость по поводу собственной осмотрительности, когда он ограничил себя разговорами, но не писаниями? Или внушением, что, несмотря ни на что, все обойдется?

Надо признать, что вопрос о «пересылках» Никона с казаками остается открытым. Склоняясь к тому, что все же какие-то контакты до начала вы-

³¹ Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. Т. 2. Ч. 1. № 22, 37.

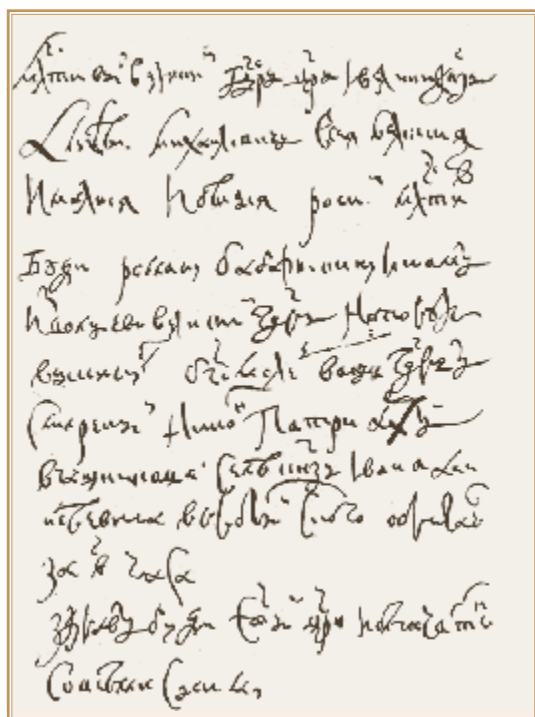
ступления были, однако определить их характер довольно сложно. В любом случае, наивно искать в поведении Никона отражение некоего социального протеста. Его заинтересованность была вызвана причинами сугубо личными. Но они все же несколько сложнее, чем просто вражда к боярству. Сюда еще примешивается обида на второго Романова. В первые годы своего заточения Никон пытался отстоять принципиальный характер столкновения. Так что в его общении с казаками есть потаенное желание доказать свою необходимость: если казаки так ратуют за него, значит, только он способен унять бунтовщиков, подобно тому как это было сделано им в Великом Новгороде. Или другой довод: пока он был патриархом, на Украине измен не было. Все это вкупе свидетельствует о весомости потери, понесенной государем из-за того, что он пошел на поводу бояр и осудил патриарха.

В 1671 г., не обнаружив явных улик, Алексей Михайлович прекратил следствие. Это спасло ферапонтовского узника от больших неприятностей. Но в начале года Никон еще не был уверен, что все обошлось. Поэтому он решает упредить события. Вот почему в разговоре с только что приехавшим новым приставом он сам заводит разговор о появлении в монастыре казаков. При этом он подчеркивал, что они пришли к нему с ведома Наумова и что он решительно отклонил все их предложения, призвав отстать от «воровства», после чего казаки «пропали неведомо куда». Шайсупов тотчас донес в Москву об этом разговоре.

Никон, по-видимому, ждал ответной реакции, но ничего не происходило. Москва молчала. Между тем многочисленные стеснения в режиме, который ввел Наумов с началом бунта Разина, сохранялись. Причина проста: ни старому, ни новому приставу не был дан наказ, как обходиться с Никоном. Это было сделано намеренно. Им следовало руководствоваться устными распоряжениями, суть которых — заставить старца дать прощение государя. При отъезде в июне 1671 г. Наумов рассказал Шайсупову о письме, которое прислал ему сын Иван (Никон узнал эту историю от самого Шайсупова). Того призвал к себе сам Алексей Михайлович и приказал написать отцу, чтобы тот поставил около кельи Никона «караул крепкой». «И я, потому, — пояснил Наумов своему сменщику, — и караул крепкой держал»³². Получалось, что сердобольный Алексей Михайлович придерживался двойных стандартов. Одной рукой он изливал на Никона милость, другой крепенько придавливал его, оставаясь как бы в стороне от всего происходящего в Ферапонтове.

Никон подозревал нечто подобное, но держался и не уступал государю. Однако после смены приставов, когда рухнули надежды на послабления,

³² Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие... С. 472.

Письмо патриарха Никона царю Алексею Михайловичу. 1669 г.

патриарх не выдержал. В декабре 1671 г. он послал обширное покаянное письмо, в котором признавал за собой многие вины и просил прощения. С патриаршества, писал Никон, «я сошел без твоего, великого государя, указу»; дерзил, хотя и без злого умысла: когда, к примеру, отказался после смерти царицы Марии Ильиничны принять милость от царя, то все потому, что «за великою скорбью» по царице и «деткам... обезпамятовался». Тем не менее канон пел и поминает «до днесь незабытно»³³.

Письмо остудило Алексея Михайловича. До сих пор Никон ни разу не признавал, что он был «ради всех моих вин... отвержен» по заслугам. Умило-стивило цареву сердце и описание бедственного положения монастырско-го затворника. Наконец, Никон просто разжалобил Тишайшего: извиняясь за неразборчивый почерк, он писал: «О писме, великий государь, не покручинься, Господа ради, что худо и не исправлено. То и черное и белое (то есть и чистовик, и черновик. — И.А.), а се мало вижу»³⁴. Здесь Никон не лукавил: годы не щадили могучего старца.

В середине января 1672 г. в Ферапонтов монастырь приехали стрелецкий голова Ларион Лопухин и подьячий Тайного приказа Артемий Степа-

³³ Там же. С. 462–466.

³⁴ Там же. С. 466.

нов. Первые слова приветствия, должно быть, вызвали вздох облегчения у Никона. Старец был назван «святым и великим отцом». Понятно, что подобное обращение приезжие могли произнести только с разрешения государя. Но без ложки дегтя не обошлось. Алексей Михайлович через своих посланцев не упустил возможности выговорить Никону: «Ты говорил приставу Шайсупову о приходе к тебе при Наумове донских казаков; объяви, кто на Вологде хотел начать кровопролитие; ты это знаешь, вор Ильюшка шел из Галича от тех мест недалеко; да и вор Стенька Разин... показал, что приезжал к нему под Симбирск старец от тебя и приглашал его идти вверх Волгою, а ты с своей стороны пойдешь к нему, потому что тебе тошно от бояр, они переводят государевы семена; и что у тебя есть наготове для того на Белоозере 5000 человек... Все пророчества о смуте, какие ты передавал Шайсупову, как Божие тебе извещение, узнавал ты не от Господа Бога, а от воровских людей, которые к тебе приезжали; нужно думать, что и смятение и кровопролитие произошли от них. Если бы ты хотел делать добро по заповедям Христовым, то ты об таком великом деле не скрыл бы и тех воров казаков... велел бы схватить...»³⁵

Никон был уличен во лжи. Напомнив про якобы поведенное ему свыше предсказание о скорых бедствиях, Лопухин резюмировал: во-первых, «то ево гадание противно господу Богу и христианскому жительству, для того что впред будущее, кроме его божия смотрения, ведать некому, и в христианском законе святыми отцы отречено». Во-вторых, после того, как он сам рассказал Шайсупову о приходе к нему трех казаков, очевидно, что «то дело ему стало ведомо от тех воровских людей». Иначе говоря, все его предвидение — заурядный обман. В итоге Лопухин охарактеризовал поступок Никона как «зломыслие»³⁶.

Никон по своему обыкновению попытался оправдаться. «О смуте на Вологде и о Разине я ничего не знаю: три казака... передавали только о том, что по указу государя они посланы на Невль, велено устроить их землями, но они жить так и пахать землю не привыкли, государева жалованья и корму им не было, и они теперь идут искать себе воли». Наумову о них он не донес потому, что они сказывали про свое многолюдство: «Я боялся, чтобы смуты не учинить, а оборониться от них было нечем»³⁷. Про них же он писал царю и говорил архимандриту Иосифу. Родиону Стрешневу он ниче-

³⁵ См.: Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина... Т. 3. № 288. С. 355–356; Николаевский П. Указ. соч. С. 83–84.

³⁶ Встречается еще более жесткая формулировка выговора Никону: «И то ево злое начинание к великому государю и ко всему Московскому государству, а не доброходство».

³⁷ Николаевский П. Указ. соч. С. 85–86.

го не пророчествовал. Речь шла о другом: по смерти царевны (Анны) будет другая беда не меньше, а «после нее еще хуже будет, так открыто мне от Господа Бога; а я говорил эти слова сердито, досаждая государю; князю же Самуилу Шайсупову (в 1671 г. — И.А.) говорил о смерти царевича и смуте от казаков уже прямо, потому что это уже совершилось на деле»³⁸.

Как отреагировали в Москве на неловкие попытки Никона оправдаться (ведь теперь он уже утверждал, что вовсе не пророчествовал) — неизвестно. По сути, дело закончилось царским выговором, выставившим Никона лжецом. Затем вроде бы все унялось и имя Разина в последующие годы всплыло только один раз по инициативе самого патриарха. В марте 1673 г. в письме царской семье Никон упомянул об инциденте со стрельцами, которые обвинили его в намерении отправить старца Мардария с каким-то «воровским письмом». «А у меня воровского писма никуды не посылавано и нигде не объявлялось, — писал Никон. — А слышал я, что была такая речь в народе, будто я с вором Стенькою Разиным списываюся, и сам будто я у него бываю. В то время от пристава Степана Наумова немилосердия и свету мало днем видял. А болши всех про то дело тебе, великому государю, ведомо»³⁹. Трудно сказать, что побудило Никона вновь затронуть опасную тему. Но, напоминая царю, что, будучи в застенке, он связаться со Степаном Разиным никак не мог, Никон невольно вел себя как вор, у которого шапка горит на голове.

Надежды Никона, что со временем казацкая история будет предана полному забвению, не сбылись. Смерть Алексея Михайловича, этого царственно-гонителя-заступника Никона, развязала руки его недругам. Если опальному патриарху было «тошно от бояр», то и боярам было не менее «тошно» от Никона. В отличие от Тишайшего, они не собирались прощать старца. Объявляя в июне 1676 г. Никону о переводе в Кирилло-Белозерский монастырь, его новый «надзиратель», архимандрит Чудова монастыря Павел, напомнил: «Ты же совет имел с ворами и изменниками Московского государства с единомышленниками Стеньки Разина, которые тебя звали в Кирилов монастырь на Волгу. А вор Стенька Разин с пыток говорил, что ты к ним чернеца на такое зло и совет и чернца присылал в Синбирск».

Никон, естественно, отклонил все обвинения, повторив прежнее: «Которые де казаки у него были, и тех де казаков присылал к нему Степан Наумов с стрельцами, а с кем имяны, того не упомнит. А говорили де ему те воровские казаки: есть де у них в сборе человек с 200 и болши в Белозер-

³⁸ Николаевский П. Указ. соч. С. 86.

³⁹ Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие... С. 477.

скому уезде, а какие люди и где стояли, того ему не сказали; а изымать де ему было тех людей нечем. А к Разину де к Синбирску старца никакова не посылавал и про 5000 человек людей не приказывал, и вверх Волгою Разина звать не веливал»⁴⁰. Попытка оправдаться не могла принести успеха. Никона никто не желал слушать. И патриарх Иоаким, и бояре на этот раз надеялись поквитаться со строптивым старцем за все сразу и навсегда, затворив за каменными стенами Кирилло-Белозерской твердыни.

История контактов патриарха Никона с казаками показательна во многих отношениях. Перед нами яркий пример функционирования сознания «простецов», мобилизующих все аргументы для оправдания своего начинания. Никон в этом смысле был фигурой во всех отношениях подходящей. Как гонимый боярами пастырь своим соучастием благословляющий и, следовательно, легализирующий выступление. Любопытен и Никон, не спешивший донести о сделанных предложениях. Он все еще надеялся настоять на своем, не выпрашивая и не дожидаясь царской милости, а вынуждая пойти ему навстречу. Это было в его духе — добиться, настоять на своем, пускай не мытьем, так катаньем! Похоже, что рамки «личного» сопротивления Никона царскому гневу были шире того, что принято представлять. Старец не прочь был воспользоваться ситуацией — выступлением казачества. Складывалась по-своему своеобразная ситуация. Никон вроде как не провоцировал казаков. Но энергично не удерживая и не выдавая их замыслы, он, по сути, их... провоцировал.

Бывают без вины виноватые. Но это, похоже, не совсем тот случай.

⁴⁰ Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина... Т. 3. № 290. С. 258–259; Дело патриарха Никона. СПб., 1897. № 100. С. 369.

Ключевые слова:

дело патриарха Никона; восстание Разина

Igor L. Andreev

ON HOW THE COSSACKS URGED PATRIARCH NIKON INTO REVOLT

he theme of Patriarch Nikon's involuntary participation during the last years of his life in the Stepan Razin rebellion is the leading one. The author highlights the problem of the uprising analysing the formation of the principals, mechanics and configuration of the revolt in terms of particular personalities' interest (Nikon), as well as its benefits for certain social groups (Cossacks). Various levels of confrontation appear to be connected, though the outcome differs greatly.

Андреев Игорь Львович

кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Московского государственного педагогического университета

С. В. Думин

РОДОСЛОВНАЯ КНИГА РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА

одословная книга Российского Императорского Дома впервые упоминается в 1797 г.

Разумеется, имена царей и императоров, их супруг, цариц и цариц, великих князей и великих княжон и прежде фиксировались в официальных документах, демонстрируя их принадлежность к царствующему дому; их поминала в своих молитвах Русская православная церковь, они, как и члены иностранных владетельных родов, перечислялись в современных официальных справочниках, в том числе и российских.

Но после 1797 г. в русском официальном делопроизводстве появляется принципиально иной справочник по генеалогии царствующей династии, тесно связанный с окончательно оформленным тогда Законом о престолонаследии.

Как известно, император Петр I указом 5 февраля 1722 г., в отступление от вековых традиций (*«от обычая старого, что большому сыну наследство давали...»*), установил право государя избирать себе наследника по своему усмотрению, даже не из числа членов

династии¹. Не реализованное им самим (император умер, не успев назначить преемника), это установление внесло хаос в русское престолонаследие и стало одной из предпосылок череды дворцовых переворотов.

Правнук Петра, будущий император Павел I, сознавая пагубность произвола в выборе наследника, еще в 1788 г., в бытность великим князем, вместе с женой великой княгиней Марией Федоровной составил и подписал акт, в котором установил, что российский престол должен переходить от отца к сыну — старшему, а в случае его смерти без потомства — к следующему сыну и его потомству, и только при отсутствии мужского потомства — к потомству женскому. При коронации в Успенском соборе в Москве 5 апреля 1797 г. Павел I торжественно огласил этот акт, впервые даровав Российской империи четкий, детально прописанный Закон о престолонаследии². С этого момента наследник престола «назначен законом самим», «дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать», а порядок наследования престола поставлен выше «воли Монаршей».

Высочайше утвержденное в тот же день, 5 апреля 1797 г., «Учреждение Императорской Фамилии»³, определяя титулы, имущественные права и привилегии членов Императорского Дома, впервые упоминает и Родословную книгу, в которую должны быть внесены члены Августейшей Фамилии.

«Хотя всё относящееся до степени родства в происходящих от крови Императорской пространно объяснили Мы в выше сказанном, но как

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее: ПСЗ). СПб., 1830. Т. VI. № 3893.

² ПСЗ. Т. XXIV. № 17910 (С. 587–589). Был опубликован Сенатом 14 апреля 1797 г. Подробнее см.: Думин С. В. «Дабы наследник назначен был законом самим...» // История Государства Российского: Свидетельства. Источники. Мнения. XIX в. Кн. 1./ Сост. Г. Е. Миронов. М., 2001. С. 73–93; Думин С. В. Российский Императорский Дом и Закон о престолонаследии // Гербовед. 2002. № 5 (59). С. 65–91 и др.

Впрочем, попытка установить определенную очередность наследования престола по завещанию была предпринята в 1727 г. императрицей Екатериной I. Как мы помним, ее наследником был назначен внук Петра I, сын царевича Алексея, Петр II, а в случае его бездетной смерти права на престол должны были перейти к дочерям Петра I, цесаревнам Анне и Елизавете и их потомству. Но, как известно, вопреки акту 1727 г. после кончины юного Петра II в 1730 г. на престол Верховным тайным советом была призвана племянница Петра I, Анна Иоанновна, вдовствующая герцогиня Курляндская (при том, кстати, что жива была и ее старшая сестра Екатерина, герцогиня Мекленбургская). Но и установленный Анной Иоанновной в 1740 г. порядок престолонаследия был нарушен после переворота 1741 г. и вступления на престол Елизаветы Петровны, чьи права, как и права ее племянника, будущего императора Петра III, опирались и на завещание Екатерины I.

³ ПСЗ. Т. XXIV. № 17906 (С. 525–569).

по Божьему Святому Его благословению надеемся Мы и ожидаем, что Наши Императорский Дом и весь наш род вечно цвести и размножаться будет; то дабы впредь не могло произойти, в прямых или боковых нисходящих поколениях какового-либо разногласия или заблуждения, в рассуждении лет и каждого преимуществ, или же замешательства между самими поколениями, сим соизволяем и повелеваем, если в Нашем роде от мужского или женского поколения, в Государстве или вне оногo сын или дочь родится, чтобы, отец и мать или ближайший из родственников, без продолжения времени, Императора об имени и о дне рождения новорожденного или новорожденной уведомляли письменно, в рассуждении отсутствующих из Государства, чрез посредство находящихся в тех же местах или же в близости оных Российских Министров и Покоренных в делах. Напротив чего Император, получа таковое извещение, повелевает имя новорожденного или новорожденной внести в родословную книгу, известя фамилию их, что они действительно к поколению Императорскому причтены; что самой и послужит им доказательством оногo впредь подлежащим образом. Равномерно сему, таковые же уведомления и о всех рода Императорского умерших должны быть доставляемы, дабы список об них совершенно верный в Государственной Архиве [!] храним был и дабы исправная родословная о Российском Императорском роде сочинена и в неперменном порядке всегда содержана была»⁴.

Эти положения сохранились и во всех последующих редакциях «Учреждения». Ему посвящена глава вторая, «О рождении и кончине Членов Императорского Дома»:

«135. Когда в Императорском Доме от мужеского или женского поколения, в государстве или вне оногo, родится сын или дочь, то отец и мать, или же ближайший из родственников, имеют, без продолжения времени, известить царствующего Императора о дне рождения и об имени новорожденного или новорожденной.

136. Извещение сие должно быть письменное, и отсутствующие из государства доставляют оногo чрез посредство местных Российских дипломатических агентов.

137. Император, получив извещение, повелевает имя новорожденного или новорожденной внести в родословную книгу Российского Императорского Дома и известить Фамилию их, что они действительно к поколению Императорскому причтены.

⁴ Там же. С. 528–529 (параграф 21).

Император Павел I.
Неизвестный художник. XVIII в.

138. В случае кончины, внутри или вне государства, Члена Императорской Фамилии, Император равномерно о сем извещается.

139. О всех новорожденных и скончавшихся в Императорском Доме от мужеского поколения, равно и о кончине чужестранных Принцесс, состоящих в брачном союзе с Великими Князьями и Князьями Крови Императорской, объявляется во всеобщее сведение чрез Правительствующий Сенат; о рождении же и кончине Великих Князей и Великих Княжон возвещается во всенародное известие манифестами.

140. Извещения о рождении и кончине Членов Императорского Дома хранятся в Государственном Архиве.

141. Кончина Особ Императорского Дома означается, так же, как и рождение их, в родословной книге.

142. Внесение имени в родословную книгу имеет быть доказательством сопричитания к поколению Императорскому.

143. Родословная книга служит основанием к распорядку пенсий, уделов и денежных награждений Членов Императорского Дома. Она хранится в Кабинете Его Императорского Величества»⁵.

⁵ Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 1. Свод основных государственных законов. СПб., 1906.

К сожалению, до настоящего времени мало кто знает, что же представляла собой эта «главная родословная книга» Российской империи, когда она была фактически учреждена, кто именно из потомков Романовых был в нее внесен, какие данные при этом отмечались, как именно фиксировалась в ней генеалогическая информация⁶.

Пролить на это свет позволяют документы Кабинета Его Величества, в частности, дело, относящееся к составлению этой книги⁷, и рескрипт императора Николая I 1834 г. министру Императорского Двора князю Петру Михайловичу Волконскому, который мы приведем полностью:

«Господину Министру Двора Нашего.

В основных законах Империи постановлено вести Родословную Книгу Российского Императорского Дома.

Находя нужным постановление сие привести в надлежащую его силу и действие, признали Мы за благо поручить Вам:

1. Установить Книгу сию по образцу, при сем прилагаемому, и содержать оную в Кабинете Нашем.

2. Началом Книги положить царствование блаженные памяти Государя Родителя Нашего, как основателя законов, ныне действующих, о наследии Престола и Учреждении Императорской Фамилии.

3. Начав с сего времени, составлять сию Книгу по порядку рождения членов Императорского Дома, как мужеского, так и женского пола, до настоящего времени, и потом продолжая оную на будущее время, внося по порядку рождения каждого члена.

Пребываем Вам всегда благосклонным

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано “Николай”

В С.-Петербурге

17 апреля 1834»⁸.

⁶ В литературе, в том числе и зарубежной, на это счет только высказывались различные предположения. В частности, французский исследователь Ж. Ферран считал, что в книге перечислялись члены Императорского Дома, и по содержанию она совпадала с Придворным календарем и другими аналогичными справочниками (Ferrand J. Il est toujours des Romanov! Paris, 1995. P. 5).

⁷ РГИА. Ф. 468 (Кабинет Его Величества Министерства Императорского Двора). Оп. 45. Д. 32.

⁸ Там же. Л. 2. На документе отмечена и дата его поступления в Кабинет, одновременно с датированным 21 апреля сопроводительным письмом министра Двора — 23 апреля 1834 г.

Таким образом, очевидно, до 1834 г. родословная книга Императорской Фамилии реально не существовала, и ее учреждение стало заслугой императора Николая I⁹.

Во исполнение Высочайшего рескрипта «об установлении Родословной Книги Императорского Всероссийского Дома и о содержании оной в Кабинете Его Величества» министр Двора князь Волконский отдал распоряжение о ведении этой книги, уточнив, что по объявленной ему Высочайшей воле, *«Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы вышеупомянутая книга, на основании Высочайшего Учреждения об Императорской Фамилии, ведена была на бумаге с печатными графами. Родословное же древо... было на пергаменте»*.

В соответствии с прилагаемым к рескрипту образцом сведения в родословной книге надлежало оформлять в виде таблиц. Информация эта достаточно лаконична: в большой графе — имя и титул, затем три столбца для обозначения времени рождения, бракосочетания и смерти.

Первым в книгу внесен император Павел I. Время рождения — 1754 сентября 20, время бракосочетания — 1776 сентября 26, время кончины — 1801 с 11 на 12 марта.

За ним следует его супруга, императрица Мария Феодоровна, родившаяся 1759 октября 14, дата бракосочетания не проставлена (естественно, она та же, что и у ее супруга), вместо этого добавлено место венчания — «в Зимнем дворце», дата кончины — 1828 октября 14 «В Зим. Двор.», т. е. указано и место смерти, Зимний дворец.

Затем следуют имена их детей, по старшинству. Первым назван, естественно «Наследник Великий Князь (впоследствии Император) Александр Павлович», указаны дата и место рождения — «1777 Декаб. 12 в Зим. Двор.», но остальные сведения отсутствуют, вместо этого дана отсылка — «(см. лист 2)», за ним следует великий князь Константин Павлович, с указанием только даты и места рождения («1779 апр. 27 в Цар. Селе») и отсылкой к следующему (3-му) листу, и так далее¹⁰.

Таким образом, сведения о браках детей и их детях помещаются на отдельных, новых листах. На следующем, 2-м листе книги помещены данные об Александре I и его семье, и здесь уже данные приведены полностью:

⁹ По повелению Николая I была в 1853 г. «устроена» и метрическая книга Российского Императорского Дома, «начиная с рождения Блаженной памяти императора Павла Петровича»; записи в ней заверялись протопресвитером придворного духовенства и министром Двора. Она сохранилась в РГИА и доведена до 1917 г. (Думин С. В. Российский Императорский Дом и Закон о престолонаследии. С. 89–91).

¹⁰ Там же. Л. 4.

Император Александр I. Дата и место рождения — 1777 декабря 12 в Зимнем дворце, брак — в Санкт-Петербурге в Зимнем 28 сентября 1793 (эта запись относится к нему и супруге), кончина — в Таганроге 19 ноября 1825.

Его супруга **императрица Елисавета Алексеевна**, урожденная принцесса Баденская, родилась 13 января 1779 (место рождения не указано), скончалась 4 мая 1826 г. в городе Белеве Калужской губернии¹¹.

Тут же записаны две их дочери:

Великая княжна Мария Александровна. Родилась 18 мая 1799 г. в Павловске, умерла 27 июля 1800 г. в Царском Селе.

Великая княжна Елисавета Александровна. Родилась 3 ноября 1806 г. в Зимнем дворце, скончалась 30 апреля 1808 г. в Зимнем дворце¹².

Интересен следующий лист, относящийся к великому князю Константину Павловичу.

Приведены дата и место рождения — 27 апреля 1779 г., в Царском Селе, дата и место первого (династического) брака — 13 февраля 1796 г. в Зимнем дворце, а также дата кончины — 15 июня 1831 г. в Витебске.

«Супруга Его по первому браку **Великая Княгиня Анна Феодоровна**, урожденная принцесса Кобургская», родилась 22 сентября 1781 г. Рядом с ее именем еще раз указаны дата и место брака (см. выше), с пометой «Брак сей расторгнут в ... году». Дата расторжения брака составителям была еще точно неизвестна, поэтому в тексте оставлен пропуск.

Далее в книгу записана «Супруга его вторичного брака Светлейшая **Княгиня Ловическая Жаннета**, урожденная Княжна [sic!] Грудзинская». Дат ее жизни и даты их брака нет, очевидно, составителям они были неизвестны¹³.

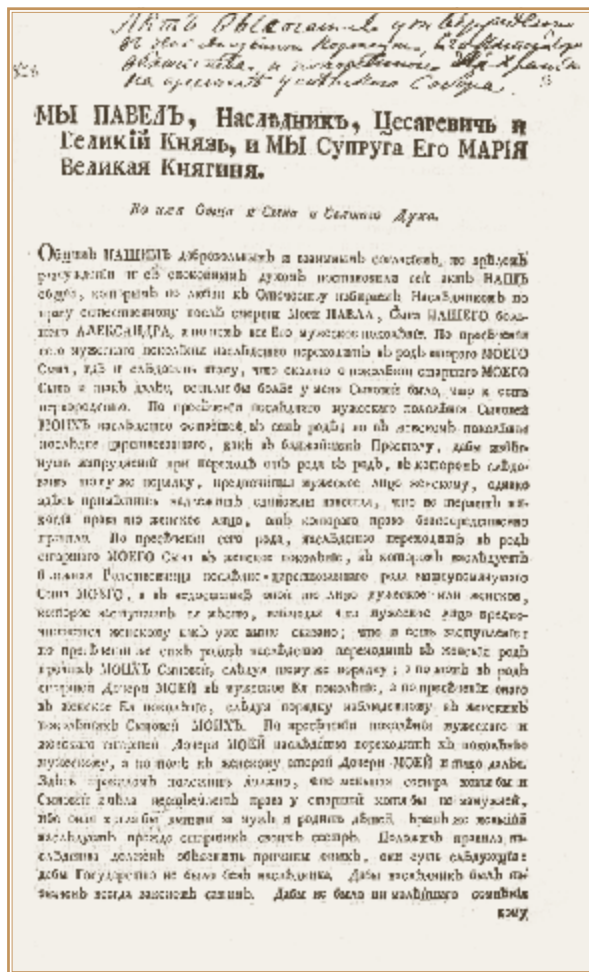
Эти пробелы объясняются тем, что данные листы представляли собой черновик, на основе которого предстояло разработать беловой вариант родословной книги. Тем не менее в нем приведены данные о всем потомстве Павла I на момент составления этого списка, то есть на 1834 год.

Важно подчеркнуть и еще одно обстоятельство. В родословную книгу Императорской Фамилии вносилось не только потомство императора Павла I по прямой мужской линии, но и линии, происходившие от династических браков его дочерей, внучек и т.д. Эта информация имела для Российской империи вполне практическое значение. Напомним

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 6.

Указ императора Павла I о престолонаследии. 5 апреля 1797 г.

текст Закона о престолонаследии, утвержденного Павлом I в 1797 г. и с того времени ставшего краеугольным камнем русской имперской государственности:

«По пресечении последнего мужеского поколения Сыновей Моих, наследство остается в сем роде, но в женском поколении последне-Царствовавшего, как в ближайшем престолу, дабы избежать затруднений при переходе от рода в род, в котором следовать тому же порядку, предпочитая мужеское лицо женскому; однако здесь приметить надлежит единожды навсегда, что не теряет никогда права то женское лицо, от которого право непосредственно пришло. По пресечении сего рода наследство переходит в род старшего моего Сына в женское поколение, в котором наследует ближняя родственница последне-Царствовавшего рода вышеупомянутого Сына Моего, а в недостатке оной, то лицо мужеское, или женское, которое заступает ее место, наблюдая, что муже-

ское лицо предпочитается женскому, как уже выше сказано; что и есть заступление. По пресечении же сих родов, наследство переходит в женский род прочих Моих Сыновей, следуя тому же порядку, а потом в род старшей Дочери Моей в мужское ее поколение, а по пресечении одного в женское ее поколение, следуя порядку, наблюдаемому в женских поколениях Сыновей Моих. По пресечении поколения мужского и женского старшей Дочери Моей, наследство переходит к поколению мужскому, а потом женскому второй Дочери Моей, и так далее. Здесь правилом положить должно, что меньшая сестра, хотя бы и сыновей имела, не отъемлет права у старшей, хотя бы и не замужней, ибо она могла бы выйти замуж и родить детей; брат же меньший наследует прежде старших своих сестер. Положив правила наследства, должен объяснить причины оных. Они суть следующие: Дабы Государство не было без Наследника. Дабы Наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род. Учредив таким образом наследство, должно дополнить сей закон нижеследующим: когда наследство дойдет до такого поколения женского, которое царствует уже на другом каком престоле, тогда предоставлено наследующему лицу избрать веру и престол, и отрешись вместе с Наследником от другой веры и престола, если таковой престол связан с законом, для того, что Государи Российские суть Главою Церкви: а если отрицания от веры не будет, то наследовать тому лицу, которое ближе по порядку. Засим должны обязаться свято наблюдать сей закон о наследстве при вступлении и помазании. Если наследовать будет женское лицо, и таковая особа будет замужем, или выйдет, тогда мужа не почитать Государем, а отдавать, однако ж почести наравне с Супругами Государей, и пользоваться прочими преимуществами таковых, кроме титула»¹⁴.

Престолонаследие потомков Российского Императорского Дома по женской линии закреплено и в Основных законах:

Ст. 30. «Когда пресечется последнее мужское поколение сыновей Императора, наследство остается в сем же роде, но в женском поколении последне-Царствовавшего, как в ближайшем к Престолу, и в оном следует тому же порядку, предпочитая лицо мужское женскому; но при сем не теряет никогда права то женское лицо, от которого право непосредственно произошло».

¹⁴ ПСЗ. Т. XXIV. № 17910 (С. 588–589).

Ст. 31. «По пресечении сего рода, наследство переходит в род старшего сына Императора-родоначальника, в женское поколение, в котором наследует ближайшая родственница последне-Царствовавшего рода сего сына, по нисходящей от него или сына его старшего, или же, за неимением нисходящих, по боковой линии, а в недостатке сей родственницы, то лицо мужское или женское, которое заступает ее место, с предпочтением, как и выше, мужского пола женскому».

Ст. 32. «По пресечении и сих родов, наследство переходит в женский род прочих сыновей Императора-Родоначальника, следуя тому же порядку, а потом в род старшей дочери Императора-Родоначальника, в мужское ее поколение; по пресечении же оно, в женское ее поколение, следуя порядку, установленному в женских поколениях сыновей Императора».

Ст. 33. «По пресечении поколений мужского и женского старшей дочери Императора-Родоначальника, наследство переходит к поколению мужскому, а потом и женскому, второй дочери Императора-Родоначальника, и так далее».

Ст. 34. «Младшая сестра, хотя бы и сыновей имела, не отъемлет права у старшей, хотя бы и не замужней; брат же младший наследует прежде старших своих сестёр».

Ст. 35. «Когда наследство дойдет до такого поколения женского, которое царствует уже на другом Престоле, тогда наследующему лицу предоставляется избрать веру и Престол, и отрешись вместе с наследником от другой веры и Престола, если таковой Престол связан с законом; когда же отрицания от веры не будет, то наследует то лицо, которое за сим ближе по порядку»¹⁵.

Вполне естественно, что родословная книга Императорского Дома должна была содержать данные обо всех лицах, сохраняющих право на российский престол, в том числе и потомках по женской линии. Соответственно, в ней приводятся данные о браках представительниц русской династии и их потомстве.

Вот, например, лист с записью о великой княжне Анне Павловне, дочери Павла I. Здесь отмечен ее брак с наследником нидерландского престола принцем Вильгельмом Филиппом Георгом Людвигом Оранским (род. 6.12.1792), состоявшийся 9 февраля 1816 г., и перечислены их дети:

Вильгельм Александр Павел Фридрих Людвиг, род. 19 февраля 1817 г.;

¹⁵ Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 1. Свод основных государственных законов. СПб., 1906.

Вильгельм Александр Фридрих Константин Николай Михаил,
род. 2 августа 1818 г.;

Вильгельм Франц Генрих, род. 13 июня 1820 г.;

Вильгельмина Мария София Луиза, род. 8 апреля 1824 г.¹⁶

Такие же сведения приведены обо всех остальных детях Павла I. Внесены в книгу и данные о детях, умерших в младенчестве и при рождении (как, например, дочь великой княгини Александры Павловны и австрийского эрцгерцога Иосифа Паулина, в 1801 г.).

К сожалению, нам не удалось в фонде Кабинета в РГИА обнаружить белой оригинал этой родословной книги¹⁷. Тем не менее достоверно известно, что повеление Николая I было в точности исполнено, книга составлена и на протяжении всех последующих лет пополнялась сведениями о вновь рожденных потомках русских государей. В деле имеется родословное древо с данными о таких лицах вплоть до конца XIX в., и из него видно, что учитывалось, разумеется, и потомство по всем линиям иностранных принцев, в чьих жилах была хоть капля крови Павла I¹⁸. Правда, не всегда эти сведения вносились достаточно оперативно. В частности, как видно из записей в деле, лишь с некоторым опозданием (лишь в конце XIX в.) в родословную книгу были внесены император Германский и король Прусский Вильгельм II и его сыновья (потомки по женской линии великой княжны Марии Павловны, великой герцогини Веймарской)¹⁹. Тем не менее в целом эта книга тщательно фиксировала данные о лицах, принадлежавших к иностранным царствующим или владетельным домам и сохранявшим право наследования российского престола в том случае, если угаснет прямое династическое мужское потомство Романовых.

Как видно из сохранившейся схемы, не включалось в книгу потомство членов династии от мorganатических браков (отсутствуют, например, данные о князьях Юрьевских). Это вполне понятно, так как, в соответствии с Законом о престолонаследии, (ст. 36) «*Дети, происшедшие от брачно-*

¹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 95. Д. 32. Л. 11.

¹⁷ Фонд этот очень обширен (в нем 68 с половиной тысяч единиц хранения) и сложен по структуре, материалы разделены на 46 описей, причем описания дел, видимо, не всегда точно отражают содержание; возможно, именно поэтому поиск книги в данном фонде не принес результата. Но не исключено, что подлинная родословная книга сохранилась в другом фонде, в другом архиве (нужно помнить, что документы Романовых, Императорского Двора разделены между петербургскими и московскими архивными собраниями). Будем надеяться, что этот ценный памятник все же будет впоследствии разыскан.

¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 95. Д. 32. Там же.

¹⁹ Там же. Л. 19.

го союза лица Императорской Фамилии с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному Дому, на наследование Престола права не имеют»²⁰. Впрочем, как видно на примере княгини Лович, сами морганатические браки членов династии, совершенные с согласия императора, могли быть в книге зафиксированы²¹.

Не имея возможности обратиться к беловому тексту родословной книги, мы пока не знаем, когда были сделаны в ней последние записи. Но интересно отметить, что ведение книги было продолжено за рубежом. Естественно, в канцелярии Глав Императорского Дома в изгнании сохранялись данные о членах династии и их браках (в том числе морганатических). В архиве Российского Императорского Дома, хранившемся в Сен-Бриаке, нам удалось в 1997 г. обнаружить переписку, связанную с публикацией данных о Доме Романовых в «Готском альманахе» (по традиции такие сведения по каждой династии предоставляет издателям именно канцелярия ее главы). Сохранился, в частности, указ Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича, данный в Мадриде 10/23 декабря 1953 г. исполняющему должность начальника Собственной Е.И.В. Походной канцелярии полковнику Г.К. Дворжицкому о внесении, «на основании статей 137, 141, 152 и 143 Учреждения о Императорской Фамилии», имени новорожденной Великой Княжны Марии Владимировны в Родословную книгу Российского Императорского Дома²², и сам вкладной лист в родословную книгу с записью о рождении и крещении (составленный после ее крещения 22 января / 4 февраля н. ст. 1954 г.)²³.

²⁰ Свод законов Российской империи. Изд. 1906 г. Т. I.

²¹ По-видимому, то же правило должно было бы соблюдаться и по отношению к потомкам Романовых в иностранных династиях, но, очевидно, только в тех царственных семьях, где, как и у Романовых, к престолонаследию допускалось только потомство от династических браков; например, в Югославии, Великобритании такое требование отсутствовало (зато от престолонаследия устранялись члены династии, вступившие в браки с католиками, но их потомство такое право сохраняло, и т.д.).

²² Закастов А.Н. Святая гора Афон, православная церковь и Дом Романовых в изгнании. Таллин—Москва, 2013. Т. 3. С. 285—286.

²³ Наследование Российского Императорского Престола. 2-е изд., испр., доп. М., 1999. С. 156—157. Этот вкладной лист содержит сведения о рождении и крещении, восприемниках (крестным отцом был двоюродный дед, великий князь Андрей Владимирович, но так как он по болезни не смог приехать в Мадрид, у купели его представлял двоюродный брат Владимира Кирилловича принц Николай Румынский, крестной матерью стала царица Иоанна Болгарская). Эта запись по структуре напоминает скорее записи в Метрической книге Российского Императорского Дома; но в условиях эмиграции, очевидно, представлялось логичным внести сведения о времени крещения, восприемниках и так далее в общий документ.

Ведение родословной книги Российского Императорского Дома предусмотрено и Положением о Герольдии при Собственной Ее Императорского Высочества Канцелярии, Высочайше утвержденным в Москве 30 сентября 2002 г.²⁴

²⁴ Герольдия при Канцелярии Главы Российского Императорского Дома Государыни Великой Княгини Марии Владимировны. Высочайшие указы, положения и правила // Гербовед. 2002. № 59 (5). С.144 (ст. 1.3 «Герольдия ведет Родословную книгу Императорской Фамилии, имеет попечение о гербах Российского Императорского Дома»).

Ключевые слова:

Родословная книга Российского Императорского Дома; престолонаследие;
Учреждение Императорской Фамилии; Дом Романовых в эмиграции.

Stanislav V. Dumin

GENEALOGICAL BOOK OF THE RUSSIAN IMPERIAL HOUSE

The Genealogical Book of the Russian Imperial House was first mentioned in the “Establishment of the Imperial Family Name” approved by Paul I on April 5, 1797. However only on April 17, 1834 did Nicholas I order the Court Minister to create such a book on descendants of Paul I both through parental and female lineages. The Genealogical Book confirmed officially the membership of the Imperial family and the direct representatives of the Romanov family, and their descendants among foreign princes and princesses. The 1797 Law of Succession grants the right to succeed to the Russian throne under certain conditions, if the family line of Paul I through the direct parental lineage failed.

The Book stated date and place of birth, marriage, death of the specified persons from Paul I, and their children. New records were entered thereto up to the 20th century; in addition, descendants of left-handed (morganatic) marriages, who were not members of the family and who had no right to succeed to the throne under the laws of the Russian Empire, were not registered (for example children of Alexander II, who were not registered in the Genealogical Book — Princes Yuryevsky), although such marriages could be recorded.

The Russian Imperial House continued to maintain the Genealogical Book, even though many had emigrated; such maintenance is also provided for by the Regulations on Heraldry at the Immediate Office of Her Imperial Highness approved in Moscow on September 30, 2002.

Думин Станислав Владимирович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Государственного исторического музея, президент Российской
генеалогической федерации

М.В. Фадеева

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ БЮДЖЕТОВ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.*

История повседневности, как направление исторической науки, возникла прежде всего в связи с попытками историков реконструировать мотивацию социального поведения людей прошлого, того выбора, который постоянно осуществляет в своей жизни как отдельный человек, так

и большие группы людей и который в конечном счете определяет существо исторического процесса. Цель реконструкции повседневной жизни и быта российского студенчества рубежа XIX–XX вв. состоит в первую очередь в том, чтобы скорректировать его образ, сложившийся в историографии и общественном сознании, и через это прийти к лучшему пониманию роли студенчества в социальных процессах рассматриваемого времени.

Интересующий нас период конца XIX — начала XX в. богат литературными персонажами-студентами. В глазах читающей публики такие молодые люди представляли то «волосатыми» нигилистами, то одними из «новых людей», то приверженцами идей о сверхчеловеке, то вечными студентами...

* Данное научное исследование (№ 14-05-0061) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

Однако при всей своей непохожести все литературные персонажи обладали одной общей чертой: они были бедны. Один из самых узнаваемых героев И.С. Тургенева — студент-медик Базаров был владельцем «одежёнки», представляющей из себя «длинный балахон с кистями»¹. Счастливые персонажи Н.Г. Чернышевского не встречались с большими материальными трудностями, относясь «к тому очень малому меньшинству, (...) которое не голодает и не холодает»². Главный герой Ф.М. Достоевского Раскольников говорил о себе: «Я бедный и больной студент, удрученный... бедностью»³. А в реплике чеховского вечного студента Пети Трофимова эта общая черта выражена наиболее ярко: «Мне еще нет тридцати, я молод, я еще студент, но я уже столько вынес! Как зима, так я голоден, болен, встревожен, беден, как нищий»⁴. Насколько верно подмечена в литературе такая неизменная спутница студента, как бедность?

Один из возможных подходов к ответу на этот вопрос связан, на наш взгляд, с изучением повседневной жизни студенчества, в частности, через реконструкцию ежемесячных бюджетов студентов. В настоящей статье предпринимается попытка подобной реконструкции на примере студентов Московского университета.

Каков был среднестатистический студент Московского университета в выбранный нами период? На основе статистических источников⁵ и историографии⁶ было выявлено, что в Московском университете обучались молодые люди 18–30 лет, причем в 1882 г. большинство составляли 22-летние (19,9%), а в 1903 г. — 21-летние студенты (19,7%). В течение исследуемого периода подавляющее большинство учащихся по социальному составу были дети дворян и чиновников (47,4% в 1884 г. и 47,2 % в 1903 г.), при-

¹ Тургенев И.С. Отцы и дети. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М., 1961. С. 128.

² Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., 1947. С. 58.

³ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 2007. С. 101.

⁴ Чехов А.П. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М., 1970. С. 346.

⁵ Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. № 1. 1888 / Сост. А. Дубровский. СПб., 1888; Перепись Москвы 1882 г. Вып. I, II, III. М., 1885–1886; Перепись Москвы 1902 г. Ч. I. Вып. 1. М., 1904; Членов М. А. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909.

⁶ Терехов Е.Е. Численность студентов Московского университета, их сословный и национальный состав в 1890–1914 гг. // Вторые открытые исторические чтения «Молодая наука». Сборник статей. М., 2005. С. 138–144; Ушаков А.В. Положение, социальный состав и политическая ориентация студентов России в конце XIX — начале XX в. // Вопросы отечественной истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1999. С. 73–83; Чиненный А., Стоян Т. Студенчество российских университетов (XIX в.) // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал Министерства общего и профессионального образования РФ. 1999. № 5. С. 141–148.

чем из них большую часть составляли представители дворянского сословия (27,4%). Если в 1882 г. популярностью пользовался медицинский факультет (31,3%), то к началу века — юридический (30,2%). Таким образом, героем нашего исследования можно считать молодого человека 21–22 лет, представителя дворянского сословия, студента медицинского или юридического факультета⁷.

Нельзя сказать, что студенческая повседневность избалована вниманием историографии. К вопросу о студенческих бюджетах обращались лишь трое исследователей — П. Иванов⁸, А.Е. Иванов⁹ и Ю.Д. Марголис¹⁰, причем два последних, внося изменения в форму подачи данных, не дополняют их по содержанию. Критические замечания А.Е. Иванова в адрес расчетов бюджетов студентов, сделанных П. Ивановым, будут рассмотрены нами ниже.

Сведения П. Иванова о студентах представляются нам весьма ценным как свидетельство современника. Однако его расчеты не подкреплены ссылками на какие-либо источники. Современные исследователи студенческой повседневности опираются главным образом на данные П. Ивано-

⁷ Официальная статистика (к примеру, «Временник центрального комитета...») считала студентов из чиновничьей среды вместе со студентами-детьми личных дворян (студентов-детей потомственных дворян считали отдельно). По ее данным мы можем утверждать, что детей дворян и чиновников вместе в университетах училось больше всех остальных сословий (к примеру, по данным «Временника», в 1880 г. в Московском университете таких молодых людей было 47,4%). В 1903 г., по данным Е.Е. Терехова, их было 48,69%. К счастью, за 1903 г. мы располагаем не только данными официальной статистики, но и материалами из «Половой переписи студентов...» М.А. Членова, в которой в вопросе о сословной принадлежности дворяне и чиновники были разделены, т.к. эту принадлежность студенты определяли сами: ответы на этот вопрос выглядели так «Сословие?: 2136 (99,3%): дворянин — 585 (27,4%), купец — 230 (11,2%), духовного звания — 230 (11,2%), военного сословия — 26 (1,2%), казак — 12 (0,5%), мещанин — 360 (16,8%), крестьянин — 115 (5,4%), потомственный почетный гражданин — 199 (9,3%), сын чиновника — 307 (13,7%), другое сословие — 71 (3,3%)». Отсюда мы и делаем вывод о том, что дворян было больше (27,4% против 13,7%).

⁸ Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (очерки). М., 1903.

⁹ Иванов А.Е. Землячества // Российское студенчество на рубеже веков. Материалы всероссийского студенческого форума. М., 2001. С. 41–58; Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX — начало XX века. Очерки. М., 2010; Иванов А.Е. Проблемы изучения студенческого движения в трех российских революциях // Интеллигенция и революция. XX век / Отв. ред. К.В. Гусев. М., 1985. С. 96–103; Иванов А.Е. Студенты университетов России накануне первой российской революции. Социально-политический облик // Революционное движение демократической интеллигенции России в период империализма. Сборник научных трудов. М., 1984. С. 111–130; Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; Иванов А.Е. Студенчество в России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999.

¹⁰ Марголис Ю.Д. Студенческие переписи в России 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. СПб., 1996. С. 656–670.

Московский университет. 1912 г.

ва. Мы же посчитали необходимым найти этим данным подтверждение или опровергнуть их, а также расширить возможные источники доходов, статьи расходов ежемесячного бюджета студента и описать их. Для этого были привлечены статистические источники¹¹, архивные материалы¹², законодательные постановления¹³, источники личного происхождения¹⁴, пе-

¹¹ Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. № 1. 1888. Университеты и средние учебные заведения мужские и женские в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти губерниях Привислянских по переписи 20-го марта 1880 года. Общие выводы / Сост. младшим редактором А. Дубровским. СПб., 1888; Перепись Москвы 1882 г. Вып. I. Квартиры и хозяйства. М., 1885; Перепись Москвы 1882 г. Вып. II. Население и занятия. М., 1885; Перепись Москвы 1882 г. Вып. III. Население и занятия (по частям и участкам). М., 1886; Перепись Москвы 1902 г. Ч. I. Население. Вып. I. Население по полу, возрасту, месту рождения, продолжительности пребывания в Москве, семейному положению, сословиям, грамотности и степени образования. М., 1904; Членов М.А. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909; Ведомости о справочных ценах на припасы и материалы в Москве за 1881–1904 гг.; Отчет комитета общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета. 1903 г. М., 1904.

¹² ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 46, 418, 475.

¹³ ПСЗРИ. Собр. второе, Собр. третье за 1825–1904 гг.

¹⁴ Мемуары из сборников «Путь студенчества» 1916 г. и «Памяти русского студенчества» 1934 г.; из сборников советского времени «Московский университет в воспоминаниях современников» 1956 г. под ред. П.А. Зайончковского и «Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917)» 1989 г. под ред. Ю.Н. Емельянова; вне сборников — воспоминания С.И. Мицкевича, Б.А. Щетинина, В. Курбского, В.О. Гаракви, В. Гольцева, Ю.В. Готье, П.В. Лебединского, И.С. Вегера, А.П. Кирпичникова.

риодика¹⁵ и литературные источники¹⁶. Наши расчеты основывались на не использованных ранее исследователями «Ведомостях о справочных ценах на припасы и материалы в Москве» за 25 лет (1881–1904 гг.), материалах газеты «Московский листок» (далее — «МЛ») за 24 года (1882–1904 гг.), откуда были почерпнуты данные о сдаче внаем жилья, материалах о стипендиях из «Журнала Министерства народного просвещения» (далее — «ЖМНП») и «ПСЗРИ».

Оговоримся сначала, что мы понимаем под студенческим бюджетом. Чтобы прожить в столице, студенту необходимо было учесть такие траты, как оплату обучения, покупку формы (если она была обязательна для ношения) или одежды, ее заменяющей, учебников, письменных принадлежностей и прочие разовые крупные расходы на длительный период. Такие крупные вложения на весь учебный год в ежемесячный бюджет мы не включаем, а ограничимся тратами на жилье, питание и удовлетворение духовных и телесных запросов.

Нам хотелось проверить, насколько справедливо утверждение П. Иванова о том, что самым распространенным был студенческий ежемесячный бюджет в 25 руб. П. Иванов упоминал источники формирования бюджета; нам представляется необходимым рассмотреть их подробнее, так же как и приведенные им расходные статьи бюджета.

Мы узнаем о четырех источниках формирования бюджета: помощь семьи; стипендии и пособия; взаимопомощь и средства от подработки. Далее автор приводил четыре варианта бюджетов: минимальный (15 р. в месяц), средний (25 р. в месяц) и два высших (35 или 50 р. в месяц). Признавая единственно возможным для нормального существования бюджет в 50 р. в месяц, П. Иванов наиболее подробно рассматривал бюджет в 25 р. как самый распространенный среди студентов.

Начнем с источников формирования бюджета. П. Иванов только называл их, но не оговорил их размер. Что удалось нам найти в документах? Как оказалось, студенты действительно получали помощь от родителей. В делах Пречистенской части 1891 г. мы читаем о том, что Анатолий Лавров «средства к жизни получал от отца до 25 рублей в месяц»¹⁷, а Иван Иванов «средства получал от отца и от какого-то сибирского общества до 25–40 рублей

¹⁵ ЖМНП. № 5. СПб., 1864; МЛ. Ежедневное издание. № 4. 4 января. 1904 г.

¹⁶ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 2007; Куприн А.И. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. М., 1964; Тургенев И.С. Отцы и дети. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М., 1961; Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., 1947; Чехов А.П. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М., 1970.

¹⁷ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 475. Оп. 17. Д. 709. Л. 159.

в месяц»¹⁸. Будущего академика Ю.В. Готье трудно причислить к категории студента, самого обеспечивавшего свое существование в столице. Однако из его воспоминаний мы можем получить сведения о размере помощи родителей. Отец, глава книжного магазина Готье, сказал сыну: «Другие принуждены во время студенчества зарабатывать себе на жизнь уроками, тебе этого не нужно, но ты должен воспользоваться частью твоего свободного времени, чтобы изучить книжное дело, и будешь заниматься в магазине ежедневно по полтора-два часа, взамен тех карманных денег (25 р. в месяц), которые ты будешь от меня получать»¹⁹. Понятно, что мы не располагаем достаточной статистикой по получению помощи от родителей, а лишь единичными примерами. Но, по данным «Половой переписи» студентов, проведенной М.А. Членовым, сами студенты написали, что 57,2% из них живут, получая помощь от родителей²⁰.

Какова была роль землячеств? Канцелярия Московского обер-полицеймейстера обнаружила первую общину студентов-малороссов еще в 1866 г.²¹, но формально студенческие организации были запрещены вплоть до 1901 г., когда разрешалось «открытие студенческих кружков для научно-литературных занятий, кружков для занятий искусством, ремеслами и разного рода физическими упражнениями, а равно студенческих столовых, чайных, касс (взаимопомощи, ссудно-сберегательных, вспомоществования), попечительств для приискания занятий для недостаточных студентов, библиотек и читален»²².

Студенты стремились оказывать друг другу поддержку; об этих формах взаимодействий среди студентов также есть указания в правилах: «кассы имеют целью доставить своим членам возможность: а) получать в ссуду на необременительных условиях деньги, б) в исключительных случаях получать безвозвратные пособия и в) незначительными добровольными взносами в кассу сберечь некоторый капитал»²³. Студенты воспользовались предоставленной им возможностью. В нашем распоряжении оказались шесть уставов студенческих организаций, созданных в 1903 г. Это уставы «Асха-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989. С. 554–575.

²⁰ Членов М.А. Указ. соч. С. 28–75.

²¹ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 46. Оп. 1. Д. 589. 1866 г.

²² Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения. «Утверждаю» 22 декабря 1901 г. Министр народного просвещения (подписал) генерал-адъютант Ванновский. § 1. С 1.

²³ Там же. § 37. С. 9.

бадского землячества»²⁴, «Студенческого кружка мандолистов и гитаристов»²⁵, «Студенческого кружка для занятий общими вопросами естествознания»²⁶, «Студенческого общества искусств и изящной литературы при Императорском Московском университете»²⁷, «Общества взаимопомощи студентов-естественников»²⁸, «Студенческого медицинского общества»²⁹.

Эти уставы объединяет общность целей: «материальная и товарищеская взаимопомощь» вместе с общей научной работой членов землячества³⁰, средства существования обществ: членские взносы 1—1,5 рубля в год, сборы с концертов, спектаклей, лекций, изданий землячества, пожертвований³¹. Но, созданные легально в 1903 г., эти общества вряд ли могли оказать реальную материальную помощь большому числу студентов.

Кроме землячеств, были и другие общества взаимопомощи студентов: «Общество для пособия нуждающимся студентам Московского университета» с «целью доставлять бедным студентам Московского университета средства к существованию в Москве для окончания университетского образования»³² существовало с 1874 г. Общество полностью или частично вносило плату за слушание лекций, взносы в испытательные лекции, выдавало пособия в виде ссуд, имело своих собственных стипендиатов, а также оказывало помощь в поисках разнообразных занятий (уроки в Москве, уроки в отъезде, медицинские занятия, агентура по продаже изданий, конторские занятия, переписка, переводы, контроль на ж/д, гувернерство, счетчики на выборах, юридические занятия, историческая работа, чертежная работа, сопровождение за границу, приведение в порядок библиотеки, ботанические занятия, занятия по химии и физике)³³.

²⁴ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 498. Д. 6. Асхабадское землячество.

²⁵ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 499. Д. 47. Общество студентов-мандолистов и гитаристов.

²⁶ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 499. Д. 21. Студенческий кружок для занятий общими вопросами естествознания.

²⁷ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 499. Д. 60. Студенческое общество искусств и изящной литературы.

²⁸ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 499. Д. 60. Устав общества взаимопомощи студентов-естественников.

²⁹ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 499. Д. 49. Студенческое медицинское общество.

³⁰ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 498. Д. 6. Асхабадское землячество. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 1.

³² Устав Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета. Б.м., 1874. С. 1.

³³ Отчет комитета общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета. 1903 г. М., 1904. С. 36.

Наконец, помогали решить проблему проживания в столице стипендии. Кому они предназначались и каков был их размер?

В «Правилах о назначении студентам стипендий и денежных пособий» 1885 г. перечислены три основных условия ее назначения:

§ 4. Стипендии и пособия должны быть назначаемы... только даровитым студентам недостаточного состояния, о поведении которых будут даны одобрительные отзывы инспектора и о которых будут представлены ходатайства факультетов, основанные на успешности их занятий в течение полугодия и на результатах состязательных испытаний³⁴;

§ 7. Стипендии и пособия из средств государственного казначейства назначаются только лицам христианских вероисповеданий³⁵;

§ 10. Студент, получавший стипендию из сумм государственного казначейства, обязан, по выходе из университета, за каждый год пользования стипендией прослужить, по назначению правительства, полтора года³⁶.

Для 1903 г. мы можем точно указать число студентов, получающих казенные и частные стипендии, и проследить масштабы и направления деятельности «Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета». «Правила Императорского Московского университета», опубликованные в «ЖМНП» за май 1864 г., содержат информацию обо всех государственных и частных стипендиях, существующих в Московском университете к этому году. Анализ «Полного собрания законов» за 1825–1904 гг. позволил дополнить этот перечень всеми новыми стипендиями, появившимися к 1903 г.

Данные о новых стипендиях обычно содержали в себе либо указание годового содержания студента, либо капитал, на проценты с которого оно осуществлялось. Чтобы представить, как эта государственная помощь работала на практике, мы рассчитаем, сколько благодетельствованный властью стипендиат получал в месяц. Указание в разные годы на содержание в год стипендиата Войска Донского и размера его ежемесячного довольствия позволило установить, что стипендия начислялась на целый год, а не только на учебные месяцы, что позволило рассчитать, какое содержание получали стипендиаты в месяц с каждой из стипендий. К примеру, в 1862 г. мы находим данные о том, что были учреждены 10 стипендий для уроженцев Войска Донского «по 25 руб. сер. в месяц каждому, из войсковых сумм»³⁷. В 1866 г.

³⁴ Правила для студентов и сторонних слушателей императорских российских университетов. СПб., 1885. С. 20.

³⁵ Там же. С. 20–21.

³⁶ Там же. С. 21.

³⁷ ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XXXVII-II. № 38931. СПб., 1865. С. 344.

в «Положении» о производстве добавочных к стипендии денег стипендиатам Войска Донского было указано, что к стипендии, которая составляет 300 руб. в год, добавляют 40 руб.³⁸, что и является основанием для заключения о том, что стипендия начислялась в течение 12 месяцев ($300:25 = 12$). Кроме отдельно указанных случаев (к примеру, двух частных стипендий В.А. Жуковского³⁹, назначенных с капитала в 8000 руб. с шестипроцентного невыкупного займа), стипендия исчислялась из 5% с пожертвованного капитала, иначе это оговаривалось отдельно.

Всего существовало 486 государственных стипендий⁴⁰. Мы рассчитали, какую сумму будет составлять в месяц каждая государственная стипендия, распределили их в таблице от минимального размера к максимальному, причем указали те стипендии, которые были предназначены для отдельных факультетов, и те, которые не имели подобных ограничений.

Таблица 1. Государственные стипендии, существующие в Московском университете в 1860–1904 гг.

Общие	Историко-филологический	Физико-математический	Юридический	Медицинский
11 по 25 руб.	30 по 16 руб. 67 коп.			100 по 14 руб. 58 коп.
1 по 29 руб. 16 коп.	4 по 20 руб.			320 по 25 руб.
	20 по 20 руб. 83 коп.			

Как видно из таблицы, из 486 стипендий львиная доля (420, или 86%) относилась к медицинскому факультету, готовившему врачей для нужд империи; 50 стипендий (10%) предназначались будущим учителям, 4 стипендии (0,8%) — филологам и 12 стипендий (2,5%) адресовались студентам независимо от факультетов. Тот факт, что для юристов не было предусмотрено ни одной государственной стипендии, на наш взгляд, может объяснить существование Императорского училища правоведения, открытого в 1835 г. и предназначенного исключительно для детей потомственных дворян⁴¹. Как пишет Р. Уортман, «своекоштные воспитанники после оконча-

³⁸ ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XLI-I. № 43581. СПб., 1868. С. 1058.

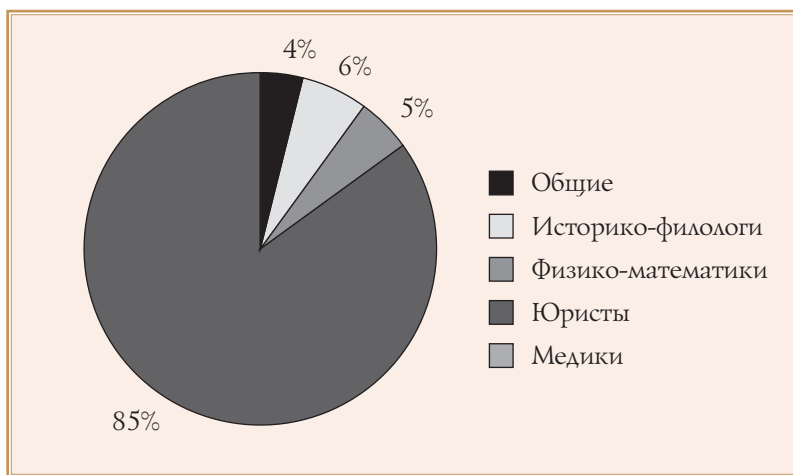
³⁹ ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XXXIII-I. № 33160. СПб., 1860. С. 624–625.

⁴⁰ ЖМНП. № 5. СПб., 1864. С. 20–21; ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XXXVII-II. № 38931. СПб., 1865. С. 344; Там же. Т. XLI-I. № 43581. СПб., 1868. С. 1058; Т. XLIII-I. № 45564. СПб., 1873. С. 235–236; Т. LI-I. № 55655. СПб., 1878. С. 167–170.

⁴¹ ПСЗРИ. Собр. второе. Т. X-II. № 8185. СПб., 1836. С. 655–663.

ния училища были обязаны прослужить в Министерстве юстиции четыре года, а казеннокоштные — шесть лет. (...) Им присваивался 9-й, 10-й или 12-й класс по Табели о рангах, в зависимости от результатов экзамена»⁴², что могло быть дополнительным стимулом для поступления.

Схема 1. Государственные стипендии, существующие в Московском университете в 1860—1904 гг. в процентном соотношении

В Московском университете существовали также и частные стипендии. Оговоримся, что в наши расчеты мы не включаем несколько частных стипендий, об учреждении которых было заявлено, но не были указаны условия обеспечения стипендиатов⁴³.

Частные стипендии появляются с 1860-х гг. Мы нашли 369 стипендий по данным ПСЗРИ⁴⁴.

⁴² Уортман Р. Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 116.

⁴³ ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XXXVII-I. № 37887. СПб., 1865. С. 50—51; Там же. Т. XXXVII-I. № 37984. СПб., 1865. С. 147; Т. XL-I. № 41944. СПб., 1867. С. 363; Т. XLIV-II. № 47523. СПб., 1873. С. 135; Т. XLIX-II. № 52844. СПб., 1876. С. 541.

⁴⁴ ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XXXVI-I. № 36782. СПб., 1863. С. 507—508; Там же. Т. XXXVIII-II. № 40049. СПб., 1866. С. 26—27; ЖМНП. № 5. СПб., 1864. С. 21; ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XXXIX-I. № 41105. СПб., 1867. С. 647; Там же. Т. XL-I. № 41943. СПб., 1867. С. 363; Т. XL-I. № 42087. СПб., 1867. С. 499—500; Т. XL-I. № 42429. СПб., 1867. С. 918; Т. XL-I. № 42430. СПб., 1867. С. 918—919; Т. XL-I. № 42689. СПб., 1867. С. 178; Т. XLI-I. № 43517. СПб., 1868. С. 971; Т. XLIII-I. № 45367. СПб., 1873. С. 5; Т. XLIII-I. № 45602. СПб., 1873. С. 266; Т. XLIII-I. № 45851. СПб., 1873. С. 575; Т. XLIII-II. № 46337. СПб., 1873. С. 333; Т. XLIV-I.

№ 47174. СПб., 1873. С. 576; Т. XLIV-I. № 47175. СПб., 1873. С. 576–577; Т. XLIV-I. № 47176. СПб., 1873. С. 577; Т. XLIV-II. № 47553. СПб., 1873. С. 208–209; Т. XLIV-II. № 47554. СПб., 1873. С. 209; Т. XLIV-II. № 47833. СПб., 1873. С. 407; ЖМНП. № 6. СПб., 1869. С. 121; ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XLV-II. № 49025. СПб., 1874. С. 601–602; Там же. Т. XLVI-II. № 49854. СПб., 1874. С. 83–84; Т. XLVI-II. № 50025. СПб., 1874. С. 361–364; Т. XLVI-II. № 50252. СПб., 1874. С. 667–668; Т. XLVII-II. № 51188. СПб., 1875. С. 397; Т. XLVII-II. № 51629. СПб., 1875. С. 1087; Т. XLVII-II. № 51632. СПб., 1875. С. 1088–1089; Т. XLVII-II. № 51704. СПб., 1875. С. 1245–1247; ЖМНП. № 1. СПб., 1872. С. 4; ЖМНП. № 10. СПб., 1872. С. 48–49; ЖМНП. № 1. СПб., 1873. С. 13; ЖМНП. № 2. СПб., 1873. С. 214; ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XLVIII-I. № 53187. СПб., 1876. С. 311; Там же. Т. XLVIII-I. № 53539. СПб., 1876. С. 786–787; Т. XLVIII-II. № 53916. СПб., 1876. С. 258; Т. XLVIII-II. № 54087. СПб., 1876. С. 393; ЖМНП. № 8. СПб., 1873. С. 26; ЖМНП. № 1. СПб., 1874. С. 5–6; ЖМНП. № 3. СПб., 1874. С. 5; ПСЗРИ. Собр. второе. Т. XLIX-I. № 52403. СПб., 1876. С. 863–864; Там же. Т. XLIX-I. № 52404. СПб., 1876. С. 864; Т. XLIX-II. № 52538. СПб., 1876. С. 140; Т. XLIX-II. № 52726. СПб., 1876. С. 371–372; Т. XLIX-II. № 52730. СПб., 1876. С. 372–373; Т. XLIX-II. № 52914. СПб., 1876. С. 590; ЖМНП. № 5. СПб., 1874. С. 18–19; ПСЗРИ. Собр. второе. Т. L-I. № 54270. СПб., 1877. С. 32; Там же. Т. L-I. № 54410. СПб., 1877. С. 197–198; Т. L-I. № 54412. СПб., 1877. С. 198; Т. L-I. № 54525. СПб., 1877. С. 274; Т. L-II. № 55089. СПб., 1877. С. 252–253; Т. L-II. № 55120. СПб., 1877. С. 293–294; Т. L-II. № 55196. СПб., 1877. С. 322; ЖМНП. № 5. СПб., 1875. С. 4–5; ЖМНП. № 12. СПб., 1875. С. 111–112; ПСЗРИ. Собр. второе. Т. LI-I. № 55607. СПб., 1878. С. 153; Там же. Т. LI-I. № 55772. СПб., 1878. С. 269; Т. LI-I. № 55881. СПб., 1878. С. 423; Т. LI-I. № 55991. СПб., 1878. С. 540–541; Т. LI-II. № 56313. СПб., 1878. С. 142; Т. LI-II. № 56783. СПб., 1878. С. 569; ЖМНП. № 6. СПб., 1876. С. 71; ПСЗРИ. Собр. второе. Т. LII-I. № 56949. СПб., 1879. С. 112; Там же. Т. LII-I. № 57356. СПб., 1879. С. 630; Т. LII-I. № 57357. СПб., 1879. С. 630; Т. LII-II. № 57935. СПб., 1879. С. 284; Т. LIII-I. № 58310. СПб., 1880. С. 186; Т. LIII-I. № 58442. СПб., 1880. С. 297; Т. LIII-I. № 58582. СПб., 1880. С. 378; Т. LIII-I. № 58661. СПб., 1880. С. 459; Т. LIII-II. № 58737. СПб., 1880. С. 40; Т. LIII-II. № 58738. СПб., 1880. С. 40; Т. LIII-II. № 59067. СПб., 1880. С. 260; ЖМНП. № 9. СПб., 1878. С. 98–99; ПСЗРИ. Собр. второе. Т. LIV-I. № 59197. СПб., 1881. С. 6; Там же. Т. LIV-I. № 59202. СПб., 1881. С. 7; Т. LIV-II. № 59845. СПб., 1881. С. 3; Т. LIV-II. № 59892. СПб., 1881. С. 26–27; Т. LIV-II. № 59894. СПб., 1881. С. 27; Т. LIV-II. № 60116. СПб., 1881. С. 200; ЖМНП. № 6. СПб., 1879. С. 72–73; ПСЗРИ. Собр. второе. Т. LV-I. № 60632. СПб., 1884. С. 58; Т. LV-I. № 60644. СПб., 1884. С. 64–65; Т. LV-I. № 61030. СПб., 1884. С. 348–349; Т. LV-I. № 61191. СПб., 1884. С. 469–470; Т. LV-I. № 61421. СПб., 1884. С. 615; Т. LV-I. № 61808. СПб., 1884. С. 848–849; Т. LV-I. № 61893. СПб., 1884. С. 944; ЖМНП. № 7. СПб., 1881. С. 14; № 11. СПб., 1881. С. 9; № 11. СПб., 1881. С. 9–10; № 2. СПб., 1882. С. 66; № 12. СПб., 1882. С. 33; № 3. СПб., 1883. С. 15–17; № 5. СПб., 1884. С. 33–34; № 7. СПб., 1884. С. 33–34; № 6. СПб., 1885. С. 42–45; № 6. СПб., 1885. С. 45; № 7. СПб., 1885. С. 62–63; № 5. СПб., 1886. С. 13; № 9. СПб., 1886. С. 40; № 10. СПб., 1886. С. 61–62; № 1. СПб., 1887. С. 4; № 3. СПб., 1887. С. 3–4; № 4. СПб., 1887. С. 45; № 11. СПб., 1887. С. 6; № 12. СПб., 1887. С. 44; № 2. СПб., 1888. С. 55; № 4. СПб., 1888. С. 28; № 9. СПб., 1888. С. 8; № 3. СПб., 1889. С. 11; № 6. СПб., 1889. С. 36–37; № 8. СПб., 1889. С. 80, 84; № 11. СПб., 1889. С. 83–84; № 2. СПб., 1890. С. 39; № 9. СПб., 1890. С. 10; № 4. СПб., 1890. С. 25; № 11. С. 40, 42–43; № 12. СПб., 1890. С. 232–233, 237; № 1. СПб., 1891. С. 9–10, 14–15; № 3. СПб., 1891. С. 13–14; № 1. СПб., 1892. С. 7–8, 10–11; № 2. СПб., 1892. С. 23; № 7. СПб., 1892.

Мы рассчитали, какую сумму будет составлять в месяц каждая частная стипендия, распределили их в таблице, указав размер и факультет.

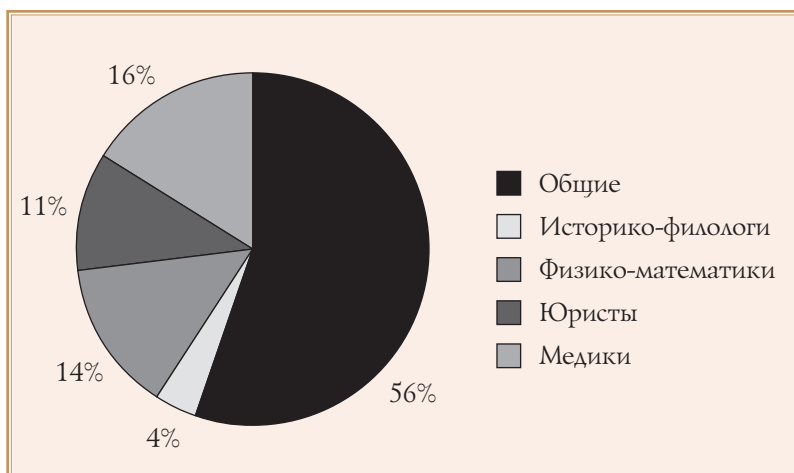
Таблица 2. Частные стипендии, существующие в Московском университете в 1860–1904 гг.

Общие	Историко-фи- лологический	Физико-мате- матический	Юридический	Медицинский
1 по 2 р. 8 к.	1 по 20 р.	19 по 9 р.	1 по 4 р. 16 к.	2 по 11 р.
1 по 4 р. 16 к.	1 по 21 р. 88 к.	1 по 12 р. 50 к.	2 по 4 р. 17 к.	2 по 12 р. 50 к.
1 по 5 р.	2 по 24 р. 17 к.	2 по 14 р. 76 к.	1 по 8 р. 33 к.	1 по 15 р. 42 к.
2 по 5 р. 50 к.	4 по 25 р.	1 по 15 р.	5 по 9 р.	4 по 16 р. 60 к.
6 по 6 р.	2 по 30 р.	1 по 19 р. 63 к.	1 по 9 р. 17 к.	3 по 16 р. 67 к.
1 по 6 р. 94 к.	2 по 33 р. 33 р.	1 по 20 р.	1 по 9 р. 85 к.	1 по 17 р. 81 к.
2 по 7 р.	1 по 31 р. 94 к.	3 по 22 р. 22 к.	1 по 10 р. 42 к.	1 по 19 р. 63 к.
1 по 7 р. 29 к.	1 по 35 р. 42 к.	6 по 25 р.	1 по 12 р. 50 к.	1 по 19 р. 79 к.
1 по 7 р. 50 к.		1 по 27 р. 91 к.	2 по 13 р. 85 к.	2 по 20 р.
1 по 7 р. 91 к.		1 по 31 р. 66 к.	3 по 16 р. 67 к.	6 по 20 р. 83 к.
33 по 8 р. 33 к.		2 по 33 р. 33 к.	1 по 20 р.	1 по 22 р. 91 к.
1 по 9 р. 17 к.		1 по 35 р. 42 к.	3 по 20 р. 83 к.	21 по 25 р.
1 по 10 р.		10 по 41 р. 67 к.	2 по 21 р. 67 к.	1 по 25 р. 25 к.
1 по 10 р. 41 к.		1 по 62 р. 50 к.	1 по 23 р. 75 к.	1 по 25 к. 83 к.

С. 11; № 12. СПб., 1892. С. 11–12; № 2. СПб., 1893. С. 65; № 3. СПб., 1893. С. 10; № 6. СПб., 1893. С. 61; № 12. СПб., 1893. С. 34; № 3. С. 17; № 6. СПб., 1894. С. 47, 53; № 10. СПб., 1894. С. 46; № 11. СПб., 1894. С. 6, 114; № 1. СПб., 1895. С. 12, 14–17; № 5. СПб., 1895. С. 28–29; № 6. СПб., 1895. С. 66–67; № 7. СПб., 1895. С. 21–22; № 8. СПб., 1895. С. 87–88, 94; № 10. СПб., 1895. С. 99; № 1. СПб., 1896. С. 27–28; № 5. СПб., 1896. С. 39–40; № 7. СПб., 1896. С. 16–17, 23–26, 28–29; № 9. СПб., 1896. С. 53; № 10. СПб., 1896. С. 81–82; № 11. СПб., 1897. С. 8, 10; № 12. СПб., 1897. С. 47, 50; № 5. СПб., 1898. С. 87–88; № 12. СПб., 1898. С. 65–66; № 2. СПб., 1899. С. 78, 84; № 3. СПб., 1899. С. 30–31; № 10. СПб., 1899. С. 121, 126–127; № 12. СПб., 1899. С. 50–51; № 6. СПб., 1900. С. 76, 78, 79, 119; № 12. СПб., 1900. С. 63–64; № 2. СПб., 1901. С. 90–91; № 7. СПб., 1901. С. 43; № 9. СПб., 1901. С. 32; № 1. СПб., 1902. С. 46; № 5. СПб., 1902. С. 37; № 7. СПб., 1902. С. 37, 38, 40; № 8. СПб., 1902. С. 101; № 1. СПб., 1903. С. 30, 32; № 3. СПб., 1903. С. 56–57, 59; № 5. СПб., 1903. С. 35; № 7. СПб., 1903. С. 102; № 9. СПб., 1903. С. 24; № 1. СПб., 1904. С. 12–13; № 2. СПб., 1904. С. 109–110.

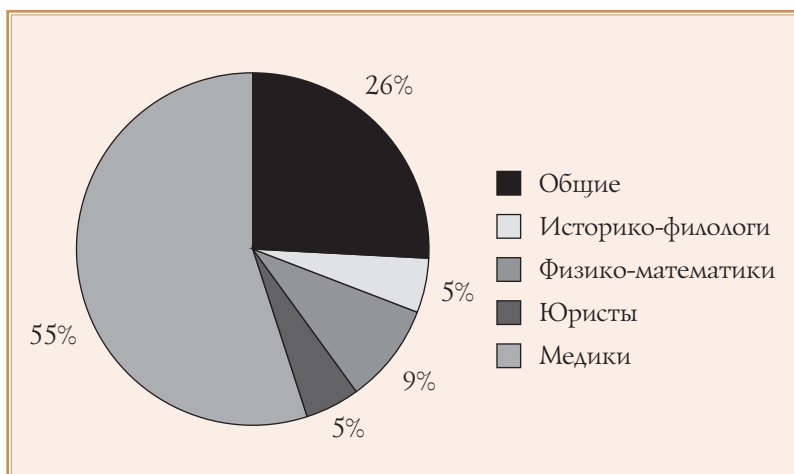
Общие	Историко-фи- лологический	Физико-мате- матический	Юридический	Медицинский
5 по 10 р. 42 к.			1 по 24 р. 7 к.	1 по 29 р. 16 к.
2 по 11 р. 4 к.			4 по 25 р.	2 по 31 р. 66 к.
1 по 11 р. 68 к.			1 по 31 р. 94 к.	1 по 31 р. 94 к.
1 по 11 р. 80 к.			5 по 33 р. 33 к.	4 по 33 р. 33 к.
20 по 12 р. 50 к.			1 по 35 р. 42 к.	1 по 35 р. 42 к.
1 по 13 р. 75 к.			2 по 41 р. 67 к.	1 по 41 р. 66 к.
1 по 14 р. 58 к.			1 по 52 р. 8 к.	1 по 52 р. 8 к.
2 по 15 р.				1 по 60 р. 41 к.
6 по 16 р. 67 к.				1 по 85 р. 21 к.
1 по 16 р. 70 к.				
3 по 16 р. 80 к.				
1 по 19 р. 75 к.				
5 по 19 р. 79 к.				
5 по 20 р.				
1 по 20 р. 20 к.				
10 по 20 р. 83 к.				
51 по 25 р.				
1 по 25 р. 33 к.				
1 по 25 р. 25 к.				
1 по 26 р. 67 к.				
1 по 29 р. 5 к.				
3 по 29 р. 17 к.				
1 по 29 р. 48 к.				
2 по 30 р.				
17 по 33 р. 33 к.				
1 по 35 р. 20 к.				
1 по 37 р. 8 к.				
1 по 50 р.				
1 по 62 р. 50 к.				
1 по 83 р. 33 к.				

Схема 2. Частные стипендии, существующие в Московском университете в 1860–1904 гг. в процентном соотношении

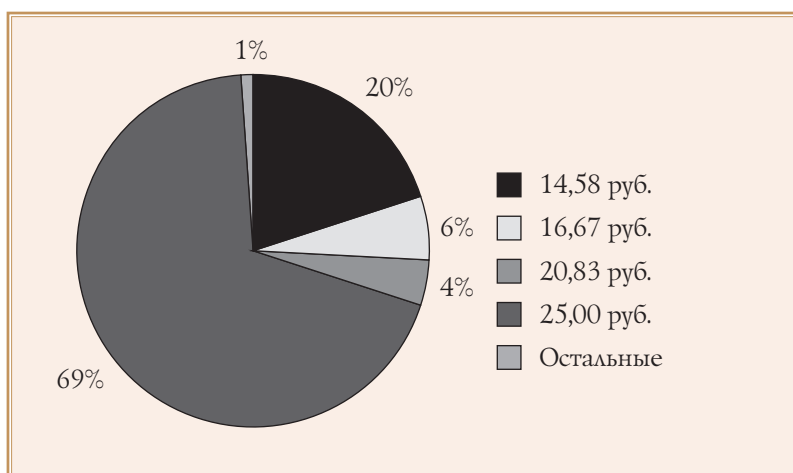
Совместим данные о частных и государственных стипендиях.

Схема 3. Государственные и частные стипендии, существующие в Московском университете в 1860–1904 гг. в процентном соотношении

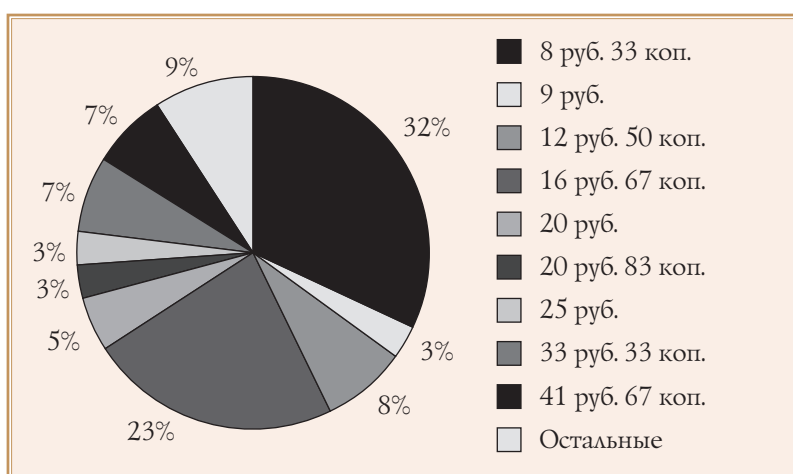
Нас больше всего интересовало то, какой размер стипендии был наиболее популярен. Среди государственных стипендии по размерам соотносились следующим образом.

Схема 4. Размер государственных стипендий, существующих в Московском университете в 1860–1904 гг. в процентном соотношении

Очевидно, что наиболее распространены были стипендии в 25 р. в месяц (68%). Посмотрим, как обстояли дела с частными стипендиями.

Схема 5. Размер частных стипендий, существующих в Московском университете в 1860–1904 гг. в процентном соотношении

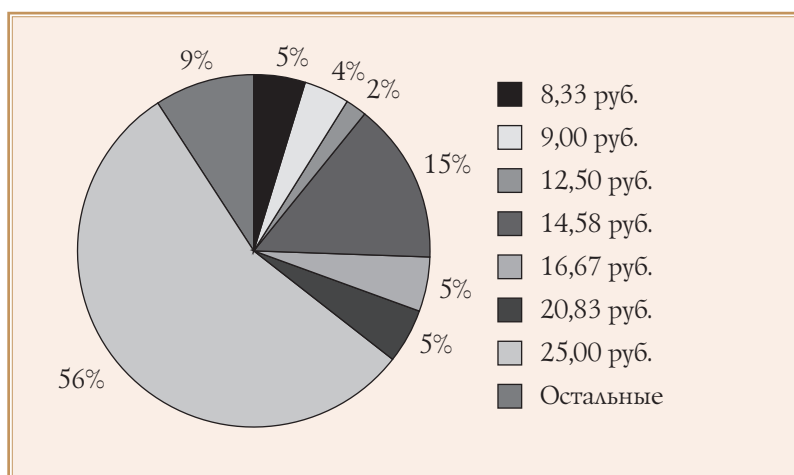

Здесь стипендии в 25 р. в месяц составляют всего лишь 23%, но при этом стоит отметить, что существовало больше 70 вариантов размеров стипендий (от 2 р. 8 к. в месяц до 85 р. 21 к. в месяц). Стипендия размером в 25 р. в месяц оставалась самой распространенной: было открыто

86 стипендий такого размера (на втором месте по числу основанных стипендий следовали стипендии в 8 р. 33 к. в месяц, открытые в количестве 34 штук).

Чтобы оценить размер стипендий относительно их общего количества, составим также и эту схему.

Схема 6. Размер частных стипендий, существующих в Московском университете в 1860—1904 гг. в процентном соотношении

По схеме видно, что стипендия в 25 р. в месяц может быть названа самой распространенной среди государственных и частных стипендий (55%). Если размер частных стипендий целиком зависел от материальных возможностей и желания благотворителей, то столь большая распространенность среди государственных стипендий в 25 р. в месяц может быть проявлением государственной политики, а также отражением представления о среднем студенческом бюджете.

Важной статьёй дохода студента были его подработки.

В газете «Московский листок», выходившей с 1881 г. и рассмотренной нами до 1904 г., среди многообразия объявлений можно найти и студенческие объявления. Эта ежедневная газета была выбрана нами потому, что, с одной стороны, была относительно недорогой (стоимость подписки на месяц — 1 р. в течение всех рассмотренных лет), а с другой стороны, контингент читателей должен был быть относительно демократическим (в сравнении, к примеру, с «Московскими ведомостями»), что можно определить по тематике даваемых объявлений. В редких случаях

это были объявления о поиске студентами квартиры, большинство предлагали свои услуги в качестве преподавателей, причем часто один и тот же студент не ограничивался одним объявлением, а давал несколько объявлений за год. Нами были проанализированы все выпуски ежедневной газеты начиная с 1881 г. (с 1882 г. в ней появились интересные нам объявления). За эти 23 года всего 802 студента дали объявления о поисках подработок.

Мы не можем на основе статистики поданных студентами объявлений говорить о том, сколько именно студентов получили работу и каков был их заработок. Можем лишь констатировать большой интерес студентов к поиску средств к подработке уроками. Как же студенты оценивали стоимость своих услуг по урокам и репетиторству? 87 из 807 (10,85%) студентов были согласны давать уроки за «обед и комнату». В объявлениях студенты редко указывают цену, на которую они рассчитывают, посмотрим на примеры редких исключений. В 1888 г. один студент был согласен взять урок на лето «не дешевле 40 р. в месяц»⁴⁵, другой предлагал «рубль за урок»⁴⁶. В 1894 г. студент искал урок «за самую умеренную плату (10 р. в мес.)»⁴⁷. В 1896 г. студент был согласен давать уроки «за плату от 5 руб. в месяц»⁴⁸. В 1897 г. студент предлагал урок «по математике, за урок 3 р.»⁴⁹. В 1899 г. была заявлена самая высокая цена: «студент дает уроки здесь и на дачах, за хорошее вознаграждение (в отъезд — 100 р. в месяц)»⁵⁰.

Эти данные очень разнятся и касаются разных категорий (указана цена за урок или за месяц), по ним мы не можем делать выводов о том, какой была плата в действительности, так как мы не знаем, сколько часов и по скольким предметам нанимали студентов, а главное, не можем проверить, действительно студенты в результате данных объявлений получали уроки по той цене, которую указывали. Встречные предложения на страницах газеты также встречаются и представляются более репрезентативными. Обратимся к примерам встречных предложений. В 1893 г. приглашали студента для гимназиста 2-го класса, «плата за мес. 14 р.»⁵¹. Ученика 5-го класса гимназии

⁴⁵ МЛ. № 140. 20 мая. М., 1888. С. 3.

⁴⁶ МЛ. № 257. 14 сентября. М., 1888. С. 3.

⁴⁷ МЛ. № 267. 25 сентября. М., 1894. С. 3.

⁴⁸ МЛ. № 234. 22 августа. М., 1896. С. 4.

⁴⁹ МЛ. № 276. 4 октября. М., 1897. С. 3.

⁵⁰ МЛ. № 123. 4 мая. М., 1899. С. 4.

⁵¹ МЛ. № 206. 26 июля. М., 1893. С. 4.

в 1896 г. предлагали репетировать студенту-филологу — «гонорар 15 руб. в месяц»⁵². Их было также немного, опять же мы не можем на их основании делать какие-либо обобщения. К сообщениям периодики можем добавить архивные данные. Студенту, решившему пополнить свой бюджет подработками, требовалась справка о благонадежности. Так, в 1870 г. с просьбой о выдаче такой справки обратилось 94 студента: «желая заниматься уроками в частных домах, покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне удовлетворение о благонамеренности моего поведения»⁵³. Полицейские сводки дают информацию и о размере заработка студента: в 1870 г. Александр Паперн «обучал сына Лемберха с получением 20 р. в месяц жалованья»⁵⁴.

Распределим студентов Московского университета по следующим пяти категориям: казенные стипендиаты, частные стипендиаты, получавшие помощь от «Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета», получавшие занятия от Общества, и остальные. В «Уставе» Общества была записано и неоднократно повторялось в отчетах за разные годы, что «правом на получение от Общества пособий пользуются только те недостаточные студенты, которые по каким-либо случайным, уважительным причинам лишены были возможности выполнить условия, установленные для получения пособий и других льгот от университета, и обстоятельствами поставлены в крайне затруднительное положение»⁵⁵, так что третья (получавшие помощь от Общества) и четвертая категории (получавшие занятия от Общества) не должны были пересекаться с первыми двумя (казенные и частные стипендиаты).

«Остальных» мы рассчитываем исходя из того, что в 1903 г. в университете обучалось 5054 студента⁵⁶, отнимая из этого числа количество студентов в перечисленных выше категориях. В «остальных» оказались включены те студенты, которые нашли себе занятия самостоятельно, без помощи Общества, а также те, которым помогали родители.

⁵² МЛ. № 357. 23 декабря. М., 1896. С. 4.

⁵³ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 46. Оп. 1. Д. 932. Л. 11.

⁵⁴ Там же. Л. 207.

⁵⁵ Устав Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета. Б. м., 1874. С. 11.

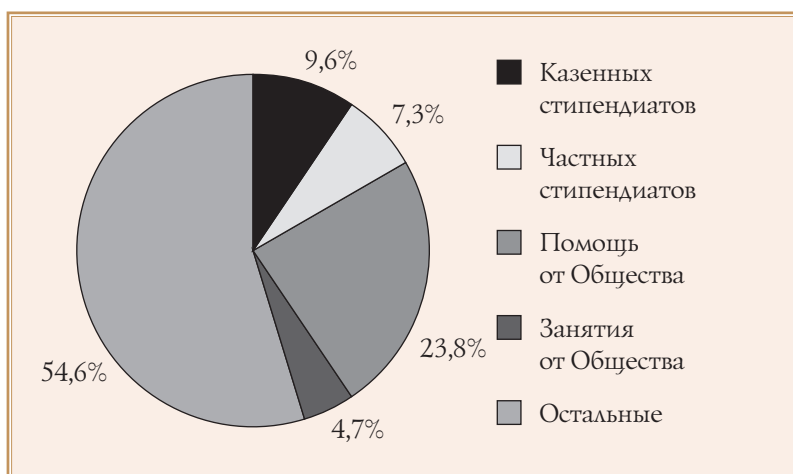
⁵⁶ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 515. Д. 94. Список студентов историко-филологического факультета I семестра 1903–1904 уч. г. Л. 1–316.

**Таблица 3. Распределение видов доходов студентов в 1903 г.
в абсолютном и процентном выражении**

Казенные стипендиаты	Частные стипендиаты	Получавшие помощь от Общества	Получавшие занятия от Общества	Остальные
486	369	1203	238	2758
9,6%	7,3%	23,8%	4,7%	54,6%

Для большей наглядности мы покажем распределение этих студенческих типов при помощи схемы.

Схема 7. Распределение видов доходов студентов в 1903 г.

Как мы видим, из общего количества студентов в 1903 г. 45,4% имели различную помощь от государства или частных благотворителей, стипендии могли получать 16,9% студентов. При этом надо иметь в виду, что получение государственных стипендий предполагало последующую отработку студентов, а «Общество для пособия нуждающимся студентам Московского университета» также указывало, что «пособия бедным студентам выдаются или безвозвратно, или же заимообразно, в виде ссуды»⁵⁷ (причем существовала гибкая система возвращения ссуды с процентами от 4 до 10 в зависимости от размера полученной помощи), так наилучшим вариантом для студента, наверное, можно признать получение частной стипендии.

⁵⁷ Устав Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета. Б. м. и г. С. 11.

Мог ли студент иметь несколько источников дохода? Как видим, помощь Общества исключала другие источники, стипендией были охвачены лишь 16,9%, так что, скорее всего, можно говорить о сочетании помощи от родителей, заработка и частной стипендии.

Сопоставим полученные данные со сведениями из переписи М.А.Членова: в 1903 г. студенты на вопрос **об имущественном положении** отвечали так: необеспеченность — 458 (21,5%), средняя обеспеченность — 1381 (64,9%), обеспеченность выше среднего — 275 (12,9%), богатство — 15 (0,7%). При этом **живет только личным трудом** — 185 (7,8%), **или поддержкой** (от родителей — 1357 (57,2%), стипендии — 244 (10,3%), капитал — 64 (2,7%) и т.д. — 21 (0,9%)), **или тем и другим?** — 503 (21,1%).

Занятия? — 1975 (91,9%). Исключительно университетская — 154 (58,5%) или еще другая (уроки — 614 (31,3%), переписка — 56 (2,9%), служба в конторе — 30 (1,5%), контроле ж/д — 12 (0,6%), театрах — 19 (0,9%) и т.д. — 90 (4,5%))⁵⁸.

Интересно, что **имущественное положение** своей семьи студенты оценивали так: (93,9%) (среднее — 1347 (66,7%), выше среднего — 272 (13,5%), ниже среднего — 401 (19,7%))⁵⁹. Тогда цифры получавших помощь от семьи (57,2%) и оценивших ее достаток как средний (66,7%) примерно сопоставимы, как и число студентов, оценивших свое состояние как необеспеченное (21,5%) и отметивших положение семьи как ниже среднего (19,7%)⁶⁰, что позволяет говорить о большой роли помощи от родных для студентов.

В 1903 г. в Московском университете училось 5054 студента, из них государственные стипендии получали 9,6% студентов (т.е. 486 студентов), из них стипендии в 25 р. в месяц и выше в 1903 г. получали 68%, т.е. 330 человек. Частные стипендиаты составляли 7,3% учащихся, т.е. 369, из которых стипендию в 25 р. в месяц и выше получали 53%, т.е. 197 человек. Таким образом, 527 человек в 1903 г. могли существовать только на стипендию, что составляет 10,4% от всех студентов. Стипендиаты, получавшие меньшую стипендию (328 студентов, или 6,5%), сочетали ее с другими видами дохода.

Мы рассмотрели разные варианты пополнения студентами своего бюджета: 16,9% студентов получали стипендию, 28,5% получали помощь от Общества, т. е. мы точно знаем источник дохода 45,4% студентов. Как же

⁵⁸ Членов М.А. Указ. соч. С. 28–75.

⁵⁹ Там же. С. 3.

⁶⁰ Членов М.А. Указ. соч. С. 28–75.

жили оставшиеся 54,6% студентов? Мы полагаем, что они получали помощь от родных. Наши расчеты соотносятся с данными переписи М.А. Членова, опросившего 43% студентов в 1903 г. и пришедшего к выводу о том, что 57,2% студентов получали помощь от родителей.

Обратимся теперь к расходной части студенческого бюджета. Расчеты П. Иванова выглядят следующим образом⁶¹:

квартира: «на квартиру с прислугой идет 11 р. За эти деньги можно найти комнату для одного, довольно скверную», «комната за 22 р. [на двоих] уже сносная»;

питание: «большинство студентов пользуются полусытными и нездоровыми обедами в кухмистерских. Минимальная плата за обед в этих столовых 7 р. 50 к. Такая же цена и в платной столовой «Общества для пособия нуждающимся студентам». Также в ежемесячный бюджет П. Иванов включал следующие статьи расходов:

1. «чай четверка — 50 к.»;
2. «сахару — по 4 куска утром и вечером (студенты обыкновенно пьют по 2 стакана и кладут по 2 куска) — в месяц выйдет около 5 ф. — 80к.»;
3. «хлеба обыкновенно съедается утром на 5 к. и вечером на 5 — в месяц 3 р.»;
4. «освещение при небольшой лампе — 50 к.»;
5. «прачка — 1 р.»;
6. «мелкие расходы (баня, мыло, почтовые марки, бумага, зубной порошок и проч.) — 50 к.».

Итого получается 24 р. 80 к.

Как видно из этих расчетов, львиная доля расходов приходилась на оплату жилья. По данным переписи М.А. Членова, в 1903 г. в семьях проживали 455 (26,1%) студентов, в общежитии (казенное — 72 (4,1%), лепешкинское — 10 (0,5%), ляпинское — 3 (0,1%); в меблированных комнатах — 109 (6,3%), на частных квартирах — 1100 (62,9%)⁶².

Обратимся к расходам на жилье, актуальным почти для 70% студентов. П. Иванов приводит данные на цену комнаты с прислугой.

В архивных материалах встречаются указания на существование у студентов прислуги: среди материалов Тверской части за 1892 г. находим пример интереса к персоне студента Павла Федорова Короткевича, о котором, в числе прочего, хотели выяснить, «в течение какого именно времени, откуда показан прибывшим и куда выбывшим, а также кто был у него в

⁶¹ Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (очерки). М., 1903. С. 3–5.

⁶² Членов М.А. Указ. соч. С. 28–75.

качестве прислуги, кто были квартирохозяева или домовладельцы»⁶³. В том же 1892 г. в Хамовнической части считали необходимым узнать о студенте Московского университета Николае Николаеве Шатерникове, «откуда показан прибывшим и кто был у него в качестве прислуги?»⁶⁴. Но мы не знаем материального достатка этих студентов. К сожалению, в объявлениях «МЛ» цена комнат указывалась крайне редко, поэтому у нас нет возможности сравнить цену на комнату с прислугой и без нее. Мы распределили объявления о сдаче комнат с указанием цены по ее возрастанию.

Таблица 4. Объявления о сдаче комнат с ценой

10 р. / мес.	1 ⁶⁵ ; 1 ⁶⁶ ; 1 ⁶⁷ — итого 3
12 р. / мес.	1 ⁶⁸
13 р. / мес.	1 ⁶⁹
15 р. / мес.	1 ⁷⁰ ; 1 ⁷¹ ; 1 ⁷² — итого 3
16 р. / мес.	1 ⁷³
20 р. / мес.	1 ⁷⁴ ; 1 ⁷⁵ ; 1 ⁷⁶ ; 1 ⁷⁷ — итого 4
29 р. / мес.	1 ⁷⁸
35 р. / мес.	1 ⁷⁹

Как видно из таблицы, стоимость комнаты разнилась весьма значительно — от 10 до 35 р. Такие данные, к тому же взятые на промежутке с 1882

⁶³ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1120. Л. 21, это — для характеристики источников.

⁶⁴ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1212. Л. 11–11об.

⁶⁵ МЛ. № 116. 29 апреля. М., 1883. С. 3.

⁶⁶ МЛ. № 27. 27 января. М., 1886. С. 3.

⁶⁷ МЛ. № 23. 23 января. М., 1904. С. 4.

⁶⁸ МЛ. № 213. 2 августа. М., 1903. С. 4.

⁶⁹ МЛ. № 121. 2 мая. М., 1902. С. 4.

⁷⁰ МЛ. № 61. 2 марта. М., 1887. С. 3.

⁷¹ МЛ. № 234. 22 августа. М., 1904. С. 5.

⁷² МЛ. № 340. 6 декабря. М., 1904. С. 5.

⁷³ МЛ. № 83. 24 марта. М., 1901. С. 4.

⁷⁴ МЛ. № 257. 17 сентября. М., 1884. С. 4.

⁷⁵ МЛ. № 264. 22 сентября. М., 1903. С. 4.

⁷⁶ МЛ. № 44. 13 февраля. М., 1885. С. 4.

⁷⁷ МЛ. № 317. 15 ноября. М., 1885. С. 4.

⁷⁸ МЛ. № 302. 2 ноября. М., 1882. С. 4.

⁷⁹ МЛ. № 102. 13 апреля. М., 1887. С. 3.

по 1904 г., не представляются нам достаточными для того, чтобы мы могли говорить о том, за сколько студенты могли снять комнату. Подавляющее число объявлений не содержало указаний на стоимость комнаты, значит, ее стоимость определялась уже в процессе торга нанимателя и хозяина. К тому же, даже зная стоимость каждой комнаты из объявлений, мы не можем гарантировать, что жильцами в этих комнатах становились именно студенты.

Среди газетных объявлений о сдаче жилья попадались не только предложения об аренде комнаты или квартиры, но и рекламы меблированных комнат. Несмотря на то, что П. Иванов в очерках такой выбор жилья предполагал только для студентов относительно зажиточных (с бюджетом 35 р. или 50 р. в месяц), потому что, по его словам, цена такого жилья начиналась от 20 р. в месяц и заканчивалась 40 р. в месяц⁸⁰, «МЛ» предполагает куда большее разнообразие ценовой политики. С 1882 по 1903 г. мы находим объявления-приглашения поселиться в меблированных комнатах и гостиницах. Собранные данные мы проиллюстрируем таблицей и схемой.

Таблица 5. Рекламы меблированных комнат

Стоимость комнаты в меблированных комнатах	Меблированные комнаты по данной цене	Количество
8 р. / мес.	Без названия ⁸¹ ; «Свет» ⁸² ; «Париж» ⁸³ ; в доме Шильбах ⁸⁴ ; без названия ⁸⁵	5
10 р. / мес.	Без названия ⁸⁶ ; без названия ⁸⁷ ; «Белосток» ⁸⁸ ; без названия ⁸⁹ ; «дом Харитова» ⁹⁰ ; «Железных дорог» ⁹¹ ; «Веста» ⁹² ; без названия ⁹³	8

⁸⁰ Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (очерки). М., 1903. С. 29.

⁸¹ МЛ. М., 1884. № 27. 28 января. С. 4.

⁸² МЛ. М., 1888. № 117. 27 апреля. С. 3.

⁸³ МЛ. М., 1887. № 258. 8 сентября. С. 3.

⁸⁴ МЛ. М., 1887. № 281. 9 октября. С. 3.

⁸⁵ МЛ. М., 1894. № 154. 5 июня. С. 3.

⁸⁶ МЛ. М., 1882. № 221. 13 августа. С. 1.

⁸⁷ МЛ. М., 1883. № 116. 29 апреля. С. 3.

⁸⁸ МЛ. М., 1885. № 228. 18 августа. С. 4.

⁸⁹ МЛ. М., 1886. № 40. 9 февраля. С. 3.

⁹⁰ МЛ. М., 1887. № 102. 13 апреля. С. 3.

⁹¹ МЛ. М., 1887. № 204. 24 июля. С. 4.

⁹² МЛ. М., 1890. № 188. 8 июля. С. 4.

⁹³ МЛ. М., 1902. № 341. 8 декабря. С. 4.

Стоимость комнаты в меблированных комнатах	Меблированные комнаты по данной цене	Количество
12 р. / мес.	«Восточные» ⁹⁴ ; «Дрезден» ⁹⁵ ; без названия ⁹⁶ ; «Волга» ⁹⁷ ; «дом Яковлева» ⁹⁸ ; «Урал» ⁹⁹	6
14 р. / мес.	«Надежда» ¹⁰⁰	1
15 р. / мес.	«Аркадия» ¹⁰¹ ; «номера Фальц-Фейна» ¹⁰² ; «Надежда» ¹⁰³ ; «дом Карлони» ¹⁰⁴ ; без названия ¹⁰⁵ ; в доме Соловьева ¹⁰⁶ ; «Ялта» ¹⁰⁷ ; комнаты Пляцентовой ¹⁰⁸ ; без названия ¹⁰⁹	9
16 р. / мес.	«Семёнова» ¹¹⁰	1
18 р. / мес.	«Китай» ¹¹¹ ; «бывшие Зальца» ¹¹² ; без названия ¹¹³ ; комнаты Гусятниковой ¹¹⁴	4
20 р. / мес.	«Версаль» ¹¹⁵	1
25 р. / мес.	«Саров» ¹¹⁶	1
29 р. / мес.	без названия ¹¹⁷	1

⁹⁴ МЛ. М., 1882. № 151. 4 июня. С. 4.

⁹⁵ МЛ. М., 1882. № 159. 12 июня. С. 4.

⁹⁶ МЛ. М., 1899. № 187. 7 июля. С. 4.

⁹⁷ МЛ. М., 1902. № 76. 17 марта. С. 4.

⁹⁸ МЛ. М., 1903. № 248. 6 сентября. С. 4.

⁹⁹ МЛ. М., 1901. № 33. 2 февраля. С. 4.

¹⁰⁰ МЛ. М., 1891. № 161. 11 июня. С. 3.

¹⁰¹ МЛ. М., 1883. № 5. 6 января. С. 4.

¹⁰² МЛ. М., 1885. № 48. 17 февраля. С. 4.

¹⁰³ МЛ. М., 1885. № 228. 18 августа. С. 4.

¹⁰⁴ МЛ. М., 1886. № 155. 6 июня. С. 4.

¹⁰⁵ МЛ. М., 1887. № 13. 13 февраля. С. 3.

¹⁰⁶ МЛ. М., 1887. № 43. 12 февраля. С. 4.

¹⁰⁷ МЛ. М., 1902. № 66. 7 марта. С. 4.

¹⁰⁸ МЛ. М., 1901. № 207. 27 июля. С. 4.

¹⁰⁹ МЛ. М., 1903. № 257. 15 сентября. С. 4.

¹¹⁰ МЛ. М., 1883. № 241. 1 сентября. С. 4.

¹¹¹ МЛ. М., 1882. № 130. 14 мая. С. 3.

¹¹² МЛ. М., 1883. № 206. 28 июля. С. 4.

¹¹³ МЛ. М., 1902. № 351. 18 декабря. С. 4.

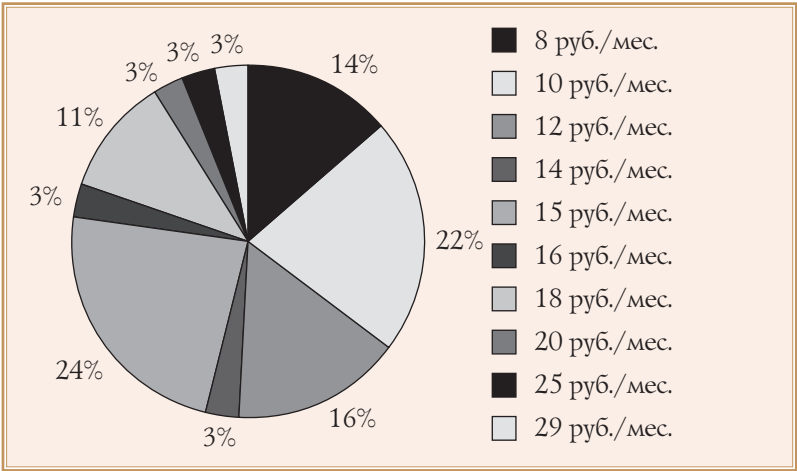
¹¹⁴ МЛ. М., 1901. № 350. 17 декабря. С. 4.

¹¹⁵ МЛ. М., 1883. № 257. 17 сентября. С. 1.

¹¹⁶ МЛ. М., 1903. № 193. 13 июля. С. 4.

¹¹⁷ МЛ. М., 1882. № 302. 2 ноября. С. 4.

Схема 8. Распределение цен на меблированные комнаты

Как видно из таблицы и схемы, П. Иванов ошибался в своих оценках стоимости житья в меблированных комнатах: средняя цена тут, очевидно, не 20 р. в месяц (всего 1 случай) и уж тем более не 40 р. в месяц, а 15 р. в месяц (9 из 37 объявлений) и 10 р. в месяц (8 из 37 объявлений), так что у студентов была возможность жить там. Пользовались ли они ею? В переписи Членова жильцами меблированных комнат указали себя 6,3% опрошенных студентов. Студенты, подающие в «МЛ» объявления о поисках занятий, указывали свои адреса, среди которых были и меблированные комнаты.

Таблица 6. Студенты, дающие объявления и живущие в меблированных комнатах относительно всех студентов, дающих объявления

Год	Все студенты, давшие объявления	Студенты, давшие объявления и живущие при этом в меблированных комнатах
1882	12	2
1883	26	4
1884	34	10
1885	26	6
1886	49	12
1887	88	16
1888	82	24

Год	Все студенты, давшие объявления	Студенты, давшие объявления и живущие при этом в меблированных комнатах
1889	64	12
1890	61	9
1891	29	2
1892	13	0
1893	36	4
1894	76	6
1895	37	2
1896	57	5
1897	66	3
1898	нет данных	
1899	28	0
1900	16	0
1901	0	0
1902	7	1
1903	4	0
1904	2	1
Итого:	823	119

Схема 9. Студенты, живущие и не живущие в меблированных комнатах (из числа студентов, дающих объявления)

Из числа всех студентов, дающих объявления, в меблированных комнатах жили 119, т.е. 15%. Объявления показали, что П. Иванов был не прав, полагая, что меблированные комнаты были недоступны студентам с бюджетом в 25 р. в месяц. Мы показали, что в среднем можно было снять меблированную комнату за 10–15 р. в месяц. Однако выводы мы делаем только на основе ограниченной выборки тех студентов, которые, живя в меблированных комнатах, давали объявления в газету. Хотя П. Иванов неточен в указании средней цены меблированных комнат, наши расчеты подтверждают его выводы о том, что большинство студентов жили в съемных частных квартирах, поэтому мы считаем возможным принять его расчет средней цены за съемную комнату в 11 р. в месяц, поскольку не располагаем достаточными данными ни для опровержения, ни для подтверждения этих цифр.

В расчетах П. Иванова о расходах студентов мы можем отметить некоторое противоречие этих данных со свидетельствами М.А. Членова, по которым не последнюю роль в студенческой повседневности играло удовлетворение их телесных и культурных потребностей (по свидетельству самих студентов, на половые сношения 54,7% опрошенных тратили в месяц от 5 до 10 руб.; а в театре на момент учебы в университете бывали 97,9% студентов, из которых 44,8% признавали себя заядлыми театрами¹¹⁸), между тем как бюджет П. Иванова в 25 руб. отказывает им в таких удовольствиях. Скупое освещение у П. Иванова и меню студента.

Для разрешения данного противоречия мы рассмотрели такие расходные статьи бюджета, как «питание» и «мелкие расходы». Для этого мы проанализировали данные «Ведомостей о справочных ценах на припасы и материалы в Москве» за 25 лет (1881–1904 гг.). Из них были отобраны те наименования, которые были необходимы студенту: средства гигиены (мыло, платки), писчие принадлежности (перья, чернила, карандаши, бумага, чернила) и свечи; продукты питания (снимая комнату в частной квартире, студент не имел возможности готовить, а потому набор покупаемых им продуктов ограничен готовыми к употреблению).

Рассмотрим колебания цен на продукты питания.

¹¹⁸ Членов М.А. Указ. соч. С. 28–75.

Таблица 7. Цены на продукты питания за 1881—1904 гг.¹¹⁹

Год Предмет	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Говядина парная частями	9 к.	11 к.	—	2 р. 80 к.	3 р. 40 к.	—	6 к.	—	7 к.	6 к.	5 к.	5 к.
Солонина	13 к.	13 к.	—	17 к.	17 к.	—	10 к.	—	8 к.	10 к.	6 к.	5 к.
Ветчина вареная	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35 к.
Грудинка копченая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15 к.
Язык копченый	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	70 к.
Шпиг соленый	—	—	—	—	—	30 к.	—	25 к.	—	20 к.	20 к.	—
Молоко цельное	—	—	—	1 р. 50 к.	1 р.	—	1 р. 50 к.	—	1 р. 50 к.	1 р.	8 к.	8 к.
Молоко снятое	—	—	—	1 р. 50 к.	1 р. 20 к.	—	50 к.	—	40 к.	50 к.	50 к.	40 к.
Сливки	40 к.	40 к.	—	20 к.	15 к.	—	30 к.	—	30 к.	30 к.	35 к.	30 к.
Сметана	20 к.	40 к.	—	15 к.	15 к.	—	15 к.	—	15 к.	15 к.	15 к.	20 к.
Творог	10 к.	10 к.	—	5 к.	5 к.	—	7 к.	—	6 к.	6 к.	6 к.	6 к.
Масло	60 к.	60 к.	—	30 к.	35 к.	—	30 к.	—	30 к.	28 к.	28 к.	28 к.
Яйца	—	—	—	60 к.	2 р. 50 к.	—	2 р. 20 к.	—	2 р. 20 к.	2 р. 20 к.	2 р. 40 к.	2 р.
Хлеб пшеничный	10 к.	—	—	3 р. 60 к.	2 р. 80 к.	—	2 р.	—	2 р. 80 к.	2 р. 80 к.	—	—
Хлеб пеклеваный	—	7 к.	—	2 р. 40 к.	2 р.	—	2 р.	—	2 р. 40 к.	2 р.	2 р.	2 р. 40 к.
Хлеб ржаной	20 к.	10 к.	—	80 к.	80 к.	—	75 к.	—	80 к.	70 к.	70 к.	1 р. 50 к.
Сухари сдобные	—	25 к.	—	10 р.	10 р.	—	10 р.	—	10 р.	10 р.	10 р.	10 р.
Хлеб за штуку	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.

¹¹⁹ Остановимся на ценах первой недели января, ниже приведем цены: говядина (1882 г. — в тушах, 1884 и 1885 гг. — в пудах, остальные годы — в фунтах), солонина (1882 г. — в тушах, остальные годы — в фунтах), ветчина, грудинка и шпиг соленый (в фунтах), язык (в штуках), молоко цельное (1884—1890 гг. — в ведрах, с 1891 г. — в бутылках), молоко снятое (в ведрах), сливки (в бутылках), сметана, творог и масло (в фунтах), яйца (в 1884, 1894, 1895, 1897—1904 гг. — в десятках, 1885—1893 и 1896 г. — в сотнях), хлеб и сухари (в пудах), хлеб за штуку (в штуках).

Год Предмет	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904
Говядина парная частями	5 к.	6 к.	5 к.	5 к.	4 к.	4 к.	5 к.	6 к.	5 к.	4 к.	5 к.	5 к.
Солонина	8 к.	8 к.	8 к.	7 к.	7 к.	7 к.	7 к.	7 к.	8 к.	8 к.	7 к.	7 к.
Ветчина вареная	30 к.	20 к.	25 к.	20 к.	25 к.	18 к.	30 к.	23 к.	25 к.	20 к.	35 к.	35 к.
Грудинка копченая	25 к.	25 к.	18 к.	20 к.	18 к.	15 к.	16 к.	25 к.	20 к.	20 к.	30 к.	15 к.
Язык копченый	40 к.	80 к.	80 к.	65 к.	80 к.	70 к.	70 к.	70 к.	80 к.	70 к.	80 к.	90 к.
Шпиг соленый	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Молоко цельное	8 к.	7 к.	6 к.	7 к.	6 к.	7 к.	7 к.	7 к.	7 к.	7 к.	6 к.	5 к.
Молоко снятое	55 к.	60 к.	50 к.	50 к.	40 к.	60 к.	40 к.	50 к.	40 к.	40 к.	40 к.	40 к.
Сливки	25 к.	30 к.	30 к.	25 к.	30 к.	30 к.	25 к.	20 к.	25 к.	30 к.	30 к.	30 к.
Сметана	15 к.	15 к.	20 к.	15 к.	15 к.	20 к.	20 к.	20 к.	20 к.	20 к.	25 к.	20 к.
Творог	6 к.	6 к.	6 к.	6 к.	6 к.	8 к.	8 к.	6 к.	6 к.	6 к.	6 к.	6 к.
Масло	28 к.	28 к.	28 к.	28 к.	28 к.	28 к.	30 к.	33 к.	32 к.	32 к.	38 к.	40 к.
Яйца	2 р. 30 к.	40 к.	70 к.	2 р. 20 к.	50 к.	40 к.	50 к.	50 к.	50 к.	35 к.	50 к.	35 к.
Хлеб пшеничный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хлеб пекле- ванный	2 р.	1 р. 60 к.	1 р. 60 к.	1 р. 20 к.	1 р. 30 к.	1 р. 30 к.	1 р. 35 к.	1 р. 35 к.	1 р. 50 к.	1 р. 60 к.	1 р. 60 к.	1 р. 60 к.
Хлеб ржаной	1 р.	90 к.	90 к.	50 к.	50 к.	70 к.	75 к.	70 к.	68 к.	75 к.	70 к.	70 к.
Сухари сдобные	10 р.	10 р.	10 р.	3 р. 50 к.	3 р. 55 к.	3 р. 55 к.	3 р. 50 к.	3 р. 50 к.	3 р. 50 к.	3 р. 80 к.	3 р. 80 к.	3 р. 80 к.
Хлеб за- штуку	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.	5 к.

Составляя бюджет студента 1903 г., используем из таблицы цены за 1903 г.

Теперь мы обладаем всеми необходимыми данными для реконструкции студенческих бюджетов, но сталкиваемся со следующим затруднением: данные М.А. Членова показывают нам, какими разнообразными были московское студенчество и его повседневность. Выбранный размер бюджета студента (25 р.) не позволяет включить в него все возможное разнообразие досуга, но непонятно, какой его части он должен будет тогда лишиться. Выходом из этого противоречия может стать составление двух альтерна-

тивных вариантов бюджета: в одном случае первыми будут рассчитывать телесные потребности, в другом — духовные. Бюджет при этом будет составлен на 1903 г., так как тогда в него можно будет внести как данные П. Иванова, так и М.А. Членова.

Вариант первый. Бюджет в 25 р. для студента Московского университета 1903 г., увлеченного плотскими наслаждениями.

Важным расходом была плата за квартиру, потому из 25 р. вычитаем 11 р., остаются 14 р. Сопоставим расчеты П. Иванова («освещение при небольшой лампе — 50 к.») и собственные данные, касающиеся освещения. Мы не располагаем данными о расходе свечей на освещение, знаем лишь самую низкую цену на свечи за пуд — 6 р. 80 к.¹²⁰ Как видим, эти числа несопоставимы, значит, пуд свечей расходовался скорее всего не за месяц, а за год.

«Учебные полугодия продолжаются: первое — с 20 августа по 20 декабря, а второе — с 15 января по 30 мая»¹²¹, т.е. учебный год длился 9 месяцев. Тогда за те 9 месяцев, которые студент снимал комнату, он тратил $6 \text{ р. } 80 \text{ к.} : 9 = 75 \text{ к.}$ Однако нам не известно доподлинно, что именно подразумевал П. Иванов под словом «лампа», поэтому оспаривать расчеты на освещение мы не станем.

Обратимся к тратам на «мелкие расходы». К ним П. Иванов относил баню, мыло, почтовые марки, бумагу, зубной порошок и прочее и выделял на все 50 к.¹²² Нам представляется странным, что, включив расходы на марки и бумагу, П. Иванов не указал расходы на чернила и перья. Из данных «Третних ведомостей»¹²³ мы возьмем необходимые наименования расходов: мыло зеленое — 3 р., самая дешевая бумага (стопа) — бумага писчая Протасьевской фабрики 8-го — 90 к., перья стальные (коробка) — 45 к. и чернила черные (фунт) — 40 к. Итого получается 4 р. 75 к., или 53 к. в месяц.

Но, помня сведения о студентах из «Половой переписи» М.А. Членова, в прочие расходы необходимо было бы включить и траты на табак, алкоголь, развлечения и др., что не уложится в отведенные 50 к. Получается, что расчеты П. Иванова в этой статье расхода не соотносятся с ценами того времени. Есть два возможных пути разрешения противоречия. Вариант первый — признать бюджет не соответствующим реальности, а в случае внесения в него указанных дополнительных трат размер этого бюджета неизбежно вырастет, но, как мы показали выше, именно 25 р. в месяц были

¹²⁰ Третние ведомости 1881–1904 гг.

¹²¹ ПСЗРИ. Собр. третье. Т. IV. 1884 г. № 2404. СПб., 1887. Отд. третий. Устройство учебной части. Гл. I. Преподавание. Ст. 65. С. 465.

¹²² Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (очерки). М., 1903. С. 4–5.

¹²³ Третние ведомости 1881–1904 гг.

наиболее распространенным размером студенческого бюджета. Поэтому мы склоняемся ко второму варианту, а именно — к вынесению трат на писчие принадлежности, предметы гигиены, освещение ввиду как их дороговизны, так и способа их продаж (мыло и свечи — в пудах) за пределы ежемесячного бюджета, отнеся их к годовым тратам. В пользу этого варианта также свидетельствует то, что такие крупные расходы, как покупка и содержание формы, книг и другие крупные статьи расхода, самим П. Ивановым в ежемесячный бюджет студента не вносятся.

В расчетах П. Иванова мы находим прачку как статью расхода в 1 р. в месяц. Стоимость рабочего дня работницы по Ведомостям к 1903 г. составляла 50 к. Видимо, студенты стирали свою одежду 2 раза в месяц (набор белья по П. Иванову включал по полдюжины каждого наименования предметов одежды¹²⁴), примем 1 р. на прачку как еще одну статью расхода.

Личная гигиена также заслуживает включения в ежемесячный студенческий бюджет. По словам В. Гиляровского, в Москве было до 60 бань, причем «рабочие и беднота [ходили] — в “простонародные” за пятак»¹²⁵. Даже в далеко не дешевых Сандуновских банях в 1896 г. можно было помыться в общих банях за 5 к.¹²⁶ Заложим в бюджет посещение студентом бани раз в неделю, на это уйдет, соответственно, 20 к. в месяц, добавим и 10 к. на стрижку (1 раз в месяц)¹²⁷, предположив, что студент брился сам или отращивал бороду (так как отдавать 10 к. на бритье ежедневно для него было бы верхом расточительства).

Соответственно, отнимаем 11 р. в месяц на квартиру, 1 р. на прачку и 30 к. на нужды личной гигиены, тогда мы располагаем 12 р. 70 к. для дальнейших расчетов.

К плотским наслаждениям относим половые сношения. Среди вопросов, предложенных студентам, М.А. Членова в том числе интересовало: «Сколько тратит на удовлетворение половых сношений в месяц? 5 р. — 120 (12,9%), 10 р — 73 (8%), меньше 5-ти — 264 (28,5%), больше 10 р. — 50 (5,3%) или ничего не тратит — 424 (45,5%)»¹²⁸. Остановимся на 5 р. в месяц

¹²⁴ Там же. С. 10.

¹²⁵ Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 1957. С. 234.

¹²⁶ МЛ. № 240. 28 августа. М., 1896. С. 1.

¹²⁷ МЛ. № 4. 4 января. М., 1904. С. 4; МЛ. № 14. 14 января. М., 1904. С. 4.

¹²⁸ Членов М.А. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 28–75. В «Половой переписи» М.А. Членова среди вопросов о половой жизни студентов приводится следующая статистика ответов: «Каким образом удовлетворяется при этом свое половое чувство? Дома терпимости — 282 (18,7%), вольные проститутки — 424 (28,1%), постоянная связь — 214 (14,2%), замужняя женщина — 186 (12,3%), конторщица — 25 (1,6%), продавщица — 20 (1,3%), портни-

как на среднем показателе (41,4% опрошенных) и отнимем 5 р. от наших 12 р. 70 к. Таким образом, студент после удовлетворения половых потребностей на 5 р. в месяц относился к тем счастливицам, которые имели регулярный характер сношений (12,7%). Скорее всего, удовлетворять свое желание студент отправлялся в дом терпимости (18,7%) или к вольным проституткам (28,1%).

На оставшиеся деньги, за вычетом 50 к. за чай и 80 к. за сахар в месяц, по данным П. Иванова¹²⁹, т.е. на 7 р. 70 к. — 1 р. 30 к. = 6 р. 40 к., т.е. на 21 к. в день (из расчета 30 дней в месяце) питаться студент мог исходя из следующего меню. Самым дешевым и потому распространенным пропитанием студента был хлеб: хлеб за штуку за 5 к. продается с 1890 до 1904 г. Если взять студенту 2 хлеба в день (к примеру, на завтрак и ужин), то на обед ему останется 11 к.

Что можно было купить в Москве на 11 к.? Фунт солонины за 7 к., бутылку молока за 6 к. и фунт творога также за 6 к. Таким образом, обед мог бы состоять из солонины, или молока, или творога и очередного хлеба за штуку. Тогда меню студента на день могло быть таким: 3 шт. хлеба — 15 к., фунт солонины — 7 к. или творог — 6 к., или молоко — 6 к. Альтернативный вариант питания в харчевне в качестве обеда, по свидетельству В. Гиляровского, выглядел так: «За 3к. — чашка щей из серой капусты, без мяса; за пятак — лапша зелено-серая от “подонья” из-под льняного или конопляного масла, жареная или тушеная картошка»¹³⁰. В воспоминаниях студентов мы не встречали характеристик обыденной трапезы и, главное, ее стоимости. В мемуарах В.А. Гольцева встречаем описание такого случая: оказавшиеся без денег два студента «остались в довольно затруднительном положении. Был у нас чай, сахар; булочник от Севастьянова приносил нам ежедневно, в кредит, по белому хлебу — вот и все»¹³¹. Вскорости получившие от неизвестного из Петербурга 25 р. (опять же заметим постоянство присутствия этого

ха — 63 (4,1%), белошвейка — 32 (2,1%), прислуга — 170 (11,3%), певица из кафешантана — 3 (0,2%) и т.д. — 51 (3,3%)). Однако в вопросе расчета бюджета нас больше интересовала цена вопроса, а не место удовлетворения потребностей. Цена указывает точно в вопросе «931 (43,2%) Сколько тратит на удовлетворение половых сношений в месяц? 5 р. — 120 (12,9%), 10 р. — 73 (8%), меньше 5-ти — 264 (28,5%), больше 10 р. — 50 (5,3%) или ничего не тратит — 424 (45,5%)». Если учесть, что нас интересовал средний студент, то, исходя из вариантов ответов, предусмотренных М.А. Членовым, мы выбрали 5 р. в месяц в качестве наиболее усредненного варианта расхода.

¹²⁹ Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (очерки). М., 1903. С. 4–5.

¹³⁰ Гиляровский В. Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М., 1957. С. 130.

¹³¹ Какая самая лучшая опера на свете? Из воспоминаний В.А. Гольцева // Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 165–167. С. 165.

числа в студенческой повседневности), студенты устроили себе настоящий праздник: «сегодня обедаем! Мало этого: я заехал — на извозчике возвращался — купить бутылку вина и, о, верх легкомыслия! кусок сыру (очень любил). Пообедали мы по-лукулловски: по сорока коп. с особы в кухмистерской Родионова. (...) И пошли мы в Большой театр, в рай, сытые, счастливые, восторженные, — и слушали ... Марту»¹³². Как видим, обед на 40 к. был настоящей роскошью и редкостью для студента. Подтверждением цен на обеда, указанных в воспоминаниях, служат примеры рекламы московских ресторанов и кухмистерских. Приведем самые дешевые варианты: так, в 1882 г. в общем столе у Алексеева обед из двух блюд стоил 25 к.¹³³ В 1883 г. в столовой Павловского такой же обед стоил 30 к.¹³⁴ В 1884 г. в кухмистерской можно было найти обед из двух блюд за 25 к.¹³⁵ Домашний обед в «благородном семействе» из двух блюд обходился в 1886 г. в 10 р. в месяц¹³⁶ [свыше 30 к. в день]. Очевидно, что нашему студенту с бюджетом в 11 к. на обед такие расходы были не по карману.

Вариант второй. Бюджет в 25 р. для студента Московского университета 1903 г., увлеченного вечным, духовным и прекрасным.

Все описанные выше, для первого варианта, соображения общего характера остаются верны и для второго. Каков герой теперь? Это студент, готовый ради наук и высоких наслаждений души отказаться от таких бытовых мелочей, как ужин или посещение дома терпимости, а потому, отняв от ежемесячного бюджета 11 р. на квартиру, 1 р. на прачку и 30 к. на нужды личной гигиены, оставшиеся 12 р. 70 к. в первую очередь будут потрачены им с пользой для души.

Какие развлечения могла найти в Москве 1903 г. жаждущая высокого душа студента? П. Иванов указывает, что студенты «подписываются в библиотеку — 50 к. и выписывают газету — 65–85 к.»¹³⁷, покупают книги. Как пишет А.И. Рейтблат, к 1900 г. в Москве существовало 40 библиотек для чтения¹³⁸, причем, по его данным, с 1880-х гг. плата за пользование библиотекой в год составляла минимум 5 р. (т.е. 42 к. в месяц) и дополнительные

¹³² Там же. С. 167.

¹³³ МЛ. № 329. 29 ноября. М., 1882. С. 3.

¹³⁴ МЛ. № 230. 21 августа. М., 1883. С. 4.

¹³⁵ МЛ. № 40. 10 февраля. М., 1884. С. 4.

¹³⁶ МЛ. № 237. 27 августа. М., 1886. С. 4.

¹³⁷ Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (очерки). М., 1903. С. 8.

¹³⁸ Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 65.

суммы в залог за взятую книгу в несколько рублей¹³⁹, т.е. данные А.И. Рейт-блата и П. Иванова сопоставимы, тогда из 12 р. 70 к. вычтем 1 р. 15 к. на библиотеку и газету и остаются 11 р. 55 к.

На вопрос переписи М.А. Членова «Как проводят досуг?» студенты отметили: чтение — 2017 (21,6%), театр — 1837 (19,6%), музеи — 848 (9,1%), выставки — 596 (6,3%), танцы — 331 (3,5%), игра в карты — 532 (5,7%), кутежи — 250 (2,7%), общество товарищей — 1837 (15,4%), знакомых — 1321 (14,2%) или ничего не делает — 182 (11,9%)¹⁴⁰.

Разнообразные зрелища становятся еще одним прибежищем стремящегося к культуре студента. Но здесь мы снова сталкиваемся с трудностями в расчетах. Если говорить о 1903 г., то в досуг студента можно включить театр и кинотеатр.

В.П. Михайлов приводит следующие сведения о ценах на билеты в кинотеатр в 1903 г.: в «Новом электрическом театре» «цены местам от 1 р. до 30 к. Дети и учащиеся платят половину»¹⁴¹, а в «Электрооптическом театре» «цены местам: 75 к., 50 к., 35 к., 15 к.»¹⁴². Если вспомнить, что репертуар синемаатографа менялся не часто, то ограничим нашего студента четырьмя посещениями синемаатографа в месяц, а значит, отнимем из бюджета еще 30 к., остаются 11 р. 25 к.

Теперь рассмотрим цены на билеты в театр. Из «Справочной книжки по театральному делу» за 1900 г. для Большого театра мы узнаем, что самые дешевые билеты в оперу стоили 33 к., на балет — 28 к.¹⁴³, для студентов это 16 к. и 14 к. соответственно. В Малом театре самые дешевые билеты на галерке стоили 33 к.¹⁴⁴, т.е. 16 к. для студентов. Самыми дешевыми были билеты в Новом театре — 15 к.¹⁴⁵, а значит, 7 к. для студентов; в драму цены были еще ниже: в парадизе всего за 5 к. для студентов. Получается, что стоимость билетов для студента в Новом театре была сопоставима с ценой на хлеб.

Предположим, что студенты посещали театры, как и кинотеатры, 4 раза в месяц. Тогда следует вычесть от 20 к. до 60 к. (в зависимости от престижа театра). Зная о том, что Малый театр получил в благодарной публике имя «второго университета», возьмем 60 к. в качестве суммы на театральные расходы.

¹³⁹ Там же. С. 68.

¹⁴⁰ Членов М.А. Указ соч. С. 28–75.

¹⁴¹ Михайлов В.П. Рассказы о кинематографе старой Москвы. М., 2003. С. 28.

¹⁴² Там же. С. 33.

¹⁴³ Справочная книжка по театральному делу / Сост. П.М. Пчельников. М., 1900. С. 199.

¹⁴⁴ Там же. С. 200.

¹⁴⁵ Там же. С. 201.

Таким образом, от бюджета осталось 10 р. 65 к.

Перейдем к питанию. Так же как и в первом случае, отнимем 1 р. 30 к. на чай и сахар и получим 9 р. 35 к. на месяц, т.е. 31 к. в день. Оставив прежним завтрак и ужин (по одному хлебу за штуку по 5 к.), рассчитаем обед исходя из 21 к. Тогда он сможет позволить себе, помимо фунта солонины за 7 к. или бутылки цельного молока за 6 к., или фунта творога за 6 к. на два дня такие продукты, как фунт вареной ветчины за 35 к. или фунт копченой грудинки за 30 к., фунт сметаны за 25 к. и бутылку сливок за 30 к., т.е. возможности ежедневного меню студента значительно расширяются.

Такими могли быть два средних бюджета студентов в наиболее полярных их вариантах, хотя в жизни существовали и их различные сочетания.

А.Е. Иванов критикует расчеты П. Иванова по двум пунктам. Во-первых, он укоряет П. Иванова за то, что тот должным образом не обозначает расходы на книги, хотя у П. Иванова читаем, что «университетские учебники, надо отдать справедливость их издателям, — чрезвычайно дороги. На них студент тратит ежегодно 10—50 руб. (смотря по факультету и курсу)»¹⁴⁶. Во-вторых, А.Е. Иванов отмечает, что «в текущих ежемесячных бюджетах, разработанных П. Ивановым, не учтена такая статья расходования, как транспорт»¹⁴⁷, приводя примеры подобных трат за 1907 и 1909 гг. (студентов сельскохозяйственного института и слушательниц Бестужевских курсов в Петербурге).

Изучив данные двух переписей Москвы, мы можем сказать, что в 1882 г.¹⁴⁸ самыми густо населенными студентами были части Пречистенская (74 человека), Арбатская (96 человек) и Тверская (122 человека). К 1902 г.¹⁴⁹ наблюдается резкий рост числа студентов в целом и их расселения по частям города в частности. Лидерами среди частей по числу студентов становятся Басманная (662 человека), Тверская (749 человек) и Арбатская (852 человека). Значит, в массе своей студенты Московского университета жили в центре города (это же подтверждают и данные Членова: в центре города жили — 1302 (69,1%)¹⁵⁰ и, соответственно, на занятия ходили пешком; но и живущие в отдалении от университета едва ли использовали

¹⁴⁶ Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (очерки). М., 1903. С. 5.

¹⁴⁷ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 297.

¹⁴⁸ Перепись Москвы 1882 г. Вып. III. Население и занятия (по частям и участкам). М., 1886. С. 62—67.

¹⁴⁹ Перепись Москвы 1902 г. Ч. I. Население. Вып. I. Население по полу, возрасту, месторождению, продолжительности пребывания в Москве, семейному положению, сословиям, грамотности и степени образования. М., 1904. С. 132.

¹⁵⁰ Членов М.А. Указ. соч. С 28—75.

транспорт. К примеру, в 1896 г. по указанию надзирателя Лефортовской части, поднадзорный ему студент «на занятия утром отправляется в 7 ½ час. утра»¹⁵¹ для того, чтобы вовремя пешком добраться до университета.

А.Е. Иванов пишет, что «в 1907 г. приходилось платить за езду на трамвае в оба конца от 3 руб. 6 коп. (1 час 14 мин.) до 4 руб. 54 коп. (2 часа 30 мин.)»¹⁵², но сам А.Е. Иванов в свою реконструкцию студенческих бюджетов такую статью, как транспорт, не включает. Таким образом, на наш взгляд, включение в средний ежемесячный бюджет расходов на транспорт не представляется целесообразным.

Разумеется, в наши расчеты не включены такие траты, как расходы на лечение в случае болезни, траты на починку обуви или одежды и т.п., мы полагаем, что в случае подобных трат они осуществлялись за счет сокращения расходов на питание и развлечение или студенты искали иные выходы из этой ситуации. Так, к примеру, студент В. Гольцев имел урок, однако он кончился и студент находился на мели. К несчастью, как он пишет в своих воспоминаниях, именно к этому времени у него «совсем износились сапоги, но в одной комнате со мной жил товарищ Балашов. Он был со мной в одной группе, отправлялся на экзамен, возвращался, снимал сапоги, которые надевались мной, и затем экзамен держал уже я»¹⁵³.

Таким образом, нами была совершена попытка реконструкции студенческого бюджета, причем мы выяснили, что обладателем этого средне-статистического бюджета был молодой человек-медик или юрист, 21 или 22 лет, дворянского происхождения, учившийся в Московском университете. Материальное положение студенчества было различным: они получали помощь от семьи, или стипендии от государства, или от частных благотворителей, или имели доход от найденных занятий. В ходе работы было выявлено то, что наиболее распространенный размер стипендий составлял 25 руб., эту же сумму в основном получали студенты как помощь от семьи. Как свидетельствуют архивные источники, 25 руб. студент мог заработать на уроках.

Проанализированные источники позволили не только показать способы пополнения бюджета студента, но и выявить, какую долю в процентном отношении они составляли на 1903 г. Полученные данные позволили расширить статьи студенческого бюджета и конкретизировать траты, в

¹⁵¹ ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 475. Оп. 17. Д. 65. Секретная переписка по наведению справок Охранным отделением по разным лицам. 1896 г. Л. 5.

¹⁵² Иванов А.Е. Студенчество в России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 297.

¹⁵³ Гольцев В. Из дальних лет // Помощь пострадавшим от неурожая. М., 1900. С. 93–94.

том числе на питание и досуг. А два составленных варианта бюджета дают возможность проиллюстрировать два крайних студенческих типа. В реальности, конечно, только сам студент определял, не сверяясь с идеальными типами, на что ему потратить последние 5 коп. — купить пачку сигарет, «хлеб за штуку» или билет в кино.

Вполне очевидно, что для воссоздания студенческой повседневности во всей ее полноте необходимо продолжить данное исследование, в частности, попытавшись выяснить, как материальное положение студентов влияло на продолжение и завершение учебы, сопоставив данные о московских студентах с аналогичными данными о студентах других университетов и соотнеся сведения о их материальном положении и повседневных практиках с участием в студенческих волнениях и в целом с их общественно-политическими воззрениями.

Ключевые слова:

Московский университет в конце XIX — начале XX вв.; история повседневности, студенты; студенческий бюджет.

Marina V. Fadeeva

RECONSTRUCTING THE MOSCOW UNIVERSITY STUDENTS' MONTHLY BUDGETS AT THE END OF THE 19th — BEGINNING OF THE 20th CENTURIES.

The article represents a reconstruction of the Moscow University students' monthly budgets. Listed are both their incomes and expenses. The most common was the budget of 25 rubles per month. The estimation of the students' incomes is based on the information about the governmental and the private scholarships, "The Society for the Assistance of students in Reduced Circumstances" aid, the freelancing opportunities and the family support. Monthly expenses include rent, food and various entertainments. The estimations are based on the statistics of the food pricing, average rental costs and scholarships, as well as freelance jobs announcements for students. The author outlines two types of the perfect students' budget, which could reflect students expenditures with differing interests.

 Фадеева Марина Владиславовна

студентка бакалавриата 4-го курса факультета истории НИУ ВШЭ

О.Н. Овчаренко

ВЗГЛЯДЫ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКУЮ ПОЛИТИКУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

овременный этап развития России отличается высокой степенью активности государственно-политической жизни. Проблемы совершенствования государственной службы и повышения эффективности деятельности чиновников в настоящее время находятся в центре внимания государственных органов власти и общественности. Важную роль играет изучение истории общественно-политической позиции чиновничества, которая является одной из острых общественно значимых проблем.

В начале XX в. государственный служащий стал объектом внимания ученых в дореволюционной историографии, которая освещала его место и роль в системе государственного управления. В советской историографии оценка деятельности чиновников на несколько десятилетий стала критической по идеологическим мотивам. Со второй половины 1960-х гг. повысился интерес к системе управления дореволюционной России, истории ее государственно-политических институтов. С 1970-х гг. внимание уделялось политике правительства в области формирования бюрократии, организации государственной службы, чиновничества, а также анализу состава российского чиновничества и отдельных его групп. Была заложена основа нового научного подхода в изучении общероссийского чиновничества. Про-

винциальная часть этого слоя не была объектом специального изучения, а история сибирского чиновничества практически не разрабатывалась, исследователи касались местной бюрократии лишь косвенно.

Разносторонность исследовательских подходов и глубина затрагиваемых проблем привнесли существенные изменения в изучение государственного управления в 90-е гг. XX в. Отечественные ученые стали уделять особое внимание изучению вопросов профессиональной деятельности и служебного быта чиновников с учетом региональных особенностей.

Наиболее значимой по своему информационному насыщению является исследовательская литература постсоветского времени. Современные ученые, анализируя образовательный и профессиональный уровень чиновничества, склонны причислять их к категории интеллигенции. Наиболее последовательно эту позицию отстаивал в своих исследованиях А.Я. Аврех¹. А.Е. Шепелев², рассматривая чиновничество как обособленную социальную группу, определил его место в общественно-политической системе Российской империи. А.В. Оболонский³ в своих исследованиях объединил исторический, социологический, политологический и моральный аспекты истории бюрократии и выступил против существующего в советской историографии негативного образа чиновничества. Полярного мнения придерживаются Н.В. Гущева и И.А. Голосенко, поддерживая устоявшуюся критическую точку зрения на чиновничество, склонное к волоките, взяточничеству и пр. Проблема социальной эволюции отечественной бюрократии занимает значительное место в работе Б.Н. Миронова⁴.

Комплексное исследование либеральных общественно-политических взглядов чиновников осуществлено в работах М.С. Симоновой, которая, определив преобладание дворянско-чиновничьего элемента в сибирских местных комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, установила принадлежность их к либералам⁵.

¹ См.: Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 17–31.

² См.: Шепелев А.Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX века. СПб., 1999.

³ См.: Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994; он же. Без реформы бюрократии административные реформы бессмысленны // Общественные науки и современность. 2005. № 6.

⁴ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. II. СПб., 2000.

⁵ См.: Симонова М.С. Аграрная политика самодержавия в 1905 году // Исторические записки. Т. 81. М., 1968; она же. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия в конце XIX — начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970; она же. Проблема «оскудения» центра и ее роль в формировании

В современной литературе заметен устойчивый интерес исследователей к проблемам организации регионального управления, изучению личного состава государственных учреждений, нравов, мировоззрения, психологии, быта чиновников. Предметом историографии российского чиновничества преимущественно являлась высшая бюрократия центра России. Общественно-политические взгляды регионального чиновничества в начале XX в., несмотря на наличие трудов по отдельным проблемам, не изучены комплексно.

Общественное положение тобольского чиновничества представлено в диссертационном исследовании Т.В. Козельчук⁶. А.В. Ремнёв⁷ обратился к изучению административной политики самодержавия в Сибири, а также распространению либеральных настроений среди государственных служащих, однако в своих исследованиях почти не затронул вопрос общественно-политических взглядов сибирских чиновников. Глубокие исследования по истории либерального движения в Сибири конца XIX — в начале XX в. представлены в ряде публикаций В.Н. Либуркина⁸ и Н.В. Макарьевой⁹, которыми частично был проведен анализ общественно-политических взглядов сибирского чиновничества.

аграрной политики самодержавия в 90-х гг. XIX — начале XX в. // Проблема социально-экономической истории России. М., 1971; *она же*. Земско-либеральная фронда (1902–1903 гг.) // Исторические записки. Т. 91. М., 1973; *она же*. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой русской революции. М., 1987; и др.

⁶ Козельчук Т.В. Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX в. как социальный слой. Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 2002.

⁷ Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX — начале XX в.: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60–73; *он же*. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX в. Омск, 1997. С. 248–250; *он же*. Сибирский вариант управленческой организации XIX — начала XX в. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 3. С. 36–45.

⁸ Либуркин В.Н. О составе участников местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Сибири в 1902–1903 гг. // Аграрная политика царизма в Сибири в эпоху капитализма. Омск, 1987. С. 84–100; *он же*. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности как источник для изучения общественно-политических взглядов сибирских чиновников в начале XX в. // Источники по истории Западной Сибири. История и археология. Омск, 1987. С. 126–144; *он же*. Деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние на развитие общественно-политической жизни Сибири начала XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988; *он же*. Советская историография о роли либералов в сибирских комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902–1903 гг. // Аграрная политика царизма в Сибири. Омск, 1989. С. 26–34; и др.

⁹ Макарьева Н.В. Либерализм в Сибири 1890 — 1907 гг.: проблемы типологии. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999; *она же*. Идеологическое окружение сибирских либералов в конце XIX — начале XX в. // Проблемы истории в статьях и тезисах молодых ученых. Омск, 2002. С. 47–51.

Таким образом, в постсоветский период акцентируется внимание на личностных качествах, мировоззрении и внеслужебной деятельности чиновничества. Исследователи затрагивают в своих исследованиях общественно-политические взгляды сибирского чиновничества лишь косвенно.

Целью данной статьи является выявление особенностей либеральных общественно-политических взглядов чиновников Западной Сибири в начале XX в. по вопросам социально-экономического развития аграрно-крестьянского хозяйства.

В начале XX в. в России наметилась активизация либеральных общественных сил, использующих различные учреждения и организации для выражения своих взглядов. Либеральные настроения проникали и в общественную среду Сибири, где немногочисленная интеллигенция была представлена в основном государственными служащими. Наряду с чиновниками-администраторами, которые поддерживали существующий самодержавный строй и придерживались консервативных убеждений, в Сибири выделяется также группа специалистов-интеллигентов, занимавших противоположную общественную позицию и определявших себя сторонниками либеральных идей. Участвуя в деятельности научно-просветительских обществ, чиновники пытались придать им общественно-политический характер, использовать для пропаганды своих взглядов и влияния на общественное мнение. Одним из центров их сосредоточения стали образованные в 1902 г. местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которым была представлена возможность гласного обсуждения «больных вопросов» современности, что в первую очередь и привлекло к ним исключительное внимание либеральной сибирской общественности. Именно здесь, на заседаниях этих комитетов, и нашли свое выражение взгляды пролиберально настроенной части чиновничества в отношении проблем, касающихся развития крестьянского хозяйства региона.

Состояние крестьянского хозяйства Западной Сибири в местных комитетах нередко оценивалось понятиями «упадок» и «разорение». Среди основных причин назывались тяжесть платежей и натуральных повинностей крестьян. На это особенно настойчиво указывали такие деятели, как управляющий Томской казенной палатой И.Н. Хроновский и советник Акмолинского областного правления Степного края Т.И. Тихонов. В частности, они обращали внимание на привлечение крестьянского населения к ремонту дорог, когда крестьянину приходилось идти за сотни верст и производить ремонт того пути, которым ему совершенно не приходится пользоваться. Хроновский отмечал: «Если в настоящее время эти повинности продолжают оставаться тягостными и не уравнительными, то в бли-

жайшем будущем они должны оказаться непосильными для населения»¹⁰. По его мнению, часть обязанностей по отбыванию натуральных повинностей необходимо было перевести с крестьянского населения, которое и так терпело бедственное положение, на представителей других сословий и государственные учреждения, найти иные источники обложения для выполнения расходов по отбыванию дорожной и подводной повинности¹¹. Конкретно он предлагал, чтобы в их выполнении участвовало почтово-телеграфное ведомство. Тихонов также настаивал на том, что дорожные и подводные повинности необходимо равномерно распределить на все население уездов. Решить проблемы и устранить неудобства, с его точки зрения, могли исключительно земские учреждения, которые нужно ввести на территории Сибири¹². Ряд представителей либерального крыла чиновничества, отмечая процесс развития товарно-денежных отношений, выступали за замену натуральных повинностей денежным сбором¹³.

Предложения по вопросам налоговой политики были близки к требованиям комитетов Европейской России¹⁴. Сибиряки выдвигали программу снижения косвенных налогов на предметы первой необходимости и ослабления таможенного покровительства. Требовали понижения до возможного минимума железнодорожного тарифа на провоз как из России в Сибирь, так и обратно всех продуктов сельского хозяйства. Однако целостная программа налоговой политики ими не выдвигалась.

С появлением Транссибирской магистрали для крестьянского населения открылись явные преимущества в виде новых рынков сбыта произведенной ими продукции. Существенно возросло количество торговых операций, стали развиваться хозяйства товарного типа. Помимо экономического воздействия магистраль содействовала и культурному подъему в регионе. Проявились при этом и определенные негативные последствия. Усилившийся вывоз продукции порождал упадок местных рынков сбыта. Стала сокращаться местная обрабатывающая промышленность. Возросший переселенческий поток вел к снижению благосостояния сельского населения региона.

Естественно, что вопросы воздействия Сибирской железной дороги на положение крестьянского хозяйства регулярно поднимались и на заседа-

¹⁰ Кауфман А. Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г. // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 19.

¹¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (далее — Труды). Т. 56. СПб., 1903. С. 210.

¹² Там же. Т. 54. СПб., 1903. С. 106; Т. 56. С. 211.

¹³ Там же. Т. 56. С. 175, 183–184, 223, 305; Т. 53. СПб., 1903. С. 307.

¹⁴ Симонова М.С. Земско-либеральная фронда... С. 150–216.

Строительство Транссибирской магистрали

ниях местных комитетов. Их либерально настроенные участники сходились во мнении, что железная дорога для отдаленной Сибири явилась фактором неожиданным. И неподготовленное сельское население оказалось слабо приспособленным к новым экономическим требованиям. Но, в целом, оценка воздействия магистрали давалась скорее положительная. Отмечалось, что с развитием железнодорожных путей происходит «замена экстенсивных систем более интенсивными, замена натурального хозяйства денежным»¹⁵, что, в целом, должно привести к экономическому развитию крестьянского хозяйства.

Главную проблему, оказывающую негативное влияние на экономическое состояние региона и непосредственно на крестьянское хозяйство, увидели не в самом железнодорожном развитии, а в введении так называемого Челябинского тарифного перелома — установление системы начисления дополнительных тарифов на сибирский хлеб, что привело к его удорожанию. Данный тариф был специально введен с целью ограничения поставок более дешевого сибирского хлеба в Европейскую Россию. В результате появился жесткий внутренний экономический барьер, который серьезно снижал доходность западносибирского зернового производства. Не решаясь, однако, напрямую потребовать отмены Челябинского тарифа, деятели либеральной направленности пытались найти выход, предлагая развивать Северный морской путь, хотя он и был значительно менее эффективен.

На заседаниях научно-просветительских обществ чиновники положительно оценивали функционирование железной дороги, придавая ей

¹⁵ Труды. Т. 54. С. 98.

«не только местное значение, но и общественное и даже мировое». Указывая на явные преимущества, которые появились с открытием магистрали, такие как новые рынки сбыта и доступ переселенцев из Европейской России, предлагали дополнительные меры по развитию железной дороги и усилению ее экономического влияния на регион: «необходимо усилить провозоспособность дороги, провести дополнительные разветвления железнодорожных путей», ввести дополнительные капиталы и новые знания¹⁶. В результате чего Сибирь должна была продолжать свое не только экономическое, но и культурное развитие. В числе негативного воздействия назывались затруднение развития обрабатывающей промышленности в крае, снижение благосостояния сельского населения в связи с переселениями, лишение региона местных рынков сбыта в виде тракта. Либеральные чиновники воспринимали магистраль как показатель колониальной политики самодержавия в Сибири, которая выражалась в использовании региона как сырьевого придатка и обширного рынка сбыта для торгово-промышленной буржуазии Европейской России¹⁷.

Роль железной дороги определялась в тесной взаимосвязи с вопросом о развитии хлебопроизводящего хозяйства края. Чиновники констатировали, что сибирское крестьянство всегда занималось натуральным хозяйством и имело возможность торговать хлебом, а определенный застой сельского хозяйства был вызван отсутствием хороших путей сообщения¹⁸. Такими заявлениями они обращались к власти, однако не замечали местных проблем. Так, например, в 1891–1892 гг. был хороший урожай и хлебные запасы были большие. Затем активная торговля к 1897–1898 гг. привела к фактическому опустошению региона. К тому же после такого объемного экспорта начался неурожайный период, 1901–1902 гг. были почти голодными¹⁹. Как отмечал правительственный агроном Томской губернии И.К. Окулич: «Неурожай был настолько силен, что на практике требовалась государственная помощь»²⁰.

Споры возникали только по поводу предпочтительного варианта пути вывоза сибирского хлеба за границу, причем большинство склонялось к северному направлению, так как в остальных случаях препятствовали высо-

¹⁶ Государственный архив Омской области (далее — ГАОО). Ф. 119. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–6, 34 об., 35, 35 об.

¹⁷ Там же. Ф. 86. Оп. 1. Д. 76. Л. 39 об.

¹⁸ Там же. Д. 116. Л. 30.

¹⁹ Там же. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 12 об.

²⁰ *Сибиряк*. Неурожай в Томской губернии 1901 г. // Сибирский наблюдатель. 1902. № 6. С. 102.

кие железнодорожные тарифы и Челябинский перелом. Участники научно-просветительских обществ не решались выдвинуть требование отмены тарифа, который задерживал хлеб в Сибири. Для совершенствования вывоза хлеба чиновниками предлагались следующие меры: развить железнодорожную сеть, обеспечить движение хлеба без пересадки, удешевить перевозную стоимость²¹. Особенно необходимым считали «в неурожайные годы по дешевому тарифу перевозить только казенный хлеб, тем самым всегда удерживать чрезмерное повышение цен на рынке частными торговцами»²². Расширение вывоза, по их мнению, должно было повысить цены и тем самым обеспечить снижение высокого процента бесхозяйственных дворов, владельцы которых якобы сами забрасывали пашню, не приносящую доходов. Даже тогда, когда изучение статистических материалов приводило к выводу, что «выгоды железной дороги очевидны и несомненны только для лиц, ведущих более или менее широкое хозяйство», они склонны были объяснять это недостаточной эффективностью работ дорог, дороговизной перевозок²³.

Неблагоприятная рыночная конъюнктура на основную торговую продукцию — хлеб; конкуренты, имеющие преимущества в лучших почвенно-климатических условиях и близость рынков сбыта; необходимость переориентации местного сельского хозяйства на производство культур, пользующихся повышенным спросом — основные причины, которые замедляли торговлю хлебом. Среди либеральных чиновников господствовали те же представления об аграрном кризисе как результате неудовлетворительного состояния хлебного рынка, что и среди российских либералов, но если в Европейской России сводили кризис к ухудшению мировой хлебной конъюнктуры, то их сибирские коллеги считали его следствием региональных проблем.

Соединение Сибири и Европейской России железнодорожной магистралью привело к уплотнению населения за счет более активной миграции, создало не только ярко выраженное направление зерновому хозяйству, но и усилило спрос на продукты скотоводства, особенно маслоделие, оказало влияние на его более интенсивное развитие. На заседаниях отделов Московского общества сельского хозяйства чиновники констатировали, что крестьянству было выгодно заниматься маслоделием. Помощник управляющего Государственными имуществами Акмолинской области, надворный советник В.Ф. Королев писал, что «продавая масло, крестьяне

²¹ ГАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 17 об.

²² Там же. Д. 6. Л. 45 об.

²³ Либуркин В.Н. Деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние... С. 64.

за это получают большие деньги и не занимаются продажей зерновых продуктов»²⁴. Естественно, крестьянам в развитии молочного скотоводства способствовали богатейшие природные пастбища. Маслоделие стало выходом из кризисной ситуации в связи с введением Челябинского тарифного передела. Оно приносило доход в крестьянскую семью и к тому же продукты зернового хозяйства в некоторой степени использовались в рационе молочного скота, что вдвое повышало удойность коров. Маслоделие значительно повысило доходность крестьянского скота и сделало для крестьян выгодным заботиться об увеличении его количества. Однако были и негативные стороны. Чиновники сообщали, что крестьяне продают все молоко, сами не употребляют в пищу жиров, тем самым вредят собственному здоровью. К тому же данная ситуация не способствовала развитию сельского хозяйства, а приводила лишь к торговле животными продуктами²⁵.

Чиновники отмечали тот факт, что в развитии сибирского маслоделия не были использованы все потенциальные возможности, производство осуществлялось в значительной степени вручную, на карликовых, разбросанных по обширной территории, заводах. Поэтому предлагали ввести опытные станции, обеспечить ледниками вагоны и увеличить их количество, улучшить и упростить транспортировку масла, пригласить инструкторов по производству²⁶. По словам правительственного агронома Тобольской губернии Н.А. Скалозубова, сами крестьяне просили улучшить их деятельность, а именно помочь им устроить маслодельни с сепараторами, организовать артели и научить изготавливать высшие сорта масла²⁷. Подробно по этому вопросу на заседании отдела Московского общества сельского хозяйства выступал чиновник особых поручений при Переселенческом управлении Акмолинской области, надворный советник А.А. Станкевич²⁸. Солидарен был с ним Окулич, соглашаясь с тем, что артельное дело находится в упадке. Он утверждал: «страдало оно от недостатка единения, сознания общности своих польз и нужд в среде крестьянского населения, знаний и капитала». Особенной критике подверг Окулич неравную конкуренцию между артелями, общественными заводами и частными предпринимателями, которые часто являлись должностными лицами разных ведомств, имевшими влияние среди крестьянского населения и злоупотреблявшими собственной

²⁴ ГАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.

²⁵ Там же. Л. 17 об.

²⁶ Там же. Л. 3, 18–18 об.

²⁷ Там же. Д. 3. Л. 19; Д. 6. Л. 17–20, 26 об. — 28.

²⁸ Там же. Д. 7. Л. 7.

Крестьяне Акмолинской области

служебной властью²⁹. Артельное маслоделие не выдерживало конкуренции с купцами — промышленниками, так как не было связи с торговым капиталом. Частные предприниматели сами торговали без посредников, и их капиталоборот совершался гораздо быстрее. Окулич и Скалозубов предлагали следующие меры: необходимо «учредить при Московском обществе сельского хозяйства особый Комитет по образцу Комитета ссудо-сберегательных товариществ, ввести должность агентов-представителей русского сельского хозяйства». В пределах Сибири «ввести местные испытательные по молочному хозяйству станции, лаборатории, которые помимо производства научных исследований были бы оборудованы в целях приготовления чистых культур молочнокислых бактерий на продажу»³⁰.

Таким образом, чиновники были заинтересованы в развитии маслоделия, так как, по их мнению, это было большим шагом по капиталистическому пути. Развитие артельного маслоделия вытесняло скупщиков, способствовало высвобождению крестьянства из-под власти торгово-ростовщического капитала, появлялись новые сельскохозяйственные машины, улучшалась технология производства, распространялись технические знания, повышался уровень животноводства. Происходило усиление позиций капиталистических элементов в самой деревне.

²⁹ Труды съезда молочных хозяйств и деятелей по молочному хозяйству в городе Кургане при выставке продуктов маслоделия Западной Сибири в 1901 году. Томск, 1902. С. 55.

³⁰ Там же. С. 60, 67, 68.

На заседаниях местных комитетов отмечалось значение развития государственного кредита в деле укрепления крестьянского хозяйства, при наличии сельских банков и кредитных товариществ. Использование кредитов предполагалось на покупку машин, маслоделен, мельниц и для найма рабочей силы³¹. Непременный член по крестьянским делам И.В. Рождественский был убежден в необходимости крестьянского кредитования при максимальном его приближении к непосредственным потребителям. В этой связи он отмечал роль сельских волостных старост, которые должны были собирать заявления, «ручательства», отвечать за своевременный возврат денег³². Хроновский полагал, что местному населению нужны только кредитные или ссудо-сберегательные товарищества³³. При этом все они отмечали опасность бюрократизации кредитного дела.

Этим, однако, все и ограничивалось. Действенной программы по развитию системы кредитования предложено так и не было. Со всей очевидностью здесь проявилась ориентация на центральную власть, которая если сочтет нужным, кредитование введет.

Кредит в научно-просветительских обществах признавался фактом положительным. Однако чиновники отмечали, что «размер кредита очень мал, и он в состоянии удовлетворить лишь часть незначительных насущных нужд». В частности, Королев и Станкевич настаивали, что нужно выяснить нужды крестьян, чтобы не получилось так, что ссуды будут использоваться только на скрещивание скота, а не на покупку инвентаря или развитие сельского хозяйства в целом³⁴. Таким образом, они просто пытались в первую очередь направить кредитование на поддержку буржуазии, которая была ущемлена в своей деятельности, так как приоритет отдавался буржуазии Европейской России.

С вопросом кредитования был тесно связан вопрос агротехнической помощи крестьянскому хозяйству. Однако либеральное крыло здесь в большей степени интересовал не столько экономический момент, сколько вопрос социального расслоения крестьянства и возникавшие в связи с этим проблемы. Крестьянский начальник В.И. Чарыков в Тобольском губернском комитете подал записку, в которой писал: «Крестьяне разбиваются на два слоя, резко противоположных по своим интересам: сильных, захвативших в свои руки лучшие земли, и слабых, бросающих хозяйство и делающихся батраками; в

³¹ Труды. Т. 56. С. 2, 8, 26, 39, 72, 103; Т. 53. С. 143, 284, 307.

³² Там же. Т. 53. С. 166–169.

³³ Там же. Т. 56. С. 7, 73.

³⁴ ГАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. Л. 9 об.

обществе появляется разлад, сильно сказывающийся в обсуждении мирских дел и вредно отражающийся на хозяйственных отношениях крестьян»³⁵.

Выход как раз и видели в увеличении количества агрономов, ветеринаров, инструкторов молочного хозяйства, расширении в крае сети казенных складов по продаже сельскохозяйственных машин, семян, породистого скота, а также устройства выставок, курсов, бесед³⁶. Повышение агротехнического уровня должно было привести к повышению производительности и товарности крестьянского хозяйства в целом, снизив тем самым социальные противоречия. Старший производитель поземельно-устроительной партии, председатель Ишимского совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности С.В. Соколов, признавая, что «процесс будет постоянно идти к обнищанию масс крестьянских хозяйств с укреплением в силах таких, которым на пользу всякие кризисы, другими словами, основывающим свои доходы не на эксплуатации природы, а на эксплуатации, главным образом, человека», отмечал, что положение средних и даже бедняцких хозяйств не является безвыходным, если бы удалось повысить интенсивность их земледелия и скотоводства³⁷. Аналогичное мнение высказал и Окулич, надевшийся с помощью распространения дешевых сельскохозяйственных машин предотвратить «дифференциацию крестьянства». По мнению Окулича, ситуацию усугубляло то, что Переселенческое управление сделало из складов с сельскохозяйственной техникой источник дохода при полном игнорировании местных потребностей. Он предлагал открыть склады с инвентарем, приспособить машины под сибирские условия, снять пошлины на сельскохозяйственные машины, выдать ссуды на их покупки, открыть мастерские и пригласить специалистов, чтобы оказывали помощь³⁸.

Таким образом, либеральные чиновники поддержку крестьянства в условиях упадка местного крестьянского хозяйства предполагали, прежде всего, за счет улучшения технической базы и распространения агрономических знаний, которые должны были привести к росту доходности земледелия, товарной специализации сельского хозяйства и подъему местной промышленности. Однако, судя по всему, сами чиновники мало верили в эффективность агротехнической помощи для сибирского населения, так как она существовала и ранее, но на практике оказывалась для основной массы крестьян недоступной. В целом справедливо полагали, что в условиях

³⁵ Труды. Т. 53. С. 208–209.

³⁶ Труды. Т. 56. С. 2, 3, 25, 26; Т. 54. С. 278–281.

³⁷ Либуркин В.Н. Деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние... С. 122.

³⁸ Труды. Т. 56. С. 100–106.

существования жесткой административно-полицейской опеки над крестьянством результат достигнут не будет.

Сибирь являлась традиционным центром, куда исторически направлялся поток крестьянского переселения. Однако состояние переселенческого дела в Сибири затрагивалось либеральными деятелями в местных комитетах поверхностно, преимущественно в связи с темой сокращения земель старожилов. Так, в докладе неперменного члена по крестьянским делам Томского губернского правления А.В. Дурова выдвигалось два основных положения: во-первых, распорядительной частью переселенческого дела должны были заниматься губернские и местные крестьянские учреждения; во-вторых, обеспечение беспрепятственного расселения крестьян на таежных местах³⁹. Особенно последнее явно отразило желание скорее «избавиться» от переселенцев, нежели помочь им благополучно устроиться на месте.

На заседаниях местных комитетов высказывались критические оценки постановления переселенческого дела, отмечалась неудовлетворительность представляемых переселенцам земельных участков и системы оказания им помощи. Тихонов указывал, что центральные и областные власти с недоверием относятся к переселенцам, вследствие чего «появляется слишком большая расчетливость, сопровождаемая при этом неизменной опекой, чрезмерной, совершенно не нужной и вредной централизацией и регламентацией». Все это выражалось в недостаточности и несвоевременности выдаваемых ссуд, в малочисленности лесных складов, в неподготовленности свободной плодородной земли⁴⁰. Позицию Тихонова поддержал служащий Переселенческого управления Томской губернии И. Васильков, который указывал на незаконные поборы, взимаемые с потенциальных мигрантов должностными лицами волостных правлений за выдачу увольнительных свидетельств, паспортов и за разрешение продавать недвижимость⁴¹. Отмечалось, что вымогательство и мошенничество со стороны писарей и старост, собирающих с новоселов обманным путем деньги, наносили не только материальный, но и нравственный урон, так как они порождали в переселенцах предвзятое отношение как к учреждениям и лицам, заведующим переселенческим делом, так и к самим законам.

По мнению либерально настроенных участников местных комитетов, отмеченные злоупотребления становились возможными по причине не-

³⁹ Там же. С. 130.

⁴⁰ Труды. Т. 53. С. 19–45.

⁴¹ Родигина Н.Н. Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX века. Новосибирск, 1997. С. 118.

Группа переселенцев из Рязанской губернии

полного представления крестьян о существующем законодательстве по вопросу переселений. А потому выход видели не столько в перестройке самой системы, сколько в повышении юридической культуры крестьян-переселенцев.

Неоднозначным было отношение чиновников к переселенческому движению и в обществах. Преобладали доброжелательные взгляды на новоселов, положительно оценивали их влияние на местное крестьянское хозяйство и агрокультурный уровень, рекомендовались различные меры содействия переселенцам⁴². Дуровым был предложен даже «проект относительно благоустройства переселенческих участков», предусматривавший привлечение старожилов к их окультуриванию, расчистке пашенных и сенокосных угодий к прибытию переселенцев, увеличение ссуд для новоселов⁴³.

Однако на этом благожелательном фоне присутствовали критические суждения. Чиновники заявляли, что русские переселенцы теснили старожилов, нарушались сложившиеся нормы жизни и хозяйствования. В данной ситуации чиновникам было важно найти для переселенцев и старожилов такую форму сосуществования, которая была бы основана на взаимопомощи. По этому вопросу неоднократно выступал Скалозубов и подготовил доклад в местный комитет Московского общества сельского хозяйства. Скалозубов предлагал провести исследование нужд крестьян. Для этого нужны

⁴² ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 92. Л. 49–50; Ф. 119. Оп. 1. Д. 4. Л. 15–16.

⁴³ Либуркин В.Н. Деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние... С. 69.

были опросные листы, сельскохозяйственные брошюры и консультации знающих людей⁴⁴.

Поддерживал его участник работы Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства П.Н. Квитко, настаивая, что «эти сведения позволяют изучить переселенческие участки и их сельскохозяйственное положение». Скалозубов подтверждал в своем докладе, что старожилы перенимают «разного рода улучшения», в частности интенсивный вид хозяйствования из Европейской России. С этой точкой зрения не согласился Квитко, который поставил под сомнение новшества переселенцев, которые в сибирских условиях могли и не быть такими уж и рациональными. В результате этот спор попытался урегулировать Станкевич своим заявлением, что надо учить ведению «сельского хозяйства и старожилов и переселенцев»⁴⁵.

Таким образом, все рассуждения в обществах сводились к необходимости введения сельскохозяйственного образования и не разрабатывались конкретные меры по поддержанию крестьянского хозяйства. Чиновники уходили от серьезных проблем и не заявляли о программе помощи со стороны верховной власти, пытаясь решать все проблемы своими силами.

Землеустроительная политика правительства была темой, часто обсуждаемой в либеральных кругах. Ограничение и сокращение земель крестьян либеральные чиновники связывали с переселенческим движением, землеустроительными работами и приростом сельского населения. Определенное беспокойство обнаруживали даже сами землеустроители, так как работы были начаты в самых малоземельных, густонаселенных волостях и уездах и грозили «ломкой сложившегося хозяйственного строя старожилов»⁴⁶. Проводившееся землеустройство ограничивало наделы крестьян определенными размерами, причем бывшие прежде в не стесняемом пользовании населения излишки предназначались для государственных целей. При таких условиях, по мнению чиновников, крестьянству грозило не только сокращение земель, но и малоземелье. Так, Хроновский обрисовал очень печальную перспективу, при которой размер земельного фонда постоянно сокращался и начинались безземелье, обесценивание крестьянского труда и батрачество. И для того, чтобы поддержать крестьянство, необходимо «обеспечить крестьян земельным фондом и поднять общественную инициативу среди крестьянского населения»⁴⁷. Чиновники отмечали серьезные хозяй-

⁴⁴ ГАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. Л. 29 об.; Д. 3. Л. 16.

⁴⁵ Там же. Д. 2. Л. 29; Д. 3. Л. 16 об.; Д. 6. Л. 49 об.

⁴⁶ *Либушкин В.Н.* Деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние... С. 127, 128.

⁴⁷ Труды. Т. 56. С. 2–3.

Первые переселенцы на берегу Амура

ственные неудобства «в виде лент земли, шириною в 1—2 версты и длиною до 15 верст, причем сами селения расположены в одном конце этих лент»⁴⁸.

Активной критике подвергался процесс ликвидации заимок сибирских крестьян. В регионах, где работали отряды и партии, они повсеместно разорялись, земли их попадали в казенные дачи или в переселенческие участки. Чиновники отмечали, что не справедливо после ликвидации заимки обязывать крестьян переселяться в села. Их разработанные угодья отдавались либо в состав переселенческих участков, либо в казенно-оброчные статьи. Единогласно требовали прекратить практику захватного землевладения и особенно «урегулировать захват земель при станциях железной дороги», так как там пыталась поселиться основная масса переселенцев. Выход из ситуации видели в «ускоренных поземельных работах»⁴⁹.

В целом землеустройство либеральными чиновниками воспринималось как необходимое преобразование, однако представляли они его проведение в другом виде. С их точки зрения необходимо было более равномерное распределение угодий между соседствующими селениями, устранение чресполосности и дальнотемелья, прекращение поземельных споров и захватов. За землеустройство в таком смысле высказались многие, которые не ожидали сокращения площади крестьянских земель, напротив, некоторые даже надеялись на ее увеличение, предполагая «при землеустройстве прирезать к крестьянским наделам сенокосы и пастбища из казенно-оброчных

⁴⁸ Кауфман А. Указ. соч. С. 18.

⁴⁹ Труды. Т. 56. С. 2—3, 44—45.

статей, за соответствующую плату»⁵⁰. Как правило, с предложениями о сохранении крестьянам всей земли или увеличении ее площадей за счет казенно-оброчных статей выступали крестьянские начальники.

Характерное для либералов отношение к землеобеспечению крестьян ярко проявилось в позиции начальника по землеустройству Томской губернии И.И. Тыжнова, который привел статистические данные о массовом обезземеливании крестьян, неоправданных отрезках их земель в пользу Кабинета, произволе землеустроителей. Тыжнов настаивал на необходимости «предоставлять при землеустройстве наделы всем желающим, а не только тем, кто формально являлись членами сельских обществ и вели «самостоятельное» хозяйство, как того требовал закон; оставлять крестьянам всю площадь фактического землепользования, включая арендуемые ими казенно-оброчные статьи; открыть все леса для отвода в них лесных наделов крестьянам; все арендные статьи в черте крестьянских земель в общем порядке включать в наделы, если только крестьяне сами определенно не откажутся от них; создавать при землеустройстве в обязательном порядке запасные и переселенческие участки при селениях; ввести в состав поземельно-устроительных комиссий «уполномоченных от крестьян и инородцев, по избранию схода, с правом голоса наравне с прочими членами комиссии»⁵¹. Доказывал, что для крестьян нужна норма в 30–33 десятины и наделы должны быть установлены в зависимости от местных условий, а это на практике «сводится к оставлению за каждым данным обществом всей площади его фактического землепользования»⁵². Такую же норму земли считал необходимой для крестьян Дуров⁵³. Некоторые чиновники открыто указывали «на необходимость заблаговременно подготовить население к скорой неизбежности сосредоточить свое хозяйство на 15-десятинной норме надела и научить его более интенсивной обработке земли, чем и предотвратить надвигающийся экономический кризис»⁵⁴.

В результате либералы признавали, что землеустройство вызвало значительное сокращение крестьянских земель. Залежно-паровое хозяйство перестало обеспечивать восстановление истощаемой посевами почвы, а следовательно, резко понизилась ее производительность, участились неурожаи. Население чувствовало на себе недостаток в естественных пастбищах и сенокосах, а обезлесив свои земли, испытывало сыпучесть песков. В ре-

⁵⁰ Труды. Т. 56. С. 330, 392.

⁵¹ Там же. С. 151–152.

⁵² Кауфман А. Указ. соч. С. 19.

⁵³ Труды. Т. 56. С. 132.

⁵⁴ Там же. Т. 53. С. 64.

Обработка земли в Сибири

зультате в выступлениях чиновников прослеживается идея, что «сельское хозяйство переживает критический момент и каждый лишний год такого хозяйничания, как сейчас, несет в будущем неисчислимые беды, борьба с которыми потребует потом не только много времени, но и много средств, для самого же населения эта борьба не будет под силу»⁵⁵. Чтобы приостановить процесс установления малоземелья, необходимо было образовать запасные участки земли⁵⁶. Многие считали, что улучшить положение можно за счет агрономической помощи⁵⁷. Наряду с землеустройством в качестве причин малоземелья называли также переселенческое движение и очень редко рост населения.

Либеральные чиновники в научно-просветительских обществах признавали необходимость землеустройства местных крестьян. Критика касалась в основном практической стороны дела. Активную позицию в этом вопросе занял Скалозубов, который, ссылаясь на пожелания крестьянских совещаний, предлагал признать желательным предоставление сельским обществам преимущественных перед частными лицами прав на аренду казенно-оброчных статей и уничтожение торгов или проведение торгов лишь между конкурирующими обществами⁵⁸. Звучали мнения за использование государственной земельной собственности в интересах зажиточной сельской верхушки, то есть формирующейся крестьянской буржуазии. Защищая права на аренду казенных земель «отдельных лиц, желающих и

⁵⁵ Кауфман А. Указ. соч. С. 8–9.

⁵⁶ Труды. Т. 56. С. 126.

⁵⁷ Там же. Т. 53. С. 262, 268.

⁵⁸ Кауфман А. Указ. соч. С. 18.

имеющих возможность правильно организовать хозяйство», крестьянский начальник Тобольской губернии Г.А. Приймак заявлял, что не видит «ничего предосудительного в том, что некоторые участки попадают в руки землемочников, это не кулаки, а основательные хозяева»⁵⁹.

Заметным явлением в выступлениях чиновников являлась пропаганда подворного и хуторного землевладения. Причем она проявлялась даже в выступлениях заведомых сторонников общинного начала. Так, Скалозубов в докладе, представленном в Омском отделе Московского общества сельского хозяйства, предлагал «хотя бы в виде опыта устроить подворное хозяйство тех переселенцев, кои к этой форме землевладения привыкли в европейской России». Единогласно было решено содействовать крестьянам, в частности помочь в организации «сельскохозяйственных союзов для сбыта и хранения сельскохозяйственных продуктов и приобретения через них нужных для сельского хозяйства продуктов»⁶⁰.

Таким образом, противостояние областнических и буржуазных воззрений не позволило сформулировать конкретных предложений по данным вопросам, а лишь прослеживались ссылки на государственную политику самодержавия. Царизм же в свою очередь придерживался колониальной политики, направленной на сохранение Сибири в качестве сырьевого придатка и обширного рынка для торгово-промышленной буржуазии Европейской России.

В аграрной политике самодержавия наблюдалось важное направление — насаждение частного землевладения в Сибири. Верное своим интересам, оно пыталось распространить в этом регионе дворянское помещичье хозяйство. При этом в расчет принимались как экономические соображения — спасение разорившегося мелкого и среднего дворянства, так и политические — создание в Сибири опоры самодержавия. Для крестьян же был поставлен крепкий заслон к частному землевладению, то есть установлено ограничение площади крестьянского землепользования. Именно эти вопросы частного землевладения в Сибири чиновниками совершенно не обсуждались. Вероятно, вследствие молчаливого признания этого направления аграрной политики царизма.

В местных комитетах наиболее актуальным был вопрос о крестьянской общине и ее влиянии на развитие сельского хозяйства. Особенно горячо отстаивали общинное землевладение Тихонов и Скалозубов. Они доказывали,

⁵⁹ Труды. Т. 53. С. 15.

⁶⁰ Либуркин В.Н. Деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние... С. 67.

что уничтожить общину насильственно было бы крупной ошибкой. Напротив, необходимо всемирное укрепление общинных порядков, даже искусственное их насаждение в сибирской деревне, а введение показательных крестьянских хозяйств позволило бы поднять общий экономический уровень⁶¹. Тихонов настаивал на том, что «общинное землевладение, обеспечивающее каждому хозяину возможность вести хозяйство и добывать самостоятельно кусок хлеба, имеет более положительных, чем отрицательных сторон для развития сельскохозяйственной промышленности»⁶². Этой же цели служили бы с помощью общины крупные капиталистические улучшения, вроде осушки или орошения. Однако существующая круговая порука наносила урон крестьянскому хозяйству, так как часто преимущества в виде качественной земли и продовольственных ссуд получали зажиточные крестьяне⁶³.

Либеральные чиновники считали необходимым оградить крестьян от жестоких проявлений капитализма, на которые они так часто указывали. Крестьянская община должна была поддержать самые бедные слои сельского населения, которым сложно выжить в новых экономических условиях. Именно поэтому они высказывались за сохранение общины, но не в традиционном смысле, а за превращение ее в добровольный всесословный «гражданский союз».

В оценке крестьянского лесопользования либералы предлагали устранить опеку лесного ведомства над крестьянскими наделами, облегчить для крестьян получение лесоматериалов из казенных дач. Дуров, чтобы избежать опасности «обширного истребления лесов», предлагал обеспечить доступ крестьянам лишь к определенной части всех лесов округа. Все предложения предполагали лишь смягчение результатов лесной реформы⁶⁴. Чиновники заявляли, что «такое положение вещей, при котором владелец был бы вынужден спрашивать разрешение на пользование своим же имуществом у других лиц, является юридической аномалией»⁶⁵. Таким образом, либеральные чиновники выступали против рассматривания всего леса как собственности государства, которому должно принадлежать исключительное право распоряжения и пользования им.

К 1902 г. у большинства участников отделов научно-просветительских обществ сложился общий взгляд на экономическое положение края.

⁶¹ Труды. Т. 54. С. 91, 249.

⁶² Там же. Т. 56. С. 87.

⁶³ Там же. Т. 53. С. 307.

⁶⁴ Там же. Т. 56. С. 32, 46–51, 133.

⁶⁵ Либуркин В.Н. Деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние... С. 130.

По мнению их сотрудников, Сибирь переживала переходную эпоху, когда старые устои земледельческой и промышленной жизни отходили в область предания, и на смену им шли новые экономические формы. Они поддерживали программу поощрения товарной специализации сельского хозяйства и подъема местной промышленности за счет привлечения иностранных капиталов и внешнеторговых связей⁶⁶, но, прежде всего, необходимо было вооружить население агрономическими знаниями. Чиновниками были определены те сферы деятельности, которые являлись для крестьян проблемными: производство сельскохозяйственных продуктов, кредиты, кооперация, кустарные промыслы, отхожие промыслы, маслоделие, дороги, зернохранилища, упорядочение внешней и внутренней торговли, тарифы, улучшение перевозок, развитие рынков⁶⁷. В результате чего они нашли наиболее отвечающим положению вещей учреждение агрономической организации и затем открытия сельскохозяйственных школ, другие же пришли к заключению о наибольшей целесообразности учреждения в губерниях сельскохозяйственных ферм с приемом учеников-практикантов.

Однако участники обществ отмечали, что только улучшение техники обработки земли и повышение ее урожайности не дают желаемых результатов в тех общеэкономических, социально-политических, правовых, культурно-бытовых условиях жизни громадного большинства сельского населения, когда земледелец опутан административно-полицейской опекой и лишен прав свободно распоряжаться своей землей. В этих условиях было затруднительно развитие частной и общественной инициативы на селе, без которой в свою очередь был невозможен процесс «окультуривания» крестьянства и подъем благосостояния народа. Рекомендации общественных деятелей практически невозможно было внедрить в жизнь русской деревни, не вступая в конфликт с теми или иными официальными политико-правовыми нормами и институтами. Так разрешение «вопроса о неурожаях» волей-неволей упиралось в более общий круг проблем — земельный вопрос, народное самоуправление, гражданские права и свободы, решать которые было возможно только в комплексе и не на частном, а на правительственном уровне.

Деятельность чиновников в научных и культурно-просветительских обществах в основном сводилась к обсуждению наиболее насущных социально-экономических вопросов. Программа преобразований, предполагаемая либеральными чиновниками, включала расширение торгово-экономических связей внутри региона и с внешним рынком, снижение таможенных пош-

⁶⁶ ГАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. Л. 30 об.

⁶⁷ Там же. Д. 8. Л. 6—6 об.

Переселенческая столовая

лин, что должно было способствовать повышению цен на сельскохозяйственные продукты и росту доходности крестьянского хозяйства, ограничение широкомасштабного сокращения крестьянских земель в ходе землеустроительных работ и предоставление крестьянам большей свободы в выборе форм землевладения и землепользования. На фоне этого наблюдается практически постоянное отрицание значения Сибирской железной дороги, которая была огромным шагом вперед в процессе развития сибирского региона. В ходе рассмотрения процесса развития сельского хозяйства чиновники признавали разорение крестьян и рекомендовали улучшать агрономические и технические меры, которые, по их мнению, способствовали бы буржуазному развитию, а самое главное, признавали необходимость введения земских учреждений.

Таким образом, либерально настроенные чиновники довольствовались общим направлением культуртрегерской деятельности, ограничиваясь целями благоустройства и повышения культурного уровня края. Из выступлений либеральных чиновников видно, что конкретной программы по экономической политике не было. Вопросы, рассмотрению которых либералы уделяли особое внимание, не всегда отвечали объективным особенностям развития Сибири. Предложения их отличались характерной особенностью, как правило, в ходе обсуждений социально-экономических вопросов внимание либеральных чиновников привлекали лишь интересы торговой буржуазии. Не замечая достоинств Сибири, они стремились подготовить ее к интегрированию в российское общество, более развитое и готовое к серьезным внутренним преобразованиям. Такие взгляды сразу обеспечивали чиновникам умеренность их позиции. Чиновники ссылались на необходимость либеральных преобразований, да и то только тех, которые были уже проведены в Европейской России.

В местных комитетах аграрно-крестьянская программа оказалась наименее разработанной, особенно вопросы поземельной политики. Были намечены такие ее пункты, как ограничение широкомасштабного сокращения крестьянских земель в ходе землеустроительных работ и предоставление крестьянам большей свободы в выборе форм землевладения и землепользования. Упадок сельского хозяйства, разорение и расслоение сибирского крестьянства стали общепризнанным явлением. Не было разногласий у либералов Европейской России и Сибири в понимании аграрно-крестьянского вопроса, особенно касаясь крестьянской общины. Либералы Европейской России считали необходимым провести правовое раскрепощение общины. В условиях надвигавшегося малоземелья сибирские либералы сумели очень четко определить норму земли, необходимую для крестьянского хозяйства. Именно указание на малоземелье и является критикой аграрно-крестьянской политики самодержавия. Таким образом, чиновники, констатируя нужды крестьян, пытались исправить кризисную ситуацию продолжением землеустроительной политики, а не требованием изменения крестьянского законодательства.

Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует об умеренности взглядов деятелей, принадлежавших к группе либерального чиновничества Западной Сибири, их ограниченности рамками местных проблем, зачастую без выхода на истинные причины их порождающие. Не случайно, правильно подметив многие моменты, негативно отражающиеся на развитии крестьянского хозяйства Западной Сибири, они так и не сумели предложить четкую и действенную программу их устранения, остановившись на уровне «частичных изменений».

Ключевые слова:

либеральные идеи, общественно-политические взгляды, землеустройство, землепользование, переселенческая политика, государственная земельная собственность, дворянское землевладение, крестьянское землевладение, лесопользование, аграрно-крестьянская политика, крестьянская община, заимочное и хуторское землевладение, казенные земли, крестьянское законодательство

Oksana N. Ovcharenko

ATTITUDE OF THE OFFICIALS IN WESTERN SIBERIA TOWARDS THE PEASANT ORIENTED AGRICULTURAL POLICIES IN THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The author analyses the process of the socioeconomic formation of the attitude and the scale of political activity of the liberal oriented officials in terms of Siberia regional development on the eve of the first Russian revolution.

The liberal attitude of the officials could be seen while analyzing their activity in local Science Education societies (associations) and Committees for Agricultural Industrialization Needs, in discussions of the important regional problems, connected to the land planning and development as well as the migration policies.

 Овчаренко Оксана Николаевна

учитель истории и обществознания БОУ
«Средняя общеобразовательная школа № 77» г. Омска

С.Р. Чеджемов

Г.В. БАЕВ — ПРОСВЕТИТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ, ПОЛИТИК

Георгий Васильевич Баев (1869–1939), современники часто называли его Гаппо, — выдающийся представитель осетинской интеллигенции, правовед, государственный и общественный деятель Осетии-Алании (Иристона), просветитель, ученый, публицист, педагог, переводчик, фактически родоначальник издательского дела на осетинском языке. Долгие годы на страницах исторических исследований он, оказавшийся после Гражданской войны в эмиграции, являлся представителем «проклятого монархического прошлого». Этот стереотип был пересмотрен лишь в период «перестройки»¹. Первые публикации Баева появились в 1993 г.², а в 1995 г. правительственная комиссия Северной Осетии во главе с мэром Владикавказа М.М. Шаталовым и депутатом Парламента РСО-Алания К.В. Баевым привезли останки Баева

¹ Первые публикации о нем: Чеджемов С.Р. Педагогическая мысль в Северной Осетии в конце XIX — начале XX века. Владикавказ, 1992; Чеджемов С.Р. Правовые воззрения Г.В. Баева, Г.М. Цаголова, Г.Б. Дзасохова // Актуальные проблемы государственного строительства и совершенствования законодательства. Вып. 1. Владикавказ, 1997; Челахсаты К. Осетия и осетины. Владикавказ — Санкт-Петербург, 1994; Бзаров Р.С. Слово о Гаппо Баеве // Северная Осетия. 1995. 12 апреля.

² См.: Антология педагогической мысли Северной Осетии / Сост. Э.К. Каргиев, С.Р. Чеджемов. Владикавказ, 1993. С. 162–182.

на родину, где он был торжественно перезахоронен рядом с могилой другого выдающегося представителя осетинской интеллигенции К.А. Хетагурова.

Между тем творческое наследие Баева необычайно широко, разнообразно и охватывает публицистические статьи, литературные произведения, исторические и экономические очерки, наброски правовых документов, письма и пр. Значительное место в этом наследии занимают работы, свидетельствующие о самобытных воззрениях автора на проблемы политико-правового и национально-государственного устройства России, а также по различным вопросам теории и истории государства и права различных государств начиная с древнейших времен и вплоть до начала XX в. Так, перу Баева принадлежит первое монографическое исследование формирования осетинской военной интеллигенции «Боевая служба осетин», вышедшее во Владикавказе в 1904 г. Однако его наследие почти не вовлечено в научный оборот, в том числе целый ряд материалов из его личного архива, сформированного еще в 1920-х гг., в котором, к примеру, есть очень актуальные размышления на тему «Об объединении Южной и Северной Осетии», «Проект объединения Северной и Южной Осетии»³.

В данной статье поставлена цель кратко охарактеризовать этапы жизненного пути и проанализировать политико-правовые и педагогические воззрения Г.В. Баева.

Окончив в 1884 г. юридический факультет Новороссийского университета, он стал заниматься юридической практикой во Владикавказе. При этом он уделял большое внимание изучению истории и культуры осетинского народа. Баев вел переписку, в частности, с видными представителями российской науки — кавказоведами академиками В.Ф. Миллером и М.М. Ковалевским. Так, в письме от 15 декабря 1897 г. Баев сообщил Миллеру, что выслал в редакцию московской газеты «Русские ведомости» статью «Из жизни горцев Кавказа», которую посвятил вопросу о введении земских учреждений в Терской области, и просил Миллера «замолвить словечко за помещение этой статьи, которая для серьезной публики представляет интерес, не только этнографический, но и современный, живой, бытовой»⁴. В письме от 22 сентября 1899 г. Баев сообщил Миллеру, что «дело издания осетинских книг я продолжаю. 26 мая в день пушкинского юбилея появился сборник стихов первого нашего поэта и видного общественного деятеля Константина Хетагурова. Книга издана в количестве 21 тыс. экземпляров и быстро уже

³ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-Алания). Ф. 224. Оп. 1. Д. 179, 273.

⁴ Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (далее НА СОИГСИ). Ф. Лингвистика. Д. 64. Л. 2.

разошлась по всей стране — распространилась даже в Южной Осетии. Благодаря чисто народническому духу, книга завоевала всеобщую симпатию и послужила толчком к серьезному изучению своего народного языка среди интеллигентной молодежи... В настоящее время мы думаем приступить к изданию народных произведений. Так, я уже представил в Кавказский цензурный комитет сборник пословиц и загадок (в количестве 1000 штук). Имеется у нас и сборник сказок. Но я думаю серьезно заняться эпосом о нартах. В глубине гор я нашел еще нескольких бандуристов, излагающих в изящной и последовательной форме эти замечательные по вековой своей давности песни. Наша беда в том, что мы бедны материальными средствами, для того чтобы не дать погибнуть этой эпосе. Но все-таки с божьей помощью мы приступили уже к осуществлению своей заветной мечты. Я выписал из гор кобзаря нашего Рамона Дзусова, жителя селения Саниба. В свое время постараюсь Вам сообщить хотя бы в переводе его замечательные песни»⁵.

Баев был одним из первых инициаторов кооперативного движения, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности Северного Кавказа. Он принимал деятельное участие в организации сельских поземельных банков, а один из них лично организовал в с. Ольгинское, где он родился. Он помогал многим осетинским земледельцам получить кредиты Государственного Крестьянского банка. Практикуемый Баевым малый процент по вкладам позволил многим предприимчивым жителям организовывать собственное дело. Будучи членом правления Терского сельскохозяйственного общества, он прилагал максимум усилий для организации ежегодных выставок во Владикавказе, на которых были представлены экспонаты труда земледельцев Осетии.

Нельзя, однако, не отметить, что другой видный представитель осетинской интеллигенции Г. М. Цаголов опубликовал на страницах ставропольской газеты «Северный Кавказ» 25 января 1900 г. статью «Культурное движение среди осетин», в которой, резко критикуя Баева и его предпринимательскую деятельность, писал: «Что касается воздействия на экономическую жизнь народа, то в этом отношении здесь следует упомянуть о деятельности присяжного поверенного Г.В. Баева. Г. Баев задался целью покрыть всю Осетию сельскими банками и общественными амбарами-кукурузниками... Свою идею г. Баев старается распространить во всех селениях и не теряет надежды через несколько лет видеть на родине целую сеть банков и амбаров... Всем и каждому известно, что устроить сельский банк — значит взять у бедняка последнюю копейку и отдать ее богачу-кулаку с тем, чтобы он этой копейкой выколотил из горба ее обворованного хозяина целковый на

⁵ НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Д. 64. Л. 2.

Член Общества
распространения
образования и технических
сведений среди горцев
Терской области,
присяжный поверенный
Г.В. Баев. 1899 г.

свою собственную потребу». С Цаголовым в корне был не согласен известный осетинский деятель культуры К. Хетагуров, полагавший: «Присяжный поверенный Г.В. Баев заслуживает глубокого сочувствия и поддержки в своих неустанных трудах и заботах о меньшей братии, не только общества Ольгинского селения, но всех честных и правдивых осетин»⁶.

Баев, будучи членом правления Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области (в 1902—1906 гг. он возглавлял это общество), одной из самых массовых просветительско-благотворительных организаций на Северном Кавказе, выступил инициатором постройки к столетию со дня рождения А.С. Пушкина школы, носящей имя поэта. Она была заложена в 1899 г. (Ныне в этом здании размещается Владикавказская художественная школа.)

Баев немало способствовал тому, что в 1900 г. Николай II, по многочисленным просьбам наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича и видных представителей кавказской интеллигенции, утвердил подготовленное Военным министерством решение, по которому во Владикавказе учреждался Кавказский кадетский корпус⁷. Это было самое крупное военное образовательное учреждение на юге России. 23 августа 1901 г. Владикавказская городская дума, обсудив вопрос об устройстве кадетского корпуса во Владикавказе, постановила безвозмездно передать для нужд Военного министерства России земельный участок на южной окраине города, где было построено двухэтажное здание длиной 320 метров.

Появление этого военно-учебного заведения вызвало большой интерес среди осетинской молодежи, многие ее представители стали учиться в нем.

⁶ Хетагуров К.Л. Избави Бог и нас от этих судей // Антология педагогической мысли Северной Осетии. С. 119.

⁷ Кавказский кадетский корпус // Материалы по истории осетинского народа. Т. V. Орджоникидзе, 1942. С. 282.

К 1917 г. в Осетии, всего насчитывающей около 130 тыс. жителей, было 3,5 тыс. офицеров и 24 генерала. До революции 1917 г. были хорошо известны имена таких осетин-генералов, как Дмитрия Абадиева, Михаила Баева, Александра Борукаева, Инала Кусова, Афако Фидарова, Сергея Хабалова, Асламбека Туганова, Созырко Хоранова, Козьмы Занкисова, Александра Коченова, Арсения Таучелова, Иосифа Тебиева⁸.

Весьма примечательна эволюция политических взглядов Баева. Долгие годы в историографии Осетии считалось, что Баев придерживался умеренных монархических убеждений, однако докладная записка в Петербург начальника Терского областного жандармского управления Р.К. Шпицбарта о политическом состоянии области, датированная 19 ноября 1905 г., ясно говорит о его принадлежности к социал-демократии. В документе сказано, что к «деятельным» членам Терско-Дагестанского комитета РСДРП относился присяжный поверенный, помощник Владикавказского городского головы Г.В. Баев, один из авторов «петиции об автономии осетин и демократического переустройства России». Далее в записке отмечалось, что со второй половины 1904 г. в Терской области в связи с повсеместным проявлением в России «освободительно-прогрессивного движения началось брожение и в Терской области, развитию которого способствовал увеличившийся наплыв контингента неблагонадежных в политическом отношении лиц, которые, сплотившись в преследовании общих революционных целей с местными некоторыми интеллигентами, постепенно сорганизовались в несколько порайонных групп с комитетами в городах Владикавказе, Пятигорске и Грозном, откуда направляются действия агентов, расселившихся повсеместно по области, которые стараются сеять изустную и литературную пропаганду... Наряду с попытками преступной пропаганды среди рабочих замечается усиленная деятельность неблагоприятных элементов учебных заведений, беспорядки во Владикавказской классической гимназии 4 февраля сего года, направленные некоторыми местными интеллигентами, студентами и курсистками, что сказывалось устройством тайных общих сходок...». Терско-Дагестанский комитет имел свою маленькую типографию, где издавались антиправительственная литература и листовки. «Особенно вредными в своей подпольной деятельности, — отмечалось далее в записке, — представляются лица, занимающие официальное положение, как, например, Баев». В своих сообщениях начальник Владикавказского округа полковник Д.А. Вырубов считал Баева «неблагонадежным и вредно влияющим на осетин», а ректор духовной Ардонской семинарии архимандрит Арсений, выпускник Казанской духовной

⁸ Дзагурова Г.Т. Осетины в войнах России. Владикавказ, 1995. С. 28.

Владикавказ. Горский пансион им. А.С. Пушкина для учащихся стипендиатов Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области. На фасаде бронзовый бюст А.С. Пушкина. *Начало XX в.*

академии, назвал Баева «руководителем» студенческих кружков, рассеянных по семинариям. Такие сведения, писал далее Шпицбарт, в отношении Баева подтверждались агентурными данными, но, «к сожалению, последних совершенно недостаточно к формальному их преследованию, вследствие чего приходится оставаться в выжидательном положении, на случай проявления каких-либо из них себя более рельефно...»⁹. Этот документ показывает, что у местной охраны не имелось прямых доказательств, чтобы обвинить Баева в причастности к РСДРП, а разного рода подозрения и наветы от местных представителей власти и духовенства не могли стать основанием для ареста такого известного общественного деятеля Терской области.

Не случайно в письмах социалиста Баева того времени анализировались и вопросы государственного права, в частности, о соотношении центральной и местной власти. Он в 1905 г. пришел к выводу, что установленное правительством выборное начало при «назначении на должности лиц сельской и волостной администрации отдавало эту последнюю, зависящую от своих избирателей, в руки тех или иных «авторитетов», которые рвались к власти, меньше всего думая об интересах народа и стремясь к своим выгодам». Это, по его мысли, и являлось причиной и следствием национально-религиозных беспорядков, например прокатившихся по Туркестану в 1898 г., и в конечном счете явилось фактором ослабления значения центральной власти и ее институтов. События, происходящие в Туркестане в конце XIX в., представляли для Баева интерес, так как их причины во многом были похожи на аналогичные, происходившие на Северном Кавказе, где также сильны были местные обычаи и авторитет мусульманского духовенства.

⁹ Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 83. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–21.

Из его заметок можно сделать вывод, что для организации административно-правовой жизни на территориях российских окраин, населенных нерусским населением, необходимо было сочетание правильной политики центра, учитывающей национальные особенности края. Баев солидаризировался во мнениях с авторами известного дореволюционного печатного издания «Русский инвалид» о том, что для вышеизложенного необходимо такое положение дел, при котором ни центральная, ни местная власть не ущемляли бы друг друга, а, наоборот, органически дополняли. Особое значение придавалось судам, которые должны были быть независимыми от администрации, но, вместе с тем, доступными для широких масс народа. Автор в дневниковых записях, анализируя петиции армянского населения, подчеркивал пагубность такого состояния дел, когда судья был «не всегда знаком с туземным бытом»¹⁰.

Баев, имея большую популярность среди своего народа, в 1905 г. в условиях разгоравшейся Первой русской революции был избран гласным Владикавказской городской думы, где был избран заместителем городского головы. Однако после революции его политические взгляды изменились. В августе 1908 г. заведующий Владикавказским охранным пунктом доложил начальнику Департамента полиции МВД о ситуации в городе. Отметив, в частности, что имеет место борьба между бывшим городским головой кадетом А.Ф. Фроловым и кадетом Баевым за место городского головы¹¹. Значит, Баев тогда отошел от социалистических идей и стал либералом, примкнув к Партии народной свободы.

Когда в августе 1908 г. во Владикавказской городской думе состоялись выборы городского головы на новый срок — с 1908 по 1912 г., то им был избран М.М. Орел, но Баев фактически исполнял его обязанности, поскольку тот болел. После его кончины в октябре 1911 г. Баев заменил его на этом посту. А в октябре 1912 г. Баев был уже избран городским головой на 4 года. В официальной справке, подготовленной на него в 1912 г. в связи с выборами городского головы, ничего не сказано даже о его кадетской партийности¹². А это значит, что к тому времени в охранке, несмотря на все подозрения, не были уверены, что он остался в рядах какой-либо политической партии. Как бы то ни было, он стал первым осетином-мэром такого большого города, административного центра всей Терской области, важного политического центра Кавказа. Это было прежде всего следствием того, что

¹⁰ ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 278. Л. 9.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Д-7. Оп. 1908. Д. 2. Ч. 60. Л. 105.

¹² ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 259. Б.п.

Владикавказский кадетский корпус. Начало XX в.

Баев смог показать себя опытным управленцем, талантливым организатором жизнедеятельности сложного городского организма.

О том, какие чувства охватили тогда молодого администратора, можно судить по его письму академику Миллеру от 3 декабря 1910 г., где он, в частности, писал, что «14 ноября в Тифлисе праздновался 50-летний юбилей Общества восстановления православного христианства на Кавказе. По избранию от Северной Осетии мне пришлось участвовать депутатом на этом торжестве... 15 ноября состоялся небольшой банкет, на котором осетины с чувством глубочайшей благодарности вспомнили Ваши, многоуважаемый Всеволод Федорович, большие труды по делу возрождения из мертвых нашей народности, которая из всех горских племен Кавказа стремится войти в семью культурных народов. Трудно это достается нашему маленькому народу по многим и чисто местным причинам, но все-таки мы не унываем. Близко стоя в продолжении много лет к делу нашего возрождения, способствуя ему по мере сил своих в этом деле, я еще больше укрепляюсь в мысли, что родная печать сыграла большую роль в этом деле и в будущем ей принадлежит сделать еще многое. Главным работником на этом поприще являетесь Вы и с Вашими трудами неразрывно связано дело осетинской письменности. Вы всех нас поддерживали в этом деле, за что глубокое Вам спасибо говорит вся Осетия»¹³. Интерес к культуре своего народа, его истории оставался важным для Баева, несмотря на всю занятость городскими делами.

В эти годы Баев продолжал размышлять о педагогике, о роли учебной литературы. Начальная книга на родном языке, по мысли Баева, должна была быть приноровлена к детским понятиям, должна заинтересовывать их молодые умы. Баев вслед за великими педагогами, такими, как Я.А. Коменский,

¹³ НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Д. 64. Л. 20.

И.Г. Песталоцци и К.Д. Ушинский, пришел к выводу о необходимости соблюдения принципа доступности учебного материала детям. Для обоснования этого Баев в своей статье «Осетинская письменность», которая, судя по содержанию, была написана в 1912 г., размышлял над идеями видного кавказского просветителя П.К. Услара, писавшего о том, что именно начальная книга на родном языке может пробудить мыслящие силы детей, развить их понятия, облегчить им сознательное приобретение познаний, дать им правильное умственное и религиозно-нравственное воспитание, но именно таких книг у осетин не было¹⁴.

В условиях крайней нехватки специальной педагогической литературы в среде осетинской интеллигенции живо обсуждался вопрос: каким быть учебнику по осетинскому языку? Свое видение данной проблемы излагал в статье и Баев. По его мнению, это должна была быть книга рационально составленная, с параллельным русским и осетинским текстами, а учебный материал должен быть доступен детскому восприятию, правильно логико-структурно изложен. Баев выступал за непрерывное образование и превращение школы в центр учебно-воспитательной работы. «Просветительская деятельность школы, — отмечал он, — не должна заканчиваться для ученика с выходом из ее стен. Она дает умение ученику читать, и он должен далее развивать себя путем чтения».

Баев одним из первых среди осетинской интеллигенции не только пропагандировал необходимость умственного воспитания осетинского народа, но и выделил взаимообусловленность между развитием просвещения и созданием литературы на родном языке. Вполне справедливо он делал выводы о насущной необходимости родного печатного слова, без которого народ лишь «стихийная масса, живущая по законам инстинкта, но не разума и не по законам тех высших начал нравственности и культурного общежития, которые вырабатывали и до наших дней вырабатываются, начиная с седой глубины веков светочами человечества»¹⁵.

Справедливо отмечая достижения в деле просвещения и стремление осетинского народа к образованию, Баев в то же время отмечал, что «это стремление для большинства остается недостижимой мечтой как вследствие недостатка школ, так и вследствие недостатка средств. А школ действительно мало. Достаточно сказать, что на 630-тысячное население туземцев нет ни одной технической, ни сельскохозяйственной школы, между тем, только широкая сеть таких школ и может явиться противовесом безземелью гор-

¹⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Л. 5.

Г.В. Баев со знаком
городского головы
Владикавказа. 1913 г.

цев, и необходимость в таких школах настоятельна теперь же, дабы население могло скоро оправиться от экономического потрясения»¹⁶. Баев имел в виду лиц школьного возраста, проживавших на территории Северного Кавказа Кавказского учебного округа.

Для исправления этого бедственного положения Баев предлагал незамедлительно провести в жизнь такие мероприятия, как открытие новых начальных школ в количестве, необходимом для охвата всеобщим обучением детей школьного возраста. Особое внимание он предлагал уделить горским обществам, в которых недостаток в школах ощущался особенно остро. В данных школах наряду с русским языком ввести изучение осетинского языка, для этого, по мысли автора, было необходимо назначить в горские школы учителей, знающих осетинский язык. В качестве способа реализации этих целей Баев предлагает открыть во Владикавказе учительскую семинарию для горцев. Баев хорошо понимал, что обучить детей родному литературному языку можно только при наличии родной письменности и изданной на ней правильно составленной с методической точки зрения дидактической литературы. Начинать эту работу было необходимо с начального курса обучения. Особые требования Баев предъявлял к учебникам, их содержанию и оформлению¹⁷.

В сохранившемся в архиве тексте под названием «Письма осетина. Работа осетинской интеллигенции»¹⁸, который, судя по содержанию, был написан Баевым в 1913 г., он отмечал то обстоятельство, что именно педагогам принадлежит пальма первенства в деле приобщения своего народа к культурному движению. По достоинству он оценивал и роль школ, в которых

¹⁶ Там же. Л. 16.

¹⁷ Там же. Л. 16 об.

¹⁸ Там же. Д. 8. Л. 1–3.

осетинский народ справедливо видел основу своего благосостояния. Анализируя историю деятельности первых школ в Осетии, Баев писал, что трудности, с которыми столкнулись учителя в первые годы деятельности школ, во многом были вызваны тем, что матери боялись школ, прятали детей, приходилось насилию, чуть ли не по наряду, пополнять школы. Эта боязнь школ в народе была вызвана слухами о том, что детей после учебы заберут в солдаты.

Однако влияние интеллигенции, как отмечал Баев, вскоре разубедило народ в таком взгляде на русскую школу, и он хлынул туда потоками, так что в 1872 г. начальник Осетинского округа полковник А.Ф. Эглау представил в Петербург записку о необходимости введения в Осетии всеобщего обязательного обучения¹⁹. Отмечая по достоинству имевшиеся успехи в деле культурного развития Осетии, в частности, в развитии народного просвещения, Баев при этом не забывал указывать и на имевшиеся недостатки.

К ним Баев относил отсутствие подходящих учебников, отсталость части народа, его материальную бедность, плохие школьные здания, отсутствие путей сообщения в горной полосе и многое другое. Баев отмечал, что все эти обстоятельства, препятствовавшие развитию народного образования, «поборол» осетинский народный учитель и вышел победителем. Результатом этой победы стали, отмечал Баев, современные школьные здания, на создание которых народ потратил в общей сложности сотни тысяч рублей и которые могли конкурировать с лучшими городскими и земскими школьными зданиями Центральной России²⁰. Стремление к знаниям у осетинского народа так велико, писал Баев, что «приходилось принимать во многие школы по жребию и весь народ проникся стремлением к образованию в средних и высших учебных заведениях»²¹.

Будучи крупным администратором на Кавказе, он в 1913 г. среди других членов депутации кавказских народов принимал участие в праздновании 300-летия Дома Романовых. Эта делегация выехала к царю из Северной Осетии с памятными подарками — изделиями осетинских мастеров. Ее возглавил Баев. Она была принята Николаем II и наделена ответными памятными подарками. К ним, несомненно, можно отнести и согласие властей на открытие в Осетии первых вузов — учительских институтов. В этом есть большая заслуга Баева как крупного чиновника. По его инициативе в 1913 г. началось строительство здания Первого реального училища, которое было построено уже в 1914 г.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 2 об.

²¹ Там же. Л. 3.

Первое реальное училище во Владикавказе. Начало XX в.

Баев также уделял внимание политико-правовой теории, государственным проблемам жизни страны, что нашло свое отражение в баевском «Проекте докладной записки о свободном избрании уполномоченных от горского населения для непосредственного общения с высшей властью» (18 апреля 1916 г.). Здесь он сделал обзор состояния народного образования в Северной Осетии и высказал ряд конкретных и оригинальных суждений по существу проблем.

В частности, он предлагал для решения всех аналогичных вопросов и управления в Осетии организовать окружной Совет, в который бы входили начальник округа, по должности, и местный уполномоченный от осетинского народа, избранный путем прямого тайного голосования на своеобразном представительном органе — съезде выборных депутатов²². Баев предлагал ввести для уполномоченных образовательный ценз и своеобразный имущественный, ибо первые три года своей должности они не должны были получать жалованья ни со стороны власти, ни со стороны населения. Если в течение трех лет они зарекомендовали бы себя положительно, то съезд выборных мог назначить им жалованье. Для решения всех исполнительских задач окружной Совет назначал трех человек, работающих на тех же основаниях и условиях²³.

После Февральской революции 1917 г., когда в центре установилось двоевластие, Баев стал одним из инициаторов создания общественно-политической организации под названием «Союз объединенных горцев». При этом Баев интересовался тем, как происходили изменения в самоуправлении

²² Там же. Д. 168. Л.16.

²³ Там же. Д. 278. Л. 14.

соседних горских народов. Об этом свидетельствует хранящаяся в его архиве конституция Абхазского народного совета (1917 г.)²⁴.

При строительстве нового государства он призывал использовать работу человеческого гения в деле обновления жизни, т.е. он предлагал широко внедрять опыт государственного устройства передовых стран с учетом местных особенностей. Своеобразным проектом первой осетинской конституции можно считать разработанный в условиях 1917 г. Баевым проект «Положения об Осетинском совете»²⁵. В основу этого программного документа он положил такие идеи, как введение на Кавказе земского бессословного самоуправления с выделением городских обществ управления в самостоятельную единицу. Введение суда присяжных заседателей по всем делам и осуществляющим свою деятельность на местных языках, политическое равноправие женщины и мужчины, свобода слова, собраний, стачек и союзов, явочное открытие просветительских учреждений, свобода языка, неприкосновенность личности и жилища, бесплатное начальное образование на родном языке²⁶. Таким образом, после падения самодержавия он выступил за республику, построенную на федеральных началах с сильной центральной властью. Основы государственно-территориального устройства Баев видел в развитии самоуправления, подчеркивая, что «только на прочном базисе широкого местного самоуправления возможно создание прочного конституционного государства»²⁷.

Однако вскоре по всей стране началась Гражданская война. Летом 1918 г. во Владикавказе вспыхнуло антисоветское восстание, одним из идейных вдохновителей которого стал Баев. В советской историографии оно получило наименование как «августовские события» и «бичераховский мятеж», а ныне характеризуется как «Бичераховское восстание»²⁸. Активное участие в ликвидации этого антибольшевистского восстания принимал младший брат Баева²⁹. Пути братьев после этих событий разошлись навсегда.

²⁴ Там же. Л. 16.

²⁵ Там же. Л. 14.

²⁶ Там же. Л. 9.

²⁷ Там же. Л. 8.

²⁸ См. подробнее: *Этенко Н. Д.* Большевистские организации Дона и Северного Кавказа в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д., 1972; *Малиев Н. Д.* Историография Великой Октябрьской Социалистической революции и гражданской войны на Тереке. Орджоникидзе, 1977; *Бурда Э. В.* Бичераховское восстание. К 94-й годовщине кровавых событий в Терской области. <http://www.apn.ru/publications/article26791.htm>

²⁹ *Роман (Чермен) Васильевич Баев* (1888–1919) — участник революционного движения в начале XX в., эсер, неоднократно подвергался арестам. В 1914 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1915 г. мобилизован и направлен на фронт. После Февральской революции 1917 г. активный участник революционных событий на Кавказе, примкнул к большевикам, устанавливал советскую власть в Осетии, зверски убит белыми.

Определенные основания делать вывод о политических пристрастиях Баева во время Гражданской войны позволяют его дневниковые наброски. В этих записях можно найти его суждения, например, по поводу взятия генералом П.Н. Врангелем Царицына 19 июня 1919 г. Анализируя сообщения прессы на этот счет, Баев, продолжавший жить в это время во Владикавказе, с гордостью писал: «По поводу взятия Царицына в телеграмме командующего Кавказской армией генерала Врангеля отмечалось, что из горских народов с самого начала нынешней борьбы Добровольческой армии и казачества в первых рядах участвовали черкесы и осетины Кубанской области, осетины и кабардинцы Терской области»³⁰. Здесь заметны симпатии Баева к белым.

В этих записях видно, что Баев анализировал материалы конференции по созданию южнорусской власти, которая проходила 16 июля 1919 г. в Екатеринодаре. Он выражал свое несогласие с тем, что в постановлении этой конференции по формальным основаниям оргкомитет не включил представителей осетинского народа в состав членов конференции, указав, что Осетия не может считаться государственным образованием. Но войсковое правление Терского казачьего войска обратилось к конференции с просьбой пересмотреть свое решение. «Желательно и необходимо, — отмечали терцы, — участие представителей осетинского народа на конференции при разрешении всех вопросов, поскольку осетины в течение этих двух лет анархии и революции твердо стояли на страже интересов русского населения на берегах Терека и совместно с терскими казаками боролись за водворение порядка и мира в Терском крае»³¹. Очевидно, что симпатии Баева были на стороне тех, кто полагал, что осетины имели право на самостоятельность.

После окончательного установления советской власти в марте 1920 г. в Северной Осетии Баев из Владикавказа уехал в Тбилиси, где непродолжительное время сотрудничал с рядом изданий, в том числе и созданных другим известным общественным и политическим деятелем России осетином А. Цаликовым, в газетах «Вольный горец», «Ног Цард» — «Новая жизнь», газете, выходившей на осетинском языке. Здесь, к примеру, опубликована первая работа по библиографии Осетии, написанная Баевым по-осетински³². Некоторые его политические настроения прослеживаются в таких статьях, как «Осетия под опекой Добрармии», «Правитель Осетии» и «Ног цардызиу» («Новое жизнеустройство»).

³⁰ ЦГА РСО-Алания. Ф. 224. Оп. 1. Д. 277. Л. 50.

³¹ Там же. Л. 55–56.

³² Гаппо. Ирон библиография // Ног Цард. 1920. 26.09.

После победы в феврале 1921 г. советской власти в Грузии Баев, опасаясь преследования со стороны большевиков, в марте того же года уехал в Германию. С этого времени он полностью отошел от общественно-политической тематики и отдался литературным и педагогическим исследованиям, развивая поднятую Миллером и Ковалевским идею индоевропейского влияния на этногенез осетин. С 1924 г. он работал приват-доцентом в Берлинском университете им. Гумбольдта, где основал кафедру восточных языков. (К сожалению, из этого университета никаких материалов о Баеве, несмотря на все усилия осетинских властей, так и не удалось получить.) Попытки его наладить научные связи с Осетией не увенчались успехом. Значительная часть советской осетинской интеллигенции открестилась от сотрудничества с ним. Имя Баева и его деятельность подверглись незаслуженным обвинениям на родине.

Г.В. Баев — один из немногих, кто в начале XX в. представлял новый тип осетинского политика и управленца. У него с молодых лет прослеживается задача — достижение подлинного гражданского равноправия, которая ярко выражена во всей его деятельности. У него были прогрессивные взгляды, ясные социально-политические идеалы, позитивные идейно-политические принципы. Его отличали демократизм, свободолюбие, стремление к справедливости. Он сделал много для своей родины. Во Владикавказе есть теперь улица, носящая его имя. Она идет параллельно улице его младшего брата Чермена Баева. Они начинаются от центральной городской площади Свободы и проходят через так называемую осетинскую часть бывшей крепости Владикавказ. Так они и вошли в историю осетинского народа. Изложенные материалы неоспоримо свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования как биографии, так и просветительской и политико-правовой деятельности и идей Г.В. Баева — видного представителя осетинской интеллигенции и русского зарубежья.

Ключевые слова:

Г.В. Баев, Осетия, Кавказ, Владикавказ, осетины, педагогика, правоведение, осетиноведение, революция, Гражданская война

Sergey R. Chedzhemov

**G.V. BAEV — EDUCATOR, SCIENTIST,
POLITICIAN**

The article analyzes pedagogical views of a prominent representative of the Ossetian intellectuals, G.V. Baev, and by examination of a broad range of archival sources first introduced to the scientific use his political and legal, and social views and activities are described both in the vineyards of public education and in the area of city administration. As the Deputy Mayor, and then the Mayor of Vladikavkaz, a large public and economic center of the North Caucasus at the beginning of the 20th century, Baev was among the first to represent a new type of Ossetian politician and manager back then.

 Чеджемов Сергей Русланович

кандидат исторических наук, доктор педагогических наук, профессор
кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского
государственного университета им. К.Л. Хетагурова

Ар.А. Улунян

БАЛКАНСКИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АВТОНОМИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, при всей ее многомерности и масштабности, являлась, в определенной степени, и продолжением Балканских войн 1912–1913 гг., что позволяет назвать ее начальный этап Третьей Балканской войной. В первой и второй войнах за участниками противостоявших коалиций стояли «великие державы», сами превратившиеся парадоксальным образом в «инструмент» своих малых союзников. На всем протяжении процесс строительства новых государств Балканского полуострова проходил в условиях межимперского соперничества на европейском субконтиненте, оказывавшем серьезное влияние на их общественно-политическую форму и этно-территориальную конфигурацию внутрибалканских границ. Данное обстоятельство стало одной из первопричин создания в Балканском регионе накануне и во время мировой войны национально-государственных образований — Автономной республики Северного Эпира и Автономной албанской республики Корча. Они были первыми среди возникших подобных образований, к числу которых относятся провозгласившая свою независимость 1 ноября 1918 г., за несколько дней до окончания войны, и существо-

вавшая до 15 ноября 1918 г. многонациональная Республика Банат¹, а также арумьнская «однодневная» Республика Корча (*Republica de o zi din Curceaia*)².

История появления Автономной республики Северного Эпира тесно связана с окончанием Второй Балканской войны, по результатам которой и в соответствии с решением Лондонской конференции от 29 июля 1913 г. Албания, провозгласившая свою независимость 28 ноября 1912 г., была признана суверенным княжеством под опекой «великих держав», а ее государственные границы были определены фактически ими же во Флорентийском протоколе, подписанном 17 декабря 1913 г.

Премьер-министр Греции Э. Венизелос резко выступил против того, чтобы территория северной части Эпира, получившего впоследствии название Северный Эпир, имевшей значительное греческое население и находившейся под контролем греческих вооруженных сил, была передана по этому протоколу албанскому государству. В среде самих греков-эпирiotов широко было распространено мнение о том, что европейские державы, поддавшись давлению со стороны Италии и Австро-Венгрии, создали искусственное государственное образование — Албанию, передав ей часть исконно греческих земель³. В британской прессе того периода, применительно к событиям вокруг Эпира, отмечалось, что «когда державы решили создать Княжество Албания, они не включили Северный Эпир в пределы ее границ без всяких причин. Частично это было связано, вероятно, с тем, что они не могли согласиться с каким-либо иным решением и просто приняли план, который их разделял между собой менее всего, но это [последующее включение. — А.У.] произошло в основном потому, что они осознали и достаточно справедливо, что без Северного Эпира новая

¹ В румынской историографической традиции существование этой республики определяется периодом с 31 октября 1918 г. по 21 февраля 1919 г., что связано с формальными признаками, а не фактическим прекращением ее существования 15 ноября 1918 г. Дискуссии о хронологии и событиях того времени находят отражение в современной румынской прессе.

² *C. Padurean. Legenda principelui Diamandi // România liberă. 2011. 29 septembrie.*

³ См. статью Генерального секретаря Всеэпирского Союза Америки Н. Кассавети-са: *Cassavety N.J. The Question of Epirus // The Journal of Race Development. 1919. Vol. 9. № 3.* Отголоском такой концепции и роли Австро-Венгрии в формировании Албанского государства и даже албанской нации см.: *Толева Т. Влиянието на Австро-Унгария за създаването на албанската нация: 1896–1908. София, 2012.* Эта работа является переводом защищенной в 2008 г. Т. Толевой в Барселонском университете диссертации «*La influencia del Imperio Austro-Húngaro en la construcción nacional albanesa (1896–1908)*».

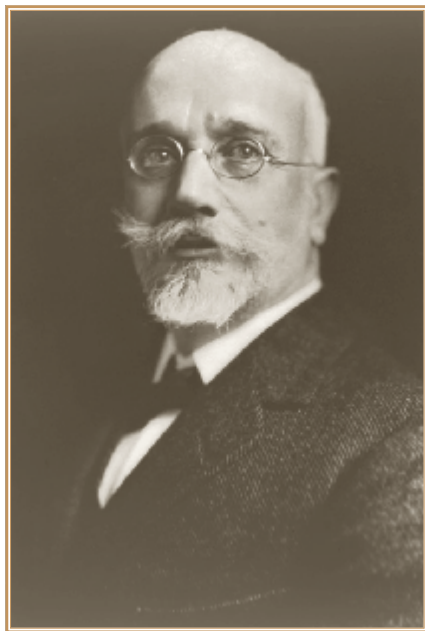
Албания не могла бы, вероятно, стать экономически самообеспеченным государством»⁴.

21 февраля 1914 г. «великие державы» обратились к греческому правительству с совместной нотой, содержащей требование о незамедлительном выводе греческих войск из района Северного Эпира⁵. Венизелос, стремясь избежать конфронтации с «великими державами», а также рассчитывая на их помощь в решении вопроса о включении в состав Греции Северных Эгейских островов Лесбос, Самос и Хиос, согласился с требованием. Однако греческое население Северного Эпира выступило резко против его вхождения в Албанию. В самом регионе северной части Эпира, контролировавшейся греческими вооруженными силами с момента окончания Второй Балканской войны, действовала «Главная администрация оккупированных греческой армией земель Эпира» (Γενική Διοίκησης των εν Ηπείρῳ ὑπὸ τοῦ Ἑλληνικοῦ Στρατοῦ Κατεχομένων Εδαφῶν) с центром в г. Янина. Она выполняла государственно-административные функции и возглавлялась известным политическим и общественным деятелем-эпириотом, бывшим министром иностранных дел Греции Г. Христинисом-Зографосом, который пользовался поддержкой местных греков. Именно по его инициативе и под его руководством проходило создание в каждом из районов Комитетов национальной обороны (Επιτροπές Εθνικής Αμυνας), в которые входили по 30–40 наиболее известных и влиятельных местных жителей. Они фактически являлись параллельными органами власти, сосуществуя с местными представительствами Главной администрации. Деятельность Зографоса не одобрялась официальными властями, а 27 августа 1913 г. греческое Министерство обороны издало приказ в связи с установлением военной администрации в г. Химарры и об отношении к существовавшим Комитетам обороны⁶.

⁴ Albania, The Adriatic, And The Balkans // The Observer. 1914. 11.04. В действительности, границы Албании были результатом политического торга между Великими державами, которые, преследуя собственные интересы в регионе, поддерживали своих союзников из числа малых Балканских стран. См.: Puto A. Historia diplomatike e çështjes shqiptare: 1878–1926. Tiranë, 2010.

⁵ Подробнее о международных аспектах проблемы Северного Эпира, включая дипломатические документы, см.: Ευαγγελίδου Δ. Η Βόρειος Ήπειρος. Αθήναι, 1919; Papadakis B. P. Documents Officiel concernant l' Epire du Nord, 1912–1935. Athens, 1935; *idem*. Histoire diplomatique de la question nord-épirote (1912–1957). Thessaloniki, 1958; Sterghiopoulos C.D., Soulis Chr. La question de l'Epire du Nord. Paris, 1946.

⁶ Национальный исследовательский фонд Э.К. Венизелоса. Архив Э. Венизелоса. Подпапка 7.2. Главное управление Эпиром. Военные дела (1912–1915) (Εθνικό Ίδρυμα Ελευθέριος Κ. Βενιζέλος. Αρχείου Ελευθερίου Βενιζέλου. Υποφάκελος 7.2 Γενική Διοίκηση Ηπείρου. Στρατιωτικά (1912–1915)).

Премьер-министр
Греции Э. Венизелос

Избранный греками-эпириотами механизм борьбы заключался в реализации ряда последовательных действий, учитывавших сложившуюся на протяжении 1913-го — начала 1914 г. обстановку.

Начавшиеся 12 января 1914 г. вооруженные столкновения между греками и албанцами, приведшие к захвату последними греческих заложников, продолжились взятием под контроль албанскими вооруженными группами ряда населенных пунктов и вмешательством регулярных греческих войск, которые пресекали эти действия. Нестабильная ситуация в Эпире, опасения его жителей-греков, что после эвакуации греческих войск ситуация ухудшится, и, самое главное, несогласие местных греков с переходом территории северной части Эпира в состав Албании стали причиной того, что председатель Комитета национальной обороны Гирокастр митрополит Вассилиос инициировал принятие решения о созыве Всеэпирского съезда, призвав к его проведению 30 января 1914 г. Это обращение было направлено 23 января всем Комитетам национальной обороны Эпира. Съезду предстояло обсудить ситуацию, складывавшуюся в северной части Эпира. Тем временем действия греков-эпириотов стали вызывать серьезное беспокойство Великих держав, и греческое правительство, не желавшее конфликта с ними, разослало через Главную администрацию в ее местные представительства в районах Эпира специальную директиву. В ней оно потребовало, во-первых, добиваться примирения между греками и албанцами с целью недопущения вооруженных конфликтов между ними; во-вторых, прекратить разоружение албанских формирований и вернуть им уже изъятое оружие; в-треть-

их, пресечь действия любых нерегулярных вооруженных формирований и разоружить их; в-четвертых, пресекать любые беззакония против албанцев и, наконец, в-пятых, не допускать проникновения партизан или добровольцев на территорию Эпира. Все эти требования были крайне негативно восприняты как местными греками-эпириотами, так и многими греками в самой Греции, и рассматривались как предательство Венизелоса в отношении греков региона. Поэтому их действия отныне были направлены фактически на создание собственного территориально-политического самоуправляемого образования. Позиция так называемого Временного правительства, т. е. формировавшейся административной структуры во главе с Христакисом-Зографосом, была озвучена им самим в двадцатых числах февраля 1914 г. в беседе с голландским майором Л.В. Томсоном — начальником международной жандармерии в Албании и заключалась в том, что Временное правительство «примет личностный союз с Албанией» (личную унию с албанским князем В. Видом), заявив, что и «внутренняя автономия» (самоуправление) будет в свою очередь также признана и в случае начала враждебных действий против этого движение греков-эпириотов приобретет отчетливый характер, направленный на отделение Северного Эпира от Албании⁷.

28 февраля 1914 г. Христакис-Зографос, пользовавшийся поддержкой местных греков, объединенных в Общеэпирские советы, провозгласил в г. Гирокастра (Аргирокастро), ставшем столицей, создание Автономной республики Северного Эпира (Αυτόνομος Δημοκρατία της Βορείου Ηπείρου) во главе с Временным правительством. Его президентом стал Христакис-Зографос. В существовавшей в начале XX в. греческой лингвистической традиции термин «αυτόνομος» означал «управляемый собственными законами, самостоятельный, независимый», и его использование эпириотами подчеркивало политический суверенитет нового государства. Избранная форма государственности — республика во главе с президентом — также символизировала и его особый статус, имея в виду соседние монархические Албанию и Грецию.

Отказ Венизелоса оказать помощь грекам-эпириотам, включая снабжение их оружием, был вновь воспринят ими как предательство.

Расширение территории республики, происходившее весной 1914 г. в результате побед местных греческих вооруженных сил над албанскими воинскими формированиями, привело к тому, что под контроль этого государственного образования перешли ранее переданные при отходе гре-

⁷ Ελληνισμός της Βορείου Ηπείρου και ελληνοαλβανικές σχέσεις. Επ. Β. Κόντης. Θεσσαλονίκη, 1995. Τ. 1. 1897–1918. Σ. 330.

Президент
Автономной республики
Северного Эпира
Г. Христакис-Зографос

ческих войск албанской стороне территории, включая г. Корчу. Вопрос о взаимоотношениях между центральным албанским правительством в лице князя Вида, занявшего престол 7 марта 1914 г., и Автономной республикой Северного Эпира серьезно влиял на расстановку сил в Балканском регионе и одновременно влиял на взаимоотношения «великих держав», выступавших гарантами албанской государственности. Последнее обстоятельство принималось в расчет главой новосозданной республики Христакисом-Зографосом, который понимал, что именно от их решения зависит судьба этого образования. С целью обеспечить его существование он выдвинул три варианта урегулирования его правового статуса: 1) автономия в составе Албании под покровительством ее правителя; 2) административная и территориальная автономия; 3) прямое управление со стороны европейских держав. Таким образом, фактически исключалась возможность существования независимого и суверенного греческого североэпирского государства как субъекта международных отношений, и на первый план выходил его автономный (самоуправляемый) статус, что объективно давало возможность актуализировать вопрос о его судьбе в будущем.

При посредничестве и непосредственном участии «великих держав» в ходе консультаций и переговоров, проходивших на протяжении 10–17 мая 1914 г. в г. Керкира (о. Корфу), 17 мая был заключен Керкирский (в греческой исторической традиции) или Корфский (в западноевропейской и российской) протокол между князем Видом — правителем Албании и главой (президентом) Автономной республики Северного Эпира Христакисом-Зографосом и под гарантии Международной контрольной комиссии, состо-

явшей из представителей «великих держав». Его главными положениями были признание автономии, которая отныне называлась Автономный Эпир (Αὐτόνομος Ἠπειρος) под эгидой правителя Албании князя Вида; право правительства Албании назначать и смещать с должности руководителей и высших чиновников автономии; создание из местных жителей жандармерии, подготовкой и обучением которой должны были заниматься голландские офицеры; запрет на размещение воинских подразделений, сформированных из нежителей региона в мирное время, но не в период войны или беспорядков; ведение преподавания на греческом языке в местных образовательных учреждениях с параллельным изучением албанского в первых трех классах начальной школы и исключительное право религиозного образования на греческом языке. Договор был ратифицирован сначала представителями «великих держав» 18 июня 1914 г., затем 23 июня албанским правительством и на проходившей в г. Дельвина Всеэпирской конференции. Единственными противниками соглашения являлись представители г. Химарры, выступившие за объединение Северного Эпира с Грецией. С началом мировой войны ситуация в автономии резко обострилась, так как в Албании центральная власть в лице князя Вида фактически потеряла контроль над страной после череды восстаний, поднятых местными вождями в ее различных регионах. 19 августа/2 сентября 1914 г. Христакис-Зографос обратился к Венизелосу со специальным письмом, в котором заявлял о том, что положение в Северном Эпире чревато угрозами как для самого Эпира, так и для Греции, что требует коренного изменения существующей до сих пор организации обороны, изменений, которые может провести только греческое правительство. Жители из-за страха перед албанскими повстанцами и вторжения албанцев хотели покинуть отдаленные деревни, направляясь в Грецию, и составили бы около 150 тыс. человек, присоединившись к остальным беженцам⁸.

Отъезд, а точнее бегство 3 сентября 1914 г., превратившегося в формального главу Албании князя Вида повлиял на положение дел с Эпирской автономией. 27 октября 1914 г. греческие войска при согласии «великих держав» вновь оккупировали Северный Эпир, и правительство автономии, заявившее о выполнении им своих задач, как и само это образование, перестало формально существовать. Дальнейшая судьба Северного Эпира становилась предметом решений послевоенной мирной конференции⁹.

⁸ Музей Бенаки. Архив Э. Венизелоса. Папка 312–054. Л. 1, 2. (Μουσείο Μπενάκη. Αρχείο Ελευθερίου Βενιζέλου. Φάκελος 312–054. Σ. 1, 2).

⁹ Cassavetes N.J. The question of northern Epirus at the Peace conference. Boston, 1919; Trianafilopoulos T. Power politics and nationalist discourse in the struggle for «Northern Epirus»: 1919–1921 // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2000. Vol. 2. № 2.

Король Греции
Константинос I

Отъезд по настоянию Международной контрольной комиссии князя Вида из Албании в сентябре 1914 г. привел к окончательному распаду государства и страны, что выразилось в создании пяти региональных государственных образований: Скутари и его окрестности оказались под властью местного Совета; областью Мирдита правил один из представителей одноименного племени князь Пренк Биб Дода; в области Мальсия правили местные вожди одноименного племени; Дуррес, Дибр и ряд внутренних районов Албании входили в состав государственного образования Эссад-паши, который был приглашен местным Советом старейшин возглавить Албанию после бегства князя Вида и претендовал на пост главы всей Албании; Влёра и ее ближайшие окрестности оказались под управлением Международной контрольной комиссии¹⁰. В то же время «албанский вопрос» представлял стратегический интерес для противостоявших блоков — Антанты и Центральных держав, так как в его разрешении либо с точки зрения своего превалирующего влияния в Албании, либо в территориальных интересах боролись Австро-Венгрия, Италия, Греция и Сербия. 31 октября 1914 г. при явном согласии ряда европейских государств, хотя и находившихся в разных блоках — Австро-Венгрии и Великобритании, началась иностранная и, как подчеркивалось, временная оккупация Албании со стороны Италии и Греции. 22 ноября через своих послов в Афинах государства-члены Антанты предложили греческому прави-

¹⁰ *Stickney E.P.* Southern Albania or northern Epirus in European international affairs, 1912–1923. Stanford, 1926. P. 51; *idem.* The Question of Southern Albania or Northern Epirus: 1912–1923. Stanford, 1924.

тельству территорию южной части Албании в обмен на вступление в войну на стороне этого блока и оказание поддержки Сербии. Падение в декабре 1914 г. проантантовского правительства Венизелоса в Греции и усиление прогермански настроенных роялистов во главе с королем Константиносом I привели к тому, что оккупированные греческими войсками части Эпира были включены в состав Греческого королевства в виде отдельной области, разделенной на два района с центрами в Аргирокастре (Гирокастре) и Кориче (Корче), которые в начале марта 1916 г., после парламентских выборов в Греции, были уже представлены в греческом парламенте избранными от них депутатами. Однако 18 августа 1916 г. Корча и близлежащие районы, после наступления болгарских войск и отхода греческой армии, были оккупированы Болгарией. Для французского командования Македонского фронта в лице генерала М. Саррая¹¹ было важно получить поддержку албанского населения и не допустить превращения важной части Македонского фронта в арену межэтнических столкновений, способных дестабилизировать ситуацию. 15 ноября 1916 г. полковник Г.-В. Декуан, являвшийся ранее начальником штаба Дарданелльской экспедиции, был направлен генералом Сарраем в Корчу, чтобы возглавить как представитель Франции администрацию области и сменить на этом посту представителя венизелистов П. Аргиропуло. В полученной им из штаба Саррая директиве говорилось о том, что генерал не желает пребывания в Корче любых греков (роялистов или венизелистов), итальянцев и сторонников Эссад-паши¹².

Такая позиция во многом диктовалась военной необходимостью и одновременно носила политический характер, создавая трудности во взаимоотношениях с официальным Парижем для французского военного командования в лице Саррая. Проблема заключалась в том, что, несмотря на фактическое прекращение албанской государственности, Эссад-паша продолжал признаваться французским правительством председателем албанского правительства в изгнании. Более того, он обратился к Сарраю с тем, чтобы перебраться в Корчу и сделать этот город временной столицей Албании, на что получил отказ от французского командующего. 29 ноября 1916 г. французские подразделения под командованием Декуана, в соответствии с планом командующего французскими силами Саррая, отбили город и вошли в него. Таким образом, к этому моменту Албания была оккупирована войска-

¹¹ Встречается и другое написание его фамилии — Саррайль. См.: Ариш Г.А. Албания под пятой оккупантов // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 260.

¹² Augris E. Korçë dans la Grande Guerre. Le sud-est albanais sous administration française (1916–1918). Paragr. 5 // Balkanologie: Revue d'études pluridisciplinaires. 2000. Vol. IV. № 2 // <http://balkanologie.revues.org/315>

Генерал
М. Саррай

ми Австро-Венгрии (северная и центральная части страны), Италии (западная часть Северного Эпира) и Франции (восточная часть Северного Эпира с центром в г. Корча). Взятие Корчи под контроль французских сил проходило в условиях обострения отношений с греческой стороной, представленной вооруженными подразделениями как королевского правительства, так и венизелитов. Француз Р. Винет, много лет проживавший в г. Монастир, выступил посредником между командованием французских и греческих сил, когда французские военные потребовали немедленной эвакуации греческих подразделений из Корчи в Янину. Сразу же после подписания соглашения между французами и греками 8 декабря греческие войска вышли из Корчи. Еще накануне взятия Корчи, 24 ноября 1916 г., он встречался с одним из местных полевых командиров и общественно-политических деятелей Албании Ф. Герменьи, который в отличие от многих других региональных албанских военно-политических деятелей, в частности С. Будки, его конкурента в корчинской области, поддерживавшегося австро-венгерской стороной, порвал отношения с австро-венгерской и болгарской разведкой и был готов сотрудничать с Францией. В ночь с 9 на 10 декабря 1916 г. Ф. Герменьи вошел в город во главе отряда, насчитывавшего от 200 до 300 бойцов.

10 декабря 1916 г. с одобрения французской стороны Герменьи выступил в Корче с заявлением о создании албанского самоуправления (*vetëqeverisja e Shqipërisë*) и в тот же день между французскими военными властями и созданной из албанцев комиссии был подписан специальный составленный французским военным командованием протокол об образовании под французским протекторатом Автономной области Корча

(Krahina Autonome e Korçës), в состав которой вошли Билишти, Колонье, Опаре и Горе¹³.

В соответствии с подписанным протоколом для управления автономией создавался Административный совет в составе 14 представителей албанцев-мусульман и христиан (по 7 от каждой конфессии), а назначение на административные должности осуществлялось французскими военными властями по представлению Совета. Сам Герменьи был назначен префектом полиции, а главой Совета назначался К. Дишница — известный албанский политический и общественный деятель. Создавались жандармерия и добровольческие подразделения из албанцев под командованием французских офицеров. Албанский язык объявлялся официальным языком нового государства. Вводились государственные атрибуты в виде флага. Предоставлялось право выпуска собственной денежной единицы и почтовых марок. Особое внимание уделялось развитию образования и была создана известная впоследствии Корчинская французская гимназия¹⁴.

Французские военные власти были представлены так называемым делегированным управляющим в лице командующего размещенной в области французской войсковой частью, назначавшего своего представителя в Административный совет. Появление автономного албанского государственного образования Автономной области Корча, которая с января 1917 г. получила название Самоуправляемая Албания (Shqipërië Vetqeveritare), а в неофициальном порядке нередко называлась Автономной албанской республикой Корчи (Republika Autonome Shqipëtare Korçë), и его покровительство со стороны французских властей являлись новым и неожиданным фактором не только для региональной, но и для европейской политики. Переименование этого государственного образования означало признание «установленного режима как продолжение признанного в 1913 г. албанского государства»¹⁵.

Демократический характер общественно-политической системы автономии серьезно отличался как от существовавшей в довоенном албанском княжестве общественно-политической системы, так и от возникших после дезинтеграции на его месте государственных местных региональных и кла-

¹³ О событиях этого периода и, в частности, истории Корчинской республики см. воспоминания Г.-В. Декуана: *Descoins H.-V. Six mois d'histoire de l'Albanie: novembre 1916—mai 1917. Paris, 1930.*

¹⁴ Подробнее о франко-албанских культурных связях и французском культурном влиянии см.: *Robert G. L'Albanie et la France dans l'entre-deux-guerres: une relation privilégiée? La présence culturelle française en Albanie, entre mythe et réalité // Balkanologie: Revue d'études pluridisciplinaires. 1998. Vol. II. № 2 // <http://balkanologie.revues.org/261>*

¹⁵ *Popescu S. Les Français et la République de Kortcha (1916—1920) // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2004. № 213. P. 81.*

новых администраций. Пример Республики Корчи был использован двумя другими государствами — Австро-Венгрией и Италией, которые провозгласили создание албанских государственных образований на оккупированных ими территориях под собственным протекторатом соответственно в январе и июне 1917 г.¹⁶ При этом действия Австро-Венгрии, оккупировавшей в январе 1916 г. северную и центральную части Албании, т. е. практически две трети ее предвоенной территории, сопровождались пропагандой среди албанцев лозунга необходимости их защиты со стороны Австро-Венгрии и ссылками на ее особую роль в период создания независимого албанского государства¹⁷. Сама Албания наряду с Болгарией и Грецией рассматривалась накануне начала мировой войны как возможный инструмент Центральных держав в борьбе с Сербией, часть территорий которой, как полагали в правительственных кругах Австро-Венгрии, следовало передать этим трем странам, что, по мнению авторов такого плана, должно было ослабить навсегда Сербию¹⁸. После оккупации большей части Албании австро-венгерские власти постарались разоружить существовавшие на оккупированной территории албанские отряды, а также изъять огнестрельное оружие у населения с помощью нового для того времени метода — выкупа. Однако действенность этой политики оказалась сомнительной, так как албанцы не спешили сдавать имевшееся у них оружие как по причинам, обусловленным традицией, так и из-за недоверия к австро-венгерской валюте¹⁹.

Корчинская автономия была создана под патронажем французских вооруженных сил поздней осенью 1916 г. На тот момент действия Саррая и Декуана находились в явном противоречии с политикой Франции²⁰, основывавшейся на заключенном 26 апреля 1915 г. секретном договоре, обуславливавшем передачу Италии части территории Албании с центром во Влёре, Греции — области с центром в г. Корчи, а также ряда албанских территорий Сербии и Черногории. В соответствии с этим же планом в цен-

¹⁶ Augris E. Op. cit. Paragr. 22.

¹⁷ Подробнее об австро-венгерской администрации оккупированных частей Албании см.: Nicolo M.S. Die Verwaltung Albaniens durch die k.u.k. österreichisch-ungarischen Truppen in den ersten zwei Jahren der Besetzung des Landes an der Hand der ergangenen Befehle. Zum Amtsgebrauch bearbeitete Sammlung der vom Höchsten Kommando in Albanien erlassenen Verordnungen normativen Charakters. Wien, 1918.

¹⁸ Die Österreichisch-Ungarischen Dokumente zum Kriegausbruch. Berlin, 1923. S. 14.

¹⁹ Подробнее см.: Schwanke H. Zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Militärverwaltung in Albanien (1916–1918), Dissertation an der Philosophischen Fakultät der Universität Wien. Wien, 1982.

²⁰ Le Moal F. La France et l'Italie dans les Balkans 1914–1919. Le contentieux adriatique. Paris, 2006. P. 212.

тральной части Албании предусматривалось создание «небольшого автономного нейтрального государства»²¹. Подписание протокола от 10 декабря 1916 г. было с неудовольствием воспринято в Париже, а итальянская и греческая стороны выразили протест Франции. По этому поводу французский МИД направил 21 марта 1917 г. в военное ведомство специальную записку. В ней, помимо прочего, говорилось, о том, что Декуан, который не обращался за разрешением к МИДу по поводу создания местного самоуправления, аргументировал свои действия необходимостью наведения порядка. Однако в действительности он спровоцировал таким поступком выдвижение претензий со стороны греков, итальянцев и Эссад-паши к Парижу, и подобная ситуация, как отмечалось в документе, «представляется в высшей степени прискорбной»²². Французское правительство потребовало от Саррая денонсации протокола, обвинив его во вмешательстве в политические дела. Нажим, оказанный официальным Парижем, привел к тому, что в мае 1917 г. Корчу покинул Декуан, а в декабре того же года и Саррай²³.

Итальянская сторона, также заинтересованная в укреплении своих позиций на Балканах, рассматривала Албанию как свой форпост в регионе. 3 июня 1917 г. при праздновании очередной годовщины итальянской конституции командующий оккупационными силами Италии генерал-лейтенант Дж. Ферреро, получивший на то указание главы итальянского МИДа С. Сонино, обнародовал в г. Гирокастра манифест о гарантиях независимости и целостности Албании под протекторатом Италии²⁴.

Политическая ситуация в Греции серьезно повлияла на развитие автономии. После того как салоникское правительство возглавил в июне 1917 г. Венизелос, ситуация для корчинской автономии резко ухудшилась, так как пользовавшийся поддержкой Антанты премьер, который выступал за участие Греции в войне на ее стороне, настаивал на передаче Корчи под власть Греции. 27 сентября 1917 г. Саррай был вынужден заявить об изменении основных положений, содержащихся в протоколе 10 декабря 1916 г., и объявить о новых принципах формирования администрации. Отныне всё управление областью переходило к командующему группой французских войск с центром в г. Малик, находящемся в 12 километрах от Корчи. Ад-

²¹ Augris E. Op. cit. Paragr. 8.

²² Popescu S. Op. cit. P. 81.

²³ О взаимоотношениях албанской и французской сторон по поводу Корчинской республики и событиях там см.: Çami M. Shqiptarët dhe Francezët në Korçe (1916–1920). Tiranë, 1999.

²⁴ О перипетиях итальянской политики и прокламации генерала Ферреро см: Borgogni M. Op. cit. P. 36–65.

Военный отряд эпирских женщин

министративный совет заменялся Консультативным, количество членов которого сокращалось до 12 представителей в равной пропорции от мусульманского и христианского населения. Вся территория, находившаяся под французским управлением, разделялась отныне на два района — северный (с центром в г. Поградец) и южный, который, собственно, и являлся Самоуправляемой Албанией или, как ее еще называли, Автономной албанской республикой Корчи. Таким образом, менялась как структура власти в этом образовании, постепенно трансформировавшемся в территорию, подконтрольную военным властям Франции, так и ее границы, включавшие лишь только часть ранее входивших территорий. Особую обеспокоенность проявляли французские власти в отношении возможных попыток местных албанцев выступить с позиций общеалбанского единства или с требованиями воссоздания национальной государственности еще до окончания мировой войны и тем самым поставить под угрозу положения упоминавшегося секретного Лондонского договора 1915 г. Одним из лидеров такого движения становился Ф. Герменьи, который рассматривался французскими властями как влиятельная неподконтрольная им общественно-политическая фигура в албанском обществе, готовая, при определенных условиях, мобилизовать большое количество сторонников и способствовать своими действиями обострить взаимоотношения с греческими и итальянскими союзниками. Определенную роль в организации противодействия Герменьи играли и сторонники Венизелоса. Одновременно на французские военные власти усиливалось давление со стороны французского правительства, заинтересованного в усилении позиций объявившего войну Центральным державам 24 ноября 1916 г. проантантовского греческого правительства нацио-

нальной обороны²⁵, существовавшего в Салониках параллельно с греческим прогерманским королевским правительством в Афинах.

В результате составленного противниками Герменьи заговора, в котором ведущую роль играли венизелисты, он был вывезен в ноябре 1917 г. в Салоники якобы для встречи с Сарраем. По прибытии в Салоники он был обвинен в сотрудничестве с австро-венгерской и болгарской разведками накануне его перехода на сторону французов (что было известно французским властям и что он не скрывал еще до того, как французы начали контакты с ним). В ходе краткого судебного разбирательства в военном трибунале ему был вынесен смертный приговор, который был вскоре приведен в исполнение. Существование автономии в виде национального государственного образования становилось проблематичным, учитывая заинтересованность ряда соседних государств в территориальных приобретениях за счет Албании и гарантий, существовавших накануне вступления части из них в войну на условиях проведения выгодных для них территориальных изменений. 16 февраля 1918 г. новый французский командующий в Корче денонсировал протокол 10 декабря 1916 г. и автономия перестала существовать официально, превратившись вновь в зону оккупации Франции. Судьба албанской государственности должна была решаться на международной мирной конференции после окончания войны²⁶.

Возникновение и непродолжительное существование двух молодых государств, определявшихся как самоуправляемые образования, имело переходный функциональный характер в условиях военного конфликта и ожидания решения этнотерриториального вопроса после его окончания. Выбранная форма общественно-политического устройства в виде самоуправляемой республики являлась в определенной степени проявлением социально-политической востребованности демократического идеала в условиях сосуществования с региональными монархиями. Как греческая, так и албанская автономии являлись одним из результатов влияния внешнего фактора в лице «великих держав», преследовавших собственные политические и геостратегические интересы. В то же время появление Автономной республики Северного Эпира не означало создания параллельного существующему Королевству Греция образования, однако, выполняло функции этнотеррито-

²⁵ Подробнее о взаимоотношениях «Салоникского правительства» с союзниками и роли Франции в оказании давления на Венизелоса для привлечения Греции в союзники Антанты см.: Μουρέλος Ι. Η προσωρινή Κυβέρνηση της Θεσσαλονίκης και οι σχέσεις της με τους Συμμάχους. (Σεπτέμβριος 1916 — Ιούνιος 1917) (1916–1917) // Μνήμων. 1982. Τ. 8. Σ. 154.

²⁶ О политике Франции в отношении Албании после мировой войны см.: Popescu S. L'Albanie dans la Politique Étrangère de la France, 1919–1940 // Valahian Journal of Historical Studies. 2004. Vol. 1. № 1.

риального самоуправления в рамках албанского государства с неочевидной, но ожидавшейся ее греческими жителями перспективой присоединения к Греции. Совершенно иную цель преследовало образование Автономной области Корчи, само изменение названия которой как в официальном (Самоуправляемая Албания), так и неофициальном виде (Автономная албанская республика Корча) свидетельствовало об этом. Если с французской стороны ставка делалась, прежде всего, на обеспечение военно-стратегических интересов в реализации военных планов на Македонском фронте, то с албанской — на воссоздание национальной государственности в локальном масштабе и в новой, отличной от прежней монархической, форме государственности. Активизация этнонациональных общественно-политических движений в годы мировой войны, являясь характерной особенностью этого исторического периода, ознаменовавшегося распадом во многом искусственно созданных полиэтнических империй, в албанском и греческом случаях имела свою особенность. Греческая программа «Мегали идза», сутью которой было объединение в рамках Греции всех населенных греками территорий, являлась отражением общебалканской традиции национально-государственных программ «великой страны» («Великой Болгарии», «Великой Греции», «Великой Сербии» и т. д.), использовавших историческое обоснование для легитимации изложенных в них территориальных претензий²⁷, в то время как албанская повестка дня определялась задачей воссоздания независимой национальной государственности, провозглашенной в 1912 г., и сохранения территорий, которыми обладала довоенная (1914 г.) Албания²⁸. В отличие от

²⁷ См. об этом подробнее: Улунян Ар. Новая политическая география. Переформатируя Евразию. Историзированные зарубежные геоконцепты. Конец XX в. — начало XXI в. М., 2009.

²⁸ Совершенно иной точки зрения придерживается А.П. Сальков, который утверждает о существовании концепции «Великой Албании». См.: Сальков А.П. Северный Эпир (Южная Албания): исторические корни конфликта в контактной зоне греческой «Мегали идэи» и идеи «Великой Албании» (середина XIX в. — 1921 г.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. 2010. Мінск, 2010. Вып. 5. Следует, однако, обратиться к сложившейся традиции и отметить, что даже само словосочетание «Великая Албания» («Shqipëria e Madhe») практически не используется в албанском языке, что объясняется отнюдь не конспирологическими причинами, а наличием концепции «Этнической Албании» («Shqipëria Etnike»), или «Подлинной Албании» («Shqipëria natyrale»), обозначающей территорию, на которой албанцы представляют подавляющее большинство автохтонных жителей. Более того, с их стороны не делается каких-либо обращений к истории существования некогда большого албанского государства (если не считать мифологизированной и ныне редко упоминаемой в научной литературе теории происхождения албанцев от иллирийских племен), как это происходит в традиционных исторических доктринах большинства балканских государств. См.: Albanian Identities: Myth and History. London, 2002; Gawrych G. The Crescent and the Eagle: Ottoman Rule, Islam and the Albanians, 1874–1913. London, 2006; Çami M. Shqipëria në rrjedhat e historisë (1912–1924). Tiranë, 2007.

греческой североэпирской автономии, не являвшейся альтернативой Королевству Греции, которое краткосрочно оккупировало его — «воссоединило», а затем фактически была занята, в свою очередь, итальянскими войсками, самоуправляемая Албания, на определенном этапе и при крайне противоречивых «поддержке-противодействии» со стороны Франции, стала французским альтернативным австро-венгерской и итальянской версии вариантом реализации «албанского плана». В определенной степени это являлось феноменом мирового военного конфликта 1914–1918 гг. В то же время подобные события можно считать и частичным повторением использовавшегося уже ранее, в период Наполеоновских войн, принципа создания «этнического стратегического меньшинства» или дружественного государственного образования. Обращение к подобной политике в новых условиях приобретало особую значимость, имея в виду участие в войне полиэтнических империй, в которых усиливались центробежные силы. Самоуправляемая автономия как форма государственной организации этнонациональной общности в обоих случаях — греческой Северо-Эпирской республики и албанской Республики Корча являлась первыми моделями способа решения этнотерриториальных и национально-государственных проблем на Балканах накануне и в период мировой войны с участием внешних сил как стабилизирующего фактора. Однако эта попытка была малореализуема в условиях военного конфликта и существования противостоявших блоков, имевших собственное видение территориального урегулирования в глобальном масштабе, при распаде империй, этнонациональные части которых трансформировались в государства, имеющие нередко взаимные претензии при государствообразовательном и нациостроительном процессах в Центральной Восточной Европе и ее балканском секторе.

Ключевые слова:

Австро-Венгрия, Автономная албанская республика Корча, Автономная республика Северного Эпира, Первая мировая война, Э. Венизелос, Ф. Герменьи, Г. Христакис-Зографос, Г.-В. Декуан, М. Саррай.

Arutyun A. Ulunyan

BALKAN NATIONAL AND STATE SELF-GOVERNMENT BEFORE AND DURING THE WORLD WAR I

The article dwells upon the creation and short existence in the Balkans of the Autonomous Republic of Northern Epirus and the Autonomous Republic of Albania Korce just before and during the World War I, and the external factors which played a role in their appearance.

The self-governed autonomy as a form of state organization for ethno-national similarity were early models for solution of ethno-territorial and national and state problems in the Balkans during this period in both cases — the Greek Republic of Northern Epirus and the Republic of Albania Korce.

However, in an age of military conflict between the confronting unions the ethno-national parts of the dissolved empire were transforming into new states in Central Eastern Europe and its Balkan area.

Улунян Арутюн Акопович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель
Центра балканских, южнокавказских и центральноазиатских
исторических исследований Института всеобщей истории

С.А. Чорбачиди

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОТКРЫТКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(на примере изданий Скобелевского комитета для выдачи пособий
потерявшим на войне способность к труду воинам)

В годы Первой мировой войны, ставшей суровым испытанием для всего русского народа, достигло своего расцвета такое явление, как благотворительная открытка, ставшая самым популярным видом благотворительного издания тех лет. Распространение благотворительных открыток сделалось эффективным и повсеместно востребованным способом сбора средств на благотворительные нужды. В этот период такие открытки выпускались самыми разными организациями, прежде всего — благотворительными: некоторые из них функционировали как полноценные издательства и осуществляли массовый выпуск благотворительной почтовой карточки. В их числе — состоящий под высочайшим Его Императорского Величества покровительством «Скобелевский комитет для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам».

Скобелевский комитет является крупнейшей благотворительной организацией Российской империи начала XX в. Он был основан 26 ноября 1904 г.¹

¹ Официальное открытие комитета было приурочено ко дню празднования 135-й годовщины военного ордена Святого Георгия, поскольку сам М.Д. Скобелев был кавалером трех степеней этого ордена.

в связи с начавшейся Русско-японской войной по инициативе родной сестры выдающегося русского военачальника, героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Михаила Дмитриевича Скобелева Надежды Дмитриевны Белосельской-Белозерской и с самого начала своего существования состоял при Николаевской академии Генерального штаба² (ее выпускником являлся сам М.Д. Скобелев). Между тем непосредственное одобрение создания Скобелевского комитета императором Николаем II было получено задолго до его официального открытия, а именно 16 апреля 1904 г.³

Первый устав Скобелевского комитета датирован 16 июля 1905 г. В соответствии с ним главная задача этой организации заключалась в обеспечении участи выбывших из строя раненых и больных воинов, выдаче им пенсий, пособий, помещении их в больницу и т.д.⁴ В дальнейшем выдача пенсий стала основным направлением благотворительной работы Комитета. Это положение было зафиксировано и в редакции устава от 26 февраля 1909 г.⁵ Таким образом, Скобелевский комитет обязывался заниматься повсеместным сбором пожертвований для составления так называемого «Скобелевского капитала», который, в свою очередь, складывался из «ежегодных денежных взносов лиц всех сословий; единовременных денежных и вещевых пожертвований; кружечных и других сборов, в том числе и в церквях; доходов с устраивавшихся увеселений; процентов с капитала». Главным источником поступлений был сбор по подписным листам, распространявшимся по всей империи. В 1907 г. было распространено 30 тысяч подписных листов, а в 1908 г. — 50 тысяч. Комитет получал также крупные суммы от частных лиц и организаций. Так, в 1907 г. великая княгиня Ольга Александровна пожертвовала 18 тысяч руб., а главная контора газеты «Новое время» — 5 750 руб.⁶

Что касается вопросов организации работы Скобелевского комитета, необходимо отметить, что первоначально он находился в ведении Министерства внутренних дел; его пожизненной председательницей стала сама Н.Д. Белосельская-Белозерская, а ее товарищем с 1904 по 1906 г. —

² Коньчева Н. В. Скобелев Михаил Дмитриевич — «яркий символ величия России»: Скобелевскому комитету — 100 лет // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2007. № 4. С. 209–210.

³ Калянов А.Ю. Уникальный опыт благотворительности был накоплен Скобелевским комитетом в 1904–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 1999. №2. С. 85.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Коньчева Н. В. Скобелев Михаил Дмитриевич — «яркий символ величия России»: Скобелевскому комитету — 100 лет // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2007. № 4. С. 209–210.

⁶ Там же.

начальник Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенант Н.П. Михневич, который фактически брал на себя основные управленческие функции: все делопроизводство Комитета было сосредоточено в канцелярии академии. Помимо них в совет входили еще 6 членов (видные военные деятели и крупные промышленники; с 1909-го — 10 членов и три кандидата). Так, например, членами совета являлись генерал-майор М.А. Данилевский, полковник Н.Г. Бернар-де-Граве и др.⁷

К началу Первой мировой войны деятельность Комитета достигла своего расцвета. Уже в первые недели войны «Скобелевский комитет, помня заветы незабвенного “Белого генерала”⁸, горячего поборника славянства, открывает во всех своих инвалидных домах госпитали-санатории для лечения воинов, призванных под знамена на защиту Родины»⁹, и организует с этой целью развития этой деятельности массовый денежный сбор¹⁰. За один 1914 г. список жертвователей по подписным листам составил 4 тома общим объемом 627 страниц. Только в декабре 1914 г. было получено 70 239 руб. В 1915 г. пенсия семейным инвалидам составила 60 руб., холостым — 36 руб., независимо от получаемых каких-либо пенсий и пособий от других учреждений¹¹. После Февральской революции 1917 г. Скобелевский комитет четко выразил свою политическую позицию, поддержав рабочий класс, революцию и армию. На издаваемых открытках появилась революционная символика. В апреле 1918 г. Комитет был ликвидирован, а его имущество и капиталы национализированы.

Помимо основной деятельности Скобелевский комитет осуществлял съемку документальных и художественных фильмов на военно-патриотические темы, предназначенных как специально для солдат, так и для кинематографического рынка в целом. С этой целью в 1914 г. при нем был образован военно-кинематографический отдел, создавший такие картины, как, например, фильм-притча Владислава Старевича «Алиия Бельгии». В конце ноября 1917 г. отдел выпустил кинохронику, посвященную демонстрации в Петрограде в защиту Учредительного собрания, а в декабре — фильм

⁷ Кальянов А.Ю. Указ. соч. С. 86.

⁸ Имеется в виду сам М.Д. Скобелев, за пристрастие к лошадям белой масти и белый мундир названный русским воинством «белым генералом». (Прим. авт.)

⁹ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 2. Ед. хр. № 3558.

¹⁰ Там же.

¹¹ Коньчева Н. В. Скобелев Михаил Дмитриевич — «яркий символ величия России»: Скобелевскому комитету — 100 лет // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2007. № 4. С. 209—210.

«К народной власти» с той же направленностью¹². Благодаря этим и многим другим кинолентам Скобелевский комитет, по мнению исследователей, стал одним из немногих, а в отдельных случаях единственной общественной организацией, осуществлявшей съемки Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. Примечательно, что техническое оборудование, лаборатория Комитета, национализированные в первые месяцы после Октябрьской революции 1917 г., стали фактически основной материальной базой первых советских киноучреждений, возникших в Москве и Петрограде¹³.

Обратимся к издательской деятельности Скобелевского комитета. Основываясь на мнениях исследователей-филокартистов, одними из первых почтовых карточек этой организации можно считать фотооткрытки с изображением русских солдат — участников Первой мировой войны¹⁴.

В число таких открыток входят, например, следующие почтовые карточки: «В окопах против немцев. Стрельба по кавалерии», «В резерве. Первый день Рождества Христова 1914 г.», «Первый день Светлой Пасхи в госпитале» и др. К сожалению, ни на одном из этих открытых писем не содержится указания на время его выхода в свет. Самые ранние из точно датированных нами открыток относятся к 1915 г. и содержат фотографические изображения императора Николая II, занимающегося решением вопросов, касающихся командования русской армией. На их адресной стороне напечатан текст следующего содержания: «Печ. с разр. Мин. Императ. Дв. 3 янв. 1915 г.». Примером такой почтовой карточки является открытка «Его Императорское Величество Государь Император и Верховный Главнокомандующий Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич». Последние открытки, выпущенные Скобелевским комитетом, относятся к периоду после Февральской революции 1917 г., такой вывод позволило сделать наименование Скобелевского комитета,

¹² Там же. С. 209–210.

¹³ Магидов В.М. Источники о деятельности Скобелевского комитета и его роль в отечественном кинопроцессе накануне и в ходе Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г. // Вестник архивиста. Электрон. дан. М.: Вестник архивиста, 2010. Режим доступа: <http://www.vestarchive.ru/2012-4/2534-istochniki-o-deiatelnosti-skobelevskogo-komiteta-i-ego-rol-i-v-otechestvennom-kinoprocesse-nakanune-i.html>, свободный. Загл. с экрана. Дата обращения: 23.03.2014.

¹⁴ См.: Клуб «Филокартист» [Электронный ресурс] / Клуб «Филокартист». Электрон. дан. СПб.: Клуб «Филокартист», 2007. Режим доступа: <http://www.filokartist.net/index.php>, свободный. Загл. с экрана. Послед. дата обновления: 08.07.2012; Samler.ru [Электронный ресурс] / Samler. Ru. Электрон. дан. СПб.: Samler. Ru, 2003. Режим доступа: <http://sammler.ru/index.php>, свободный. Загл. с экрана. Послед. дата обновления: 07.07.2012.

приведенное на них без надписи, упоминающей о его принадлежности к организациям, состоящим под покровительством императора Николая II (эта надпись присутствовала на всех открытках, изданных Скобелевским комитетом до революции). Кроме того, в пользу такой датировки говорят и выявленные на адресных сторонах некоторых открыток штампы, подтверждающие революционную позицию организации: «За свободу» и «Да здравствует революция!» Нельзя также не отметить и тот факт, что, вероятнее всего, большинство открытых писем Скобелевского комитета было издано в 1916 г. Так, основной массив изученных нами почтовых карточек содержит на адресной стороне указание на «дозволение военной цензурой», полученное именно в это время. Общее же количество выпущенных организацией открыток составляет приблизительно 150 наименований.

Обратимся теперь к тематике открыток Скобелевского комитета. Основываясь на проведенном анализе изображений, помещенных на иллюстрированной стороне открыток, изданных Скобелевским комитетом, можно сделать вывод о том, что все они в той или иной степени были связаны с темой войны и ориентированы на поддержание веры в победу у населения и на подъем боевого духа у солдат. Условно их можно разделить на 2 группы: художественные и документальные фотооткрытки, причем доля первых составляет приблизительно 60%.

Художественные открытые письма выходили преимущественно сериями. Две из них, наиболее известные и часто встречающиеся на антикварно-букинистическом рынке, были оформлены художником Г.И. Георгиевым. Они содержат почтовые карточки военной тематики. Первая такая серия была выпущена в 1916 г. и включала 10 следующих наименований цветных открыток: [«Авиатор»], [«В атаку»], [«В строю»], [«Казак»], [«Мотоциклист»], [«На заводе»], [«На капитанском мостике»], [«Пулеметчик»], [«Сестра милосердия»], [«У орудия»]¹⁵. Судя по различиям в оформлении адресных сторон одних и тех же наименований открыток, входящих в серию, можно сделать вывод о том, что серия неоднократно переиздавалась. Вторая серия открыток художника, также изданная в цвете, вышла в свет в 1917 г. Нами было выявлено 8 входящих в нее почтовых карточек. Помимо серийных открыток, Скобелевский комитет выпускал отдельные художественные открытки, оформленные такими известными в свое время художниками,

¹⁵ Клуб «Филокартист» [Электронный ресурс] / Клуб «Филокартист». Электрон. дан. СПб.: Клуб «Филокартист», 2007. Режим доступа: <http://www.filokartist.net/index.php>, свободный. Загл. с экрана. Послед. дата обновления: 08.07.2012.

Образцы оформления адресных сторон открыток Скобелевского комитета

Образцы оформления адресных сторон открыток Скобелевского комитета

Образец оформления адресных сторон открыток Скобелевского комитета

В резерве. Первый день Рождества Христова 1914 г. Тип «Копейка». 1914—1915 гг.

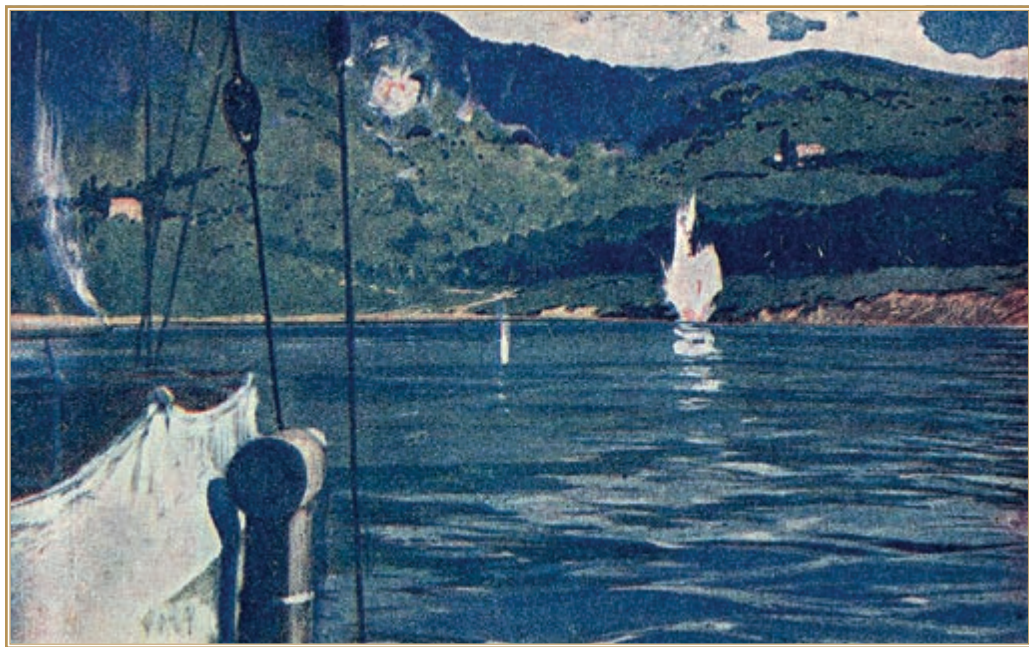
Е.И.В. наследник цесаревич в действующей армии.

Разрешено придворной цензурой 17.03.1916 г. Дозволено военной цензурой 2.04.1916 г.

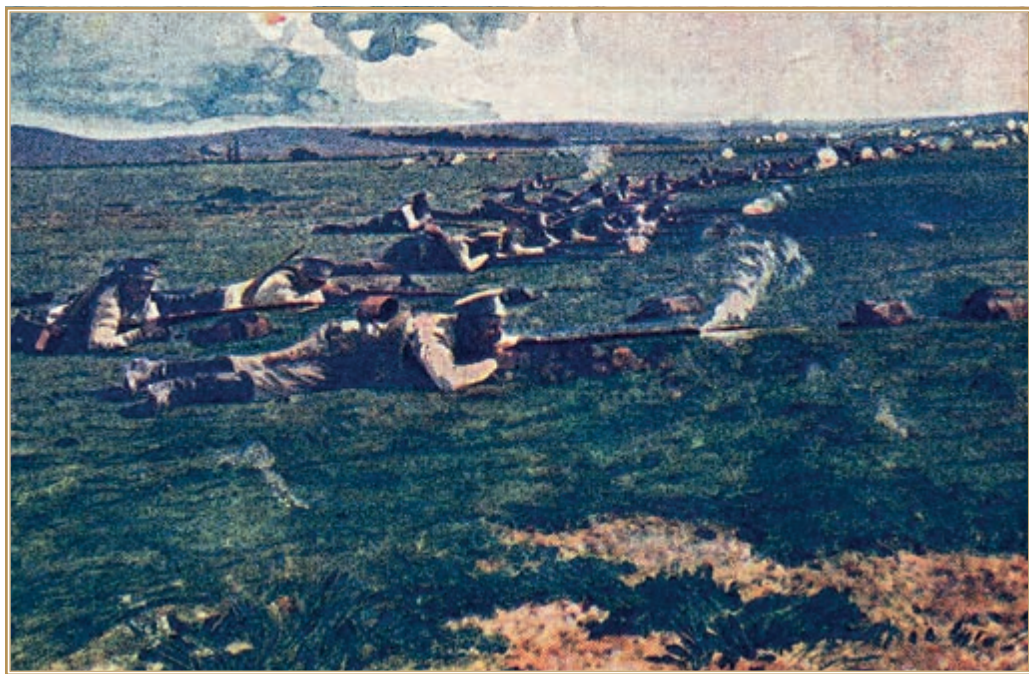

Е.И.В. Государь Император — Верховный Главнокомандующий
беседует с отличившимися нижними чинами.

Разрешено придворной цензурой 17.03.1916 г. Дозволено военной цензурой 2.02.1916 г.

Высадка десанта. Обстрел берега. Дозволено военной цензурой 5.03.1916 г.

Десант в цепи. Дозволено военной цензурой 5.03.1916 г.

Н.С. Самокиш. За свободу народа.
Лит. Ф. Злотников и Л. Волк. 1917 г.

Христос Воскресе! Тип «Копейка».
1914–1915 гг.

Е.П. Самокиш-Судковская. Памяти героя-воина. Лит. Акц. О-ва «Самообразование».
1915–1916 гг.

Г.И. Георгиев. Казак.
Дозволено военной цензурой
9.09.1916 г.

Е.П. Самокиш-Судковская.
Боже царя храни!
Лит. Акц. О-ва «Самообразование».
1915—1916 гг.

С такими запасами снарядов немец не страшен.
Унион. Дозволено военной цензурой 6.09.1916 г.

В.Н. Михайлов-Северный.
Давно пора
освободить землю
от этого мусора.
Унион. 1915 г.

В.Н. Михайлов-Северный.
Вот за кого ты
сражаешься.
Унион.
Дозволено
военной цензурой
25.02.1916 г.

как Е.П. Самокиш-Судковская, Н.С. Самокиш, В.Н. Михайлов-Северный, В.С. Сварог, Н. Першин и др. Примечательно, что несмотря на то, что все эти художники оформляли открытки изображениями военной тематики, открытки отличались разнообразием запечатленных на них образов. Так, например, поздравительные открытки, созданные Н.В. Михайловым-Северным к новому, 1916 г., содержат едкую сатиру на врага: на одной из них изображен Бог, сметающий метлой врагов с Русской земли. Открытка с рисунком Е.П. Самокиш-Судковской содержит изображение дымящейся лампы и текст «Памяти-героя воина», несколько открыток Н.С. Самокиша содержат рисунки революционной тематики: баррикады, демонстранта с флагом «За свободу народа!» и др.

Документально-фотографические почтовые карточки, так же как и художественные, выпускались Скобелевским комитетом в составе серий и как самостоятельные издания, они запечатлевали лиц императорской фамилии, военные действия, солдатский быт, запасы для борьбы с неприятелем снаряды и др. Значительная доля этих открыток содержит цветные изображения, внешне напоминающие собой акварельный рисунок. По-видимому, они были созданы на основе раскрашенных от руки фотографий. Адресная сторона таких открытых писем содержит надпись «цветная фотография». В число подобных почтовых карточек входят открытки серии «Высадка десанта» (1916), несерийные открытки «Занятая нами деревня. Результат обстрела тяжелой артиллерией» (1916), «Обед героев на занятой турецкой территории» (1916) и др.

С развитием издательской деятельности Скобелевского комитета видоизменялось оформление адресной стороны выпускавшихся им открыток, проявившееся, прежде всего, в изменении помещенной на ней эмблемы. Так, на открытках, выпускавшихся в 1915 г., в основе эмблемы лежало изображение щита, содержащего наименование организации, позади которого был расположен двуглавый орел. На открытках 1916 г. щит на эмблеме был заменен на знамена, между которыми также помещалось наименование организации. Две эмблемы открыток Скобелевского комитета, изданных после 1917 г., содержали изображения свечи и раскрытой книги с перекрещивающимися над ними шпагами и двух скрещенных флажков. Обе эти эмблемы печатались, как и все элементы оформления адресной стороны открыток этого времени, красным цветом. Кроме того, на адресных сторонах некоторых не датированных нами открыток, выпущенных Скобелевским комитетом, в качестве эмблемы помещалось изображение трех флагов: русского, французского и британского, а внизу приводилась надпись «Сост. под Высочайшим Е. И. В. Государя Императора покров. Скобелевский Коми-

тет. Изд. «Три флага согласия». Основываясь на данных сведениях, можно сделать предположение о том, что при Скобелевском комитете некоторое время состояло издательство, носящее название — «Три флага согласия».

На адресных сторонах открыток Скобелевского комитета приводились и сведения о напечатавших их типографиях: в 1915 г. печать почтовых карточек данной организации осуществляла типография «Копейка». В 1916 г. — «Унион» — одна из лучших типографий своего времени. Открытки, содержащие надпись «Три флага согласия», были отпечатаны в типографии товарищества «Образование».

О системе распространения открыток Скобелевского комитета у нас нет точных сведений. Вероятнее всего, они могли продаваться уличными сборщиками денежных средств на нужды Комитета. Кроме того, известно, что Комитет осуществлял бесплатную отправку выпущенных им открыток в действующую армию. Об этом, в частности, свидетельствует выявленная нами листовка «Десять копеек на открытые письма родному солдату», содержащая следующий текст: «Скобелевский комитет для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам, получив от вас десять копеек, пошлет в ставку Верховного главнокомандующего изданные им открытые письма военно-патриотического содержания для бесплатной раздачи нижним чинам на передовых позициях»¹⁶.

Таким образом, благотворительные открытки Скобелевского комитета являлись не просто изданием, реализация которого обеспечивала его необходимыми денежными средствами, но и в некоторой степени являлись инструментом (способом, методом) укрепления боевого духа народа. На сегодняшний день открытки Скобелевского комитета стали ценнейшим изобразительным источником по истории Первой мировой войны.

¹⁶ Десять копеек на открытые письма родному солдату. [Б.м.], [б.г.].

Ключевые слова:

благотворительная открытка, Первая мировая война, М.Д. Скобелев,
Н.Д. Белосельская-Белозерская

Sophia A. Chorbachidi

CHARITY POSTCARDS OF THE WORLD WAR I

(through the example of publications of the Skobelev
Committee for granting of benefits to soldiers, who lost their
ability to work at the war)

his article provides a comprehensive description of the Skobelev Committee for granting of benefits to soldiers, who lost their ability to work during the war, concerning its activities on publication and distribution of charity postcards during the World War I. The author provides a description of the organization's publishing list by virtue of the comprehensive de visu study of the postcard array (150 items) published by such an organization.

Чорбачиди Софья Александровна

Московский государственный университет печати
им. Ивана Федорова, аспирант

А.Б. Асташов

РУССКИЙ ФРОНТ 1914–1917 гг.: ВОЕННЫЕ ПИСЬМА

риближающаяся столетняя годовщина Первой мировой войны побуждает вновь осознать истоки новейшей истории России и мира. Чем дальше от событий столетней давности, тем пристальнее вглядываешься в открывающиеся пласты деяний и сознания ее участников. Первоначальная

ясность и однозначность грозы Великой войны в общественном сознании практически всех стран, как в научном мире, так и в общественном восприятии, сменяются широкой гаммой новых представлений о той далекой эпохе. Особую роль в этом пересмотре значения мировой войны играют письма широких народных масс — главного участника Великой войны. Война и еще раньше эмиграция породили взрыв народной письменности, что объяснялось увеличением дистанции между семьями, членами привычных сообществ, в одном случае — через океан, а в другом — через линию фронта. Во время мировой войны современный мир резко вошел в жизнь обычных людей, заставляя столкнуться с травмой массового индустриализованного производства и новой власти государства, ставшей над ними. Индустриализация и современность изменили социальную идентичность крестьян и рабочих. Поэтому и писали, чтобы утвердить свою индивидуальность в меняющемся и нестабильном мире. Так реализовали стремление

восстановить, как казалось, утерянный мир. Таким образом, военный опыт через письмо порождал национальную и личную идентичность.

Публикации писем первых десятилетий после войны на Западе носили «праздничный и монументальный» характер. Основной целью таких публикаций было подчеркнуть жертвенность солдат, участие народа в войне и возвести памятник тем, кто отдал свои жизни, оставить память о них в потомках, показать «войну — как эпос»¹. К концу XX в. усилился интерес к письмам обычных людей, оказавшихся на фронте Великой войны, стали издаваться сборники писем, отражавшие гуманитарные аспекты войны, где главным был «крик души»². На основании подобных документов свидетелей войны были по-новому поставлены вопросы политической и военной истории, где основное внимание было сосредоточено в качестве ключевого события войны на модернизации, сопровождавшейся трансформацией идентичности, менталитета и памяти простых людей³.

В последние два десятилетия в рамках изучения «истории снизу» резко расширился круг источников и особенно изучение эпистолярного наследия свидетелей военного времени. Появились центры изучения письменной культуры низших слоев населения периода массовой эмиграции и Первой мировой войны^{4 5}. Образовалось целое «новое направление» в историографии и в архивном деле, изучающее свидетельства обычных людей этой эпохи: во Франции — письменной культуры простых людей (*the Writing Culture*

¹ Gibelli A. Soldiers' Letters — a Source for the History of the War experience // WWI and the XX Century. Acts of the International Conference of Historians. Moscow, 24–26 May, 1994. M., 1994. С. 183; *Kriegsbriefe deutscher Studenten* Herausgegeben von Professor Dr. Philipp Witkop. Gotha, 1916; *Hettling M. / Jeismann M. Der Weltkrieg als Epos*. Philipp Witkops. *Kriegsbriefe gefallener Soldaten* / Hirschfeld, Gerhard; Krumeich, Gerd; Renz, Irina (Hgg.): «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...». Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs. Essen, 1993. S. 175–198.

² *Paroles de poilus: lettres et carnets du Front (1914–1918)*. Sous la direction de Jean-Pierre Guéno et d'Yves Laplume. Paris, 1998; Étienne Tanty *Les violettes des tranchées, Lettres d'un Poilu qui n'aimait pas la guerre*. P., 2002.

³ Leed E. J. *No Man's Land: Combat & Identity in World War 1*. L., 1979; Ashworth T. *Trench warfare, 1914–1918: The live and let live system*. L., 2000; *Meetings in No Man's Land: Christmas 1914 and Fraternization in the Great War*. L., 2007.

⁴ Gibelli A. *Op. cit.* P. 184.

⁵ Fitzpatrick D. *Oceans of Consolation: Personal Accounts of Irish Migration to Australia*. Melbourne, 1995; Gerber D. A. *Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century*. N., Y., 2006; Gibelli A. *La risorsa America*. In *Storia d'Italia. Le regioni dall'Unità a oggi. La Liguria*, edited by Gibelli A. and Rugafori P. Einaudi, Turin, 1994; Croci F., Bonfiglio G. *El baul de la memoria: Testimonios escritos de inmigrantes italianos en el Peru*. Lima, 2002; Markussen I. *The Development of Writing Ability in the Nordic Countries in the Eighteenth and Nineteenth Centuries* // *Scandinavian Journal of History*, 1990. Vol. 15. Issue 1–2. P. 37–63.

of ordinary people), в Британии и Швеции — народных писаний (*vernacular writings*), в Германии и Нидерландах — «эго-документов», в России — «наивного письма»⁶. Инициатор указанного «нового направления» Мартин Лион полагает, что настало время понять значение письма обычных людей, для крестьян, рабочих и неграмотных и далее в XX в. В этом смысле «письма простых людей равнозначны проникновению в центр земли, планеты, открытию нового мира»⁷.

Полевая почта периода Первой мировой войны исчислялась многими миллиардами писем. Этот взрыв историки называют бумимией, «компульсивной письменностью»⁸. Так, из английской армии каждый год на родину отправлялось свыше 650 млн писем. В Италии военная почта за годы войны насчитывала 4 млрд отправок, хотя 35% военнослужащих, в основном крестьянской армии, были неграмотны. Из французской армии было отправлено около 10 млрд писем, хотя и здесь был значителен крестьянский состав армии. Из германской армии за годы войны было отправлено около 30 млрд писем⁹.

Массовое написание писем охватило и русскую армию. Правда, и здесь был значительным процент малограмотных и неграмотных — около 60%, что было следствием понижения грамотности в связи с большими потерями солдат постоянной армии, как правило, грамотных, и приходом запасников, как правило, малограмотных¹⁰. Однако письма писали и малограмотные, и даже неграмотные, пользуясь помощью товарищей, медсестер (в госпиталях) и т.д.¹¹ Если в 1914 г. через 11 главных полевых почтовых контор на театре военных действий прошло 58 млн писем, то в 1915 г. — 319 млн,

⁶ Lyons M. New Directions in the History of Written Culture // Culture & History Digital Journal 1(2): e007. doi: <http://dx.doi.org/10.3989/chdj.2012.007>. P. 2.

⁷ Martyn L. The Writing Culture of Ordinary People in Europe, C. 1860–1920. Cambridge University Press; Cambridge UK, 2012. P. 5, 12, 16–19.

⁸ Martyn L. New Directions in the History of Written Culture. Culture & History Digital Journal 1(2): e007. doi: <http://dx.doi.org/10.3989/chdj.2012.007>. P. 8.

⁹ Ellis J. Eye-Deep in Hell: Trench Warfare in World War I. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1989. P. 137 Martyn L. The Writing Culture of Ordinary People in Europe, C. 1860–1920. Cambridge University Press; Cambridge UK, 2012. P. 88.

¹⁰ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 288. В расчет принимается состав армии на 1916 г. из ополченцев и новобранцев, а также существовавшая в России неграмотность среди мужчин в 46%, и тот факт, что понятие грамотности для России означало только умение читать, то есть в сущности — малограмотность: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 2. 1999. С. 386. По другим же данным, грамотность в империи на период начала войны была еще ниже — всего 21,1%, а среди мужчин — 29,3% // Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год. Пг., 1915. С. 634–637.

¹¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1174. Л. 126.

в 1916 г. — 600 млн, а в 1917 г. (по расчетным данным) — 724 млн. Всего за время войны из армии было отправлено свыше одного миллиарда 700 млн писем¹². Это много для России, где количество отправленных писем во всей России в 1913 г. составило 1 миллиард 568 млн.¹³ Согласно данным цензуры и военно-полевой почты, на одного военнослужащего в среднем приходилось 10–12 писем в месяц: 6–7 писем — из армии и 4–5 писем — в армию¹⁴. Письма писали женщинам (женам, матерям, подругам), родителям, родственникам домой, а также отцам, сыновьям, братьям, товарищам на театр военных действий.

В России история публикаций писем фронтовиков Первой мировой войны на Русском фронте была противоположна этому процессу на Западе и отвечала общему подходу к Великой войне. Если на Западе сначала доминировало «патриотическое» и «героическое» освещение Великой войны и только в последние десятилетия на первое место вышли гуманитарные аспекты мирового военного конфликта, то в России сначала фигурировали проблемы тягот войны для «человека с ружьем», и только в последние годы все более набирает силу тема «героико-патриотического» освещения «Великой забытой войны»¹⁵. Во время войны письма печатались и в газетах, однако их подлинность в ряде случаев вызывает сомнения. Некоторые письма даже изготавливались прямо в военных спецорганах: разведывательных или контрразведывательных отделениях¹⁶. В любом случае, публиковавшиеся письма, даже исключая вопрос об их подлинности, отражали мнение лишь части армии, сохранившей даже в годы революции патриотические настроения.

В России существует практически одна публикация солдатских писем периода самой Первой мировой войны. Она была осуществлена известной публицисткой, общественницей, последовательницей Л.Н. Толстого Е.В. Молоствовой¹⁷. Собранные Молодовой письма свидетельствуют о

¹² РГВИА. Ф. 2004. Оп. 4. Д. 120. Л. 1–2, 5–6, 13–14, 17–18, 83–96.

¹³ Почтово-телеграфная статистика за 1913 год с кратким обзором деятельности почтово-телеграфного ведомства за тот же год. Пг., 1915. С. I—I об.; То же за 1914 год. Пг., 1917. С. I–II; То же за 1915 год. Пг., 1918. С. I–II.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 93. Л. 102.

¹⁵ Россия и Великая война: Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: Материалы Международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М., 2011; «Великая и забытая»: Сборник докладов научной конференции, 10–11 ноября 2012 г., Калининград — Гусев. Калининград, 2013.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6452. Л. 37–49; Ф. 2019. Оп. 1. Д. 557. Л. 40, 42, 43, 47, 49; Д. 739. Л. 86–90; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 832. Л. 3, 5–6; Астахов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 82, 356–357.

¹⁷ Молостова Е.В. Солдатские письма. Казань, 1917.

войне как особенном нравственном испытании русского народа, оказавшегося на высоте своих самых высоких идеалов и стремлений. После Февральской революции главными темами фронтовых свидетельств были тяготы войны и социальные проблемы. Эти же темы фигурировали и в материалах устной истории, как это подано у Софьи Федорченко¹⁸. Множество писем подобной тематики, включая и прямо антивоенные, публиковались в газетах революционного направления, особенно большевистских. В целом в России начиная с 1917 г. публикации солдатских писем отличались немногочисленностью и определенной, политически заданной тематикой. В них фактически ничего не говорилось о героизме солдат, зато самым буквальным образом подбирались негативные оценки целей войны, ее ведения и соответствующего отношения к ней солдат. В подавляющем большинстве исследователи использовали письма с так называемым «угнетенным» настроением о нехватке еды и одежды, плохом устройстве окопов, усталости от занятий, недовольстве офицерами, тем более — побоях в армии и т.п.¹⁹ Все указанные работы отдавали явной публицистичностью, иллюстративностью, социологизмом. Западные исследователи по этой причине не привлекают такие публикации для решения проблем участия России в Первой мировой войне²⁰.

В последние годы тема собирания личных свидетельств стала актуальной и в отечественной литературе. Стали издаваться целые подборки писем фронтовиков, например письма генерала А.Е. Снесарева²¹. Но все же богатые эпистолярные материалы по истории русской армии в годы войны все еще мало находят применение в новейших исследованиях, используют-

¹⁸ Федорченко С.З. Народ на войне. Фронтовые записи. Киев, 1917.

¹⁹ Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932; Ахун М., Петров В. Голоса из окопов. Солдатские письма 1915—1916 гг. // Красная летопись. 1928. № 1. С. 112—118; Солдатские письма в годы мировой войны 1915—1917 гг. // Красный архив. 1934. № 4—5 (65—66). С. 118—163; Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925; Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. М., 1927, С. 59, 85; Коваленский М.Н. Вчера и завтра. Как и откуда взялась новая красная Россия. М.; Л., 1925. С. 104—108; Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 14, 18, 20—22, 25, 29, 31, 75, 96—100, 124; История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 7, 11—13, 19, 34; Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М.; Л., 1935. С. 3—9, 15—21, 23, 24, 57—59, 64; Ахун М.И., Петров В.А. Петроградский гарнизон и северный фронт в годы империалистической войны // Красная летопись. 1927. № 3 (24). С. 168; Эйдеман Р., Меликов В. Армия в 1917 году. М., 1927. С. 3, 28—29, 31, 34.

²⁰ Френкин М. Русская армия и революция, 1917—1918. Мюнхен, 1978. С. X—XXII; Gibelli A. Op. cit. P. 183—184.

²¹ Снесарев А.Е. Письма с фронта. 1914—1917 гг. М., 2012.

Русские солдаты пишут домой во время службы на Восточном фронте

ся выборочно. Даже важные наблюдения о роли послевоенных (т.е. после Первой мировой войны) поколений, проблеме насилия, солдатской психологии и социологии представлены отдельными зарисовками²² или разработаны на ограниченном источниковом материале²³.

Наибольший комплекс солдатских писем отложился в материалах военной цензуры. В России это был первый опыт создания огромной организации, призванный анализировать настроения многомиллионных слоев населения. Организация и функции военной цензуры регулировались «Временным положением о военной цензуре» от 20 июля 1914 г., «Правилами по организации и исполнению цензуры», приказами главкомов армий Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, а также «Перечнем сведений, не подлежащих оглашению» и другими ведомственными нормативными документами. Целью военной цензуры было «пресекать оглашение в какой бы то ни было форме военной тайны», не допускать проникновения в армии и из армий в тыл сведений, которые могли бы неблагоприятно повлиять

²² Нарский И.В. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...». Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 488–503; Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1997; Войны России: Социально-политический анализ. М., 1998 и др.

²³ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 176–189; Маркевич А.М. Солдатские письма в центральные Советы как источник для изучения общественных настроений в армии в 1917 г. Диссертация. М., 2002. С. 43–53.

на ход дел, как на театре войны, так и внутри государства, способствовать органам контрразведки в обнаружении «преступных, в смысле шпионства или пропаганды, лиц, в составе армии населения». Первоначально военные цензоры как на фронте, так и вне его следили только за печатью и телеграммами. Но с лета 1915 г. была организована широкая сеть цензурных отделений с подробной программой отслеживания настроений армии. Всего насчитывалось огромное количество военных цензоров: на фронте 4–5 тыс. и во внутренних округах, включая и Петроград, около 3 тыс. Это количество цензоров в несколько порядков превосходило количество цензоров, работавших в «черных кабинетах» почтового ведомства до войны (50 чел.²⁴). Цензурное руководство призывало в ряды цензоров «лучшие силы с известным уровнем образования и познания», 7–8 классов гимназии²⁵, включая известных журналистов, например, Н.В. Снесарева, корреспондента «Нового времени», работавшего военным цензором Выборгской крепости²⁶, или автора документальной книги «Тихий Дон» есаула И.А. Родионова, который одновременно работал и в «Вестнике Юго-Западного фронта»²⁷.

В целом и по армиям, и по военным округам цензоры в течение войны проверяли 2–3% проходивших через цензурные пункты писем, что являлось достаточно репрезентативным для выявления настроений в армии. Следует при этом учесть, что значительная часть писем, не прошедших проверку в одном цензурном пункте (например, фронтовом), проверялась в цензурных пунктах внутренних военных округов, вплоть до пунктов назначения писем адресатов. Это означает, что реальная выборка прошедших через цензуру писем была выше, чем указанные 2–3%. Это равнялось в целом цифре выборки, принятой во французской армии — 1,25–4%²⁸. Всего за время войны цензоры просмотрели свыше 20 млн писем, сделали около 170–200 тыс. сохранившихся в архиве выдержек из писем, что составляет 0,1% всех писем во время войны. Кроме того, в архиве сохранились и подлинные письма в количестве около 50–70 тыс., главным образом в фондах военных округов.

Военные цензоры могли просматривать любую корреспонденцию, и в этом смысле их работа ничем не отличалась от обычной перлюстрации. С лета 1915 г. военные цензоры работали по широкой программе отслежи-

²⁴ Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. СПб., 2008. С. 67.

²⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198. Л. 25.

²⁶ Там же. Д. 1184. Л. 1–3.

²⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 174.

²⁸ Cabanes B. Ce que dit le contrôle postal // Christophe Prochasson et Anne Rasmussen. Vrai et faux dans la Grande Guerre. P., 2004. P. 55–75.

Просмотр писем военной цензурой русской армии

вания настроений в армии, а также гражданского населения²⁹. Этой цели отвечали и множество рубрик, включавшие данные о письмах с недозволенными сведениями (указанием места нахождения своей части, о военных мероприятиях и т.п.), с сообщением об уклонении от службы и членовредительстве; со сведениями о грабеже и насилии и наличности крупных денег; носящих политический и агитационный характер; о распространении тревожных слухов; о военнопленных с описанием их жизни³⁰; общие сведения о настроении духа армии; о вооружении и снарядах; о немецком засильи; об отношении армии к внутренним делам и событиям и Государственной думе; толки об измене; письма «преступного, антидисциплинарного и социалистического характера»; о довольствии (пища, одежда, обувь); о характеристике офицерского персонала; о содержании в госпиталях и о болезнях эпидемического характера; о пьянстве; о неисправной доставке посылок, почты; о взяточничестве; разные³¹. Мало этого, цензорам предписывалось в выборках из писем отражать именно те места, которые вымарываются военными цензорами³². Выборка писем должна была отражать наиболее характерные, «а в особенности встречающиеся чаще всего, как рисующие настроение армии или части ее». Общий обзор должен был «резюмировать весь материал, ярко отмечать настроение армии, состояние ее

²⁹ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1008. Л. 176—178; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1173. Л. 49—50.

³⁰ Там же. Л. 145.

³¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2946. Л. 203—203 об.

³² РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1006. Ч. 1. Л. 157.

духа, проявление тех или иных влияний, причем выводы, делаемые в обзоре, должны опираться и иметь ссылки на прилагаемые к обзору выборки писем»³³. Правда, множество писем цензура уничтожала: на еврейском, венгерском и турецком языках. Тем самым «без языка» оставляли значительный военный контингент, например, евреев, которых в процентном отношении в армии было вдвое больше, чем еврейское население в России.

Солдаты знали о существовании цензуры и всячески пытались избежать контроля с ее стороны. Для этого они посылали письма через знакомых³⁴, сами делали на обороте писем пометку: «читал такой-то»³⁵ или проставляли фальшивое клише цензора³⁶, дублировали письма, полагая, что какое-либо из них дойдет до адресата. Чрезвычайно часто письма «зашифровывали», отдельно пересылая коды дешифровки³⁷. Или пересылали письма в мыле, грецких орехах, в различных потайных местах. Цензурным органам пришлось применять особые приборы для быстрого вскрытия и обнаружения вложения писем³⁸. Впрочем, солдаты пытались и в подцензурных письмах сообщать скрытно нужную информацию, делая такой текст «невидимым» для цензоров, вписывая между строк сиропом, лимонным соком, молоком, мочой, раствором соли. Таких способов тайного письма насчитывалось около 80³⁹. Начальство всерьез реагировало на поток «симпатической почты», в большинстве случаев подозревая авторов в сокрытии шпионской информации. Была разработана целая технология прочитывания невидимых текстов, пользовались указаниями в трудах западных экспертов по экспертизе и научной технике расследования преступления⁴⁰.

В целом письма, отложившиеся в цензурных органах, являются крайне ценным историческим источником, отражавшим основные тенденции развития социального организма, которым являлась армия. Но письма собственно «о войне» составляли всего 1–5–7% от их общего количества. В 70–90% таких писем регистрировалось «бодрое» настроение в течение всей войны, с некоторым упадком до 70–50% с осени 1916 г., при росте писем с «негативным» настроением с 5 до 20%. Многие цензоры полагали, что прямые свидетельства о настроениях по поводу войны или о положении в

³³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2946. Л. 203–203 об.

³⁴ РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 215. Л. 72–73.

³⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 444.

³⁶ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 5. Д. 41. Л. 157.

³⁷ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1009. Л. 296–297.

³⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198. Л. 14 об.

³⁹ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1009. Л. 387.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 10. Л. 164–164 об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1198. Л. 14 об., 19.

Военный чиновник, бывший военный цензор петроградского военно-цензурного комитета и преподаватель гимназии Г.П. Снежков, доброволец

стране «не дают полного представления о подлинном настроении духа всей армии», а только о некоторых группах лиц «с известным направлением». Подавляющее же большинство писем, 80—90%, расценивалось как «безразличные», не относящиеся к войне. Однако именно этот материал, в сущности, носящий характер «ненамеренных свидетельств», дает крайне ценные сведения о военной повседневности всей армии. Уже упоминавшийся цензор И.А. Родионов писал в своем отчете: «... если вчитаться в письмах в написанное между строк, вникая в общий их тон о всех мелочах домашней жизни и жизни на позициях, включая сюда, с одной стороны, заботы о домашнем благополучии, недостатке рабочих рук, взятых на войну, убыли хозяйственного инвентаря, современную дороговизну жизни, а с другой стороны, все злободневные вопросы жизни на театре военных действий, потери в людях убитыми и ранеными, болезни, ухудшение жизни и многие другие причины, сопоставив все эти данные, о которых неумолчно, во всевозможных формах, в виде недомолвок, намеков, а подчас даже и бурно пишут и пишут с войны и на войну близкие друг другу лица — я делаю выводы, что этот поток тайных дум и мечтаний следует считать более ясным и главное более подлинным выражением “настроения духа”». «Богаче материала, чем в письмах, в данном случае ничего быть не может. Вся жизнь с ее мельчайшими подробностями проходит и отражается в письмах как на экране кинематографа», — делал заключение знаток народной жизни⁴¹. Фронтовые

⁴¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 81—81 об.; Стукалова Г.П. Страница истории России. Вступ. ст. в кн.: Родионов И.А. Наше преступление. М., 1997. С. III—LXII.

письма являются также и уникальным памятником народной письменной литературы. Цензура же не вмешивалась в сам текст приводимых выдержек, передавая их дословно. Начальство прямо требовало от цензоров доносить все характерные для солдатской массы обороты, настроения и т.д., не смущаясь их корявостью, наивностью, нецензурностью и т.п.

В письмах с фронта отражена вся гамма военного опыта: от мотивации борьбы, картин и переживаний кровавого противостояния до повседневности окопной жизни, обращения с думами о семье, малой родине, трансформации ценностей и самой мотивации борьбы, когда на первое место стал выходить внутренний враг, а вместе с ним и актуализация внутрироссийских проблем по сравнению с внешним противостоянием. На основе свидетельств «обычных людей» в письмах, отложившихся в военной цензуре, можно анализировать многие события, не отраженные в делопроизводстве. Это в основном негативные моменты в социальной истории армии: сдача в плен, братания, дезертирство, членовредительство, разбои, мародерство, пьянство, разврат и т.д. Часто именно эти сведения и были интересны командованию, делавшему соответствующие выводы.

Тема мотивации борьбы была постоянной в письмах вплоть до самых последних дней 1917 г. В первые месяцы войны эти настроения представлены особенно выпукло. Так, в августе 1914 г. солдат пишет в Пензу: «...Я жив, здоров и весел. Сегодня приехал на позицию, а завтра пойду бить немцев. Буду проситься в самые опасные места и или пан или пропал: одно из двух. Солдаты веселы и сердиты. Если попадется немец, не сдобровать. Казаки разъезжают на своих конях, как средневековые рыцари, и наводят панический страх на немцев...»⁴² Корреспонденты не только демонстрируют «бодрое» настроение, но и готовность к любым испытаниям. Так, солдат, только что получивший Георгиевский крест 4-й степени, пишет: «...Почти достиг своего, но этого мало, я хочу, чтоб обо мне заговорили, а не сам я о себе повествовал другим. Я получу или все четыре степени Крестов, или один деревянный, который водрузят мне в изголовье»⁴³. Кроме писем, свидетельствующих об отчаянной удали, порою даже ухарстве, есть и письма с мотивацией мести за павших. В июне 1915 г. брат пишет раненому брату: «...ты же не можешь, не в силах исполнить своего желания, а потому отдохай, милый мой, и поправляйся, т.к. ты уже исполнил свой долг. Мстить же за тебя и за других наших братьев, безвременно погибших на поле брани, будем мы, т.е. все наше Христолюбивое воинство, и мстить будем до кон-

⁴² РГВИА. Ф. 1720. Оп. 11. Д. 10. Л. 29 об.

⁴³ Там же. Л. 61 об.

ца»⁴⁴. Письма полны желания не просто воевать, но и быть раненым, чтобы буквально пролить кровь за Царя и Отечество. Ведь рана, рассуждает солдат, «является каким-то вещественным доказательством твоей работы в бою на защиту престола и России»⁴⁵. В письмах масса переживаний, свидетельств борьбы в стихах. Некоторые из них сравнивают боевой путь с Христовым подвигом, а сами солдаты являются его учениками:

Здесь Христос меж нас сияет
 Нам открытый, правый путь.
 Он нам истину внушает,
 Не колебляся ничуть.
 Как апостолов двенадцать,
 Нам велит за веру драться.
 Даже жизни не щадить,
 Чтоб врага нам победить...

По мнению цензора, «стихи эти очень характерны, как показатель настроения некоторой части армии»⁴⁶.

Многие письма отмечены, однако, «пассивным патриотизмом», часты такие выражения: «Но не моя же добрая воля, что я пошел защищать нашего Царя Батюшку, православную веру, свою родину и братьев славян»⁴⁷.

Есть письма, свидетельствующие, что не только у представителей образованных классов было «гумилевское» настроение упоения в бою. Один солдат так пишет товарищу-артиллеристу в разгар Брусиловского наступления: «До меня дошли слухи, что ты бомбардируешь Львов, бей, бей, не жалей снарядов, сам знаешь где достать, скоро заводы Крупа будут наши, все разрушим, все сокрушим, весь земной шар не устоит, громи на право и на лево наших противников»⁴⁸. Или вот такая картинка «русского боя», сообщенная, кстати, в феврале 1917 г.: «Любо и весело русскому солдату, когда раздается гром орудий, трескотня пулеметов и сухой выстрел винтовок, когда же раздается могучее русское ура!!!! и русские, выйдя из окопов, бросаются в атаку, сильно, сильно тогда забьется от волнения сердце солдата, как пойманная в клетку птица, а немцы, завидя грозно сомкнутые русские штыки, бросают свои винтовки и, подняв руки кверху, кричат: “я ваш, я

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 616. Л. 643.

⁴⁵ Там же. Л. 734.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 11. Д. 8. Л. 17об.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 270.

⁴⁸ Там же. Д. 2934. Л. 199.

ваш, пан!!!!” Утих бой, толпой пленных отправляют вглубь России, а русские солдаты, засев в занятых неприятельских окопах, ведут оживленные разговоры по поводу минувшего боя»⁴⁹.

Порою в письмах звучит гордое знание мужского военного опыта, недоступное для оставшихся в тылу. Офицер пишет тыловому другу: «Ты пишешь о немках и др. вещах. Нам, воинам, разве до этого?! Ты оскорбляешь наши чувства. Здесь идут ужасные бои, пропадают десятки тысяч людей. Разве нам до этого? ...Теперь мы снова скомплектуемся и снова пойдем. Прольем кровь за родину и за вас, которые мирно живут и не видят всех ужасов войны»⁵⁰. Не сгибались даже под тяжестью увечья, демонстрируя высоту воинского духа: «...Но я быстро опомнился и взял себя в руки и теперь я, как чугунок, тверд, и крепок, как сталь, и пусть я вернусь к тебе телесно-искалеченным, но “инвалида духа”, надеюсь, ты во мне не встретишь. О, я еще повоюю, чорт побери»⁵¹. Ряд высказываний солдат лаконичны в своих повествованиях о мужестве и подвиге: «Мы были на краю гибели, мы видели смерть лицом к лицу, но наши загорелые лица спокойны»⁵², или: «В подвигах и боях наши воины очень хороши...»⁵³

Сохранилось много наивных писем, от этого совсем не умаляющих народного патриотизма. Так, солдат сообщает родным (во всех выдержках из писем орфография и пунктуация корреспондентов сохранены. — А.А.): «Меня ранило снарядом управую ногу и управую руку и у плечо усе у меня порвало штаны и рубаху разорвало ну благодаря Богу что меня кость целая. Прошу нежуритися обомне я надеюсь что мене Господь сохранит и я буду живой и обратно пойду немца бить»⁵⁴. Не угасает дух и в периоды после тяжелейших боев в августе 1916 г.: «Я ехал через Полоцк и всюду нашел жизнь веселой, музыка играет, солдаты пляшут, аэропланы летают, пушки гремят, снаряды рвутся и все идет своим чередом»⁵⁵. Ментальность русского солдата представлена и в письмах о братании (особенно в Пасху 1916 г.), порою исполненных библейского стиля всеобщего примирения и прощения: «На первый день Пасхи когда мы уже разговелись одохлали немного у нас все тихо ни одного выстрела стали мы из своих окопов махать шапками до своего врага и он тоже начал махать и стали звать друг друга

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1675. Л. 6.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 505. Л. 422.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 967. Ч. 1. Л. 231 об.

⁵² Там же. Ч. 2. Л. 376 об.

⁵³ Там же. Л. 684.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 540.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 967. Ч. 2. Л. 578.

Раненые пишут письма на родину

к себе в гости и так что мы сошлись по маленько с австрийцами на средину между проволочное заграждение без никакого оружия и начали христосо-ваться а некоторые австрийцы были православны то целовались с нами и некоторые с жалости заплакали и угощали друг друга в мести плясами как настоящие товарищи а потом разошлись и должна быть наша история в писана в газетах»⁵⁶.

Военный опыт включает не только торжество от картин боев, но и впечатления от ужасов современной войны. В письмах масса таких описаний поля боя: «Там рука, там палец с перстеньком, там кишки валяются — а там голова без мозгов. Полное торжество смерти»⁵⁷. После таких сцен делают мрачное заключение: «Я так присмотрелся сейчас ко всему, что ничто меня не волнует. Ключья человеческого мяса, летящие во все стороны, страшные раны, кровь, крики и предсмертные муки убитых и умирающих от ран. Ничто. Нервы парализовались, омертвели. Из человека ангела здесь делают человека дьявола»⁵⁸. Есть и короткие, но весьма впечатляющие сообщения, в которых не только представлены кошмар ожидания боя, но и личные трагедии. Офицер пишет подруге (или жене): «Лиза. Наш батальон уезжает неизвестно куда... В казарме плач. Бьют койки и сундуки. Не пиши больше...»⁵⁹ И простая картинка повседневного, почти неприметного ужаса: «Тупо, глупо звенят осколки. Давят кошмары»⁶⁰. В ситуации постоянного ожидания

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3856. Л. 60 об.

⁵⁷ Там же. Д. 2935. Л. 880 об.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1877. Ч. 1. Л. 64.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 561. Л. 38.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 200.

смерти («...вот она идет...»⁶¹) по-другому воспринимаются и атаки, еще недавно вызывавшие столько восторга. Солдат, имевший георгиевские кресты, всегда рисковавший жизнью, так описывает одну из атак бесконечного по ужасу и страданиям лета 1916 г. «...Я и мой товарищ, командир 4-го взвода Попов в последний раз попрощались и не соображая ничего, с криками: братцы, вперед, бросились туда, где нас с распростертыми объятиями ждала смерть. Я успел пробежать несколько шагов и лег в яму, а Попов был убит сразу. Сердце сильно билось, один за другим выскакивали солдаты, падали, поднимались и опять падали, а из окопов выскакивали все новые и новые волны солдат. Постепенно, наконец, добрались и подползли к проволочным заграждениям, начали перерезывать, еще момент и раздались отчаянные крики “ура” и немцы не выдержали. Вот все, что можно передать при атаке, только очень, почему то, жить хочется»⁶².

Тяжелее всего воспринимается, однако, не сам бой, а бесконечная служба. «...Мы холодны и голодны, обливаемся слезами в окопах, тяжело переносить военную неволю», — жалуются солдаты своим родным⁶³. Правда, и здесь иногда проскакивают юмористические или даже ернические нотки при описании продовольственного снабжения в армии: «Слава Богу жив и здоров так даже здоров, что даже пожелтел от избытка сил, потому что так хорошо кормят, дают нам три дня раз по одному фунту хлеба, и так хорошо поправились, что сквозь все видно — прозрачными стали, но ничего не поделаешь, приходится мириться со всеми недостатками пока добьем проклятого Германа, австрияка, турка и болгара»⁶⁴. Иногда в письмах проскакивают и сочные украинские характеристики воинского быта: «Ще забыв вам написать як я тут кормлюся, та ны то що на вкраине. Богом побожуся дадут суп с чечевицею або булион. Ой як им не стыдно, як у тому булиону усе небо видно»⁶⁵. А вот другая зарисовка фронтовой повседневности в виде обмена опытом: «...Даю я Вам тайный совет. Если только, когда придется попасть, тогда прямо беги и ни на кого не смотри и тогда может быть останешься живой»⁶⁶.

Солдаты в письмах постоянно обменивались впечатлениями от тягот войны с родными в ответ на жалобы на дороговизну в тылу: «Вы пишете, что у вас замучила реквизиция но что делать до этого довоевалась россия

⁶¹ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 967. Ч. 2. Л. 520.

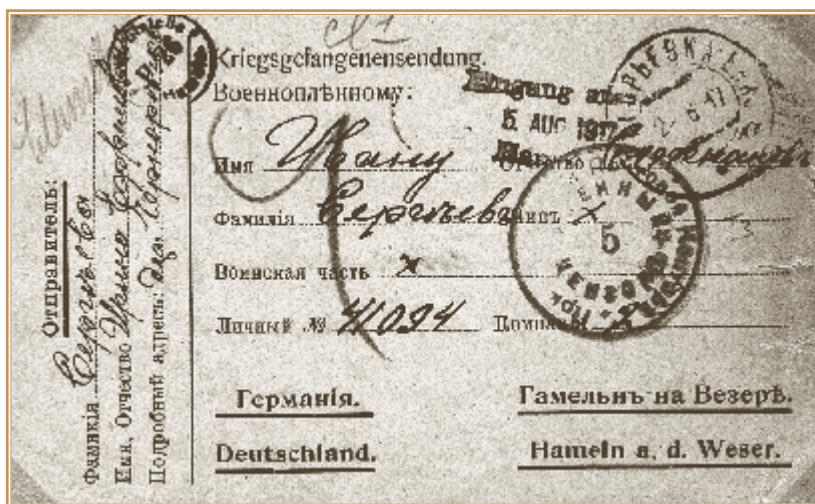
⁶² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 180 об.—181.

⁶³ Там же. Д. 3856. Л. 50 об.

⁶⁴ Там же. Д. 3863. Л. 101.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 800. Л. 506.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 720.

Ответная часть почтовой карточки для военнопленных. Отправлена 02.08.1917 г. из Григорьевки в лагерь военнопленных в Гамельн на Везере (Германия)

что все поели солдаты у нас тоже кормят по военному и стали обувать по нищински в лапти но лапти не такие как у нас носят а много хуже и выдают белые подвертки и мы похожи на богомольцев»⁶⁷. Упоминают солдаты и побои: «...У нас в учебном батальоне очень бьют. Батальонный командир бьет по бокам, помощник батальонного бьет по морде, а ротный бьет по шее, а взводный бьет прямо прикладом по груди». В конце войны все чаще раздавались голоса жалости и страдания: «А нам здесь слезы: налево пойдешь — огонь, на право — вода, вперед пойдешь пули и снаряды рвутся, а сзади зарежут шашкой. Некуда деваться. Так таки приходится нам погибать во славу русского оружия»⁶⁸. А осенью 1916 г., когда резко усилились угнетенные настроения в армии, один солдат спрашивает: «...докиль нас таких молодых людей будут убивать уж нельзя жить в таком горе уж дух не дышет и нельзя жить помилуй нас Господи. Александр»⁶⁹. В декабре 1916 г. уже раздаются вопли: «В общем, все это надоело, стало вдруг как то душно и хочется новой струи жизни и воздуха которым раньше дышали»⁷⁰.

В этой ситуации все чаще обращают свои взгляды домой, там ищут поддержки или, наоборот, готовы оказать ее своим родным. Особенно волновали проблемы дороговизны как внутри России, так и на самом театре военных действий, где солдаты часто вынуждены были питаться за

⁶⁷ РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 799. Л. 567 об.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 78.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 704.

⁷⁰ Там же. Д. 3863. Л. 16.

свой счет. «Из вашего письма я вижу что житья становится очень трудно, одним словом все на нас, Бог, вода и вся преисподняя ада. Мародерье набивают свои карманы здирая и до того худую шкуру со всего бедного населения...»⁷¹ Отсюда и дезертирские настроения: «Опасность меня не страшит, но дороговизна гонит в тыл для поправки финансов»⁷². Второй по частоте темой в «безразличных» письмах, после дороговизны, являлся семейный вопрос, который кроме тревоги за благополучие родных обострялся наблюдениями на самом фронте: «Австрийские женщины роют нам окопы, днем нельзя, а роют ночью со слезами, идет страшное насилие среди солдат, что солдаты делают с этими женщинами, стыдно писать, на все это насилие жалко смотреть, кругом все воруют женщин и девиц насилуют и это все наши солдаты, нисколько не лучше немцев»⁷³. Другой солдат пишет: «Глядя на эту картину, что здесь творится, невольно лезет в башку такая мысль, а может быть и моя жена к числу таких уже принадлежит...»⁷⁴ Массу писем солдаты писали любовного характера, звали жен на фронт. Нередки подобные письма: «К солдатам очень много приезжают жен. Едут из Сибири, а из Москвы приехать легко, едут на позиции, едут в окопы. Приезжай и ты»⁷⁵. Крайне угнетали солдат вести об изменах жен, тем более с военнопленными, выполнявшими дома сельскохозяйственные работы. Один солдат упрекает свою неверную жену: «Через измену твою, милая жена, опротивел мне свет — это, милая, поминай. Скоро не станет меня в живых; скоро я достигну своей цели, к которой добиваюсь — скоро будет из ран моих кровь сочиться, а тело черными воронами волочиться...»⁷⁶ Именно через интимные страдания солдаты приходили к пониманию враждебности фронтовикам всего тыла с его массой внутренних врагов.

К концу 1916 г. постепенно падала вера в победу, о чем цензура приводила множество писем, например: «...письма опишу онашем оспехи что русский воен стал очен слаб нинадейси расея втом что немца взять и согнать своей тиритории и последнего можем от дать свое да хораша война нисалдатам а афицерам да полковникам Ани гуляют да продают нашива брата...»⁷⁷ Появляются уже сомнения в необходимости войны: «...Зачем мы

⁷¹ Там же. Д. 2937. Л. 381.

⁷² Там же. Д. 2934. Л. 509 об.

⁷³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 32 об.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 11. Д. 10. Л. 30.

⁷⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3845. Л. 354 об.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 967. Л. 326 об.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184. Л. 204.

убиваем друг друга, что мне сделал немец, или я ему...»⁷⁸ И прямые проклятия войне: «...Мне уже набрыдла эта проклята война я уже и свету не рад. Хоть скорее было кончать эту недобру войну»⁷⁹; «Кажется вырвал бы сердце с корнями, чтобы его вложить в конверт с письмом, чтобы дать посмотреть как оно изболело, что и сказать трудно. Проклятие тому, кто затеял эту войну...»⁸⁰ Но вскоре вопрос ставится шире: «...нам нужен дух свободный от забот, чтобы мы знали, что и внутри Государства есть лад и порядок»⁸¹.

Неприятие войны сказывалось в распространении мирных настроений. Динамика таких настроений четко отслеживается по цензурным сообщениям. Так, если за 1914 г. было зарегистрировано 7 сообщений в докладах (по фронтам и армиям) о пожеланиях мира, то уже в течение 1915 г. таких сообщений было каждый месяц 8—10, а в декабре — даже 21. В 1916 г. эта же картина нарастания мирных настроений повторилась: в феврале их было зарегистрировано 10, в марте — 7, в мае — 27, в июне во время Брусиловского прорыва — 7, в октябре — 25, в ноябре — 32, а в декабре — 75⁸². В целом динамика мирных, антивоенных, прямо революционных настроений полностью коррелирует с сообщениями о нарастании тягот солдатской службы (голода, холода, нехватки обмундирования), возмущением ростом дороговизны, тревоги за своих родных и близких в течение осени 1916 г., имея своим пиком декабрь 1916 г. — январь 1917 г.

Накануне Февральской революции апатия, неудовлетворенность войной и т.п. продолжали распространяться⁸³. Нарастал явно упаднический настрой, ожидания чего-то худшего, к чему были все или безразличны, или готовы: «Нет надежды на лучшее и теперь в ожидании другого (как бы это тяжело не было) конца...» Солдат угнетала неизвестность, казалось, что «время остановилось». А в начале 1917 г. армию охватили крайне пессимистические настроения: «Наш солдат в последние дни мрачно смотрит вперед», «налицо страстное желание конца, зародилось уже отчаяние», зародилась и не угасает «искра злобы», в которую «подливают еще масла». «Скоро ли

⁷⁸ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 11. Д. 10. Л. 521об.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1868. Ч. 2. Л. 251 об.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 794.

⁸¹ Там же. Л. 271 об.

⁸² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 79; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 329 об., 353, 354, 359; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 2 об., 91, 166 об., 159, 200, 206, 236; Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны, 1914 — февраль 1917. М., 1966. С. 274.

⁸³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 328; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2935. Л. 917; Д. 2937. Л. 419; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 200 об.; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2936. Л. 234а об.; Д. 3863. Л. 303—303 об.

конец всем этим мучениям?» — спрашивали упавшие духом солдаты⁸⁴. Появились и сообщения в письмах родным о готовности разобраться с внутренними врагами, готовности защитить свои права: «...Если бы меня Господь принес домой, то я бы не дал ни одного фунта хлеба; я надеюсь, что меня теперь не страшили бы ни тюрьма и не смерть, и я сам погиб, но не дал бы хлеба...»⁸⁵

После Февральской революции военная цензура стала сворачивать свою деятельность, сосредоточившись на основной своей функции — защите военной тайны. Однако в некоторых цензурных пунктах продолжали следить за настроениями солдат вплоть до лета 1917 г. Эти материалы свидетельствуют о наличии широкой гаммы настроений, которые нельзя свести к однозначной картине «большевизации», «революционизирования» русской армии. Как и в письмах до 1917 г., доминировали «безразличные» настроения, смысл которых сводился ко все большему «уходу от войны», на первое место выходили проблемы внутренней жизни, поиск «внутреннего врага» и т.п. Письма этого времени нуждаются еще в подробном анализе, как и в целом нуждается в углубленном изучении все богатство письменной культуры «простых людей» России эпохи «войн и революций».

⁸⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 16, 146, 303–303 об., 362 об., 363–363 об.

⁸⁵ Там же. Л. 249 об.

Ключевые слова:

Первая мировая война; Русский фронт, военные письма; военная цензура; «наивное письмо»; Российский государственный военно-исторический архив.

Aleksandr B. Astashov

RUSSIAN FRONT 1914–1917: ARMY LETTERS

The article examines army letters of the World War I period from 1914 to 1917 at the Russian Front. Formation of the soldiers' letter array, which was added to the Russian State Military Historical Archive, was covered for the first time ever. The correspondence flow from the front in wartime has been characterized. A brief review is provided on the military censorship introduction, censorial report program, surveys of letters and extracts from the correspondence, which became an essential part of the surviving epistolary legacy of the wartime. The article covers leading topics, which the soldiers brought up in their letters during the war. Several distinctive wartime letters are reproduced. The article's conclusion resolves itself to the statement of considerable importance of the letters for covering military operations at the Russian Front, the military experience of those, who participated in the war, and the "inside history" of the Russian people's exploits and sufferings in the Great War.

 Асташов Александр Борисович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Средневековья и Нового времени Историко-архивного института РГГУ

А.Н. Закатов

ИМПЕРАТОРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОРДЕН СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА. 1929—2014 гг.

амысел учреждения императорского ордена Святителя Николая Чудотворца возник во время Первой мировой войны 1914—1918 гг., 100-летие начала которой отмечается в 2014 г.

9 февраля 1915 г. на имя императора Николая II была подана памятная записка художника-баталиста при Ставке Верховного Главнокомандующего Петра Петровича Першина о проекте «Ордена Святителя Николая Чудотворца в память Великой Отечественной войны 1914—1915 годов»¹.

В преамбуле записки содержится идейное обоснование учреждения нового ордена. По мнению П.П. Першина, в ходе освободительной борьбы «за светлую идею будущего, уже ни с чем не потреасаемого общечеловеческого мира», в России «заложен глубоко новый исторический эпос». Поэтому необходимо «ознаменовать эпоху дней великой войны и увековечив память ее в грядущих поколениях о деяниях их отцов и братьев и тем самым и впредь поощрить жертвы и труды национального долга Российского народа».

¹ Памятная записка о проекте ордена святого Николая Чудотворца, поданная на высочайшее имя императора Николая II художником-баталистом при Штабе верховного главнокомандующего П.П. Першиным. Машинопись. Барановичи, 9 февраля 1915 г. РГИА. Ф. 4986. Оп. 2. Д. 2822. Л. 1 — 3об.

Для прославления подвигов участников войны и вознаграждения их за службу Отечеству П.П. Першин считал полезным учреждение ордена во имя небесного покровителя вождя российского воинства императора Николая II — Святителя Николая Чудотворца Мирликийского. Статут, символика и сами знаки ордена должны были «стать отличительны ото всех ныне существующих Российских ИМПЕРАТОРСКИХ Орденов». И действительно в проекте есть целый ряд предложений, нетрадиционных для уже сложившейся орденской системы Российской империи².

Эскизов знаков ордена в фонде Капитула не сохранилось, но подробное описание, сделанное профессиональным живописцем, вполне позволяет представить его предполагаемый вид.

Основой знаков ордена П.П. Першин предложил белый эмалевый четырехконечный крест на золоте с образом св. Николая в медальоне в круглом золотом ободке в центре креста. Вокруг ободка между лучами креста изображались грифоны — основной элемент родового герба дома Романовых.

На обороте по золотому фону лучей креста должен был размещаться девиз ордена «За беззаветную верность и отечественные труды», исполненный в цветной эмали, а в центральном круге надпись «1915 год» — дата учреждения ордена, если бы оно состоялось.

Лента предлагалась «трехполосная юбилейная Романовская» — бело-оранжево-черная.

Элементы знаков ордена символизируют глубокое почитание святителя Николая Чудотворца не только как небесного покровителя государя, но и предстателя перед Богом за всю Россию (само название и образ в центре креста), единение царя и народа (Романовские грифоны и бело-оранжево-черная лента) и чистоту патриотических чувств (белый цвет креста).

Иерархия ордена предлагалась из четырех степеней старшинства (низшей третьей, второй, первой и высшей³), указываемых различиями в размере знаков и особыми украшениями «присвоенными старшинству орденского знака».

Внешние отличия должны были также указывать на род заслуг, которых выделялось пять: военные, военно-гражданские, духовно-военные; заслуги по учреждениям Красного Креста и общегражданских; оказание активной помощи сражающимся и эвакуированным. При этом оговаривалось, что «военные заслуги определяются активным трудом и призывом по мобили-

² Хотя у некоторых новшеств имелись некие эпизодические прецеденты или зарубежные аналоги.

³ Такое деление нетрадиционно для российской орденской системы, в которой нет деления на первую и высшую степени, а первая степень является высшей.

зации в ряды войск и военных учреждений, хотя бы и не находящимся в действующей армии — только в дни текущей войны».

Военный знак ордена отличался от гражданского наличием двух скрепленных золотых мечей, лежащих под Романовскими грифонами.

Среди гражданских знаков ордена предусматривалось обозначение службы по учреждениям Красного Креста. На этих знаках по белому фону изображался красный крест.

Далее следовало описание знаков по степеням.

За основу, как наиболее простой, брался знак низшей третьей степени, носимый на ленте, сложенной петлей для ношения на колодке на груди.

Знак второй степени виделся П.П. Першину такого же размера, как и знак третьей степени, также носимый на ленточной петле на колодке, но украшенный бантом.

Знак первой степени был большего размера и с алмазными украшениями по ободку вокруг лика св. Николая Чудотворца, на Романовских грифонах и пряжке (орденской петле). Этот знак являлся шейным.

Знак высшей степени, еще большего размера, но без алмазных украшений, помещался на носимой на груди серебряной звезде с чеканными излучениями. К звезде полагалась широкая лента через плечо с обычным знаком ордена (не отличающимся от знака третьей степени).

П.П. Першин высказывал пожелание ввести, сверх орденских знаков, пожалование в качестве особого отличия для кавалеров всех трех степеней орденской шпаги трех степеней (степени обозначались в украшениях эфеса)⁴. Эта мысль выражена в качестве гипотетической, и образец шпаги и даже ее описание в записке не представлены.

Завершив художественно-символическую часть, П.П. Першин перешел к изложению видения порядка и состава прав и привилегий лиц, возведенных в достоинство кавалеров ордена Святителя Николая.

Он считал, что их круг должен ограничиться участниками Великой Мировой войны, однако предлагал новшество, согласно которому устанавливалась наследственность принадлежности к ордену, передаваемая преемственно «старшему в роде по мужской линии, при условии, особо

⁴ В отличие от Георгиевского и Аннинского оружия, являющегося самостоятельной формой награды, Николаевское оружие было бы атрибутом степени. Однако не оговаривалось, что имеется в виду под словами «в качестве особого отличия» — является ли пожалование Николаевской шпаги дополнительным награждением кавалеров за особые заслуги, или все кавалеры получают шпагу своей степени автоматически, а под «особым отличием» подразумевается именно различие с другими орденскими оружиями.

Император Николай II, генералы М.С. Пустовойтенко (слева) и М.В. Алексеев (справа). 1915 г.

отмеченной верности престолу и отечеству, или бескорыстной службы государственной и общественной не менее 10 лет»⁵.

Право на наследование статуса и привилегий Николаевского кавалера могло бы дать (как в годы войны, так и в будущем) «единовременное пожертвование капиталом или имуществом в пользу Государственных учреждений, общественных и благотворительных», но «только в том случае, когда такого рода служение было начато ранее войны 1914 года не менее, как за пять лет до ее объявления, а впредь для наследования в порядке родовой преемственности — необходимо такое ежегодное пожертвование не менее протяжения 10 лет». Из этого условия исключались потомки участников военной кампании 1915 г.

Николаевские кавалеры третьей степени получали бы права личного дворянства.

Кавалеры второй степени становились бы личными дворянами «с правом передачи старшему в роде по мужской линии»⁶.

Кавалеры первой и высшей степени (если уже не являлись до этого потомственными дворянами) приобретали бы права потомственного дворян-

⁵ В российской орденской практике наследственность кавалерского достоинства отсутствует. Единственная попытка учредить родовые (наследственные) командорства Мальтийского Иоаннитского ордена, предпринятая императором Павлом I, не прижилась, а сами родовые командорства, как и деятельность Мальтийского ордена в Российской империи в целом, были упразднены императором Александром I в 1817 г.

⁶ Подобных прецедентов в российской орденской системе доселе не было.

ства, распространявшегося на их супруг, сыновей и дочерей, а в следующих поколениях — на всех прямых нисходящих потомков по мужской линии.

П.П. Першин предлагал ограничить пожалование дворянского достоинства условиями состояния в русском подданстве «не менее, как на протяжении одного поколения», которое он исчислял в 50 лет и «непринадлежностью к податному сословию, для лиц которого устанавливается награждение потомственным и личным гражданством на тех же основаниях, как и личное дворянство».

Очевидно, что автор проекта, с одной стороны, желал в ходе возведения в достоинство кавалеров ордена св. Николая пополнить «поредевшие ряды старого дворянства» и создать из нового дворянства «оплот Природной Династии», а с другой — стремился изыскать некоторые ограничения для получения дворянства по этому ордену, поскольку предполагалось награждение огромного количества лиц — по сути дела, всех участников войны. Но эту часть его записки следует признать явно не до конца проработанной и продуманной.

Исходя из идеологии замысла ордена св. Николая, как почетной корпорации защитников Отечества в годы беспрецедентной всемирной войны, дискриминация части его кавалеров по сословному признаку или формальному принципу пребывания в подданстве не менее 50 лет (а если 49? — *прим. авт.*) выглядит, по меньшей мере, несправедливым анахронизмом. П.П. Першин старался, чтобы его проект, при всем его новаторстве, не вошел в прямое противоречие с действовавшим законодательством Российской империи. Однако вряд ли оправданно ставить знак равенства между купцами, получившими знак ордена за внесение некоей суммы на благотворительность⁷, и воинами, проливавшими кровь за Родину. Принадлежность к российскому подданству является более серьезным критерием, имеющим и правовое, и моральное значение, но срок пребывания в нем явно завышен даже по сравнению с требованиями законодательства Российской империи.

Император Николай II отнесся к проекту, в целом, благосклонно, но отложил принятие окончательного решения и (в случае своего принципиального соизволения на учреждение ордена) доработку статута до ожидавшегося победоносного окончания войны. Неизвестно, каким образом сложилась бы судьба проекта, но, как бы то ни было, революция 1917 г. исключила возможность воплощения его в жизнь в том виде, как это предполагалось автором.

⁷ С 1832 г. купцы, награжденные орденами, приобретали права не личного (и тем более не потомственного) дворянства, а потомственное почетное гражданство.

Записка П.П. Першина на высочайшее имя, хранящаяся в архивном фонде Капитула императорских и царских орденов, была впервые введена в научный оборот членом Геральдического совета при президенте Российской Федерации, известным ученым-генеалогом, кандидатом исторических наук С.В. Думиным лишь в 2002 г., уже после того, как орден Святителя Николая Чудотворца обрел новую жизнь в России⁸. Но она, несомненно, была в каком-то виде (в машинописной копии или в выписках) известна лицам, причастным к учреждению ордена в 1929 г.

Предложение вернуться к идее учреждения ордена св. Николая высказал в эмиграции начальник Велико-Бечкерекского отдела Корпуса императорских армии и флота⁹ полковник Угринович, представивший до-

⁸ Думин С.В. Орден Святителя Николая Чудотворца. Страницы истории (1915–1929–2001) // Гербовед. 2002. № 2 (56). С. 100–117. Dumin S. The Military Order of Saint Nicholas the Miracle Worker // World Orders of Knighthood and Merit. Wilmington, 2006. Vol. II. P. 1853–1854 (англ. яз.).

⁹ **Корпус Императорских Армии и Флота** — легитимная военная организация, объединяющая военнотружущих, принесших присягу законным главам Российского императорского дома в изгнании императору Кириллу Владимировичу и великому князю Владимиру Кирилловичу. Создан 30 апреля 1924 г. согласно приказа № 108 блюстителя престола Кирилла Владимировича под названием **Корпус Офицеров Императорской Армии и Флота**. Первое Положение о Корпусе предусматривало членство в нем только офицеров, но затем Приказами от 29 июня, 5 июля и 30 августа 1924 г. в него открылся доступ врачам, чиновникам Военного и Морского Ведомства, военному духовенству, сестрам милосердия, юнкерам, гардемаринам, солдатам, матросам и казакам. Приказ № 247 от 15 января 1926 г. переименовал организацию в **Корпус Императорских Армии и Флота**. «Учет всех чинов, входящих в состав Корпуса сосредотачивался в Канцелярии Его Императорского Величества. Таковой порядок оставался неизменным вплоть до 1929 года. Успешное развитие идеи Законопослушного Движения вызвало быстрый рост и увеличение состава Корпуса. Жизнь потребовала в дальнейшем образования отдельного аппарата, где были бы сосредоточены все вопросы по организации и управлению Корпусом И.А. и Ф. В лице Заведывающего Делами Корпуса (Командира Корпуса) с его Канцелярией».

29 сентября 1929 г. Кирилл Владимирович утвердил новое Положение об управлении Корпусом. Командиром Корпуса был назначен генерал-лейтенант К.В. Апухтин. Он вел дела Корпуса, переписку с Канцелярией Е.И.В. и передавал туда требуемые материалы по военному ведомству. В военно-административном отношении Корпус подразделялся на округа, районы и отделы. В 1934 г. Кирилл Владимирович приказал «в силу создавшейся политической обстановки Парижский Округ Корпуса И(мператорских) А(рмии) и Ф(лота) в Париже переименовать в — “Общество взаимопомощи бывших комбатантов Русской Императорской Армии и Флота”. Под таким названием КИАиФ был зарегистрирован во Франции как офицерско-профессиональная организация.

При Корпусе велись списки, в которые заносились сведения о вновь поступающих и из которых по тем или иным причинам (отставка, смерть, серьезные проступки) исключались члены этой военной организации. Особой честью, как и до революции, было зачисление в списки Корпуса «навечно» (напр. спасшего от поругания останки Алапавских мучеников генерал-майора князя П.П. Тумбаир-Малиновского (ум. 1926 г.), пер-

клад на имя преемника Николая II — его старшего двоюродного брата Кирилла I, возглавлявшего Российский императорский дом Романовых в 1922–1938 гг.

Когда Канцелярия его императорского величества подготовила соответствующую документацию¹⁰, после разностороннего обсуждения, 19 июля / 1 августа 1929 г. император в изгнании Кирилл Владимирович подписал акты об учреждении ордена Святителя Николая Чудотворца в память Ве-

вого чина КИАиФ генерала-от-инфантерии барона А.Н. Меллера-Закомельского (ум. 1928), офицеров 20-го Драгунского Финляндского полка штаб-ротмистра А.Х. Шиллера, ротмистра Карташева, поручика Гайера и рядового Федотова, расстрелянных в январе 1930 в Ленинграде по «делу кирилловцев»).

К середине 1930-х КИАиФ по спискам насчитывал ок. 15 тыс. человек, реальная численность — ок. 6 тыс. активных членов.

Кирилл Владимирович считал, что «Красная Армия должна сыграть решающее значение в судьбах России и что она все больше проникается национальным духом, а также в военном отношении находится в очень хорошем состоянии». В инструкциях Канцелярии Е.И.В. на случай кардинальных изменений в России содержалась данная императором в изгнании установка, что «при первой возможности чины Корпуса Императорской (А(рмии) и Ф(лота) должны будут влиться в ряды Русской Армии, бывшей Красной Армии».

После смерти императора Кирилла Владимировича в 1938 г. наблюдается новый приток добровольцев в Корпус. В 1939 командир Корпуса генерал К.В. Апухтин представил Великому князю Владимиру Кирилловичу личный доклад о «строительстве будущих Российских Вооруженных сил после падения большевизма». Однако дальнейшему развитию КИАиФ помешала начавшаяся II Мировая Война. В конце войны Штаб Корпуса был частично эвакуирован в Австрию. Из всех Округов сохранился лишь Французско-Бельгийский во главе с генерал-майором А.С. Олехновичем, который стал вторым командиром Корпуса после кончины генерала К.В. Апухтина в 1950 г. В США работой КИАиФ заведовал генерал-майор Г.Д. Ивицкий.

17 ноября 1953 г. Великий князь Владимир Кириллович утвердил новую редакцию Положения об управлении Корпусом 1929 г. 17 августа 1965 г. на место скончавшегося генерал-майора А.С. Олехновича был временно назначен генерал-майор Генерального штаба А.М. Юзефович. 9 декабря 1965 г. заведующим делами Корпуса стал полковник С.А. Усов, который вскоре погиб в автокатастрофе. В 1966 г. командование Корпусом принял капитан И.А. Жовтоног, произведенный в подполковники. В 1978 г. после кончины подполковника И.А. Жовтонога исполнение должности заведующего делами КИАиФ было возложено на начальника отдельного района в Нью-Йорке капитана Г.А. фон Бенземана, утвержденного в должности в 1979 с производством в полковники. В 1982 г. Г.А. фон Бенземан скончался. Его сменил 86-летний полковник А.Н. Стафиевский, начальник австралийского округа КИАиФ, утвержденный в должности в 1984 г. и возглавлявший Корпус до своей смерти в 1988 г. Последним заведующим делами КИАиФ стал капитан Ф.М. Якимов, бывший офицер шахской армии Ирана, после революции 1979 г. переехавший в Великобританию. Исполнял должность с 1987 г. в связи с тяжелой болезнью А.Н. Стафиевского, по его ходатайству. Численность Корпуса продолжала таять, и он естественным образом прекратил свое существование.

¹⁰ Всеподданнейший доклад начальника Канцелярии его императорского величества Г.К. Графа об учреждении ордена святого Николая Чудотворца. Проекты высочайшего указа и статута. 26 мая 1928 — 4 июня 1928. АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 607.

Император Николай II, генерал-адъютант В.Б. Фредерикс
и великий князь Николай Николаевич в Ставке

ликой Мировой войны 1914–1917 гг. За основу государь принял проект П.П. Першина, отказавшись от тех пунктов, которые были, в любом случае, невыполнимы в условиях эмиграции и в то же время, введя правила, продиктованные актуальной обстановкой.

В указе об учреждении ордена после вводной части, повествующей о русских традициях почитания воинского подвига, Кирилл Владимирович постановил, что «в ддящиеся еще годы лихолетия, необходимым и своевременным нахожу Я во имя грядущей Великой России и священной для нас всех памяти Верховного Вождя Императорских Армии и Флота покойного Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА с признательностью посвятить русской народной верности, воинской доблести и гражданской жертвенности в страдные годы борьбы народов — орден Святителя Николая Чудотворца в память Великой Мировой войны.

В соответствии с сим утвердил Я образец этого ордена, который был одобрен покойным Государем Императором НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ, и повелел описание и Положение о нем объявить во всеобщее сведение.

Да будет этот видимый знак неразрывной связью нашей со славным прошлым, посильной данью благоговения нашего перед величавыми воспоминаниями исполинской борьбы Народа Русского и перед священной

памятью лучших сынов России, в неслыханных битвах венчанных кровью и честью»¹¹.

Согласно первому Статуту, орден Святителя Николая являлся, прежде всего, знаком отличия и имел не четыре, как в проекте П.П. Першина, а одну степень. Право быть удостоенным этим орденом получили лица, принимавшие участие в Первой мировой войне в составе Российских императорских армии и флота, зачисленные в их состав с 19 июля/1 августа 1914 г. до 1/14 марта 1917 г. включительно (т.е. с момента начала Первой мировой войны до отречения от престола императора Николая II), а также «лица, принадлежавшие к составам союзных России армий и флотов и принимавшие участие в Великой Мировой Войне в составе Российских Императорских Армии и Флота».

Все погибшие во время боевых действий, а также скончавшиеся до момента учреждения ордена награждались посмертно. Порядок обращений в таких случаях не прописывался, но, видимо, предполагалось, что ходатайства могут поступить от родственников или сослуживцев покойных участников войны.

На знаках, жалуемых лицам, принимавшим непосредственное участие в боевых действиях, изображались мечи.

Орден Святителя Николая Чудотворца не сообщал награжденным прав дворянства (ни потомственного, ни личного) и каких бы то ни было иных сословных прав, но был наследственным. Старший в роде наследник кавалера по прямой линии имел право носить знак на парадной форме.

Орденским праздником стал день тезоименитства императора Николая II — праздник в честь святителя Николая Чудотворца 6/19 декабря.

В последнем 6-ом пункте Статута предполагалось, что «кавалерам Ордена — с мечами и без оных, вдовам кавалеров Орденов и их детям будут предоставлены особые права и преимущества, которые разработает по возвращению в Россию особая комиссия, назначенная ВЫСОЧАЙШИМ повелением»¹².

9/22 августа 1929 г. Кирилл Владимирович внес дополнение к Статуту, согласно которому право на награждение орденом было распространено и на участников Первой мировой войны, зачисленных в Российскую армию

¹¹ Указ императора в изгнании Кирилла Владимировича об учреждении ордена Святителя Николая Чудотворца в память Великой Мировой войны 1914—1918 гг. Машинопись. Сен-Бриак, 1 августа 1929 г. АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 1, Т. 1

¹² Положение и статут ордена Святителя Николая Чудотворца в память Великой Мировой войны 1914—1918 гг. Типографская печать. Сен-Бриак, 1 августа 1929 г. // Императорский Штандарт, 1930, октябрь. № 4. С. 2—3.

после 1/14 марта 1917 г. до 23 октября/5 ноября 1917 г., то есть при Временном правительстве. Чины императорских армии и флота по-прежнему носили знак ордена на ленте романовских цветов (бело-желто-черной), а чины Российской армии, зачисленные в нее после отречения императора, — на национальной ленте (бело-сине-красной)¹³. Эту идею подсказал проживавший в Болгарии заместитель председателя Союза русских инвалидов генерал-лейтенант Иван Иванович Горбов.

28 марта 1936 г. Кирилл Владимирович утвердил Положение об ордене Святителя Николая Чудотворца для иностранцев — чинов союзных России армий и флотов, где был предусмотрен вариант знака с двуглавыми орлами вместо грифонов и на национальной ленте¹⁴.

Знак ордена Святителя Николая Чудотворца имел следующий вид: позолоченный четырехконечный крест диаметром 48 мм, залитый белой эмалью (из других вариантов редко встречаются экземпляры с синей эмалью, чаще — упрощенный бронзовый вариант без эмали). По краям креста золотая грань. Между концами Креста расположены золотые романовские грифоны. На лицевой стороне в середине креста в покрытой белой эмалью и обведенной золотой каймой розетке находилось изображение святителя Николая Чудотворца Мирликийского. На оборотной стороне Креста в середине в розетке размещались надпись: «Вел[икая] Миров[ая] Война» и даты «1914—1917», то есть годы участия России в Первой мировой войне 1914—1918 гг. Лента ордена шелковая муаровая бело-желто-черного (или бело-сине-красного) цвета, шириной 30 мм. Орден носился на колодке на левой стороне груди.

Для лиц нехристианских вероисповеданий вместо образа святителя Николая Чудотворца в центральном медальоне изображался вензель императора Николая II с короной.

Для чинов санитарного ведомства на орденском знаке помещалось изображение красного креста диаметром 6 мм.

В 1938 г. по ходатайству Американского отдела Орденской комиссии император Кирилл Владимирович разрешил носить эмалевый Крест ордена на шее, а бронзовый — в петлице.

В первые десятилетия после учреждения ордена его кавалерами стали тысячи генералов, офицеров и нижних чинов, все члены Российского императорского дома, принимавшие участие в Великой войне 1914—1918 гг., в

¹³ Дополнение к положению об ордене Святителя Николая Чудотворца. Типографская печать. Сен-Бриак, 22 августа 1929 г. // Императорский Штандарт, 1931, май. № 5. С. 20.

¹⁴ АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 599.

том числе и августейшие особы женского пола, архиереи и иереи Русской Православной Церкви (например, архиепископ Нестор бывш. Камчатский), чины санитарного ведомства и некоторые иностранные подданные, отличившиеся в боевых действиях в составе союзных России армий и флотов (например, чины Бельгийского Экспедиционного Корпуса), что представляло важность для международного статуса Ордена.

Уполномоченными принимать ходатайства о награждениях и документы, подтверждающие факт участия в Первой мировой войне императором Кириллом Владимировичем, были назначены выдающиеся деятели русской эмиграции. На обработку сведений из Франции, Италии, Бельгии, Великобритании, Испании, Голландии, Швейцарии, Туниса, Марокко, Алжира, Египта, Персии и Эстонии получил полномочия проживавший в Париже генерал-майор Константин Николаевич Алянчиков¹⁵. В Финляндии этим занимался генерал-майор Юлиан Антонович Явид (Гельсингфорс — совр. Хельсинки), в Германии, Швеции, Норвегии, Дании, Латвии, Литве, Поль-

¹⁵ Первоначально Отдел Комиссии по выдаче свидетельств на право ношения ордена Святителя Николая Чудотворца во Франции возглавлял генерал-майор Павел Павлович Дьяконов. Но после появления слухов о его неблагонадежности он сам обратился к императору Кириллу Владимировичу с прошением освободить его от всех постов в Государевом освободительном движении. Сначала государь счел нападки на генерала П.П. Дьяконова безосновательными и 25 января 1930 подписал рескрипт на его имя со словами: «Мне хорошо известно о тех нападках, которым подвергаются все Мои сотрудники, но зато они знают, что всегда находят во Мне поддержку и защиту» (АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 110). Однако уже в марте появились новые доводы в пользу отставки генерала П.П. Дьяконова. Начальник Канцелярии его императорского величества Г.К. Граф сообщил ему: «Государь согласился с Вашим мнением, что созданное Вами положение пока не допускает занятия Вами должности Начальника Округа Корпуса И.А. и Ф. в Париже. Его Величество был совершенно подавлен узнать, что Вы вели какую-то работу без Его ведома и даже предали ее гласности. Тяжелые последствия вызванных Вами шагов еще нельзя учесть, и они могут сильно повредить развитию нашего дела. Его Величество считает факт тайных действий со стороны лиц, занимающих ответственные должности, недопустимым и проступком против Государя. Дела по округу Вам надлежит, временно, сдать ген[ерал]-майору Алянчикову» (АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 110. Письмо № 348 Генерального штаба генерал-майору П.П. Дьяконову, 8 марта 1930 г.). В настоящее время доподлинно известно, что генерал-майор П.П. Дьяконов был действительно завербован советскими спецслужбами еще в 1924 г. Он снабжал их информацией о Русском общевоинском союзе, находившемся в оппозиции императору Кириллу Владимировичу, и о других эмигрантских организациях. Но, возможно, самому государю он не желал причинить зла и поэтому сам попросил об отставке с должностей в легитимистском движении. В мае 1941 г. генерал-майор П.П. Дьяконов с дочерью Марией вернулся в СССР. В июне они были арестованы «по подозрению в поддержании связи с иностранными разведками и шпионаже против СССР», но в октябре 1941 г. освобождены. М.М. Дьяконов оказался в эвакуации в Ташкенте. Умер в 1943 г. на станции Челкар (Казахстан), сопровождая эшелон с грузом для Красной армии, направленный в Москву, не дожив несколько дней до своего 65-летия.

Императорский орден Святителя Николая Чудотворца. Современное исполнение

ше, вольном городе Данциге (совр. Гданьск) и Чехословакии — генерал-лейтенант Николай Николаевич Шиллинг (Прага), в Югославии, Румынии, Албании и Австрии — заведующий делами Корпуса императорских армии и флота генерал-лейтенант Константин Валерианович Апухтин (Белград), в Болгарии и Турции — генерал-майор Иван Иванович Горбов (София), в Соединенных Штатах Северной Америки, Канаде, Мексике и Южной Америке — действительный статский советник Василий Васильевич Вадковский (штат Девоншир), в Китае, Японии и странах Дальнего Востока — генерал-майор Николай Леонидович Жадвойн (Шанхай).

Для получения свидетельства на право ношения ордена требовалось подать прошение с указанием чина или звания; имени, отчества и фамилии; воинских частей, в которых служил проситель; боев и операций, в который он принимал участие; списка имеющихся наград и точного адреса проживания.

Условия эмигрантской жизни вызвали установление оплаты оформления права ношения знака ордена Святителя Николая. Иначе просто невозможно было бы наладить производство и организовать рассылку свидетельств. Для получения свидетельства предлагалось перевести совсем небольшую сумму на печатание бланков и почтовые расходы. Знаки ордена также приобретались самими кавалерами. Стоимость одного знака составляла 55 французских франка, а миниатюры (так называемого фразника) — 15 французских франков. Но никаких выплат, подобных дореволюционным взносам кавалеров императорских и царских орденов в Капитул орденов и наград, не устанавливалось. Участники войны, не имевшие средств, получали свидетельства, а в ряде случаев и знаки, бесплатно.

К 1937 г. большинство лиц, имеющих право на получение ордена, было награждено. Орденская комиссия закрыла свои отделы, кроме Главного

отдела в Сен-Бриаке под председательством начальника Канцелярии его императорского величества Гаральда (в православии Георгия) Карловича Графа. В США какое-то время продолжал еще работать Американский отдел под руководством генерала-от-инфантерии Александра Яковлевича Ельшина.

После Второй мировой войны имели место лишь единичные случаи обращений с ходатайствами о праве ношения ордена Святителя Николая Чудотворца, которые рассматривались в Собственной великого князя Владимира Кирилловича походной канцелярии. К концу XX в. орден фактически прекратил существование, так как уже почти не осталось лиц, имеющих непосредственное право на его получение по Статуту 1929 г.

Между тем Российский императорский дом, независимо от смены политических режимов, относился и относится с не меньшим уважением к подвигу участников последующих войн, служивших защите Родины.

Патриотическая позиция императорской семьи всегда была твердой, последовательной и бескомпромиссной. Члены императорской семьи 70 с лишним лет изгнания жили по паспортам беженцев-апатридов. В настоящее время глава Российского императорского дома великая княгиня Мария Владимировна и ее наследник цесаревич и великий князь Георгий Михайлович являются российскими гражданами (российские паспорта получены ими сразу, как это стало возможным, еще в 1992 г.). Императорская семья, несмотря на неприятие коммунистической богоборческой идеологии, всегда следила за событиями в СССР и России и с радостью воспринимала вести о народных успехах и достижениях. Этим патриотическим сознанием определялось, естественно, и отношение императорской семьи к Красной, затем Советской, а ныне Российской армии.

Еще в 1922 г., после окончания Гражданской войны, государь Кирилл Владимирович обратился к Красной и Белой армиям с такими словами: «Нет двух русских армий. Имеется по обе стороны рубежа российского единая Русская Армия, беззаветно преданная России, ее вековым устоям, ее традиционным целям. Она спасет нашу многострадальную Родину»¹⁶.

В своем Обращении от 12/25 ноября 1932 г. император Кирилл I утверждал, что Красные Армия и Флот «становятся той Русской силой, которая способна спасти Россию от внешнего нашествия, внутреннего распада и коммунистического насилия».

¹⁶ *Граф Г.К. Августейший блюститель государева престола государь великий князь Кирилл Владимирович. Мюнхен, 1922. С. 27–28: Обращение Блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича «К российскому воинству». Типографская печать. Сен-Бриак, 26 июля/8 августа 1922 г.*

«Русские воины, — писал в том же Обращении к красноармейцам государь, — Я обращаюсь к Вам. Ваша мощь — залог целостности и нерушимости Русского государства. Став вооруженной силой России, будучи неотъемлемой частью ее народа, Вы приняли на себя наследие многовековой славы Российских Армии и Флота, которые всегда стояли на страже Отечества и служили залогом международного мира. Ничто преходящее, наносное не может изменить сущности Вашего воинского служения. Вы уже осознали себя защитниками родной земли. Придет время, когда это сознание решит судьбу России. В настоящем Вы должны готовить себя к будущему. России нужны сильные Армия и Флот. (...) Ваш долг усилить мощь Армии и Флота, возвышать их дух, закалять дисциплину, упорно трудиться над их техническим совершенствованием»¹⁷.

Эти слова, некогда встреченные в штыки большей частью антисоветской эмиграции, свидетельствуют о государственной мудрости и истинном патриотизме императора Кирилла I, а также позволяют утверждать, что произошедшее в наши дни изменение Статута учрежденного им ордена Святителя Николая Чудотворца находится в полном соответствии с его идеями.

Император Кирилл I, несомненно, считал необходимым отмечать заслуги всех защитников Отечества. Подтверждение и развитие идей императора мы находим в письмах начальника Канцелярии его императорского величества Г.К. Графа. «Его Величество считает, — пишет он в 1932 г. одному из корреспондентов, — что Красная Армия должна сыграть решающее значение в судьбах России и что она все больше проникается национальным духом, а также в военном отношении находится в очень хорошем состоянии»¹⁸. Непосредственно на запрос по поводу возможности пожалования знака ордена св. Николая участникам Первой мировой войны, оказавшимся в рядах Красной армии, он ответил буквально: «Орден св[ятого] Н[иколая] Ч[удотворца] могут получать все участники войны, без различия политических верований»¹⁹ и затем развил и конкретизировал эту установку: «Раз человек состоял в Армии, то он имеет право на орден, а кто он такой — мужчина, женщина, ребенок, монархист, коммунист, социалист, русскоподанный или нет — не играет роли»²⁰.

¹⁷ АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 1: Обращение императора в изгнании Кирилла Владимировича к воинам Рабоче-крестьянской красной армии. Машинопись. Сен-Бриак, 12/25 ноября 1932 г.

¹⁸ АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 115. Письмо № 2039 капитану 2 ранга Евгению Николаевичу Шильдкнехту (Париж), 6 декабря 1932 года.

¹⁹ АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 109. Письмо № 564 генералу Ивану Ивановичу Горбову (Болгария), 8 августа 1929 года.

²⁰ АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 109. Письмо № 623 Василию Васильевичу Вадковскому (Нью-Йорк), 30 августа 1929 года.

Император в изгнании Кирилл I — учредитель
Императорского ордена Святителя Николая Чудотворца

Помня об этом и считая своим долгом всемерно способствовать возрождению боевого духа и традиций современных российских Вооруженных сил, в 2001 г. глава Российского императорского дома великая княгиня Мария Владимировна поручила своей Канцелярии изучить вопрос о возможностях возрождения ордена Святителя Николая Чудотворца на обновленных основаниях. Идея была обсуждена представителями Канцелярии главы Российского императорского дома и генерал-лейтенантом Михаилом Николаевичем Кожевниковым с начальником Военно-мемориального центра Вооруженных сил РФ генерал-майором Александром Валентиновичем Кирилиным, который поддержал замысел главы дома Романовых и доложил о нем 1-му заместителю начальника Генерального штаба генерал-полковнику Валерию Леонидовичу Манилову. В свою очередь, генерал-полковник В.Л. Манилов счел, что возрождение императорского ордена Святителя Николая Чудотворца и распространение права его получения на современных защитников Отечества будет иметь несомненную пользу, о чем представил доклад начальнику Генерального штаба генералу армии Анатолию Васильевичу Квашнину. Генерал А.В. Квашнин, а затем и Министр обороны РФ Сергей Борисович Иванов в своих резолюциях согласились с положительным заключением генерала В.Л. Манилова о правомерности и возможности награждения главой Российского императорского дома офицеров и генералов, в том числе состоящих на дей-

ствительной службе в Вооруженных силах и других силовых ведомствах Российской Федерации.

Получив предварительное согласие командования Вооруженных сил РФ, 4 августа 2001 г., в день своего тезоименитства²¹, великая княгиня Мария Владимировна подписала указ о внесении ордена св. Николая в число фамильных орденов Российского императорского дома, с одновременным введением в действие нового статута, распространяющего право получения этого ордена на военнослужащих Вооруженных сил РФ «за высокие личные показатели в служебной деятельности, храбрость и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга, за высокую боевую готовность войск и обеспечение обороноспособности России, за образцовое исполнение воинского долга военнослужащими подчиненных подразделений, частей, соединений, безупречное выполнение ими служебных обязанностей и достижение высокой боевой выучки»²².

Главный смысл возрождения ордена Святителя Николая великая княгиня Мария Владимировна сформулировала в последних словах своего указа: «Да будет знак Ордена Святителя Николая Чудотворца посильным воздаянием Российского Императорского Дома подвигу защитников Отечества, своими трудами и кровью послуживших созиданию величия нашей Державы во все времена».

Полным официальным названием ордена стало — «Императорский военный орден Святителя Николая Чудотворца». Он устроен в соответствии с классическими традициями орденской системы Российской империи, но также и с учетом некоторых особенностей, присущих современной наградной практике²³.

Как и прочие фамильные императорские ордена, орден Святителя Николая стал не только и не столько мемориальным знаком отличия,

²¹ День памяти святой равноапостольной Марии Магдалины, 22 июля/4 августа

²² Указ главы Российского императорского дома великой княгини Марии Владимировны о возрождении и реформировании военного ордена Святителя Николая Чудотворца. Машинопись. Сен-Бриак, 4 августа 2001 г.; Положение о военном ордене Святителя Николая Чудотворца и статут ордена. Машинопись. Сен-Бриак, 4 августа 2001 г.; Описание знаков военного ордена Святителя Николая Чудотворца. Машинопись. Сен-Бриак, 4 августа 2001 г. АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 1, Т. 3.

²³ Например, каждый знак имеет выгравированный на оборотной стороне на нижнем луче креста индивидуальный номер, указываемый также в грамоте. Принимая во внимание, что в современной наградной практике (как советской, так и постсоветской) ордена рассматриваются преимущественно как знаки отличия, в самом тексте грамоты на орден Святителя Николая указывается, что его пожалование сообщает потомственное (для первой степени) или личное (для второй и третьей степени) дворянское достоинство. Тем самым подчеркивается корпоративная природа императорских орденов.

сколько почетной корпорацией²⁴, члены которой (кавалеры) обладают корпоративной солидарностью, правами и обязанностями. Пожалование ордена теперь сообщает награжденным дворянское достоинство (кавалерам третьей и второй степени — личное дворянство²⁵, распространяемое и на супругу, а кавалерам первой степени — потомственное дворянство, распространяемое на супругу, всех детей, рожденных в законных браках (в том числе родившихся до пожалования), и вообще всех потомков по прямой мужской линии). Кавалеры обязаны по мере сил участвовать в просветительских, патриотических и благотворительных акциях ордена. Важно отметить, что никаких ограничений, связанных с общественно-политическими убеждениями, вероисповеданием и иными мировоззренческими устоями при награждении не существует. Это, разумеется, касается не только ордена Святителя Николая Чудотворца, но и всех прочих императорских и царских орденов. Российский императорский дом является внепартийной исторической институцией, служащей единению всех соотечественников, независимо от различий в их взглядах, на основе патриотизма и уважения к более чем 1000-летней истории России. Глава династии, безусловно, имеет свою четкую систему духовных, идейных и социокультурных ценностей и гражданскую позицию, но отмечает заслуги не только тех, кто разделяет ее принципы, но — и в первую очередь — тех, кто служит своей стране и народу.

В общем порядке старшинства российских императорских и царских орденов орден Святителя Николая поставлен за императорским орденом Святой Анны, выше императорского и царского ордена Святого Станислава. Но его место в орденской иерархии особо и уникально. Например, офицер запаса или в отставке, отличившийся впоследствии на гражданском поприще, может быть награжден высокими степенями старших фамильных орденов императорского дома. Но если Кавалерская дума сочтет возможным отметить его заслуги также и орденом Святителя Николая Чудотворца, то ему будет пожалована та степень, которая соответствует его воинскому званию. То есть, например, кавалер ордена Святой Анны первой степени в чине полковника будет награжден орденом Святителя Николая Чудотворца третьей степени.

²⁴ Знаки орденов суть лишь видимые символы принадлежности к этим корпорациям, а награждение заключается именно в возведении в достоинство кавалера, то есть члена ордена.

²⁵ В 2006 г. была введена четвертая степень, также сообщающая права личного дворянства. См. далее.

Наследственность права ношения знака ордена отменена. Лица, получившие орден по Статуту 1929 г. и по тому же Статуту в редакции 1938 г. почитаются: чины 1-го и 2-го класса по Табели о рангах как кавалеры первой степени, чины 3-го и 4-го класса — как кавалеры второй степени, чины 5–14-го классов и нижние чины — как кавалеры третьей степени. Это постановление учитывает гарантию 6-го пункта первого Статута ордена 1929 г. о предоставлении самим кавалерам, вдовам скончавшихся кавалеров и их детям особых прав и преимуществ, «которые разработает по возвращению в Россию особая комиссия, назначенная ВЫСОЧАЙШИМ повелением». Естественно, если бы возвращение в Россию императорского дома состоялось при жизни участников Первой мировой войны, то состав этих «прав и преимуществ» был бы иным. Но спустя 83 года после окончания войны права и преимущества могли выразиться только в духовно-символической сфере. Исходя из смысла данного положения указа великой княгини Марии Владимировны от 4 августа 2001 г., прямые потомки кавалеров, награжденных по статуту 1929 г., предъявив документы о награждении и о чине своего предка, имеют право получить свидетельство на его имя с указанием соответствующей степени и приобрести знак нового образца для хранения в семье (особенно если старый знак утрачен). Кроме того, все награжденные орденом Святителя Николая Чудотворца участники Первой мировой войны, не являвшиеся дворянами, посмертно приобрели права личного дворянства, сообщаемые пожалованием третьей и второй степенью ордена²⁶.

Все новые ходатайства о награждении на основании старого Статута отклоняются с момента реформы ордена, за исключением случаев личных обращений участников Первой мировой войны 1914–1918 гг. (в настоящее время это положение фактически утратило силу, так как таковых более не осталось в живых).

Знак ордена представляет собой четырехконечный равноконечный крест с расширяющимися концами, с лицевой стороны покрытый белой эмалью. Между концами креста расположены золотые романовские грифоны. На лицевой стороне знака в центре, в розетке, покрытой белой эмалью и обведенной золотой каймой, — золотой образ святителя Николая Чудотворца. На оборотной стороне знака в середине, в розетке надпись «За военные заслуги», посередине — круглый медальон, по окружности которо-

²⁶ Награжденные орденом Святителя Николая Чудотворца чины 1-го и 2-го классов по Табели о рангах, почитаемые как кавалеры первой степени (дающей потомственное дворянство), в любом случае, уже имели потомственное дворянское достоинство в соответствии со своим рангом.

го — девиз ордена «Долг-Честь-Отечество»²⁷. В левом луче — вензель императора Николая II; в правом луче — вензель императора в изгнании Кирилла I. В нижнем луче — номер знака. Знак первой степени имеет в диаметре 60 мм, знак второй степени — 50 мм, а знак третьей степени — 40 мм.

Знак первой степени прикрепляется на муаровой плечевой ленте Романовских цветов (бело-оранжево-черной) шириной 100 мм, которая носится через правое плечо; знак второй степени носится на шейной ленте шириной 45 мм; знак третьей степени — на колодке на левой стороне груди (ширина ленты 24 мм). Высшей степенью ордена является первая степень.

В первой редакции статуса в пункте 5 указывалось, что военнослужащие за отличия в боевых действиях награждаются орденом с изображением мечей, и только их награждение может производиться без соблюдения последовательности: начиная с генерал-полковников — знаком первой степени, генерал-майоров и генерал-лейтенантов — знаком второй степени. В пункте 6 говорилось, что при наличии у награжденного высшей степени низшие степени не носят, за исключением ордена с изображением мечей. Впоследствии установилась практика изображения мечей на всех без исключения знаках ордена Святителя Николая Чудотворца, и это было в 2006 г. утверждено главой Российского императорского дома. Соответствующие изменения были внесены в новую редакцию Статута от 27 сентября 2006 г.

С тех пор награждение производится последовательно, но генерал-полковники (и выше) могут сразу стать кавалерами первой степени, а генерал-лейтенанты — кавалерами второй степени²⁸.

При ношении ленты на планке без ордена устанавливалась разная ширина ленты: первой степени — 48 мм; второй степени — 36 мм; третьей степени — 24 мм. При высоте планки — 12 мм. Ленты первой и второй степени имели в центре миниатюрное условное серебряное изображение орденового знака. Различие ширины планок в зависимости от степеней отменено в 2006 г. Тогда же изменились миниатюрные символические обозначения степеней.

²⁷ На момент возрождения ордена Святителя Николая Чудотворца в 2001 г. в распоряжении Канцелярии главы Российского императорского дома и инициативной группы не было памятной записки П.П. Першина, и они не знали о предложенном им девизе: «За беззаветную верность и отечественные труды». Но аналогичные длинные и несколько архаичные варианты девизов были отвергнуты великой княгиней Марией Владимировной, и она остановилась на предложенном сотрудниками Военно-мемориального центра Вооруженных сил РФ кратком и насыщенном девизе, полностью отражающем смысл существования ордена и, в целом, всех защитников Отечества.

²⁸ Для генерал-майоров эта привилегия не сохранилась.

Свидетельство на право ношения ордена образца 1929 г.

Орденским праздником установлен день памяти святителя Николая Чудотворца — 6/19 декабря.

Награждение орденом производится указами главы Российского императорского дома по представлению Кавалерской думы.

Свидетельством о возведении в Николаевские кавалеры и о получении соответственной степени дворянского достоинства является Грамота, подписанная главой Российского императорского дома и заверенная председателем Кавалерской думы и печатью ордена. На обороте Грамоты указывается номер знака.

По традиции Российской Империи знаки ордена, как правило, приобретаются или заказываются кавалерами самостоятельно. В случае если кавалер по уважительным причинам не может приобрести знак, Кавалерская дума оказывает ему содействие.

Кавалеры имеют право преимущественного участия в благотворительной, просветительской и культурной деятельности Ордена во всех формах, дозволенных действующим законодательством Российской Федерации.

Первая торжественная церемония пожалования возрожденным орденом состоялась в день памяти его небесного покровителя 6/19 декабря 2001 г. в Культурном центре Вооруженных сил РФ (бывшем Екатерининском институте). Первыми кавалерами возрожденного военного ордена Святителя Николая Чудотворца первой степени стали²⁹ начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации генерал армии А.В. Квашнин, первый заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник Ю.Н. Балуевский, начальник Главного управления, заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник В.В. Корабельников, командующий войсками Северо-Кавказского Военного округа генерал-полковник Г.Н. Трошев, начальник штаба-первый заместитель командующего войсками Северо-Кавказского Военного округа генерал-полковник В.В. Булгаков, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (до июня 2001 г. — первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации) генерал-полковник В.А. Манилов, губернатор Московской области генерал-полковник Б.В. Громов.

В достоинство кавалеров второй степени были возведены начальник Главного управления воспитательной работы Вооруженных сил России генерал-полковник В.М. Азаров, заместитель командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-майор С.Н. Кизюн, командующий общевойсковой армией Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант В.В. Герасимов, командующий гвардейской общевойсковой Краснознаменной армией Московского военного округа генерал-лейтенант С.А. Макаров, губернатор Ульяновской области Российской Федерации (до февраля 2001 г. — командующий общевойсковой армией Северо-Кавказского военного округа) генерал-лейтенант В.А. Шаманов, начальник Военно-мемориального центра Вооруженных сил Российской Федерации генерал-майор А.В. Кирилин, генерал-лейтенант М.Н. Кожевников, а третьей степени — генерал-майор А.Н. Денисов, главный военный герольдмейстер полковник О.В. Кузнецов, полковник В.И. Безносилов, подполковник В.Ю. Кудейкин, полковник И.И. Громов и полковник Б.Н. Арутюнов.

20 декабря 2001 г. великая княгиня Мария Владимировна подписала указ о назначении членов Кавалерской думы военного ордена Святителя Николая Чудотворца числом пятнадцать человек по пяти кавалеров ордена каждой степени в соответствии со старшинством пожалования. Кавалерской думе предоставлено исключительное право ходатайствовать перед

²⁹ Все воинские звания и должности указаны на декабрь 2001 г.

главой Российского императорского дома о возведении в достоинство кавалеров ордена Святителя Николая.

За последующие годы николаевскими кавалерами стали руководители ряда силовых ведомств и родов войск, многие генералы и офицеры, как состоящие на действительной службе, так и находящиеся в запасе, ветераны Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и других войн XX в., представители духовенства, до принятия сана служившие в офицерских званиях в Вооруженных силах. В 2002 г. орден благословил Святтейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II³⁰.

К 2006 г. созрели предпосылки для усовершенствования положения и статута ордена. Во-первых, великая княгиня Мария Владимировна сочла упущением, что при возрождении ордена не была предусмотрена возможность награждения рядового состава. Во-вторых, по мере развития ордена Святителя Николая Чудотворца как корпорации возникли новые обстоятельства, и выявился ряд нюансов, предусмотреть которые сразу было невозможно.

К Пасхе 2006 г. Кавалерская дума представила главе Российского императорского дома проект обновленного положения и статута, в который ее императорское высочество внесла ещё несколько уточнений. Окончательно ныне действующая редакция положения и статута императорского военного ордена Святителя Николая Чудотворца³¹ была утверждена великой княгиней в Москве, в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, 27 сентября 2006 г.

В редакции 2006 г. Положение и пункт 1 статута остались неизменными. К знакам первой степени была добавлена звезда, что привело их в полное соответствие с российской орденской традицией. Также была введена четвертая степень ордена, сообщающая (как третья и вторая) права личного дворянства, и учреждены знаки отличия двух степеней для награждения

³⁰ 10 июня 2004 г. святтейший патриарх Алексий II стал кавалером ордена Святителя Николая Чудотворца (в силу сопричисления его святтейшества великой княгиней Марией Владимировной к высшему ордену Российского императорского дома Святого апостола Андрея Первозванного, пожалование которого одновременно сообщает награжденному права кавалера первой степени всех фамильных императорских и царских орденов). 20 ноября 2011 г. в силу такового же сопричисления к императорскому ордену Святого апостола Андрея Первозванного кавалером ордена Святителя Николая Чудотворца стал и святтейший патриарх Кирилл.

³¹ Положение о военном ордене Святителя Николая Чудотворца и статут ордена. С дополнениями, высочайше утвержденными 27 сентября 2006 г. Машинопись. Сен-Бриак, 4 августа 2001 г. и Москва, 27 сентября 2006 г.; Описание знаков военного ордена Святителя Николая Чудотворца. Вторая редакция. Машинопись. Москва, 27 сентября 2006 г. АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 1, Т. 3

рядового и младшего офицерского состава. Упразднено особое выделение лиц, участвовавших в боевых действиях — отныне мечи стали непременным атрибутом всех знаков ордена: «Между концами креста расположены на мечах золотые Романовские грифоны».

Внешний вид крестов первой, второй и третьей степени остался прежним.

Звезда для кавалеров первой степени выглядит традиционно: серебряная восьмилучевая с гранеными полированными лучами. В центре звезды в медальоне с золотым ободом в черном поле вензель святителя Николая Мирликийского³²: переплетенные буквы СН. По окружности медальона на оранжевом поле с золотой окантовкой — девиз ордена «Долг — Честь — Отечество» и лаврово-дубовые ветви, соединенные короной. Расстояние между противоположащими концами звезды 82 мм.

Знак ордена Святителя Николая четвертой степени представляет собою медальон с золотым ободом под короной, в черном поле которого изображение грифона. Ширина знака 10 мм, высота 14 мм. При размещении знака на холодном оружии к эфесу прикрепляется темляк черно-оранжево-белого цвета.

Знак отличия ордена Святителя Николая Чудотворца по размеру и общему виду такой же, как и знак третьей степени, но цельный и без эмалей: первой степени — из металла золотистого цвета, второй степени — из металла серебристого цвета.

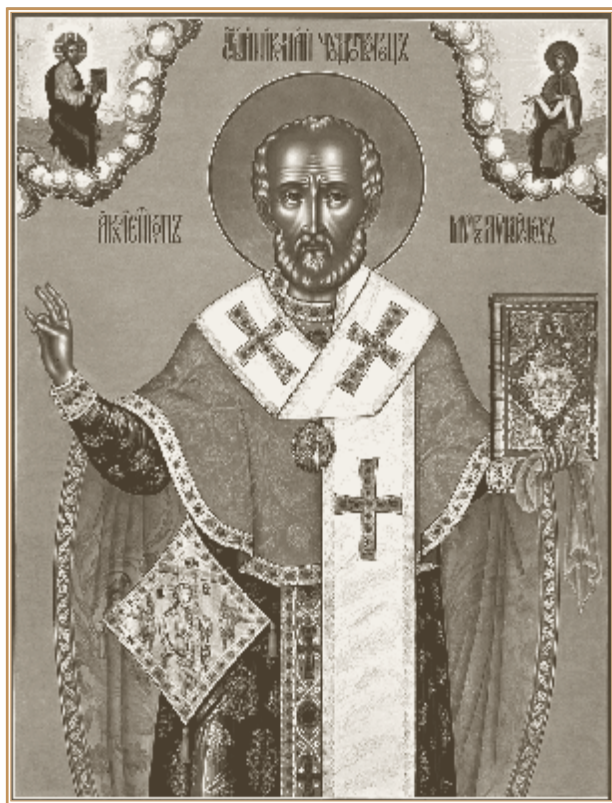
При ношении ленты на планке без ордена ленты ордена имеют в центре в миниатюре условное серебряное изображение: первой степени — звезды; второй степени — золотого грифона; третьей степени — серебряного грифона

Правило последовательного награждения сохранилось, но в исключительных случаях предусматривается пожалование ордена без соблюдения последовательности: генерал-полковников — орденом первой степени; генерал-лейтенантов — орденом второй степени; солдат (матросов), сержантов, старшин, прапорщиков (мичманов) — орденом четвертой степени.

Орденом первой, второй и третьей степени награждаются только офицеры; четвертой степени, кроме офицеров, могут награждаться солдаты (матросы), сержанты, старшины, прапорщики (мичманы) в исключительных случаях за боевые отличия.

Награжденный знаком отличия первой степени, имеющий стаж военнослужащего более 15 лет, по решению Кавалерской думы может быть представлен к военному ордену Святителя Николая Чудотворца третьей степени.

³² По образцу знаков ордена Святого Владимира

Храмовый образ святителя Николая Чудотворца — дар Николаевских кавалеров
Покровскому собору в Измайлово

Знаками отличия военного ордена награждаются солдаты (матросы), сержанты, старшины, прапорщики (мичманы): первой степени — за отличия, проявленные при выполнении задач в боевых условиях и в условиях, сопряженных с риском для жизни или за иные отличия, проявленные при выполнении воинского долга после награждения знаком отличия второй степени; второй степени — за иные отличия, проявленные при выполнении воинского долга. Знаки отличия военного ордена первой и второй степени носят на колодке на левой стороне груди.

При наличии у награжденного высшей степени ордена знаки низших степеней не носят, за исключением знака четвертой степени, который носит на наградном оружии с надписью на нем: «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ» и в петлице левого лацкана верхней одежды на левой стороне груди.

В настоящее время устройство и деятельность ордена Святителя Николая Чудотворца таковы.

Председателем Кавалерской думы является генерал-майор А.В. Кирилин, а ответственным секретарем — главный военный герольдмейстер и герольдмейстер г. Москвы полковник О.В. Кузнецов. Значительная часть

николаевских кавалеров объединилась в общественную организацию «Военное дворянство России», возглавляемую генерал-полковником В.А. Маниловым и Советом под председательством генерал-майора А.И. Миренкова. Это объединение оказывает помощь Кавалерской думе и сотрудничает с другими общественными организациями, объединенными уважением к историческим духовным ценностям и к Российскому императорскому дому.

Орден Святителя Николая стремится возрождать традиции меценатства, присущие орденским учреждениям Российской империи. Среди основных направлений этой работы особое место занимает участие в благотворительной деятельности Российского императорского дома и помощь Русской православной церкви в возрождении ее святынь. В частности, под особым попечением ордена находится Покровский собор в Измайлове.

В 2012 и 2013 гг. кавалеры ордена Святителя Николая приняли активное участие в праздновании, соответственно, 200-летия победы России и ее союзников в Отечественной войне 1812 года и 400-летия окончания Смуты, восстановления российской государственности и всенародного призвания на царство дома Романовых Великим собором 1613 г.

В настоящее время орден участвует в работе по возрождению памяти о подвигах участников Первой мировой войны в связи со 100-летием ее начала. Эта скорбная дата играет для ордена Святителя Николая особенную роль, так как его учреждение в 1929 г. связано именно с воспоминанием о событиях первого глобального конфликта в истории человечества.

Также николаевскими кавалерами уделяется большое внимание заботе о ветеранах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.³³ и других войн советского периода, увековечиванию памяти героев, сотрудничеству с государственными учреждениями, Русской православной церковью и другими традиционными конфессиями России и общественными организациями в области патриотического воспитания молодежи.

В современном мире династические ордена продолжают сохранять свое высокое значение. В странах с республиканской формой правления они не обладают государственным статусом, но, наряду с церковными орденами, представляют собой несравненно более значимое социокультурное явление, чем различные общественные знаки отличия и объединения награжденных. Фамильные ордена царственных династий (исторических

³³ Для истории ордена Святителя Николая Чудотворца весьма символично, что в год празднования 400-летия преодоления Смуты в достоинство его кавалера был возведен 100-летний ветеран Великой Отечественной войны подполковник Николай Игнатьевич Фурманов, родившийся в год празднования 300-летия дома Романовых в 1913 г.

институций, обладающих социокультурным суверенитетом), сохраняя преемственность с момента их учреждения выдающимися государями прошлого, в наше время во многом очистились от порожденных излишним честолюбием наслоений и вернулись к своему первоначальному предназначению — быть корпорациями, члены которых являются не просто носителями почетных украшений, а объединены духом рыцарственного братства, важными общественными обязанностями и особо глубоким сознанием долга перед Отечеством. Их существование обеспечивает поддержание связи с многовековыми традициями чести, милосердия и служения Родине. И чем более циничной, прагматичной и механистичной становится наша жизнь, тем больше мы нуждаемся в наличии этих драгоценных ниточек, соединяющих нас с великим прошлым и его бессмертными идеалами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**1915-02-09 Памятная записка о проекте ордена святого
Николая Чудотворца, поданная на высочайшее имя императора
Николая II художником-баталистом при Штабе верховного
главнокомандующего П.П. Першиным. Машинопись.**

Барановичи, 9 февраля 1915 г.

**«ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА
о проекте Ордена Св. Николая Чудотворца
в память Великой Отечественной войны 1914—1915 годов.**

В эти незабвенные дни Великой Отечественной войны, когда Россия одним вдохновенным призывом Ее Царственного Вождя—ГОСУДАРЯ свершает свой беспрецедентный подвиг христианства, полагая душу свою за братьев-славян; в эти дни, когда, вся нация, как один человек, слилась в единое сердце и душу с Ее Царствующей династией и беззаветно с Ней вышла на арену мировой борьбы, борьбы не за одни только лично-национальные интересы, а за светлую идею будущего, уже ни с чем не потрепаемого общечеловеческого мира, — в дни эти, все что есть русского в нации: ее жизнь, достоинство и дух — все по примеру с Высоты Царственного Престола, все принесено на алтарь Отечественного Величия. Заложен глубоко новый исторический эпос.

Но Судьбы народов в руках Промысла Божьего и Ему Единому ведомо, чем кончатся дни современья, но как бы и чем бы они ни кончились, — Россия уже и ныне величием ее человеческого духа и своею святою кровью, — царственно записала новую скрижаль мировой истории. А на скрижали этой неизгладимо начертаны будут и Имя Царя — Вдохновителя освободительной борьбы, Имя Верховного Вождя во главе с вождями самобытно-великой российской армии, имя всего русского народа и деяния его беспредельной гражданственности. К великим этим именам примкнут имена и союзных в борьбе народов. Этим начались первые дни и определился весь грядущий рубеж новой всемирной истории.

И вот ныне русскому верноподданному сердцу и думе, подсказана мысль об учреждении Нового Ордена Св. Николая Чудотворца Мирликийского с девизом: за беззаветную верность и отечественные труды согласно образцам при сем прилагаемым. Орден посвящен имени Св. Николая Чу-

дотворца, как Ангела Хранителя, ныне Знаменательного Царствующего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, а самое учреждение ордена определяется целью ознаменовать эпоху дней великой войны и увековечив память ее в грядущих поколениях о деяниях их отцов и братьев и тем [л. 1 об.] самым и впредь поощрить жертвы и труды национального долга Российского народа. . .

В идею предлагаемого ордена Св. Николая Чудотворца заложено желание, чтобы знаки его были не только отличительны ото всех ныне существующих Российских ИМПЕРАТОРСКИХ Орденов по внешнему их виду, но также отмечены были бы по символам ордена и тому статуту, который ордену Св. Николая Чудотворца был бы присвоен.

По внешнему своему виду знаки ордена Св. Николая — представляют собою белый эмалевый на золоте четырехконечный крест с написанным образом Святителя в центре креста в круглом золотом ободке с 4-мя вокруг ободка лежащими золотыми аллегорическими грифонами герба Царственного Дома Романовых.

На обороте орденского знака по золотому фону конечностей креста надпись цветной эмалью: «за беззаветную верность и отечественные труды», а на обороте центрального круга надпись «1915 год» — учреждение ордена.

Орденской лентой служит трехполосная юбилейная Романовская лента, цветов в порядке: белого, оранжевого и черного.

Символика ордена.

Символика его орденских знаков определена следующим образом:

1) Св. Николай Чудотворец Мирликийский есть Ангел Хранитель ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, но к тому же он есть и чтимейший Святитель не только Православно-христианской церковью и народно-религиозным чувством, но и многими христианскими религиями. — К сему же с именем Святителя и связаны вековые народные предания о Его Святом покровительстве Российской Державе и нации.

2) Четыре гербовые, Царствующего Дома Романовых, золотые грифоны, окружающие образ Святителя, знаменуют собою глубочайшее слияние Царствующей Династии с его верноподданными народом, особо сказавшееся в дни Великой войны.

3) Белая эмаль орденского креста выражает мысль о той чистоте народного чувства, которое так незабвенно засвидетельствовано в эти дни как там на полях битв, так и [л. 2] внутри отчизны.

И наконец — трехполосная орденская лента еще раз воплощает собою идею высокого служения Российского народа Отечеству и своему природ-

ному ГОСУДАРЮ — в черные дни години испытания Божественного промысла.

Статут ИМПЕРАТОРСКОГО ордена Св. Николая Чудотворца, предполагаемо, намечается тем, что ему присвоены будут 3 степени старшинства орденских знаков, отличие которых в степенях определяется как величиной, так и особыми украшениями, присвоенными старшинству орденского знака.

Внешнее отличие знаков приурочено также и роду награждаемых отечественных заслуг, как то: военных, военно-гражданских, духовно-военных; заслуг по учреждениям Красного Креста в эпоху войны и общегражданских; оказание активной помощи воинским чинам, сражающимся на полях битв, и эвакуированным.

Примечание: военные заслуги определяются активным трудом и призывом по мобилизации в ряды войс[к] и военных учреждений, хотя бы и не находящимся в действующей армии — только в дни текущей войны.

Таким образом предположено отличить военный орден Св. Николая от знаков ордена того же Святителя гражданских тем, что военному знаку ордена будут присвоены 2 скрещенных золотых меча, лежащие под гербовыми грифонами Царствующего Дома Романовых.

А знаки гражданского ордена Святителя Николая, награждающего заслуги по учреждениям Красного Креста, в сию кампанию и общественной помощи учреждением лазаретов, предположено отличить тем от знаков за общегражданские заслуги, что на знаках вышеупомянутого значения будет особое украшение: изображение Красного Креста по белому фону орденского знака, как то показано на прилагаемом образце.

Все три вида (по роду заслуг) орденских знаков в старшинстве их степеней, как уже упомянуто выше, предположено отличить их соотносительной друг другу величиной (размером) так:

3-я (низшая) степень орденского знака и военного с мечами и обоих видов гражданских, указана образцом военного знака в его натуральную величину. Орденская лента к 3-й степени сложена одной петлей для ноше [л. 2 об.] ния на грудной орденской колодке.

2-я степень тех же трех орденских знаков, отличается от предыдущей тем [же], что [и] орденская лента к нему — петлей и бантом (на грудной колодке).

1-я степень тех же орденских знаков есть увеличенный размер против образца, в натуральную величину, а во внешнем отличии ему будут присвоены алмазные украшения: — осыпь по ободку вокруг лика Святителя и

из тех же драгоценных каменьев, осыпь на гербовых грифонах и пряжке (орденской петле).

Первая степень шейный орден.

Наконец высший орден Святителя Николая Чудотворца и военный с мечами и обоих видов гражданский, представляет собою тот же белый крест (или с изображением Красного Креста), но еще более увеличенного, против прилагаемого образца. — Этот крест, без алмазных украшений, должен будет лежать на восьмиконечной серебряной звезде с чеканными излучениями, — звезда, носимая на груди с боку. — К ней орденская широкая через плечо лента, в концевом узле которой прикреплен уменьшенный [так в тексте. — А.З.] знак ордена 3-й степени.

[л. 3.] В качестве особого отличия к знакам всех степеней ордена Св. Николая Чудотворца желательно присвоить особую орденскую шпагу 3-х степеней с соответствующим отличием по степеням в украшениях ее эфеса.

Идея шпаги выполняется символическою связью с военной эпохой текущей Отечественной войны.

Образец означенной шпаги пре[д]положено представить дополнительно по изготовлению ее образца.

Далее: в виде особых привилегий, предпола[га]емо связуемых с особым значением учреждения ордена Св. Николая Чудотворца в память Великой Отечественной войны 1914 года, намечено следующее:

Орден Святителя Николая, не входя в роспись очередных награждений прочими ИМПЕРАТОРСКИМИ орденами, должен быть орденом, награждающим отечественные заслуги только лишь в дни Великой Отечественной войны, а впредь только наследственно (в порядке преемственности переходящим старшему в роде по мужской линии, при условии, особо отмеченной верности престолу и отечеству, или бескорыстной службы государственной и общественной не менее 10 лет).

Единовременное пожерт[в]ование капиталом или имуществом в пользу Государственных учреждений, общественных и благотворительных, дает право, как ныне, в дни войны, так и впредь — право на наследие ордена, со всеми его привилегиями, только в том случае, когда такого рода служение было начато ранее войны 1914 года не менее, как за пять лет до ее объявления, а впредь для наследования в порядке родовой преемственности — необходимо такое ежегодное пожертвование не менее протяжения 10 лет (из этого условия исключаются потомки военных чинов кампании сего года).

В виде усугубления особых привилегий ордена Святителя Николая, учреждаемого исключительно в память текущей войны, предлагается учре-

дять награждение правами и привилегиями дворянского достоинства в прямой связи со степенями старшинства ордена в следующем порядке:

Потомственное дворянство предположено связать со степенями ордена Св. Николая 1-й (шейный орденский знак) и высшей степени ордена (звезда с лентой через плечо).

[л. 3 об.] Личное дворянство со степенями ордена 2-й степени и 3-й, но со следующими различиями.

2-я степень — личное дворянство с правом передачи старшему в роде по мужской линии.

3-я степень личное дворянство без права передачи.

Дарование дворянского достоинства, по степеням старшинства орденских знаков обуславливается непременно:

1) Состояние в русском подданстве до эпохи войны не менее, как на протяжении одного поколения (50 лет).

2) Непринадлежность к податному сословию, для лиц которого устанавливается награждение потомственным и личным гражданством на тех же основаниях, как и личное дворянство.

В идею предполагаемого награждения обоими видами дворянского достоинства в связи с прочими вышеописанными привилегиями, даруемыми награждением орденом Св. Николая Чудотворца в исключительную память эпохи Отечественной войны 1914 года, легло следующее соображение:

Поредевшие ряды старого дворянства на протяжении минувшего столетия и особливо в эпоху Великой Отечественной войны, естественно заполняются рядами нового дворянства, заслужившего свои привилегии своею жизнью и отечественными трудами. Эти новые родоначальники будущих дворянских фамилий не преминут поставить священным долгом своим служение Престолу и Родине на началах беззаветной верности им, и тем самым создадут незыблемый оплот Природной Династии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Отечественной гра[ж]данственности — в духе естественно-исторической самобытности; что неотъемлемо должно быть связано с природой и достоинством Великой Русской народности.

Верноподданный ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Отечества своего батальной живописи

художник Петр Першин

1915 года 9-го февраля

Б а р а н о в и ч и».

**1929-08-01 Указ императора в изгнании
Кирилла Владимировича об учреждении
ордена Святителя Николая Чудотворца
в память Великой Мировой войны 1914—1918 гг. Машинопись.
Сен-Бриах, 1 августа 1929 г.**

/изображение герба Российской империи/

Благородное преклонение современников перед деяниями, возвеличивающими Родину, и забота о сохранении их бессмертной памяти для грядущих поколений — неизменно были свойственны всем великим народам как свидетельство здорового, творческого духа нации.

Умела чтить славные дела сынов своих и Великая Россия.

Святая Православная Российская Церковь устанавливала на вечные времена молитвенные поминовения героев в дни памятных годовщин.

Волею Венценосцев Российских были воздвигнуты многочисленные памятники перед лицом потомства, свидетельствующие о славе минувшего.

Усердие народное созидало по всему лицу Руси храмы в память великих событий былого, а исторические музеи и издания сохранили живо и в полноте картины и образы великого прошлого.

По примеру дедов и отцов святою обязанностью нашей должно быть достойное увековечение многотрудного жертвенного подвига Народа Русского в грозные годы Великой Мировой войны, грянувшей в 1914 году.

Но неслыханная смута замутила Землю Русскую. Бесславная чужеродная власть, поработившая Родину нашу, уже в течение более чем десяти лет прилагает все усилия, чтобы вытравить из сердца и сознания молчащего народа даже само воспоминание о прежнем величии Империи Российской, страшном для нее.

Вместе со всеми Русскими людьми я крепко верю, что Господь Вседержитель, в неисповедимых путях Своих испытующий сердца людей, выведет очищенную страданиями Россию к новой жизни, одушевленной верою в славное будущее по заветам славного прошлого.

Ныне же, в длянщиеся еще годы лихолетия, необходимым и своевременным нахожу Я во имя грядущей Великой России и священной для нас всех памяти Верховного Вождя Императорских Армии и Флота покойного Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА с признательностью посвятить русской народной верности, воинской доблести и гражданской жертвенности в страдные годы борьбы народов — орден Святителя Николая Чудотворца в память Великой Мировой войны.

В соответствии с сим утвердил Я образец этого ордена, который был одобрен покойным Государем Императором НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ, и повелел описание и Положение о нем объявить во всеобщее сведение.

Да будет этот видимый знак неразрывной связью нашей со славным прошлым, посильной данью благоговения нашего перед величавыми воспоминаниями исполинской борьбы Народа Русского и перед священной памятью лучших сынов России, в неслыханных битвах венчанных кровью и честью.

19 июля/1 августа 1929 года.

С[ен-]Бриак

*/на подлинном собственною его императорского величества
рукой подписано — Кирилл/*

АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 1, Т. 1

**1929-08-01 Положение и статут ордена Святителя Николая
Чудотворца в память Великой Мировой войны 1914—1918 гг.
Типографская печать**

Сен-Бриак, 1 августа 1929 г.³⁴

**Положение об Ордене
Св[ятителя] Николая Чудотворца
в память Великой Мировой войны 1914—1917 гг.**

По повелению ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА, в вековую память Пресветлого Мученика ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, Верховного Вождя доблестных старых Императорских Армии и Флота, и в воспоминание Великой Мировой Войны периода 19 июля ст[арого] ст[иля] 1914 года и по 1 марта 1917 года ст[арого] ст[иля], для всех лиц, принимавших участие в означенной войне в составе Российских Императорских Армии и Флота, Указом от 19 июля (1 августа) 1929 года учрежден Орден Святителя Николая Чудотворца как Святого Покровителя Царя-Мученика.

³⁴ В прямых скобках указаны добавления, содержащиеся в редакции статута от 7 сентября 1938 г.

Статут Ордена

1) Кавалерами Ордена Св[ятителя] Николая Чудотворца являются лица, которые в составе Российских Императорских Армии и Флота принимали участие в Великой Мировой Войне и были зачислены в их состав до 1 марта 1917 г. ст[арого] ст[иля] включительно.

Примечание: Кавалерами Ордена также являются лица, принадлежавшие к составам союзных России армий и флотов и принимавшие участие в Великой Мировой Войне в составе Российских Императорских Армии и Флота.

[(Пункт) 1 Положения, утвержденного Е[го] И[мператорским] В[еличеством] 28 марта 1936 г.: Кавалерами Ордена Св[ятителя] Николая Чудотворца для чинов союзных армий и флотов являются лица, которые принимали участие в Великой Мировой войне в составе союзных Российской Империи армий и флотов]

2) Все лица, погибшие во время действий в Великую Мировую Войну, и лица, умершие до момента учреждения сего Ордена, и находившиеся в составе Российских Императорских Армии и Флота во время нее, награждаются посмертно.

3) Лица, принимавшие непосредственное участие в делах и сражениях против неприятеля, получают к Ордено мечи.

4) Орден Св[ятителя] Николая Чудотворца является наследственным, и старший в роде по прямой линии наследник кавалера означенного Ордена имеет право носить знак оного при парадной форме.

5) Орденом праздником устанавливается день празднования Св[ятителя] Николая Чудотворца — 6 декабря ст[арого] ст[иля], день Тезоименитства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

6) Кавалерам Ордена — с мечами и без оных, вдовам кавалеров Орденов и их детям будут предоставлены особые права и преимущества, которые разработает по возвращению в Россию особая комиссия, назначенная ВЫСОЧАЙШИМ повелением [в редакции Статута от 7 сентября 1938 г.: «по Высочайшему повелению»].

Сие положение утверждено ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ 19 июля (1 августа) 1929 г. в Сен-Бриаке.

[в редакции Статута от 7 сентября 1938 г. после пункта 6 следуют примечания и дополнение:

Примечание 1 к Положению: Для лиц нехристианского вероисповедания взамен изображения Святителя помещается штампованный вензель Императора Николая II с короной.

Примечание 2 к Положению: Для чинов санитарного ведомства на орденском знаке помещается изображение красного креста.

Дополнение к Положению: Право ношения Ордена Св[ятителя] Николая Чудотворца распространяется также на лиц, которые принимали участие в Великой Мировой войне и после 1 марта 1917 г. ст[арого] ст[иля] по 23 октября/5 ноября ст[арого] ст[иля] того же года, на тех же основаниях, но с тем, что Орден носится не на романовской, а на национальной бело-сине-красной ленте]

Начальник Канцелярии Е[ГО] И[МПЕРАТОРСКОГО] В[ЕЛИЧЕСТВА]
Капитан 2-го ранга³⁵ Г. Граф

Императорский Штандарт, 1930, октябрь. № 4. С. 2—3

**1929-08—22 Дополнение к положению об ордене Святителя
Николая Чудотворца. Типографская печать**

Сен-Бриак, 22 августа 1929 г.

**Дополнение к Положению
об Ордене Св[ятителя] Николая Чудотворца
в память Великой Мировой Войны 1914—1917 гг.**

Право ношения Ордена Св[ятителя] Николая Чудотворца распространяется также на лиц, которые принимали участие в Великой Мировой Войне и после 1 марта 1917 г. ст[арого] ст[иля] по 23 октября ст[арого] ст[иля] того же года, на тех же основаниях, но с тем, что Орден носится не на Романовской, а на национальной — бело-сине-красной ленте.

Сие дополнение к Положению утверждено ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ 9/22 августа 1929 г. в С[ен-] Бриаке.

Начальник Канцелярии Е[ГО] И[МПЕРАТОРСКОГО] В[ЕЛИЧЕСТВА]
Капитан 2-го ранга Г. Граф

Императорский Штандарт, 1931, май. № 5. С. 20

³⁵ На 7 сентября 1938 г., когда была опубликована последняя редакция первого положения и статута ордена Святителя Николая Чудотворца, начальник Канцелярии его императорского величества Г.К. Граф являлся уже капитаном 1-го ранга.

2001-08-04 Указ главы Российского императорского дома великой княгини Марии Владимировны о возрождении и реформировании военного ордена Святителя Николая Чудотворца. Машинопись

Сен-Бриах, 4 августа 2001 г.

/изображение герба Российской империи/

УКАЗ № 1/Ник.— 2001

**БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ
ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА
ГЛАВА РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА
ВЕРХОВНАЯ НАЧАЛЬНИЦА РОССИЙСКИХ
ИМПЕРАТОРСКИХ И ЦАРСКИХ ОРДЕНОВ**

19 июля/1 августа 1929 года, во исполнение намерения и в память Царя-Мученика Николая II Александровича, Верховного Вождя доблестных старых Императорских Армии и Флота, блаженной памяти Дед Наш Государь Кирилл I Владимирович учредил Орден Святителя Николая Чудотворца для награждения ветеранов Великой Мировой Войны 1914–1918 годов. По первому Статуту Ордена право на его получение было предоставлено всем лицам, принимавшим участие в означенной Войне. Обстоятельства жизни в изгнании не позволили тогда учредить Орден Святителя Николая Чудотворца в полном соответствии с проектом, представленным в свое время Императору Николаю II Александровичу, а именно разделенным на три степени. Было установлено, что Орден Святителя Николая Чудотворца имеет лишь одну степень, является наследственным, и старшие в роде, по прямой линии, наследники кавалеров Ордена имеют право носить знак оного при парадной форме. Орден являлся мемориальным, а возможное изменение Статута и определение предоставляемых им прав и преимуществ были отнесены на будущее время, когда Наша Семья сможет вернуться на Родину.

В первые десятилетия после учреждения Ордена его кавалерами стали тысячи генералов, офицеров и нижних чинов, архиереи и иереи Русской Православной Церкви и Члены Нашего Дома, принимавшие участие в Великой Мировой Войне, чины санитарного ведомства и некоторые иностранные подданные, отличившиеся в боевых действиях в составе союзных России армий и флотов. Все они были удостоены этой награды за отвагу и мужество, проявленные при защите Российского Государства от внешнего противника. Однако с течением времени практически не осталось лиц,

имеющих непосредственное право на получение Ордена Святителя Николая Чудотворца по прежнему Статуту, так как подавляющее большинство из них уже предстали перед Господом.

Между тем Орден Святителя Николая Чудотворца был задуман как награда защитникам России. Мой Августейший Дед Государь Кирилл I Владимирович, несомненно, имел в виду будущее предоставление прав на получение Ордена Святителя Николая Чудотворца всем верным сынам Отечества, самоотверженно служившим его обороне. Еще в 1922 году, по окончании Гражданской Войны, обращаясь к воинам Красной и Белой Армий, Мой Дед провозгласил: «Нет двух русских армий. Имеется по обе стороны рубежа российского единая Русская Армия, беззаветно преданная России, ее вековым устоям, ее традиционным целям. Она спасет нашу многострадальную Родину».

Спустя десять лет, в своем Обращении к красноармейцам от 12/25 ноября 1932 года, Государь Кирилл I Владимирович утверждал, что Красные Армия и Флот «становятся той Русской силой, которая способна спасти Россию от внешнего нашествия, внутреннего распада и коммунистического насилия». «Русские воины, — писал Мой Дед, — Я обращаюсь к Вам. Ваша мощь — залог целостности и нерушимости Русского государства. Став вооруженной силой России, будучи неотъемлемой частью ее народа, Вы приняли на себя наследие многовековой славы Российских Армии и Флота, которые всегда стояли на страже Отечества и служили залогом международного мира. Ничто преходящее, наносное не может изменить сущности Вашего воинского служения. Вы уже осознали себя защитниками родной земли. Придет время, когда это сознание решит судьбу России. В настоящем Вы должны готовить себя к будущему. России нужны сильные Армия и Флот. Ваш долг усилить мощь Армии и Флота, возвышать их дух, закалять дисциплину, упорно трудиться над их техническим совершенствованием».

Эти слова, сказанные без малого 70 лет назад, сохранили всю свою силу и в наши дни. Они красноречиво свидетельствуют о том, что Августейший Учредитель Ордена Святителя Николая Чудотворца всегда высочайшим образом ценил воинское служение, независимо от того, какой политический строй существует на том или ином историческом этапе в России. Этой же позиции придерживался Мой в Бозе почивающий Отец Государь Владимир Кириллович, и этому же следуем Я и Мой Сын и Наследник — Государь Цесаревич и Великий Князь Георгий Михайлович. Посему Я всем сердцем желаю от имени Российского Императорского Дома воздать должное вкладу нынешнего поколения защитников Отечества в укрепление обороноспособности России.

Вновь имея теперь возможность быть на Родине и по мере сил Наших участвовать в процессе возрождения ее исторических устоев и традиций, сочли Мы за благо внести Орден Святителя Николая Чудотворца в число фамильных Орденов Наших, с одновременным введением в действие нового Статута, распространяющего право получения сего Ордена на военнослужащих Вооруженных сил России за высокие личные показатели в служебной деятельности, храбрость и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга, за высокую боевую готовность войск и обеспечение обороноспособности России, за образцовое исполнение воинского долга военнослужащими подчиненных подразделений, частей, соединений, безупречное выполнение ими служебных обязанностей и достижение высокой боевой выучки. В общем порядке старшинства Российских Императорских и Царских Орденов Орден Святителя Николая Чудотворца отныне следует за Орденом Святой Анны.

Наследственность права ношения Знака Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца отменяется. Лица, получившие Орден по Статуту 1929 года и по тому же Статуту в редакции 1938 года, почитаются: чины 1 и 2 класса по Табели о рангах как кавалеры Ордена Святителя Николая Чудотворца первой степени, чины 3 и 4 класса — как кавалеры Ордена Святителя Николая Чудотворца второй степени, чины 5—14 классов и нижние чины — как кавалеры Ордена Святителя Николая Чудотворца третьей степени. Все новые ходатайства о награждении на основании старого Статута отклоняются с момента подписания сего Указа Нашего, за исключением случаев личных обращений участников Великой Мировой Войны 1914—1918 годов.

Вслед за Моим Царственным Дедом, Я крепко верю, что Господь Вседержитель выведет очищенную страданиями Россию к новой жизни, одушевленной верою в славное будущее по заветам славного прошлого.

Да будет знак Ордена Святителя Николая Чудотворца посильным воздаянием Российского Императорского Дома подвигу защитников Отечества, своими трудами и кровью послуживших созиданию величия нашей Державы во все времена.

*/на подлинном собственной ее императорского высочества рукой
подписано — Мария/*

Е.И.В. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

*Дан в Сен-Бриаке,
22 июля/4 августа 2001 года
АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 1, Т. 3*

**2001-08-04 Положение о военном ордене Святителя
Николая Чудотворца и статут ордена. С дополнениями,
высочайше утвержденными 27 сентября 2006 г.**

Машинопись

*Сен-Бриаак, 4 августа 2001 г.
и Москва, 27 сентября 2006 г.*

**ПОЛОЖЕНИЕ
О ВОЕННОМ ОРДЕНЕ
СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА**

Военный Орден Святителя Николая Чудотворца учрежден во исполнение воли Государя Николая II Александровича его преемником Государем Кириллом I Владимировичем 19 июля/1 августа 1929 года для награждения ветеранов Великой Мировой Войны 1914—1918 годов. Указом Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии I Владимировны, Верховной Начальницы Российских Императорских и Царских Орденов от 22 июля / 4 августа 2001 года Военный Орден Святителя Николая Чудотворца включен в число фамильных Орденов Российского Императорского Дома с одновременным введением в действие нового Статута, распространившего право получения сего Ордена на военнослужащих Российской Федерации.

**СТАТУТ
ВОЕННОГО ОРДЕНА
СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА**

1. Военным Орденом Святителя Николая Чудотворца награждаются военнослужащие:

- за высокие личные показатели в служебной деятельности, храбрость и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга;
- за высокую боевую готовность войск и обеспечение обороноспособности Российской Федерации;
- за образцовое исполнение воинского долга военнослужащими подчиненных подразделений, частей, соединений, безупречное выполнение ими служебных обязанностей и достижение высокой боевой выучки.

2. Военный Орден Святителя Николая Чудотворца имеет четыре степени и знаки отличия Военного Ордена³⁶:

— Военный Орден Святителя Николая Чудотворца первой степени имеет знак на плечевой ленте, которая носится через правое плечо, и звезду, которая носится на левой стороне груди³⁷;

— Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца второй степени носится на шейной ленте;

— Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца третьей степени носится на колодке на левой стороне груди.

— Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца четвертой степени носится на наградном оружии с надписью на нем: «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ» и в петлице левого лацкана верхней одежды (на левой стороне груди)³⁸.

— Знаки отличия Военного Ордена первой и второй степени носятся на колодке на левой стороне груди³⁹.

Высшей степенью Ордена является первая степень. Кавалеры Ордена первой степени приобретают права потомственного дворянского достоинства, а кавалеры второй, третьей и четвертой⁴⁰ степени — права личного дворянского достоинства.

Знаками отличия Военного Ордена награждаются солдаты (матросы), сержанты, старшины, прапорщики (мичманы):

первой степени — за отличия, проявленные при выполнении задач в боевых условиях и в условиях, сопряженных с риском для жизни, или за иные отличия, проявленные при выполнении воинского долга после награждения знаком отличия второй степени;

второй степени — за иные отличия, проявленные при выполнении воинского долга⁴¹.

3. Награждение Военным Орденом Святителя Николая Чудотворца производится Указами Главы Российского Императорского Дома по пред-

³⁶ В редакции статута 2001 г.: «Военный Орден Святителя Николая Чудотворца имеет три степени».

³⁷ В редакции статута 2001 г.: «Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца первой степени прикрепляется на плечевой ленте, которая носится через правое плечо».

³⁸ В редакции статута 2001 г. данный подпункт отсутствует.

³⁹ В редакции статута 2001 г. данный подпункт отсутствует.

⁴⁰ В редакции статута 2001 г. отсутствует упоминание четвертой степени.

⁴¹ В редакции статута 2001 г. весь подпункт о знаках отличия военного ордена Святителя Николая Чудотворца отсутствует.

ставлению Орденской Думы. Грамоты на право ношения Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца всех степеней подписываются лично Главой Российского Императорского Дома и заверяются подписью Председателя Орденской Думы.

4. Награждение Военным Орденом Святителя Николая Чудотворца производится последовательно. В нижеследующих исключительных случаях награждение Военным Орденом Святителя Николая Чудотворца может производиться без соблюдения последовательности:

- генерал-полковников — Военным Орденом Святителя Николая Чудотворца первой степени;
- генерал-лейтенантов — Военным Орденом Святителя Николая Чудотворца второй степени;
- солдаты (матросы), сержанты, старшины, прапорщики (мичманы) — Военным Орденом Святителя Николая Чудотворца четвертой степени.

Военным Орденом Святителя Николая Чудотворца первой, второй и третьей степени награждаются только офицеры; четвертой степени, кроме офицеров, могут награждаться солдаты (матросы), сержанты, старшины, прапорщики (мичманы) в исключительных случаях за боевые отличия.

Награжденный знаком отличия первой степени, прослуживший в качестве военнослужащего более 15 лет, по решению Кавалерской Думы может быть представлен к Военному Ордену Святителя Николая Чудотворца третьей степени⁴².

5. При наличии у награжденного высшей степени Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца знаки низших степеней этого Ордена не носят, за исключением знака Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца четвертой степени⁴³.

⁴² В редакции статута 2001 г. аналогичные положения были сформулированы в пункте 5 следующим образом: «Награждение Военным Орденом Святителя Николая Чудотворца, за исключением случаев награждения Орденом с изображением мечей, производится последовательно. Награждение Военным Орденом Святителя Николая Чудотворца с изображением мечей может производиться без соблюдения последовательности: — генерал-полковников — знаком Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца первой степени; — генерал-майоров, генерал-лейтенантов — знаком Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца второй степени».

⁴³ В редакции статута 2001 г. аналогичные положения были сформулированы в пункте 6 следующим образом: «При наличии у награжденного высшей степени Ордена низшие степени этого Ордена не носят, за исключением Ордена с изображением мечей».

6. Орденским Праздником устанавливается день празднования Святителя Николая Чудотворца — 6/19 декабря⁴⁴.

*/на подлинном собственной ее императорского высочества рукой
подписано — Мария/*

Е.И.В. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

*Сен-Бриак, 22 июля/4 августа 2001 года
[Обновленная редакция положения и статута ордена Святителя
Николая Чудотворца утверждена 27 сентября 2006 г. в Москве]*

2001-08-04 Описание знаков военного ордена Святителя Николая Чудотворца. Первая редакция. Машинопись

Сен-Бриак, 4 августа 2001 г.

ОПИСАНИЕ ЗНАКОВ ВОЕННОГО ОРДЕНА СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

Военный Орден Святителя Николая Чудотворца состоит из Знака и Романовской (бело-желто-черной) ленты.

Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца первой степени из золота представляет собой четырехконечный равноконечный крест с расширяющимися концами, с лицевой стороны покрытый белой эмалью. Между концами креста расположены золотые Романовские Грифоны. Расстояние между концами креста — 60 мм. По краям креста — узкий выпуклый рант. На лицевой стороне знака в центре, в розетке, покрытой белой эмалью и обведенной золотой каймой — золотой образ Святителя Николая Чудотворца.

На оборотной стороне Знака в середине, в розетке надпись «За военные заслуги», посередине — круглый медальон, по окружности которого — де-

⁴⁴ В редакции статута 2001 г. это установление было сформулировано в пункте 7.

виз «Долг-Честь-Отечество». В левом луче — вензель Николая II; в правом луче — вензель Кирилла I. В нижнем луче — номер Знака. Знак прикрепляется к ленте шириной 100 мм.

Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца второй степени — тот же Знак, что и первой степени, но из серебра с позолотой, с расстоянием между концами креста 50 мм, носится на шее на ленте шириной 45 мм.

Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца третьей степени — тот же знак из серебра с позолотой с расстоянием между концами креста 40 мм, прикрепляется при помощи ушка и кольца к пятиугольной колодке, обтянутой лентой шириной 24 мм.

Знаки Ордена, вручаемые военнослужащим за отличия в боевых действиях, имеют между концами креста в основании Романовских Грифонов мечи.

При ношении ленты на планке без Ордена:

- Первой степени — ширина ленты 48 мм;
- Второй степени — ширина ленты 36 мм;
- Третьей степени — ширина ленты 24 мм.

Ленты Орденов первой и второй степени имеют в центре миниатюрное условное серебряное изображение Орденского Знака.

Высота планки — 12 мм.

*/на подлинном собственной ее императорского высочества рукой
подписано — Мария/*

Е.И.В. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Сен-Бриак, 22 июля/4 августа 2001 года

АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 1, Т. 3

2006-09—27 Описание знаков военного ордена Святителя
Николая Чудотворца. Вторая редакция.
Машинопись

Москва, 27 сентября 2006 г.

ОПИСАНИЕ
ВОЕННОГО ОРДЕНА
СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

Военный Орден Святителя Николая Чудотворца первой степени имеет Знак и звезду, других степеней — только знак. Лента ордена — Романовская (бело-желто-черная), муаровая.

Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца первой степени из золота представляет собой четырехконечный равноконечный крест с расширяющимися концами, с лицевой стороны покрытый белой эмалью. Между концами креста расположены на мечах золотые Романовские Грифоны. Расстояние между концами креста — 60 мм. По краям креста — узкий выпуклый рант. На лицевой стороне знака в центре, в розетке, покрытой белой эмалью и обведенной золотой каймой — образ Святителя Николая Чудотворца.

На оборотной стороне Знака в середине, в розетке надпись «За военные заслуги», посередине — круглый медальон, по окружности которого — девиз «Долг-Честь-Отечество». В левом луче — вензель Николая II; в правом луче — вензель Кирилла I. В нижнем луче — номер Знака. Знак прикрепляется к ленте шириной 100 мм.

Звезда серебряная восьмилучевая с гранеными полированными лучами. В центре звезды в медальоне с золотым ободом в черном поле вензель Св[ятителя] Николая: СН. По окружности медальона на оранжевом поле с золотой окантовкой — девиз ордена «ДОЛГ-ЧЕСТЬ-ОТЕЧЕСТВО» и лаврово-дубовые ветви, соединенные короной. Расстояние между противоположными концами звезды 82 мм.

Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца второй степени — тот же Знак, что и первой степени, но из серебра с позолотой, с расстоянием между концами креста 50 мм, носится на шее на ленте шириной 45 мм.

Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца третьей степени — тот же знак из серебра с позолотой с расстоянием между концами креста 40 мм, прикрепляется при помощи ушка и кольца к пятиугольной колодке, обтянутой лентой шириной 24 мм.

Знак Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца четвертой степени — медальон с золотым ободом под короной, в черном поле которого изображение грифона. Ширина знака 10 мм., высота 14 мм.

При размещении Знака на холодном оружии к эфесу прикрепляется темляк черно-оранжево-белого цвета.

Знак отличия Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца — тот же знак, что и третьей степени, но цельный и без эмалей: первой степени — из металла золотистого цвета, второй степени — из металла серебристого цвета.

При ношении ленты на планке без Ордена ленты Ордена имеют в центре в миниатюре условное серебряное изображение:

I степени — звезды;

II степени — золотого грифона;

III степени — серебряного грифона

*/на подлинном собственноручной ее императорского высочества рукой
подписано — Мария/*

Е.И.В. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

*Москва, 14/27 сентября 2006 года
Воздвижение Честного и Животворящего
Креста Господня*

АРИД, Ф. 8, Оп. 1, Д. 1, Т. 3

Ключевые слова:

орден Святителя Николая Чудотворца, Первая Мировая война, Российский императорский дом Романовых, император Николай II, император Кирилл I, великая княгиня Мария Владимировна, Вооруженные силы РФ, императорские и царские ордена, историческая институция, социокультурный суверенитет, Кавалерская дума, Военное дворянство России

Aleksandr N. Zakatov

IMPERIAL MILITARY ORDER OF SAINT NICHOLAS THE WONDERWORKER 1929–2014

The article “Imperial Military Order of Saint Nicholas the Wonderworker. 1929–2014” covers the history of this honorable corporation of the Russian Imperial House from the date of its foundation by the exiled Emperor Cyril Vladimirovich in 1929 to the present. Information on reforming the Order statute by the head of the House of Romanov, the Grand Duchess Maria Vladimirovna, in 2001, on contemporary activities of the Order Knights and its significance for the Armed Forces and other law enforcement agencies of modern Russia, is the author’s primary concern.

 Закатов Александр Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории и культуры Московского государственного университета геодезии и картографии, член Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия

А.Ф. Кацис

ИЗ ЖИЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: А.Г. ГАБРИЧЕВСКИЙ КАК «АГЕНТ» Н.С. ТРУБЕЦКОГО

Предлагаемая работа представляет собой не совсем традиционную попытку комментария к специфическим биографическим документам деятелей русской культуры, которые остались в СССР, но хоть какими-то способами пытались сохранить себя в 1920–1930-е гг.

Понятно, что в большинстве случаев это приводило к арестам, ссылкам и т. д. Поэтому неудивительно, что наиболее достоверные сведения о некоторых эпизодах жизни и деятельности этих людей сохранились в документах НКВД или реабилитационных документах КГБ и Генеральной прокуратуры СССР времен перестройки 1980–1990-х гг.

На одном из таких примеров мы и остановимся.

Это очень показательный случай того, как в документах НКВД перемешивались правда и ложь, интеллигентские мечтания о крахе советской власти и любительские попытки что-то ей противопоставить наряду с аналогичными попытками эмигрантских кругов найти себе идеологическую поддержку в СССР. Однако, как мы увидим, все эти действия контролировались с обеих сторон все теми же советскими «соответствующими» органами. К тому же определить степень откровенности советских людей, встречавших своих бывших коллег за границей, сегодня и вовсе трудно.

Ведь и эмигрантские деятели, и советские чекисты совсем не стремились раскрывать источники своих представлений. Только у эмигрантов они были большей частью мифологическими или присланными НКВД, а «доблестные» советские органы с успехом использовали эту мифологию для фабрикации разного рода «Центров», по делам которых погибло столько замечательных людей, порой ничего не подозревавших о своем в них членстве. Но случай, о котором мы будем писать здесь, — иной.

Материалом нам послужат две замечательные книги, которые вышли в 2010 и 2011 гг. и авторы которых никак не могли ориентироваться друг на друга. Это книга документов об Александре Георгиевиче Габричевском¹ и монография Сергея Глебова «Евразийство между империей и модерном», где опубликовано более 500 страниц писем Н.С. Трубецкого, мелькнувшего на страницах книги о Габричевском².

В известном смысле наша статья является попыткой ответа на методологический вопрос: что лучше — публиковать исторические документы как исторические документы (так поступили О.С. Северцева и В.И. Мильдон в книге о Габричевском) или включать документы в монографию в рамках проекта исследований Российской империи, выполняемых журналом *Ab Imperio* (как поступил С. Глебов), где даже догадаться о том, что перед нами квалифицированная публикация, можно, только если взять книгу в руки. Не говоря уже о том, что до сих пор не опубликованный полностью сохранившийся корпус евразийской переписки препятствует свободному теоретизированию.

Мы выбрали третий путь: микроанализ одного из эпизодов в каждой из книг, связанный с именем одного и того же не самого известного персонажа. Это позволило нам не только соединить документальные комплексы, созданные с противоположными целями и прокомментированные по-разному, но и найти пути их взаимодополнительного использования.

30 марта 1989 г. и.о. помощника Генерального прокурора Российской Федерации Г.Ф. Весновская, выдавая Справку о реабилитации, составила «Заключение в отношении Габричевского А.Г.», в котором написала, в частности, что профессор «был связан с одним из руководителей русского национал-фашистского центра за границей — б. Князем Трубецким через приезжавшего в СССР австрийского писателя Фюлоп-Миллера, которого информировал о настроениях интеллигенции...» (Г. Стр. 703).

¹ Александр Георгиевич Габричевский: Биография и культура: документы, письма, воспоминания: В 2 кн./Сост. О.С. Северцева. М., 2011.

² Глебов С. Евразийство между империей и модерном. История в документах. М., 2010.

Эта формулировка восходила к материалам целого специального Протокола допроса А.Г. Габричевского от 7 мая 1935 г., который есть смысл привести полностью.

ВОПРОС. На допросе 23 апреля 1935 г. вы следствию сообщили, что встречались в Москве в домашней обстановке с работником германского посольства Гензелем. С кем вы еще из иностранцев встречались на квартире?

ОТВЕТ. Точно ответить не могу. Возможно, кто-нибудь с Гензелем приходил, но ни имени, ни фамилии не помню.

ВОПРОС. Почему вы скрываете от следствия свою встречу с иностранцем, состоявшуюся у вас дома на квартире в 1927 г.? (Г. Стр. 254).

Здесь обращает на себя внимание «изящный» перескок от сотрудника гитлеровского посольства 1935 г. к истории 1927 г., когда еще никаких фашистских посольств Германии в Москве не было.

В нашу задачу сейчас не входит анализ всего т. н. дела «Немецко-русского словаря», по которому были арестованы деятели Государственной академии художественных наук (ГАХН), включая Г.Г. Шпета (об этом достаточно написано в книге о Габричевском), однако дело 1935 г. о «национал-фашистской группе» словаря было плотно привязано к временам ГАХН.

Читаем дальше.

ОТВЕТ. Да, припоминаю, что в 1927 г. я имел встречу у себя на квартире с иностранцем Фюлоп-Миллером.

ВОПРОС. Кто он?

ОТВЕТ. Фюлоп-Миллер — венский журналист, приезжавший в СССР изучать рукописи и дневники Достоевского.

ВОПРОС. Как вы познакомились?

ОТВЕТ. Фюлоп-Миллера привел ко мне Петровский М.А. Он с ним и познакомил.

ВОПРОС. Кто присутствовал при вашей встрече с Фюлоп-Миллером?

ОТВЕТ. При моей встрече с Фюлоп-Миллером присутствовал только Петровский М.А.

ВОПРОС. Зачем приходил к вам Фюлоп-Миллер?

ОТВЕТ. Фюлоп-Миллер собирал материалы о Достоевском, и наша беседа носила литературоведческий характер.

ВОПРОС. О чем вы еще говорили с Фюлоп-Миллером? (Г. Стр. 255).

Ответ на этот вопрос наиболее принципиален для нас. Так как сам факт постановки вопроса и уклончивость ответа свидетельствуют и об осведомленности следователя о нужном ему ответе, и о том, что профессор Габричевский был вынужден отвечать на вопрос в формулировке, нужной следователю. Позже мы в этом убедимся.

А.Г. Габричевский

ОТВЕТ. Допускаю, что при нашей встрече Фюлоп-Миллер наряду с вопросами о Достоевском интересовался положением интеллигенции.

ВОПРОС. Вы сообщили ему о положении интеллигенции?

ОТВЕТ. Являясь враждебно настроенным по отношению к советской власти, я в беседе с Фюлоп-Миллером не скрывал этой враждебности и, кроме того, указал ему, что не только я, но и целый ряд других научных работников так же враждебно относятся к советской власти. Я Фюлоп-Миллеру высказал также свое мнение о том, что в Советском Союзе интеллигенция подвергнута постоянным гонениям, лишена свободы слова.

ВОПРОС. Что вам на это ответил Фюлоп-Миллер?

ОТВЕТ. Не помню (Г. Стр. 255).

Далее последовали вопросы о Петровском, смысл и значение которых станут ясны чуть ниже.

ВОПРОС. Петровский принимал участие в вашей беседе с Фюлоп-Миллером?

ОТВЕТ. Да, Петровский присутствовал при моей беседе с Фюлоп-Миллером, но говорил мало, т. к. слабо владеет немецким языком (Г. Стр. 255).

Последнее предположение относительно филолога и теоретика литературы, готовившего вместе с С. Шервинским и А. Габричевским юбилейное собрание сочинений И.-В. Гёте, звучит смехотворно и годится лишь для малограмотного сотрудника органов. Однако, похоже, Габричевский как-то пытается отвести удар от коллеги по несчастью.

Как видно из ответов Габричевского, теперь уже ни о каких предположениях о «допущении» неудобных вопросов австрийским визитером не идет. Разговор излагается подробно и ясно. К тому же нет никаких

сомнений в том, что говорил Габричевский своему визитеру чистую правду. Другое дело, откуда это все узнал НКВД...

Однако на этом познания энкавэдэшников не кончаются. И следующий вопрос не менее интересен, чем разобранный.

ВОПРОС. Вам известно, что Фюлоп-Миллер приезжал в СССР по поручению бывшего князя Трубецкого?

ОТВЕТ. Нет, я этого не знал.

ВОПРОС. А Петровский вам об этом говорил?

ОТВЕТ. Нет, не говорил.

ВОПРОС. На допросе 5 апреля Петровский следствию сообщил, что Фюлоп-Миллер приезжал в СССР по поручению бывшего князя Трубецкого и, будучи у вас на квартире, вербовал вас в контрреволюционную организацию. Дайте показания по этому вопросу.

ОТВЕТ. Никаких прямых предложений о вступлении в контрреволюционную организацию мне Фюлоп-Миллер не делал. Повторяю, я не знал, что Фюлоп-Миллер приехал в СССР по поручению Трубецкого. Познакомил меня с Фюлоп-Миллером Петровский. Но признаю, что моя беседа носила контрреволюционный характер, и он в результате беседы мог иметь на меня виды как на одного из представителей интеллигенции, враждебно настроенного по отношению к власти (Г. Стр. 255).

21 марта 1942 г. НКВД при новом аресте Габричевского вернулся к интересующей нас встрече. В этом допросе прибавились интересные подробности после отказа подследственного признать другие встречи антисоветскими.

ВОПРОС. А встреча с Фюлоп-Миллером?

ОТВЕТ. Встреча с Фюлоп-Миллером, состоявшаяся у меня на квартире в 1926—27 гг. (Sic! — Л.К.) в присутствии Петровского М.А. и проф. литературоведа Бродского Николая Леонтьевича, действительно носила антисоветский характер. Я в беседе с Фюлоп-Миллером высказывал свое враждебное отношение к советской власти и, кроме того, указал ему, что не только я, но и целый ряд других научных работников также относятся враждебно к советской власти. Тут же я ему высказал свое мнение о том, что в Советском Союзе интеллигенция подвергнута постоянным гонениям, лишена свободы слова.

ВОПРОС. А почему вы не говорите о том, что Фюлоп-Миллер приезжал в СССР по поручению князя Трубецкого и, будучи у вас на квартире, вербовал вас в контрреволюционную организацию?

ОТВЕТ. В контрреволюционную организацию Фюлоп-Миллер меня не вербовал, а о том, что он приезжал в СССР по поручению бывшего князя Трубецкого, мне до момента следствия в 1935 г. ничего не было известно (Г. Стр.321).

Н.С. Трубецкой

Прежде всего отметим, что сдвиг даты в 1942 г. от 1927 назад к 1926 г. принципиально значим. В 1927 г. был разоблачен «Трест». В этом случае не очень ясно, в какую именно организацию вербовал (по мнению НКВД) австрийский литературовед историка и теоретика архитектуры Габричевского. Получается, что в евразийскую. Но ясных сведений о евразийском подполье в СССР у нас нет.

Показаниями Петровского, на которые ссылается следствие, мы не располагаем. Однако, насколько нам известно, Н.Л. Бродский во встречах с эмиссаром лидера евразийцев никогда не обвинялся.

Более того, в недавно опубликованной упоминавшейся переписке Трубецкого с Сувчинским нашлось место и для австрийского достоевсковеда, и для записей бесед советских интеллигентов с евразийцами. Однако с датами и здесь не все совпадает со сведениями, которые использовал НКВД в допросах гахновцев и участников Немецко-русского словаря.

Вот что мы узнали из переписки Сувчинского и Трубецкого, которая публикуется во все больших объемах и разных составах, на сей раз о таинственном австрийском эмиссаре Трубецкого.

Скажем сразу, что сведения эти не очень коррелируют со сведениями НКВД. Более того, то, что говорит о нем Трубецкой, заставляет предположить многое, вплоть до сотрудничества с советскими институтами. «Какой-то господин Fullop-Muller, написавший книгу “Russland von heute” с роскошными иллюстрациями и с довольно убогим (сменовеховским) содержанием, привез из России какие-то письма, но хочет передать их мне лично и об чем-то со мной поговорить. Слыхали ли Вы что-нибудь об этом типе?» — спрашивал Трубецкой Сувчинского (Т. Стр. 234).

Итак, к 1923 г. Трубецкой и Фюлоп-Миллер знакомы не были, а идеология его книг о России ни при каких условиях не могла устроить лидера евразийцев. Впрочем, как известно, у сменовеховцев были вполне прямые контакты с евразийцами да и с течением времени отношения могли измениться. К тому же и находившемуся под следствием Петровскому могло быть даже выгодно рассказывать о некоей встрече 1927 г., если какая-то предыдущая встреча (предположим, названного в письме 1923 г.) была в сто раз опаснее разговоров после разоблачения «Треста».

В заключение этой части нашего сюжета приведем две взаимодополнительные биографические справки об австрийском визитере, которые приведены в переписке Трубецкого с Сувчинским и в книге о Габричевском.

«Фюлоп-Миллер (1891–1963) был автором многочисленных книг о России и Индии и автором предисловий к изданиям Ф.М. Достоевского. О какой именно книге Фюлопа пишет здесь Н. [С.]Трубецкой, установить не удалось» (Т. Стр. 235). В свою очередь, составители книги о Габричевском дают без ссылок на источники такую информацию: «Фюлоп-Миллер Рене (1891–1963), австрийский писатель, журналист, приезжавший в СССР в связи со своей научной деятельностью. Читал Доклады в ГАХН в Москве, а также в Ленинграде» (Г. Стр. 767).

В любом случае, роль этого человека и в истории репрессий против советской интеллигенции, и, возможно, в операциях НКВД еще предстоит прояснить и понять.

Однако и сам 1927 г. в свете новых писем Трубецкого начинает выглядеть очень характерно. Ведь известно, что публичное разоблачение «Треста» имело место в апреле 1927 г., а допросы Петровского, на которых стали выясняться подробности встречи с «эmissаром» Трубецкого, имели место в самом начале апреля 1927 г., 5-го числа. Следовательно, советские органы продолжали борьбу с «завербованными» в ими же пронизанные организации все новых и новых людей.

Еще более интересно, что уже после разоблачения «Треста» в переписке Трубецкого с Сувчинским стали все более активно и открыто обсуждаться две темы. Первая — это встречи с советскими командированными для пропаганды евразийства и откровенные обсуждения проблем советской интеллигенции; вторая — заброс листовок в СССР, надобность террора, которая должна была привести к построению нового Русского государства на основах евразийской идеократии.

В этом смысле наиболее интересны сведения о беседах с формалистом и пушкинистом Б.В. Томашевским. Вот этот разговор, сочетающий в себе и филологические, и политические проблемы и имевший место в сентябре

П.П. Сувчинский

1927 г. В известном смысле он — параллель не записанного участниками разговора Габричевского, о котором узнало ОГПУ.

Цитата из письма Сувчинскому: «Что сжатое и систематическое (схематическое) изложение хлеба (евразийства. — Л.К.) необходимо, — в этом я еще раз убедился на примере Томашевского. Он пробыл в Париже почти два месяца, с хлебниками видался очень часто, а между тем хлебной литературы не читал вовсе и о хлебе имеет представление довольно-таки туманное. Дело в том, что ему дали целый ворох книг, а т. к. приехал он в Париж заниматься своей наукой и командировку получил только на короткое время, то естественно, что ворох хлебной литературы так и остался неразрезанным. Более того, этот ворох весь остался в Париже, ибо тащить его через границу было невозможно, а выбрать из него что-нибудь самое важное было затруднительно, не прочтя всего... (...) В общем, Томашевский производит грустное впечатление. По-видимому, здорово тяжело работать в М. (оскве. — Л.К.) Формализм, по-видимому, трещит и грозит распасться, — причем Томашевский сам объясняет это тем, что это учение не включено в более общую систему историософии и поэтому не выдерживает натиска даже такого несостоятельного, но цельного историософского мировоззрения, как марксизм» (Т. Стр. 501—502).

Это место поразительно напоминает сочинение Павла Медведева «Формальный метод в литературоведении» того же 1927 г.

Но читаем дальше: «Идеократии боится, потому что отождествляет ее с большевизмом и не может себе представить другого идеографического типа» (Т. Стр. 502).

Этот пассаж неожиданно переходит на проблемы мировоззрения, которое должно лежать в основе формализма: «В области научной я старался

показать ему необходимость включиться именно в нашу историософию. В области научной вообще удалось поговорить интересно, причем во всем существенном обнаружилось полное единодушие» (Т. Стр. 502).

Позицию Трубецкого понять нетрудно — недаром в следующем же абзаце он говорит о необычайной близости себе Романа Якобсона, как известно, и формалиста, и структуралиста, и евразийца.

Разумеется, сейчас это не наша проблема, но, похоже, полное расхождение формалистов в 1927–1928 гг. и невозможность нового формалистического объединения под общим знаменем старых опоязовцев имели под собой и существенные политико-идеологические мотивы. Ведь Томашевский, как мы видим, на уловки Трубецкого не попался. Этот контекст особенно важен для нас, так как в той же переписке 11 ноября 1928 г. обсуждается приезд в Прагу Г.О. Винокура и Б.М. Эйхенбаума, но и встречи не состоялись, и поправить было уже ничего нельзя. Равно как ничего не изменил приезд Ю. Тынянова (Т. Стр. 545, 547).

Эта история интересна в двух аспектах. Во-первых, мы получили едва ли не «протокол» бесед евразийского лидера с одним из лидеров русского формализма (Якобсон не в счет, так есть обширная и заведомо не советская и не подсоветская переписка с ним). Переплетения политического и научного планов столь же очевидны, как и в следственном описании «встречи» у Габричевского. Однако есть еще один важный аспект, который открывает вся эта переписка.

Ведь работали евразийцы на двух фронтах: с советскими командированными и с интеллигенцией либерального и немарксистского типа, оставшейся под Советами. В первом случае это Томашевский и, как мы увидим, Александр Родченко, а во-втором — А.Г. Габричевский.

Попробуем встроить следственные материалы в общий контекст советско-евразийской игры 1927–1928 гг., которая касалась именно идеологии, науки и литературы.

Прежде всего, сразу скажем, что использованный НКВД ярлык «фашистский» по отношению к «организациям», которые они связывали с Трубецким, имел под собой существенные основания. И не только в связи с итальянским фашизмом, но и в связи с гитлеризмом. Эти темы постоянно присутствуют в переписке, хотя в какой-то момент Трубецкой и осознает всю опасность brutального авторитаризма Гитлера, до полного расцвета которого ему дожить не удалось. Однако и контакты с нацистами русского происхождения, и публикации этого типа в евразийских изданиях имели место и обсуждались в переписке, да и глубокий антисемитизм великого лингвиста и известного идеолога не был секретом.

А.М. Родченко.

С другой стороны, именно в 1927 г. Трубецкой обращал специальное внимание на евразийский характер «Писем из Парижа» Александра Родченко в № 2 «Нового Лефа» за 1927 г.

Трубецкой отмечал: «Пропаганда среди приезжих, разумеется, должна быть нашей основной задачей. В частности, считаю, что всякие “текущие счета” (...) имеют смысл только при условии достаточно сильно развитой параллельной пропаганды среди приезжающих. Письма Родченко в “Лефе” (вам Петр Семенович Арапов показывал?) свидетельствуют о том, что в этой области можно достигнуть очень многого. Но кроме этого мы — помните? — говорили и о том, чтобы пощупать в этом отношении конкурентских (советских. — Л.К.) служащих, постоянно живущих в Париже. Это не менее важно» (Т. Стр. 505–506).

Если бы поверить этому письму, у нас бы создалось впечатление, что евразийство, как и мифический «Трест» имели в Советской России разветвленную агентурную сеть. Однако наши предшествующие исследования показывают, что самообман Трубецкого был ничуть не менее катастрофичен, чем у В.В. Шульгина, которого НКВД даже свозил за свой счет в Москву и организовал ему встречи с «оппозиционной» советской интеллигенцией.

Чтобы это понять, достаточно обратиться к двум не самым известным произведениям лефовского круга. Во-первых, это киносценарий В.В. Маяковского «Инженер д’Арси», откровенно связанный с проблемами евразийства и экспортом нефти из Ирана (Турана по-евразийски)³.

³ Кацис Л. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 419–438.

Ведь именно «нефтью», «нефтьработой» и т. п. называли евразийцы свою деятельность. А соавтором или автором идеи этого сценария, не поставленного в кино из-за разоблачения «Треста» и потери актуальности, был В. Горожанин — начальник ИНО ОГПУ⁴.

Второй, уже откровенно «евразийский» текст — это сценарий фильма «Потомок Чингисхана» (реж. Н. Пудовкин), написанный Осипом Бриком⁵ и касавшийся проблем пушной торговли в Монголии. Здесь контекст «Наследия Чингисхана» Трубецкого даже не требует анализа. Только владельцами империи Чингисхана со всеми ее богатствами оказались Советы, куда «наследник» передал ярлык на владение уже революционной Монголией⁶. По идее другого фильма Пудовкина «Конец Санкт-Петербурга» композитор-евразиец Владимир Дукельский написал соответствующую ораторию. Поэтому «евразийское уклонение» Пудовкина было вполне очевидно по обе стороны советской границы.

Не так просто и с «меховым» сюжетом. Сценарий «Потомок Чингисхана» направлен против Литературного цеха конструктивистов, лидер которого Илья Сельвинский написал грандиозный роман в стихах «Пушторг», направленный, в свою очередь, против «Нового Лефа». Там-то и обсуждалось «евразийство» писем Родченко. Художника-авангардиста Сельвинский прямо назвал в терминах мехового рынка «суслик евразжика, молящийся на Восток»⁷.

В этом смысле большое значение имеют еще несколько советских литературных трестов, чьи названия совпадают с основной терминологией

⁴ Там же. С. 507–515

⁵ Брик О. Потомок Чингисхана (Литературный сценарий) — в кн.: *Валюженич А.* Осип Максимович Брик: Материалы к биографии. Акмола, 1993. С. 63–73.

⁶ *Кацис Л.* Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 424–429.

⁷ *Кацис Л.* Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 436–437. Недавно было показано, что и основная тема романа в стихах «Пушторг», т. е. пушная экспортная торговля, была одним из способов финансирования заграничной деятельности советских органов. См. статью, основанную на ряде англоязычных публикаций последних лет: *Гинор И., Ремез Г.* Гипотезы становятся выводами: новое о Максе Этингоне и его связях с Советским Союзом // *Неприкосновенный запас*. М., 2013. №5. <http://www.nlobooks.ru/node/4016>. Поэтому и использование «конструктивистских» шифров в борьбе с евразийцами, и осведомленность автора «Пушторга» И. А. Сельвинского в некоторых специфических обстоятельствах этой борьбы, отразившиеся в его романе в стихах, удивлять не должны. В свою очередь, недавно стали известны и тексты авангардиста-заумника Ильи Зданевича, которые свидетельствуют о проникновении советских агентов одновременно и в евразийскую среду и в православное Братство Святой Софии, противостоявшее евразийцам и не пошедшее на сотрудничество с ними. См.: *Кацис Л.* Роман Ильи Зданевича «Философия» как Философия (А. В. Карташов, о. Сергей Булгаков, А. Ф. Лосев и др.) // *Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2010–2011 год*. М., 2014. С. 361–401.

И.Л. Сельвинский

евразийских шифров, которые не раз публиковались в последнее время. Так, Н. Стрельников и В. Ардов создали несохранившуюся, похоже, оперетту «Хлебторг»⁸. В «Рваче» Ильи Эренбурга мы находим некий «Льноторг»⁹. А это уже «хлеб» и «мануфактура» — так евразийцы по-детски «шифровались» от глаз ГПУ. Понятно, что и тема честной конкуренции в торговле мехом в «Пушторге» советскими организациями — это «конкурентизм» Трубецкого.

Как представляется, предложенный здесь подход позволяет понять и еще один неясный эпизод из переписки Трубецкого с Сувчинским.

Странный участник всех переговоров, уже упоминавшийся Арапов, «ересиарх» по терминологии Трубецкого, стал, не имея на то серьезных оснований, теоретизировать в предельно странном терминологическом ключе, связывающем интересующих нас конструктивистов ЛЦК и формалистов ЛЕФа!

Трубецкой пишет, что Арапов считает евразийскую мысль находящейся в зачаточном состоянии и пересоздает ее по своему усмотрению. Но нас интересует сейчас именно терминология, которая, как и «пушторги», «хлебторги» и прочие «льноторги», оказывается «нефтью», «мануфактурой» и евразийским «хлебом».

Похоже, что связанный с ОГПУ, а в дальнейшем и его сотрудник, Арапов может исполнять чьи-то чужие пожелания.

⁸ См. коммент. к статье Игоря Терентьева «К постановке оперетты “Луна-парк”» в: *Терентьев И. Собрание сочинений*. Сост., подг. текста, биогр. справка, вступ., коммент. Марцио Марцадури и Татьяны Никольской. Bologna, 1988. С. 498.

⁹ *Кацис А.* Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 586–588 и др., не говоря уже о «говорящем» названии еще одного романа И. Эренбурга «Трест ДЕ».

Вот как это выглядит в глазах Трубецкого: «Все эти мысли оказываются висящими в воздухе, неприкрепленными, а отчасти и неприкрепимыми, к общей системе. Несмотря на то, что теоретически он все время настаивает на “конструктивизме”, он практически этими своими идеологическими импровизациями разрушает всю стройность и конструктивность нашей идеологической работы. (...) Летом он (по-видимому, под влиянием Леонтьева) выдумал какую-то сенсационную теорию государства, совершенно не связанную с общим контекстом евразийства, и требовал изгнания самого термина “национализм” из нашего обихода».

Подобная позиция исключительно странна для правого монархиста. Поэтому его рассуждения все более заставляют думать о некоем кураторстве.

А чуть далее Арапов (по словам Трубецкого) и вовсе вторгся в его личную область: «Теперь («СН» от 11/XI) Петр Семенович придумал еще что-то новое, какой-то “формальный метод”, “формальную” и “материальную” стороны евразийства, и опять подчеркивает, что идеологической системы у нас, по его мнению, вовсе и не существует. Эта новая импровизация носит совершенно безответственно-дилетантский характер, ибо как только мысль о “формальном методе” в таком понимании продумаешь до конца, то упираешься в тупик. Здесь сплошная игра слов и *quaternio terminorum*» (Т. Стр. 345).

Эта терминология внедряется ее автором в евразийские документы, вызывая брожение и разложение в сообществе довольно разнородных евразийцев уже с 1925 г. Поэтому набор советских «трестов» в сочетании с евразийскими шифрами следует считать развитием и продолжением странных на первый взгляд упражнений с формалистической терминологией, которая поразительно коррелирует с лефовско-конструктивистской полемикой. Это едва ли не символ активного проникновения в евразийство людей и идей НКВД, которое выглядит не менее демонстративно, чем названия советских «Трестов».

Не забудем, что в 1925 г. противоречия между литературными конструктивистами и лефовцами были еще не столь непримиримы, как в 1928–1929 гг., да и «Леф» практически перестал тогда выходить.

Если теперь выстроить всю цепочку рассмотренных здесь материалов в исторической последовательности, то выявляется продуманная система попыток проникновения ИНО ОГПУ в эмигрантскую среду на уровне терминологии. Если представить себе, что деятельность Арапова по созданию шифров евразийцев в 1925 г. была первым этапом работы, завершившейся года через два-три, то это означает, что агент НКВД Арапов предлагал Трубецкому «шифры», заведомо известные его московским кураторам и основанные на терминологии формальной школы и раннего конструктивизма. При этом, похоже, конструктивизма того типа, который при участии Алек-

П.С. Арапов. Фото из следственного дела

сея Чичерина — лидера Кан-Фун (конструктивизма-функционализма) — еще искал контакты с «Лефом» Маяковского¹⁰. В свою очередь, контакты Родченко с Лефом и его же работа с ЛЦК секретом никогда не были. Таким образом, кажущаяся эклектика теорий Арапова имела ту же самую структуру, что и терминология «нефть»–«хлеб»–«мануфактура»–«конкуренция», которая в итоге и стала «шифрами» евразийцев.

Часть евразийцев явно верила в доморощенную секретность. Другие, такие как Сувчинский или Арапов, прекрасно понимали, что они делают и с кем сотрудничают. Н.С. Трубецкой, похоже, не очень догадывался об этом и явно начал заигрывать, теряя связь с реальностью. А ОГПУ не только играло сразу за обе стороны — и «за белых», и «за черных», но и в немалой степени способствовало через своих агентов в эмиграции и советских литераторов в метрополии утрате ощущения реальности лидером евразийцев, который несколько переоценил свои лидерские способности политика и вождя. Здесь нельзя не сказать и о том, что многократно упомянутый в письмах Трубецкого его постоянный корреспондент Роман Якобсон имел очень тесные связи все с той же советской политической верхушкой, на которую работали советские агенты и их московские кураторы, да и литераторы, которые активно контактировали с соответствующими советскими органами.

Якобсон активно работал в пресс-бюро советского посольства в Праге, где от него с трудом пыталось избавиться чешское руководство¹¹.

¹⁰ Кацис Л., Чо Кю Юн. Изобразительность в послеоктябрьской поэзии Маяковского (между ЛЕФом, ЛЦК и «Кан-Фун»). Визуализация литературы. (Белград, 2012). С. 98–117.

¹¹ См. подробно: Кацис Л., Одесский М. «Славянская взаимность». Модель и топика. Очерки. М., 2011. С. 203–232. (Глава «Маяковский и Якобсон в Праге (1927)».)

Не продолжая все эти сопоставления, куда легко встраиваются и деятели «Союза меча и орала» Ильфа и Петрова или споры их же героев на строительстве Туркестанской железной дороги, мы можем с достаточной долей уверенности сказать, что немалая часть попутнической литературы 1920-х гг. была инициирована советскими спецслужбами для доказательства эмигрантам существования в СССР разветвленного интеллигентского подполья и большой негласной поддержки их идей свержения советской власти.

Понятно, что многим литераторам это потом стоило жизни. Но в подобных случаях риск всегда превышает конечный результат.

Что же касается Габричевского и его товарищей по несчастью, не исключено, что они искренне рассказывали о своих бедах иностранцам, которые имели далеко не только «сменовеховскую» идеологию, но и куда более серьезные связи с теми, кто в конце 1920–1950-х гг. фабриковал бесчисленные партии, центры и т.д. По-видимому, именно сопоставление терминологии «ЛЕФа», конструктивизма и формализма с «тайными» шифрами евразийцев дает нам неожиданную возможность увидеть весь фронт идеологической борьбы Советов с эмиграцией, в который оказался включен эпизод Трубецкой — Фюлоп-Миллер — Габричевский.

Материалы такого рода распространены в различных областях, они далеко выходят за пределы сферы интересов историков искусств или биографов классиков науки, но и в их документах можно найти немало интересного. Мы пытались показать это на одном примере комментирования двух имен Н.С. Трубецкого и Р. Фюлоп-Миллера из материалов допросов в НКВД (при всей специфичности такого рода материалов) замечательного теоретика архитектуры А.Г. Габричевского и этих же персонажей в контексте переписки Трубецкого с Сувчинским, где имени Габричевского, естественно, нет.

Ключевые слова:

А.Г. Габричевский, Н.С. Трубецкой, интеллигенция, евразийство, литературоведение, модерн, формализм, Леф, эмиграция.

Leonid F. Katsis

LIFE OF THE INTELLECTUALS OF THE SOVIET ERA: A.G. GABRICHEVSKY AS AN “AGENT” OF N.S. TRUBETZKOY

The article dwells upon an analysis of the problem of relations among intellectuals, who stayed in the USSR after the October Revolution, but who tried to reserve their ideas and creativity under new conditions.

One of these people was an outstanding Historian and Architectural Theorist Professor A.G. Gabrichevsky who was exposed to repeated reprisals. Recently released materials of criminal cases, which were investigations to which he was connected in the 1930s, refer to relations of the Professor A.G. Gabrichevsky with the great Linguist and the major Eurasianism Ideologist N.S. Trubetzkoj. In particular, the possibility of contacts between A.G. Gabrichevsky and N.S. Trubetzkoj via messengers are being clarified.

Most recently, the researchers' attention is attracted by correspondence of N.S. Trubetzkoj with his Eurasianist colleagues, especially with Pyotr Suvchinsky.

The article attempts to show that the so-called Eurasianists' “ciphers” were developed in the USSR and implemented in the Eurasian environment through the Soviet Secret Service Agents. Moreover, the terminology of these ciphers dates back to the literary work terminology of representatives of the Literary Center of Constructivists.

The proposed analysis offer a clearer view of the way, in which the Soviet Secret Services used the companion writer literature, reflecting their ideology, for their own purposes. The study presents a clear understanding why the fates of many linguists, literary historians, and historians, who might not know anything their emigrated colleagues could be engaged into except the humanities, became so tragic.

 Кацис Леонид Фридович

доктор филологических наук, профессор Российско-американского
учебно-научного центра библеистики и иудаики Российского
государственного гуманитарного университета

X. Le Torrivellec

LANGUAGES, EDUCATION, AND POLITICS: SOVIET BASHKIRIA IN THE 1950 / 1960'S¹

“You, Son of one of the peoples most oppressed by czarism, you take part today in the drafting of the Constitution of our large country. Do you think your people could have dreamed of that without the victory of the October Revolution?”

*Anastas MIKOYAN to Zija NURIEV²
{XE “Nuriev (Zija)”}, 1976.*

t the beginning was the end of the USSR. This event marked the end of a sixty years old Soviet State, but also the disappearance of a more than four century's old multiethnic Empire. With the simultaneous opening of the borders and access to

¹ A first version of this article has been presented at the Association for the Study of Nationalities 2007 World Convention, April 12 — 14, 2007, Columbia University, New York. A French version has been published: Le Torrivellec X. La langue des enfants soviétiques: langues, éducation et société en Volga-Oural (de 1938 aux années 1960) // *Cacophonies d'empire: le gouvernement des langues dans l'Empire russe et l'Union soviétique*. Paris, 2010. P. 229–254.

² In 1976, Zija Nuriev (First Secretary of Bashkir Obkom between 1957 and 1969) was appointed by Anastas Mikoyan to write the paragraph on nationalities in the new Soviet Constitution. *Нуриев З.И. От аула до Кремля. Воспоминания и размышления*. Уфа, 2000. С. 123.

the archives, the history of the Soviet Union was deeply renewed by inquiries on the history of its peoples. The historiographical revival on the national policy question (Francine Hirsch³, Terry Martin⁴, Juliette Cadiot⁵ etc) made it possible to reconsider the process of nationalization. Soviet Union was revalued as being a State that promoted the national forms for its modern qualities. Unfortunately, new historical works devoted to national policy in the USSR did not venture beyond the Stalinist period. So, Khrushchev and Brezhnev times are still summarily regarded as a period of so-called “russification” and of repression of local cultures and minority languages⁶. From this point of view, among “post-colonial” freedoms obtained after perestroika, peoples of ex-USSR countries would have gained the right to develop their own national language. A parallel is implicitly drawn with the Great Russian language policy of the end of the nineteenth century, which would authorize to define Soviet Union as an Empire.

From my point of view, as a specialist of Volga-Urals history dealing with the “longue durée” of identities formation⁷, it is important at first to break with the nation-state paradigm by remembering how the preservation of languages and cultures of non-Russian populations remains an essential characteristic of this pre-modern, culturally heterogeneous and non-assimilationist continental Empire that was the czarist Empire. The Bolsheviks inherited of this multiethnic specificity and had to deal with it. Researchers do not doubt the constant growth in the use of the Russian language during Soviet period but differ in their views on what caused this. Some of them believe the main cause was the Soviet policies aiming at “de-nationalization” of the various peoples. On the eve of the break-up of the Soviet Union the majority of pupils in Ukraine and Belarus studied in Russian schools. However, Valery Tishkov, Director of the Institute of Ethnology and Anthropology at the Russian Academy of Sciences holds the view that the spread in the use of Russian “became

³ *Hirsch F.* Empire of Nations, Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, London, 2005.

⁴ *Martin T.* The Affirmative Action Empire, Nations and Nationalism in Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, London, 2001.

⁵ *Cadiot J.* Le laboratoire impérial: Russie-URSS (1860–1940). Paris, 2007.

⁶ In the 1970's, recording the spread of bilingualism (national language/Russian), several scholars reintroduced the concept of “russification” to analyze the future of national languages in Soviet Union: *Lewis G.* Multilingualism in the Soviet Union. The Hague, 1972; *Kreindler I.* The Changing Status of Russian in the Soviet Union // Research Paper 37, Soviet and East European Research Centre, Hebrew University of Jerusalem, 1977.

⁷ *Le Torrivellec X.* History of Identities in Muslim Russia: the Republic of Bashkortostan (1969–2004). Paris, 2006.

a powerful tool of individual choice for better career opportunities, as well as a means of communication in Soviet society at large and in ethnically mixed regions specifically”⁸.

In order to clarify the question, we intend here to reconsider the “russification” paradigm by enlarging our view to the global transformations undergone by autochthonous societies during post-war times. Our starting point is the supposition that changes in languages practices are not so much determined by any central language policy but by social, economic and cultural conditions in which the languages are involved. It is an obvious necessity to take into account the context of accelerated urbanization to analyze the comparative evolution in the use of both indigenous and Russian languages in the 1960’s. The question is to understand how was solved, at that time, in the basic field for national building of language, the tension between the promotion of a new Soviet identity and the recognition of existing national groups? Our purpose is then to “de-russify” Soviet history by focusing on regional level to non-Russian people’s historical experience. We will especially describe evolution in the 1950/1960’s of both language of instruction and languages taught in the schools of the Republic of Bashkiria⁹. On the basis of concrete problems arising from schools construction, children housing, teachers training, work in pedagogical institutions and academic structures in charge of writing textbooks for learning Russian in national languages, we will try to show, using oral and archival sources, that the policy locally relayed in favor of Russian language as common language of communication was largely unsuccessful until the material and legal conditions (particularly the 1958 reform) were made for the parents to exert their free choice in favor of a Russian teaching in the schools of Bashkiria.

Literacy and educational Modernization (end of 19th century — 1938)

Whereas in the past, education was mostly in the hands of men of religion, in the nineteenth century, states wanted to have education under their control. Social elites realized its importance as a tool for achieving political, economic,

⁸ *Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and Conflict, London, 1997. P. 85.

⁹ Zone of old Scythic civilization, this area, where Turkish Finno-Ugric and Slavic populations mixed, was dominated by the powerful Muslim Volga Bulghar state at the time of the break-up of Kievan Rus’. After the Mongolian conquest, the Moscow’s state acquired, with its rapid expansion along the Volga and its conquest of Kazan in 1552, a multitude of peoples adhering to an enormous variety of languages and belief systems. As part of the Volga-Urals region, Bashkiria is mostly populated of Muslim Turkish-speaking, known under the name of Bashkirs and Tatars of the Volga.

and social goals. This desire resulted from the belief that by shaping their youth they would be able to determine the character of their future citizens. In Russia, like in various other countries at the time, literacy campaign was launched in the 1870's that enlarged after 1905¹⁰. At the time of the 1897 census only 21 per cent of all population of the Russian Empire (excluding children under 9) was able to read¹¹. While indeed pre-modern forms of political and social organization, empires were nevertheless engaged in a process of national modernization¹². At the end of the 19th century, the specificity of Russian path to modernity was clearly depending on the imperial nature of the country. The same situation prevailed in the Ottoman Empire. In these two traditional states, differently from secularized European nations-States¹³, religion (not religion as personal faith but religion as the ideological creator and designer of society) was still playing an overwhelming social role. The Russian state authorized for its Muslim populations an autonomous modernization in the framework of their "confessional" institutions, including the educational ones. Promoted by Tatar elites, Muslim reformism (*djadidism*) dealt in Volga-Urals region with the introduction of a modern educational system¹⁴. The comparison is relevant with the Ottoman Empire where the educational modernization passed at the same time by the reintroduction of religious subjects in the schools curriculum¹⁵. In Russia, the Bashkirs and the Qazaqs were submitted to a new policy of school instruction given in vernacular languages¹⁶. Literacy was taught in the "national" Cyrillic alphabets¹⁷, which had been elaborated in the early 1870's under the direction of Nikolai Ilminskii (1822–1871),

¹⁰ Dowler W. Classroom and Empire. The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. Montreal, 2001; Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkeley, 1986.

¹¹ The Russian Language in the Twentieth Century. Oxford, 1996. P. 7.

¹² Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Harvard University Press, 2003.

¹³ Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. N. 129. P. 1–29.

¹⁴ Islam in Politics in Russia and Central Asia (early Eighteen to late Twentieth Centuries). London, New York, Bahrein, 2001.

¹⁵ For a many-sided view of education under the Ottoman Empire at the end of 19th century, see Fortna B. C., Imperial Classroom: Islam, the State, and Education in the Late Ottoman Empire, New York, 2002. A recent work that pursues a range of Russian-Ottoman comparisons is Rosshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia, and the Middle East, 1914–1923. New York, 2001.

¹⁶ Фархитов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90 годы XIX в. М., 1994. С. 90.

¹⁷ Baldauf I. Schriftreform und Schriftwechsel bei den Muslimischen Russland und Sowjettürken (1850–1937). Budapest, 1993.

the director of the Kazan seminar for Orthodox missionaries, who argued that teachers who learned the languages of minority groups would be in the best position to influence their values and behaviors¹⁸. Moreover, the need to counterbalance cultural influences of large ethnic or confessional groups (Poles in the Western borderlands or Tatars in the Volga region), often required the authorities to support and develop local languages and dialects. In empires, under conditions of unceasing dynamics of interaction between imperial institutions, regional national centers of gravity, and multiethnic populations, language homogenization was by far not the only unconditional choice of social and political actors.

This commitment received official confirmation in 1918, when the new Soviet government guaranteed to provide all children with education in their native languages. In the Twenties, Soviet linguists provided an outstanding work of phonetic, grammatical and lexical classification for almost all the languages spoken in the USSR, including a great number of small indigenous languages¹⁹. In 1923, Bashkir language got written form (as Karachaev-balkarskij and Tuvinskij Turkish languages). Stressing the absolute equality of languages, Lenin insisted that Russian has not to be a state language or a compulsory subject in non-Russian schools. More decisive than this intention was certainly the objective impossibility in non-Russian villages, to find Russian-speaking teachers. More than schooling in mother tongue, schooling was the main task of the new state. In summer 1930, the Soviet government launched a campaign for universal and compulsory primary education. Between 1928 and 1939, overall enrollment increased from less than twelve million to more than thirty million pupils. In the 1930's, new "national schools"²⁰ opened where instruction was provided in indigenous local languages. In the 1938/39 school year, more than 70 languages served as the medium of instruction and each republic attempted to provide instruction in the mother tongue for each of its own minorities.

¹⁸ Geraci R. The Il'minskii System and the Controversy over Non-Russian Teachers and Priests in the Middle Volga // Kazan, Moscow, St. Petersburg. Multiple Faces of the Russian Empire. Moscow, 1997.

¹⁹ By comparison, it is not certain that one could find, in such a broad proportion, so many similar linguistic studies on the native populations of the United States or on the regional languages of France.

²⁰ The term "non-Russian school" (*нерусская школа*) was used to describe the schools in which the language of instruction was not Russian. Soviet discourse also included frequent use of the terms "national" as in "nationality school" (*национальная школа*). On these questions, see Ewing T.E. The Teachers of Stalinism: Policy, Practice and Power in Soviet Schools of the 1930's. New York, 2002.

In the mid 1930's, the need to reinforce the administrative structures, the enlargement of the spheres of interethnic communication, the extremely weakened position of Russian (not offered as a subject in many national schools) explain the move to the development of Russian as lingua franca in USSR. These concerns about language and schooling found expression on March 13, 1938, when the Central Committee and Soviet government adopted a resolution "On compulsory Russian language instruction in schools of the national republics and regions". Children should study Russian because it was "a powerful means of connection and interaction" that strengthened the "fraternal friendship among the peoples of the USSR", but the decree also confirmed existing policies on native language instruction. Party officials warned against any attempt "to transform Russian from the subject of study to the language of instruction" and native languages remained the "foundation of instruction" in national regions²¹. Reflecting the ambivalence felt by Communist leaders, historians have increasingly recognized that rather than representing an unequivocal step towards "russification", this decree in fact perpetuated the contradictions of Soviet nationality policy²². As showed by Peter A. Blistein, the final version of the 1938 decree was a defeat for proponents of a russification of the non-Russian schools²³. In Bashkiria, after a meeting with the pedagogical officials, Sovnarkom decided on April 14, 1938, to organize summer courses of Russian for rural teachers²⁴. But as revealed by a series of school inspections, the main problem was the lack of qualified teachers. In October 1938, the local authorities asked Moscow to send to Bashkiria 127 teachers of Russian language and literature²⁵.

²¹ The decree was justified as a measure to overcome the "completely unsatisfactory quality of instruction" and the "disparaging attitudes" toward the Russian language in national regions. A summary of the decree is contained in: Юсупов У. Русский язык — мощное средство связи и общения между народами СССР // Правда Востока. 1938. 30 марта. С. 2–3. Quoted by Thomas E. Ewing.

²² Historian T. Martin has identified numerous actions, including the decree on compulsory Russian instruction, which marked a shift toward "cultural russification" (Affirmative Action Empire... P. 863–864, 908). See also *Suny R.G. The Soviet Experiment. Russia, the USSR, and the Successor States.* Oxford, 1997. P. 285–290; *Smith M.G. Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953.* Berlin, 1998. P. 159–160.

²³ Evaluating the decision-making process, Blitstein concludes that it was Stalin's decisive intervention which ensured that the text of the 1938 decree explicitly warned that "Russian is to be a subject of study, not a language of instruction", *Blistein P.A. Nation-Building or Russification? Obligatory Russian Instruction in the Soviet non-Russian School, 1938–1953 // A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin.* New York, 2001. P. 258.

²⁴ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 18. Д. 623. Л. 260–261.

²⁵ Там же. Д. 618. Л. 4–6.

Another factor involved in the Russian teaching in non-Russian schools was the shift from the recently acquired Latin to the Cyrillic alphabet between 1939 and 1941. One of the explicit reasons for the shift was to make it easier for non-Russians to learn Russian. For the RSFSR, in the 1939/40 school year, 37 such alphabets were being created. This required the reprinting of textbooks that had only just been rewritten the year before. And some republics sought to alter the new Cyrillic alphabets after they had been approved, necessitating reprinting of textbooks yet again. In early 1941, the Bashkir authorities petitioned to make changes to the Cyrillic alphabet approved in 1939. The Tatar authorities adjusted the new alphabet in January 1941 without informing either Narkompros or the Institute of Language and Alphabets of the Academy of Sciences²⁶.

The 1950's: from rural monolingualism to urban bilingualism

First of all, we have to say that until the mid-1960's, the main purpose (constituting most part of archival documents) of the Obkom Schools Department was the construction of schools in the backward zones of Bashkiria²⁷ and certainly not the question of languages teaching. When they describe the dangerous conditions (snowstorms, sudden rises in the river level, attacks by the wolves) under which the children have to travel sometimes tens kilometers per day to go to school (and to be late), the village authorities don't refrain to express their anger against the inactivity of the ministry. The requests are frequent to open a school in such or such village or at least to organize a boarding school (*интернат*) in the village having a school already.

Concerning the language situation, the starting point is the distinction between the main Turkish languages (Tatar and Bashkir), spoken in rural zones, where in 1945 major part of the population of Bashkiria lived, and Russian, mostly technical and urban language. Other minority languages were used (Udmurt, Chuvash, Mari etc.) in villages of the Republic. The number of users of these languages varied considerably from one group to another, but according to the Leninist principle (frequently quoted in the archival material), each one was to be able to speak and study in its mother tongue. At the beginning of the Fifties, the language of instruction quite exactly corresponded to the ethnic

²⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 27755. Л. 65-80. Quoted by Blistein P.A. Op. cit. P. 260.

²⁷ On September 2, 1947, Obkom and Sovmin of Bashkiria passed a new decree on "improving schools construction in the Republic" (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 53. Д. 101. Л. 9).

composition of the population. In the western districts of the Republic, where Tatar-speaking populations were predominant, all subjects in rural schools were given in Tatar. The Bashkir language was mostly used in the eastern and southern districts of the Urals. Language at school was depending on the local spoken language: Chuvash was the language of instruction in the school of a Chuvash village situated in the Urals. Inside this global scheme, local particularities were decisive, as related by a Tatar woman born in 1939: "In my native village, I studied in Tatar and when my parents moved to a rajcentr village (district capital) I also went to a Tatar school as far as the village was divided in two parts, Bashkir and Tatar, and so got two schools in each language. I began to study Russian as a subject only from the 8th class"²⁸. As far as the cities were predominantly populated with Russian-speaking population, the teaching language was mostly Russian in the urban schools. In the year 1951/52 school year, 52 per cent of all schools in Bashkiria were non-Russian (2869 on 5142)²⁹. As we shall see, in Bashkiria, changes in language of instruction took place only in the mid-1960's. The question of how to carry out the Leninist principle regularly appears in the daily correspondence of the Obkom Schools Department. Insofar as many actors were involved in the implementation of national equality, work was particularly long and complicated.

These difficulties were complicated by the decentralized education system. Despite the central role of Narkompros RSFSR, each autonomous republic retained administrative autonomy in educational affairs. In a report to Sovnarkom RSFSR in September 1940, on the implementation of the 1938 decree, Russian Commissar of Education, V. Potemkin admitted that the training of non-Russian teachers was "completely unsatisfactory" and blamed the RSFSR Sovnarkom and local authorities for failing to fill teacher-training institutions with non-Russian students³⁰. For their part, M. Alibaev, the Bashkir Minister of Education, and V. Izgin, in charge of the Obkom schools Department, noticed on July 17, 1946, the failure of measures which tried to improve, following the 1938 decree, the teaching of Russian in the national schools of Bashkiria³¹. Alibaev pointed out that among the 10th grade pupils of the national schools, only 29 per cent successfully passed their final examination in Russian (*аммечтам*)³². After having finished secondary education, the pupils

²⁸ Interview made on September, 2, 2006, Ufa.

²⁹ Алибаев С.Р. Школы Башкирской АССР (прошлое, настоящее и пути дальнейшего развития). Уфа, 1966. С. 141.

³⁰ Blistein P.A. Op. cit. P. 261.

³¹ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 463. Л. 9.

³² Там же. Л. 10.

spoke badly in Russian and did a lot of mistakes when writing (an average of 60 mistakes per page). In 1947, more than 40 per cent of all schools did not have their own library³³. Russian was still not taught in a number of schools because of the teacher shortage. But according to local officials, the decisive factor was the extremely insignificant training of Russian language teachers. For 5th, 6th and 7th grades (Russian was taught in the first grade only at the beginning of 1970's), on 835 teachers of Russian, 600 did not have higher formation³⁴. Since rare were the Turkish-speaking villagers able to integrate the Ufa Pedagogical Institute (pedagogical colleges in the cities of Sibaj, Kumertau, Beloresk Salavat opened between 1967 and 1972), the region cruelly missed qualified teachers of Russian, speaking at the same time Russian and the mother tongue of the children. Thus in 1947/48, at the Ufa Pedagogical Institute, where instruction was in Russian, Bashkirs represented only 92, and Tatars 114, of 597 students³⁵. Most of them had to pass their entry examination in their native language³⁶. The quality of Russian instruction in the teacher-training institutions, which would supply new teachers, was also poor. Moreover, these institutions prepared essentially teachers for Russian schools. To teach Russian in the middle classes of the village national schools, one recruited people without any teaching qualification. According to Gizitdin Irgalin, school inspector in the 1960's, the Russian teachers were very often wives of kolkhoz directors. Control over Russian instruction suffered sometimes from the fact that some school inspectors did not speak Russian. In archival sources, there are a lot of detailed accounts on the difficulties to teach Russian in the village schools. Often the teacher did not speak Russian himself. The explanations were given in mother tongue and the pronunciation was defective. Moreover, the majority of Bashkir, Tatar, Chuvash children lived in monolingual environment where agricultural work did not required specific Russian vocabulary, and where Russian, taught as foreign language (when the Russian textbooks in local languages arrived in time) was practiced only during class time (and still, according to certain testimonies, the children spoke their mother tongue between them during the Russian class).

³³ Там же. Ф. 8827. Оп. 1. Д. 227. Л. 82; Оп. 32. Д. 1976. Л. 32.

³⁴ Там же. Ф. 122. Оп. 29. Д. 582. Л. 78.

³⁵ Там же. Оп. 28. Д. 582. Л. 18.

³⁶ Там же. Д. 582. Л. 14, 15. Отчет Башкирского государственного педагогического института им. К.А. Тимирязева за 1947-1948 гг.: "Tatars and Bashkirs students don't know mathematics vocabulary in Russian. So they passed their examination in their language. In the history of SSSR, Tatar and Bashkir candidates are unable to relate events in Russian. In chemical studies, a lot of candidates refused to answer in Russian arguing that they studied this subject in their mother tongue".

Another problem was that the need to provide the pupils of national schools in textbooks in their language required an effort of constant control at the part of the Obkom. The local administrations of the Ministry of Education (gorONO in the cities and rajONO in the rural districts) were initially to define for each language and for each school, the number of textbooks which the students of their territory would need. Centralized in Ufa by the Minister of Education, the information was sent in the equivalent ministries of the correspondent republics which were given the responsibility to print the textbooks in the language of their eponymous population. For instance, the textbooks in Tatar for the 25 thousands pupils of first grade in Tatar schools of Bashkiria were edited and printed in the RASS of Tatarstan. Moreover, in each of these republics, the academic fields had to be mobilized to prepare the adequate textbooks (what was far from being obvious task when it was necessary for instance to write a textbook of mathematics in a language which until the years 1930 had never been written) and the printing had to be done imperatively for the coming school year. The books were then sent to Ufa before being finally distributed in the schools. This complex procedure explains delays and deficiencies in the textbooks delivery. In September 1949 for instance, only 57 per cent of textbooks in Tatar requested in Bashkiria had been send (23 per cent of Mordovian, 23 per cent of Chuvash, 40 per cent of Udmurt and 14 per cent of Mari textbooks)³⁷. The Bashkir Minister of Education criticized the lack of information furnished by rajONO, the chaotic distribution system and the “unprofessional work” of the editors. The response by Tatgosizdat (Tatarstan State editor) director evoked the lack of paper and numerous errors of strike made by the academic authors of the textbooks³⁸.

There were of course many exceptions to this general situation of bad knowledge of Russian in the national villages of Bashkiria. Great variety of local situations prevent us from generalization. An employee of the Ufa national Library told us that she could make a career in Ufa because its Tatar village (Ismagulovo village in the district of Belebej) was neighboring to a Ukrainian one: “Very often we were going to visit them. This is why we spoke better Russian than in other Tatar villages”³⁹. Social differentiation inside the village was also reflected in the access to Russian language. In the largest villages, members of local intelligentsia (teachers, doctors, engineers) spoke Russian

³⁷ Там же. Оп. 29. Д. 587. Л. 67–72.

³⁸ Там же. Оп. 32. Д. 338. Л. 68–70.

³⁹ “We also learned from our Ukrainian neighbors how to cultivate onions, which was not a Tatar tradition”, Interview made on September 11, 2006, Ufa.

between them, had Russian books in their private library and firstly put their children in the Russian classes of the rajcenter school. As told us a retired teacher born in 1933 in the Tatar Buzdjakskij district: “when I was eight-years old, my parents send me to the middle school (*семилетние*) of the Kuzeeskij village where Russian was taught as a subject. I spoke fluently Russian because of the frequent visits of the Russian-speaking friends of my father. Other children didn’t speak Russian so well because in the village we spoke all the time in Tatar”⁴⁰. This fluidity in the use of languages will arise during the 1960’s with the reinforcement of common pattern of individual mobility and occupational transition⁴¹. According to a Bashkir teacher of Russian: “For my part, I was lucky. I worked two years in a Russian village and that’s why I speak Russian without accent”⁴².

After the publication in 1948 of the Stalin famous article on “Marxism and linguistics”, some pedagogical measures were taken to improve Russian teaching in the national schools. Stalin “theory” became the obligatory reference for all reforms of language teaching. Special seminars were organized in the teacher-training institutions. In 1950, the Pedagogical Institute invited two thousand teachers of poor qualification in Ufa for training courses in Russian⁴³. The academic institutions (especially the Institute of history, languages and literature) were asked to write new textbooks. It was a good occasion to encourage a strict control on the textbooks content and for instance, in 1950, an Obkom secretary found in the Bashkir literature textbook (for 8-10th grade) a poem from Akmulla called “ode for Mardzhani”. He asked a rewriting as far as “Mardzhani is well known for his nationalistic and pro-Tatar bourgeoisie positions”⁴⁴. But there were also critics against the lack in Tatar textbooks printed in Kazan, of any information about Bashkiria⁴⁵. In order to strengthen scientific ground of national schools, an Institute of national Schools (*Институт национальных школ*) was created in 1949. In 1950, new edition of Russian textbooks in Bashkir, Tatar and Chuvash language was planned to be published. The accent was placed on grammar with the idea

⁴⁰ Interview made on September 9, 2006, Kuzeevskij village.

⁴¹ After passing his childhood in a little Bashkir village, historian Julaj Absaljamov went in 1963 to Leningrad with his parents: “At the beginning, it was very hard because I didn’t talk Russian a word. After some time, I learned Russian and could speak fluently. When five years later, we came back to our village; all my friends didn’t speak Russian. So I began to speak only in Bashkir”. Interview made on August 12, 2006, Ufa.

⁴² Interview made on September 14, 2006, Ufa.

⁴³ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 26. Д. 463. Л. 47–53.

⁴⁴ Там же. Оп. 32. Д. 601. Л. 8.

⁴⁵ Там же. Ф. 611. Оп. 38. Д. 2. Л. 158.

that the pupils would have less difficulty to learn Russian if one explained his grammatical rules by comparing them with those of their mother tongue. But, as some schools inspector's reports reveal it⁴⁶, these instructions were not applied before several years.

Nevertheless, during Khrushchev period, the abandonment of outright terror made it harder for the republic's leaderships to read the signals correctly, but there were signs in the first years after Stalin's death that they could expect more of a free hand in dealing with the educational affairs of their own republics. For instance, a virulent debate emerged in Ufa around the question of carrier possibilities for Turkish-speaking students. Access to high education was a quite impossible challenge for non-Russian students at that time. In 1955, only 16 of the 693 students of the Aviation Institute and 5 of the 155 students of the Oil Institute were of Bashkir nationality⁴⁷. In June 1957, the new Bashkir Minister of Education, F. Mustafina (she held this position between 1955 and 1971) asked the Obkom first Secretary, Z. Nuriyev, that Ufa universities provide courses in Bashkir language and that more pupils of the south districts of Bashkiria be recruited without examination⁴⁸. During a meeting in August 1957, she explained: "Much of pupils do not integrate the university because of their low level of Russian. The rare Tatar and Bashkir students who finished the national school of their village and who succeeded to enter in university don't want to go working in the national schools. Those who finished a Russian school want even less to work there. In consequence, Bashkir intelligentsia is progressively separated from the Bashkir people". Her proposal to include courses in national languages in the universities was refused but she obtained a reduction of the entry conditions for Turkish-speaking pupils. This solution was also defended by the Director of the Institute of History, Languages and literature, A. Harisov, who asked to enlarge the number of Tatar and Bashkir students in the pedagogical institutions⁴⁹. In order to recruit more candidates in a context of planned industrialization, the Bashkir State University agreed, like other establishments, to make pass the entry examinations in the mother tongue. In 1959, Murtaza Rahimov (born in 1934 and future President of the post-soviet Republic of Bashkortostan) could integrate the Oil Institute, whereas, as he acknowledged later, he didn't speak Russian.

⁴⁶ Там же. Ф. 122. Оп. 32. Д. 593. Л. 25.

⁴⁷ Там же. Оп. 29. Д. 587. Л. 10.

⁴⁸ The protocol of the reunion is available in: Там же. Ф. 122. Оп. 33. Д. 702. Л. 1-18.

⁴⁹ Там же. Ф. 122. Оп. 33. Д. 702. Л. 7, 9.

The 1960's: from bilingualism to national dissidence

An important moment of the languages history in Soviet Union is the 1958 educational reform. Nikita Khrushchev's theses "On strengthening the connection of school with life and on the future development of the system of national education in the land" approved at a plenum of the CC CPSU on 12 November 1958, aimed to fight against the increasing disdain for manual labor and to institute an equal treatment between all pupils in USSR⁵⁰. As the Article 19 pointed it out "in the area of language study in the schools of the Union and autonomous republics children are considerably overloaded. It is a fact that in the nationality schools children study three languages, their native tongue, Russian and one of the foreign languages"⁵¹. At the same time, Russian pupils in RSFSR were required to study only Russian and one foreign language. As far as this situation was considered unfair as given an educational advantage to children in the RSFSR (having more hours overall to devote to their other subjects) compared to children in the republics, "the question ought to be considered of giving parents the right to send their children to a school where the language of their choice is used"⁵². The main justification for the reform was the principle of parental choice. They could send their children to a Russian or a non-Russian school (so it was possible for them to refuse to teach their children Russian⁵³), once they attended a Russian school, to decide whether or not they wanted their children to be taught the national language. As a result, in all non-Russian republics, Russian was no longer compulsory in the national schools and the non-Russian languages were no more compulsory subjects in the Russian schools. In Armenia, Azerbaijan and Latvia, this proposal was refused, considering that the learning of national language should be required for all children of the Republican nationality. Asking to preserve the compulsory three-language system, the Prime Minister of Azerbaijan explained that there should be a compulsory teaching of Azerbaijani for all children living in Azerbaijan. After long and relatively free debates, article 19 was excluded

⁵⁰ *Coumel L.* L'appareil du parti et la réforme scolaire de 1958, Un cas d'opposition à Khrouchtchev // *Cahiers du Monde russe*. 2006. № 47. P. 1–2.

⁵¹ *Bilinsky Y.* The Soviet Education Laws of 1958–9 and Soviet Nationality Policy // *Soviet Studies*. 1962. N. 14/2. P. 139.

⁵² See appendix 1 for the full text of Article 19.

⁵³ As I. Kreindler recognized it, "the laws of 1958/59, by setting aside Stalin's decree of compulsory study of Russian, would seem to deprive the Russian language of its privileged position" (*Kreindler I.* Op. cit. P. 12).

from the central legislation, and Moscow leaved to individual republics to pass their own laws⁵⁴.

Taking into consideration these quite isolated reactions from national elites, several Western scholars have described this reform as, according to Isabelle Kreindler quoting Yaroslav Bilinsky, a “major blow against the non-Russian languages”⁵⁵. Using semantical analysis of the speech at the 22nd Party Congress, Kreindler concluded that “the emphasis seemed to be more on ‘merging and fusion’ than on ‘further development of national cultures’”. For Peter A. Blistein, the regime shifted the balance in the direction of russification⁵⁶. Analyzing the consequences of this reform, Brian D. Silver talked about the “russification of Soviet nationalities”⁵⁷. For Jeremy Smith, that law went against the right recognized by Lenin, of instruction in his mother tongue⁵⁸. Only Harry Lipset questioned the alleged anti-national impact of Khrushchev’s program, by showing that there were no immediate changes in practice⁵⁹. The reform was largely ineffective as there was no significant reduction in the number of children attending national schools in the decade after the new legislation. As archive material shows it for Bashkiria, the main problem remained the very capacity to teach Russian to non-Russians children. Just before the reform, in 1956, an Union conference was organized in Tashkent to deal about the best way to improve instruction in Russian. A teacher of Russian in the Republic of Tuva explained that in her village, the children have no possibility to hear Russian speak except at school⁶⁰. The so-called “schools of friendship” with parallel language instruction classes, promoted on the ground that they provide a natural Russian environment, failed to be implanted in all republics. In 1957, a new Union journal was created, *Русский язык в национальной школе* (Russian in national schools) and, in 1958, a Bashkir filial of the National Institute for

⁵⁴ Bilinsky Y. Op. cit. P. 144.

⁵⁵ Kreindler I. Op. cit. P. 12.

⁵⁶ Blistein P.A. Op. cit. P. 267.

⁵⁷ Silver B.D. The status of National Minority Languages in Soviet Education: An Assessment of Recent Changes // Soviet Studies. 1974. N. 26/1. P. 26–40; Silver B.D. Social Mobilization and the Russification of Soviet Nationalities // American Political Science Review. 1974. № 68/1. P. 45–66.

⁵⁸ Smith J. Republican Authority and Khrushchev’s Education Reform in Latvia and Estonia, 1958-1959 // The Sovietization of the Baltic States (1940-1956). Tartu, 2003. P. 13.

⁵⁹ Lipset H. The Status of National Minority Languages in Soviet Education // Soviet Studies. 1968. № 19/2. P. 181–199.

⁶⁰ Попов В.Г. Развитие русской речи учащихся национальной школы учителям-предметникам // Русский язык в нерусской школе. М., 1962. С. 114.

the teaching of Russian to non-Russians (NII PRIANSH) was founded. Until 1976, this institute published 36 textbooks, 26 pedagogical booklets and 4 dictionaries for teaching Russian language and literature⁶¹. In 1958, the authors of a collective work celebrating the 40th anniversary of the creation of national schools in RSFSR, requested pedagogical motives to reinforce the role of the mother tongue in the national schools⁶². The idea emerged that Russian has to be promoted through extra-curricular activities. For instance, the teacher of Russian in the 30th school of Kazan shared his long teaching experience, and explained that when she was preparing the visit of the local radio, where the explanations were given in Tatar, she gave his pupils specific Russian vocabulary (магнитофон, микрофон, студия). After the visit, the children had to write down a presentation in Russian⁶³. According to her, this way of interesting children gave good results in learning Russian.

At the end of the 1950's, Bashkiria still knew a high level of illiteracy, especially in the southern districts⁶⁴. In application of the Obkom decree of January 13, 1958, on the "liquidation of illiteracy", a new decree was passed (December 10, 1960) to increase the schools construction in the Republic⁶⁵. Due to the transition to a system of lengthened middle schooling (eight years), Russian as a subject steadily gained in the number of hours assigned to it. In the same time, Russian was becoming the lingua franca of the party and state bureaucracies except on the local level in mainly rural areas. Similarly, Russian was the language of many higher-education institutions, especially in technical and scientific fields. But the most significant factor in the spread of bilingualism was the application of the principle of parents' free choice of school (and class). Many testimonies agree on the decisive role played by the parents in the diffusion of Russian teaching during the 1960's. The archival documents do not contradict this assumption as shows it the following explanation given by a school director at a meeting (July 18, 1958) of rajONO officials: "I work in a Tatar village where teaching is done in the mother tongue of the children. However I often hear requests on behalf of

⁶¹ *Мустафина Ф.Н.* Развитие всеобщего среднего образования в БАССР (1917–1978). Уфа, 1979. С. 103.

⁶² *Национальные школы РСФСР за 40 лет.* М., 1958. The book contains a poem of Abdullah Tukai in which the famous Tatar poet praises for the mother tongue.

⁶³ *Бакеева М.К.* Творческие письменные работы с грамматическим заданием в татарской школе // *Русский язык в нерусской школе.* 1961. № 1. С. 92.

⁶⁴ In 1958, the illiteracy rate was for instance 6 per cent in the Makarovskij southern district, 5,8 per cent in Salavatskij, 5,7 per cent in Mechetlinskij, 4,5 per cent in Beloretskij, 4,1 per cent Tatyshlinskij and 3,9 per cent in Janaul'skij district (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 881. Л. 56–61).

⁶⁵ Там же. Оп. 66. Д. 293. Л. 45.

the parents so that their children study in Russian. And that would be fair. It would be necessary to ensure teaching in Russian and that Tatar is taught as a foreign language”⁶⁶. Petitions signed by parents to change language of instruction in their school were given to the director who informed rajONO and the Ministry that was responsible for the application. The Rajkom was not inevitably involved in this change. Weak rate of success in national schools, lack of qualified teachers and lack of national languages in the universities: as a result, there were few incentives for non-Russians to learn their literary native languages, or even to pursue their early education in the native language. This was especially true for the smaller peoples in the autonomous republics. Parents there often questioned the need for native-language education, given the role Russian played in Soviet society outside the school. More and more non-Russian parents preferred to send their children to Russian schools (or classes) because of the poor quality of Russian instruction in non-Russian schools. Officials of the autonomous republic supported the desire of the RSFSR Minister of Education, A. A. Voznasenskii to improve Russian teaching, because they felt pressure from parents to improve Russian instruction, which would ensure educational opportunity for their children. This point of view was shared by V. M. Solncev (director of the Linguistic Institute of the Academy of Sciences): “Evolution of languages practices is largely determined by socio-economic factors. In places where there is Russian and non-Russian schools, parents preferred to send their children in Russian schools. In so doing they gave more opportunities to their children. But the unfortunate consequence was a deterioration of knowledge in native language”⁶⁷. Therefore, according to soviet linguist Kaltahcian, “all talk about russification must be totally dismissed since the study of Russian was completely voluntary”⁶⁸.

We must insist on the pragmatic character of the local educational policy. The shift of non-Russian schools to Russian as the medium of instruction was not simultaneous or homogeneous. We can first notice important variations depending on the republics involved: in 1958 Karelian schools were shifted to Russian as the language of instruction from the very first grade, but many other nationalities have been giving up their mother tongue as the medium of instruction only gradually, like in the Chuvash Republic: up to 1961 the Chuvash

⁶⁶ Там же. Оп. 33. Д. 1178. Л. 31.

⁶⁷ Солнцев В.М. Языковой вопрос в многонациональных странах и языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 5–20.

⁶⁸ Калтахчян С.Р. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976. С. 318.

studied in their mother tongue through the 7th grade and shifted to Russian in the 8th. By 1962/63, most Chuvash schools were making the shift to Russian in the 4th grade⁶⁹. Some nationalities, such as the Tatars, have in addition to schools in which the mother tongue was the language of instruction through the tenth grade, also schools in which Russian was the medium of instruction from the first grade while Tatar was only an elective subject⁷⁰. In Bashkiria, major shift to Russian as language of instruction occurred during the mid-1960's to 1970's. Until the 1950's, the great majority of Tatar and Bashkir schools proposed national language as the language of instruction. After the mid-1960's, most part shifted completely (from first grade to 10th) and partly (from 5th or later) to Russian as medium of instruction. During the 1970's, as show the statistics⁷¹, number of pupils studying in their mother tongue decreased very fast, by 26 per cent for Bashkir-speaking (between 1970 and 1978), by 54 per cent for Tatar-speaking, by 30 per cent for Udmurt-speaking and by 70 per cent for Chuvash-speaking pupils. In the end of the 1970's, starting from the 5th grade, Russian was almost everywhere the language of instruction in the national schools of Bashkiria. Today the situation remains the same in the schools of Tatar or Bashkir villages. Regina, a 12 years old girl living in the Usman-Tashli village (at the border with Tatarstan), studied all subjects in Tatar until last September. Now in 5th grade, she studies in Russian. Fluently speaking Russian, she prefers talking Tatar like everybody in the village⁷².

We must also take into account the great variability of concrete situations. Because 90,9 per cent of all schools of Bashkiria were rural ones in 1965/66 (and carried 59,2 per cent of all pupils)⁷³, the shift was mostly determined by very local conditions. First of all, an important phenomenon concerning the transition of the national schools to Russian teaching was his apparently "random" character. We failed to find any official document planning to realize this major educational change. On the contrary, testimonies and archival sources clearly show us that the modification was carried out according to the geographical and economical situation of the villages and especially to the administrative resources at the disposal of the school director. In the very distant villages, the social pressure for Russian was not strong enough to speed the

⁶⁹ Гусев Д. И. Развитие культуры народов Поволжья и Прикамья в период строительства коммунизма // Вопросы истории. 1971. № 4. С. 51.

⁷⁰ Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973. С. 236-237. Quoted by Kreindler I. Op. cit. P. 29.

⁷¹ See appendix 2 and 3.

⁷² Information collected during a visit in the Usman-Tashli village, August 20, 2006.

⁷³ Мустафина Ф.Н. Указ. соч. С. 107.

schooling transition. When the link with urban life was stronger, in the villages of economically developed regions, the local population expressed the need for bilingualism. But the lack of well-qualified teachers obliged the village authorities to compete for them. To be able to find and recruit a good teacher knowing Russian and able to teach his subject in both Russian and national language, was not an easy task. Director of the Chekmagush school (rajcenter of the Chekmagushevskij district, 75 kilometers west of Ufa), M. Enikeev told us how he personally decided, after a parents meeting in October 1965, to shift to Russian teaching: "many rajONO officials didn't agree with my proposal. But I knew someone in the Ministry of education. He was my *земляк* [coming from the same district, X.L.T.] so I went to him and he helped me. In 1966, a young Tatar-teacher of mathematics already arrived in the village. One year later, I married her. She spoke very well Russian. At the beginning of the 1970's, a lot of school directors, and even rajONO officials, came to me for advices on how to organize Russian classes in Tatar schools"⁷⁴. As this example show it, personal links and local authority of the school director were decisive factors. Another important factor was the status of the village. The rajcenter schools were privileged and received more new teachers than schools in little villages. The latter remained with instruction in national language. In the largest villages, the numerous local elite carried the requests for Russian classes. Ildar Gabdrafikov, young ethnographer working in Bashkiria, explained us that in the rajcenter villages (where he himself got first education in the 1970's), the treatment was not equal between the villagers: the members of the local elite could send their children to Russian classes, when kolkhozian children mostly attended the national classes⁷⁵. Related to this, the regional disparities inside Bashkiria accentuated the unequal character of the language shift. It appears from statistical material that the Tatar schools of the western Bashkiria had proportionally more easy access to Russian instruction. More difficult situation was in the Bashkir villages of the south with low level of development⁷⁶. This gap in the level of carrier opportunities had significant political consequences when, at the end of the 1970's, the southern clientelist networks used Bashkir nation-

⁷⁴ Interview made on September 9, 2006, Ufa.

⁷⁵ Interview made on August 12, 2006, Ufa.

⁷⁶ Shaura Murtazina, a 72 years old woman working as editor of the new Russian/Bashkir dictionary told us: "I went to the same school (семилетняя школа) than Murtaza Rahimov but he lived in an isolated village and he had to walk 15 kilometers everyday to come to school. Teaching was in Bashkir and at the end of the 1960's there was an attempt to introduce classes in Russian. But it was a failure and I remembered very well how the new teacher was finally teaching in Bashkir to be understood by children". September 17, 2006, Ufa.

alistic arguments (promoted by linguist Dzhalil' Kiekbaev and historian Nijaz Mazhitov, *земляки* of a southern district) to contest the “pro-Tatar” power of Midhat Shakirov, first Secretary of Bashkir Obkom from 1969 to 1987⁷⁷.

Nevertheless, relative weight of Russian as medium of instruction continued to expand and imposed changes in pedagogical emphasis (stress on the direct method under Khrushchev, on audio-visual aids in the early 1970's, on the comprehensive approach during the 1970's). Since Russian was no longer considered a foreign language, but “a second mother tongue”, methods of teaching have undergone important changes. Beginning in the late 1960's, the Russian curriculum has been revised in line with the emphasis on the functional rather than theoretical learning of the language. The promotion of uniformity in curriculum and in the teaching materials and methods has also intensified. Russian school dictionary were no longer developed separately for each republic and the uniform curriculum was extended to Russian literature courses as well. The role of the mother tongue in teaching Russian seems to be determined largely pragmatically. In contrast to the period up to 1957, when the mother tongue was unquestionably viewed as the “chief tool” in learning Russian, it was accepted whenever its use could be justified by the comparative method and the need to prevent “language interference”. On local level, the fear about psychological effects of bilingualism leads to reactions in favor of teaching in the national language, at least in the first grades⁷⁸.

Such request for a standardized educational system is undoubtedly the sign of a much larger homogenization process. To understand the growth of bilingualism (national language/Russian) as a complete social phenomenon not to be limited to any policy from above, it is important to enlarge our view on the intense urbanization, which occurred in the 1960's, with its increase in interethnic contacts. Moved by the concrete need for language of interethnic communication, urban modernization caused, as everywhere, a large cultural standardization. An indicator of this cultural unification around Russian is for instance the fact that in the 1960's, the use of the patronymic name started to decline in the official designation of an individual. Its absence confers a familiarity with the carrier of the name and mark a

⁷⁷ *Le Torrivellec X. Entre steppes et stèles. Territoires et identités au Bachkortostan // Cahiers du monde russe. En islam sibérien. 2000. N. 41/2-3. P. 369–400.*

⁷⁸ “I was a teacher of Russian in the 1970's and with my colleagues we were often discussing the consequences of mixing languages. There was a movement in our school against the Russian teaching for little children”. Interview with Rasima Karimova, August 21, 2006, Usman-Tashly.

less social distance⁷⁹. The spoken language acquired a new social significance when increased the population mobility. When the television began to diffuse new behavior standards, speaking Russian became synonymous of social recognition, symbol of the “lights compared to the darkness of indigenous languages”⁸⁰. In Bashkiria, the very fast urbanization of that period provided the labor forces required for industrialization by doubling the part of rural Turkish-speaking populations in the cities⁸¹. The massive migrations of these populations from the villages to the cities, dominated by Russian culture, caused significant upheavals on both social and cultural aspects. The psychology of marginality that characterizes the newly urbanized Turkish population when faced with the complexities and dissatisfactions of contemporary urban life was an ideal ground for individuals to activate the national categories. At the difference of the villages, where national identity is not a relevant criterion of social distinction and where the common language is the mother tongue of the great majority of the villagers; in the anonymous cities, the national categories acquire a completely concrete effect (the fifth point of the passports “пятый пункт” which defined nationality was important to get a job). National identification was mostly an urban phenomenon. In the cities of Bashkiria, the functional sphere within which the indigenous languages were used decreased, the public use of Turkish languages was stigmatized and the pressures in favor of Russian teaching were more effective than in the villages⁸². In 1972, only two schools in Ufa remained Bashkir as language of instruction and one Tatar school was situated in the building of the famous djadid madrasa Galia. The Russian language became a distinctive mark (*признак*) for the Soviet socialist unity. Russian was used at the same time as an instrument of unification and as a symbol of the “Soviet people, New Historical community of Peoples”. The formula made its official appearance in the 1969 party resolution. Russian was called to play a role that extends considerably beyond its role as the lingua franca: it is to be the chief forger of a common supra-national identity. Nevertheless, the priority was continually laid on the equality of all the languages of the Union: Russian

⁷⁹ The Russian Language... P. 260.

⁸⁰ Interview with Ramil Bikbulatov, professor at the Bashkir State University, August 25, 2006, Ufa.

⁸¹ See Appendix 3.

⁸² Interview of Julaj Absaljamov: “In 1971, I was teacher of history in a Bashkir school of Ufa. During an inspection, a Central Committee inspector was put in anger when he noticed that in the class of Bashkir language, the portrait of Salavat Julaev [companion of Pugachev and Bashkir hero, X.L.T] was bigger than the portrait of Lenin”, September 17, 2006, Ufa.

was never declared formally official language; neither by the Union nor by any republic, not even in RSFSR (see the Constitution of 1978).

During the 1970's, national languages teaching became optional in the primary schools. In 1973, some officials even planned to oblige the kindergartens to use only Russian in teaching. Between 1960 and 1980, about half of the 70 languages taught before in the schools of the Soviet Union disappeared from the school curriculum. Russian had to become the "second mother tongue" of all the Soviet citizens. In 1975, the Soviet demographer V.I. Kozlov suggested a new category for the future census: People who report Russian as their mother tongue and yet do not consider themselves "real Russians" should be able to choose the term "Soviet" as their nationality⁸³. During the Soviet census of 1970, 48,7 per cent of non-Russians in USSR (53,3 per cent of Bashkir population) declared they can speak Russian; they were 62,2 per cent in 1979 (65 per cent among Bashkirs)⁸⁴. In the context of so-called "linguistic nihilism"⁸⁵, while the role of Russian was expanding in practice, opposing views on the future of nationalities and their languages appeared on the pages of even the popular press. When the Soviet linguist O.P. Sunik listed in a foot-note "dying" languages⁸⁶, in both Union and autonomous Republics, the emergence of national historiographies gave more visibility to linguistic claims based on nationalistic considerations. One reason for the clash which occurred in the 1970's between Bashkir and Tatar linguists was the question of the phonetic proximity of Bashkir and Tatar languages, the geographical repartition of Bashkir dialects, and the danger of "tatarization" of Bashkir-speaking population⁸⁷. Before the 1979 census, the question of which language (Tatar or Bashkir) must be taught as a sub-

⁸³ Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М., 1975. Quoted by Kreindler I. Op. cit. P. 37.

⁸⁴ Всесоюзная перепись населения 1970 года. М., 1976. С. 196.

⁸⁵ "These trends also contributed to the emergence of a certain linguistic nihilism among the Tatar population. The proportion of individuals declaring Russian as their mother tongue increased dramatically by 1989, including 4 per cent of the Tatar population. The general level of knowledge of the Tatar tongue decreased even among those who continued to use it. Research conducted among Tatar College and university students revealed that only about a third spoke Tatar fluently, 56 per cent reported that they only used it for conversational purposes, and about 10 per cent stated that they did not understand it at all". Musina R.N. Contemporary Ethnosocial and Ethnopolitical Processes in Tatarstan // Ethnic Conflict in the Post-Soviet World, Case Studies and Analysis. New York, 1996. P. 198–199.

⁸⁶ Дружба народов. 1967. № 1; Известия. 1968. 4 декабря; Суник О.П. Некоторые проблемы языкового строительства в СССР // Вопросы языкознания. 1971. № 7. С. 28. Quoted by Kreindler I. Op. cit. P. 17.

⁸⁷ Gorenbourg D.P. Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation. Cambridge, 2003.

ject in the western villages of Bashkiria became a high political question because of its impact on the final number of the titular population⁸⁸. During the 1970's, public life in Bashkiria was characterized by a lot of publications and a growing influence of movements in favor of the protection of the Bashkir language⁸⁹. When republican leaders could behave more or less as they wanted if they did not interfere directly with the aims of the center, both officials and dissident actors could use the linguistic question to promote their own discourses and interests⁹⁰. Not surprisingly, nationalistic commitments for the preservation of titular languages emerged at the very moment when the rest of the world was awakening to the importance of vernaculars and striving to revive and encourage long neglected or repressed languages of minority populations.

For better understanding the demographical and political issues that surround today the promotion of languages in post-Soviet Russia's national Republics, it is important in each case to go back to recent history. The 1950/1960's period was decisive for the implantation of bilingualism among non-Russian populations of the Volga-Urals region. In the 1970's, using Russian language to contest the "anti-national effects of russification", Bashkir historians and linguists prepared the political radicalization of the 1980's and 1990's. In the 2000's, Rahimov efforts to preserve Bashkortostan sovereignty are considered by Ildus Ilishev, his adviser on national questions, as the "only way to assure the survival of the Bashkir language. Whatever the future may hold for the non-Russian minorities, they are unlikely to abandon their national aspirations. If Russia considers itself to be a multinational state, it must abide by international law on Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities (UN declaration in 1992). Both Russia and Bashkortostan can coexist, but not by virtue of the deceptively appealing concept of an ethnically-blind "civic" state, which glosses over important issues con-

⁸⁸ *Le Torrivellec X.* Le crépuscule des ethnies, identités et politique: le recensement russe de 2002 en république du Bachkortostan // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 2004. № 35/2. P. 29–58.

⁸⁹ The most famous works are of: *Киекбаев Д.Г.* Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972; *Максютова Н.Х.* Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа, 1976. С. 10–12.

⁹⁰ The "Open Letter of 17 Latvian Communists against the Russification" published on January 30, 1972 in the Swedish newspaper "Daggers Nyheter" explained "the local population is submerged by the arrival of Russians. The drop by 62 to 57 per cent of the number of Latvians in Latvia condemns our republic to the same fate than Karelia, a total disappearance". *Zisserman-Brodsky D.* Constructing Ethnopolitics in the Soviet Union: Samizdat, Deprivation, and the Rise of Ethnic Nationalism. New York, 2003. P. 73.

cerning minority rights”⁹¹. On September 1, 2006, it was Ilishev’s initiative to impose Bashkir language as a compulsory subject for all children of Bashkiria.

Appendix 1

Article 19 of Nikita Khrushchev’s Theses approved by the Central Committee on 12 December 1958

Instruction in the Soviet school is conducted in the native tongue. This is one of the important achievements of the Leninist nationality policy. At the same time, in schools of the Union and autonomous republics the Russian language is studied seriously. This language is a powerful means of international communication, of strengthening friendship among the peoples of the USSR, and of bringing them into contact with the wealth of Russian and world culture.

Nevertheless, we must note that in the area of language study in the schools of the Union and autonomous republics children are considerably overloaded. It is a fact that in the nationality schools [non-Russian schools, X.L.T.] children study three languages — their native tongue, Russian, and one of the foreign languages.

The question ought to be considered of giving parents the right to send their children to a school where the language of their choice is used. If a child attends a school where instruction is conducted in the language of one of the Union or autonomous republics, he may, if he wishes, take up the Russian language. And vice versa, if a child attends a Russian school, he may, if he so desires, study the language of one of the Union or autonomous republics. To be sure, this step could only be taken if there is a sufficient number of children to form classes for instruction in a given language.

To grant parents the right to decide what language a child should study as a compulsory subject would be a most democratic procedure. It would eliminate arbitrary decisions in this important matter and would make possible the termination of the practice of overloading children with language study. Permission should be granted not to include a foreign language among the required subjects in schools where appropriate conditions do not exist.

Source: Bilinsky Y. The Soviet Education Laws of 1958/59 and Soviet Nationality Policy // Soviet Studies. 1962. № 14/2. P. 139.

⁹¹ *Ilishev I.G.* Nation-Building and Minorities Rights in Post-Soviet Russia: the Case of Bashkortostan // Democracy and Pluralism in Muslim Eurasia, The Cummings Center Series. New York, 2005. P. 323.

Appendix 2

Number of schools in Bashkiria by language of instruction:

for 1952/1953		and 1976/1977 school years:	
Languages of instruction	Number of schools	Languages of instruction	Number of schools
Russian	2211	Russian	1464
Tatar	1507	Tatar	777
Bashkir	900	Bashkir	685
Chuvash	150	Chuvash	51
Mari	178	Mari	104
Udmurt	45	Udmurt	33
Total	5138	Total	3114

Source: Мустафина Ф.Н. Указ. соч. С. 100.

Appendix 3

Number of pupils in Bashkiria by language of instruction:

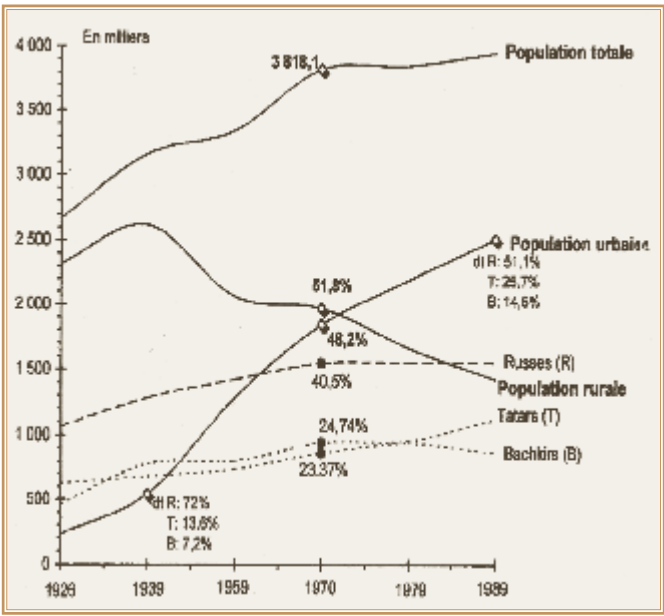
Language of instruction		1949/1950		1965/1966		1978/1979	
		Number of pupils	In per cent of all pupils	Number of pupils	In per cent of all pupils	Number of pupils	In per cent of all pupils
Russian	In all schools	310866	50,4	581002	63,2	496858	75,1
	In schools with one language of instruction	271909	-	581686	-	-	-
Tatar	In all schools	200858	32,4	190439	20,7	80041	12,1
	In schools with one language of instruction	169711	-	151648	-	-	-
Bashkir	In all schools	66010	10,7	106088	11,2	74303	11,2
	In schools with one language of instruction	56347	-	85687	-	-	-
Chuvash	In all schools	16925	2,7	17145	1,8	3161	0,4
	In schools with one language of instruction	11679	-	11896	-	-	-

Language of instruction		1949/1950		1965/1966		1978/1979	
		Number of pupils	In per cent of all pupils	Number of pupils	In per cent of all pupils	Number of pupils	In per cent of all pupils
Udmurt	In all schools	3939	0,6	6383	0,6	1588	0,2
	In schools with one language of instruction	2725	-	5637	-	-	-

Source: Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987. С. 47;
Архив Министерства образования Республики Башкортостан. Ф. 798. Оп. 9. Д. 4707.

Appendix 4

National composition and urbanization in the Republic of Bashkortostan (1926– 1989)

Sources: Юлдашбаев Б. Башкиры и Башкортостан. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 28; Киекбаев М.Д.
Башкиры в городах Башкортостана: История и современность. Уфа, 1998. С. 28.

Ключевые слова:

языковая политика в СССР, образование, нации, идентичности,
Волго-Уральский регион, Башкирия

К. Ле Торривеллек

ЯЗЫКИ, ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИКА: СОВЕТСКАЯ БАШКИРИЯ В 1950–1960 гг.

реди современных проблем, возникающих при функционировании языков в многонациональном российском обществе, складывающихся вокруг языковой ситуации в ряде регионов, появляющихся при употреблении тех или иных языков в постсоветских республиках Волго-Уральского региона Российской Федерации, важно обратиться к тем процессам, которые происходили в этой области советской национальной политики в середине XX в.

Статья посвящена анализу преподавания языков в школах Башкирской АССР в 1950–1960 гг., раскрывает соотношение развития новой советской идентичности и национальных интересов местных народов, показывает особенности распространения двуязычия в тюркском и финно-угорском населении, характеризует языковую политику и ее восприятие многонациональным населением этой республики.

 Ле Торривеллек Ксавье

PhD, доцент Воронежского государственного университета

В.Н. Томилин

РАЗГРОМ БАЗЫ ЛЮФТВАФФЕ ПОД ТАЦИНСКОЙ — КУЛЬМИНАЦИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

еликая Отечественная война воспринимается обществом как величайшее событие в истории России. Значимость победы над коалицией фашистских государств предопределила характер освещения и осмысления решающих сражений войны не только в художественно-публицистических произведениях, но и в исторических исследованиях. Это, во мно-

гом, взгляд победителей, когда на первый план выходят достижения, и чтобы ярче выделить их, нередко потери противника завышаются, а о цене успеха, собственных промахах следуют абстрактные рассуждения. В результате нарушается целостность восприятия событий, их объективная оценка.

В настоящей статье делается попытка осветить один из кульминационных моментов Сталинградской битвы — разгром базы германской авиации под станицей Тацинская в конце декабря 1942 г. Драматичные сражения, приведшие к ликвидации авиабазы люфтваффе, разумеется, нашли свое отражение в отечественных и зарубежных исследованиях и обобщающих трудах. Но в них по-разному оцениваются характер сражения, поведение войск, потери сторон в живой силе и вооружении, потому открывается возможность для выявления и устранения некоторых противоречий.

Контрнаступление советских войск под Сталинградом, начавшееся 19 ноября 1942 г., стало поворотным моментом в истории Великой Отечественной войны, оно завершилось окружением и уничтожением стратегической группировки германских войск и их союзников. В Сталинградской битве Красная армия одержала победу, вырвала стратегическую инициативу. Потери противника оказались невосполнимы.

Перелом в драматическом сражении был достигнут в то время, когда гитлеровцы уже готовились праздновать победу. Германская пропаганда трубила на весь мир о триумфе на Волге. 8 ноября 1942 г., выступая перед ветеранами нацистской партии в Мюнхене, Гитлер заявил о том, что Сталинград уже взят, а Красная армия разбита¹. Парадокс данной ситуации состоит в правдоподобности данного утверждения. К этому времени немецко-фашистские войска захватили большую часть города и вышли к Волге.

23 ноября 1942 г. в ходе осуществления операции «Уран» войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов взяли в кольцо окружения крупнейшую группировку войск врага под Сталинградом. В советской историографии численность этих войск определялась в 330 тыс. человек. Однако никакими документальными данными эта цифра не подтверждается. В академическом издании 1998 г. приводятся другие сведения — 284 тыс. человек². Последняя цифра более обоснована. При определении численности окруженных немецко-фашистских войск грубый просчет допустило советское командование. В официальных данных штабов фронтов указывалось 80—90 тыс. человек, хотя на самом деле их оказалось втрое больше³. Вот почему боевые действия по уничтожению вражеской группировки затянулись.

Весть об окружении 6-й армии ошеломила руководство вермахта. Обстановка в битве на Волге кардинально изменилась. Теперь германскому командованию надо было думать о том, как спасти собственные войска. Гитлер был настроен категорически против прорыва войск из кольца и оставления Сталинграда. Для деблокады войск командование вермахта создает группу армий «Дон», которую возглавил один из лучших немецких полководцев генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн. Командующий 6-й армией Ф. Паулюс получил приказ занять круговую оборону и ждать

¹ Кериг М. 6-я армия в сталинградском котле // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ / Пер. с нем.; предисл. Г. Рота. М.: Прогресс—Академия, 1995. С. 83.

² Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. Перелом. М.: Наука, 1998. С. 66.

³ Там же. С. 69.

Генерал-фельдмаршал
Э. фон Манштейн

деблокирующего удара извне. 12 декабря войска группы армий «Дон» начинают операцию «Зимняя гроза» по вызволению окруженных войск.

Немецкие войска наносили основной удар на котельниковском направлении. Развернулись ожесточенные сражения, высшего накала они достигли в районе хутора Верхне-Кумский. Танкам Г. Гота удалось пройти две трети пути до Сталинграда, оставалось еще 35–40 километров. Битва на Волге достигла своей кульминации.

В окончательном срыве планов противника по деблокаде войск Паулюса важную роль сыграли два фактора. Во-первых, Ставка Верховного главнокомандования ввела в сражение против танков Г. Гота резерв — 2-ю гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского. Во-вторых, это осуществление операции «Малый Сатурн», основную роль в которой сыграл Юго-Западный фронт под командованием генерал-полковника Н.Ф. Ватутина.

Командование Юго-Западного фронта планировало нанести главный удар силами 1-й и 3-й гвардейских армий по сходящимся направлениям на Тацинскую, Морозовск с целью окружения и уничтожения основных сил 8-й итальянской армии и оперативной группы «Холлидт», а вспомогательный — в направлении Морозовск, Тацинская силами 5-й танковой армии. Для проведения операции фронт был усилен стрелковыми и танковыми корпусами, а также большим количеством отдельных частей.

Танковые корпуса стали главной ударной силой 1-й гвардейской армии под командованием генерал-лейтенанта В.Н. Кузнецова. Роль своеобразного тарана отводилась 18-му и 25-му танковым корпусам, которыми соответственно командовали генерал-майоры Б.С. Бахаров и П.П. Павлов. Они дол-

Генерал-майор
П.П. Полубояров

жны были совместно с пехотой осуществить прорыв вражеской обороны, а затем во взаимодействии с войсками 3-й гвардейской армии окружить главные силы 8-й итальянской армии на Среднем Дону. 17-й танковый корпус (командир генерал-майор П.П. Полубояров) получил приказ наступать в направлении Кантемировка, Волошино. Особая роль отводилась 24-му танковому корпусу генерал-майора В.М. Баданова. Его намечалось ввести в прорыв после преодоления обороны противника непосредственно за 18-м и 25-м танковыми корпусами для развития успеха в общем направлении на Тацинскую⁴.

Наступление советских войск на Среднем Дону (операция «Малый Сатурн») началось 16 декабря. В итоге оборона фашистских войск была прорвана, часть их попала в еще одно кольцо. При этом советские танковые корпуса вышли на оперативный простор. Дальнейшее развитие событий грозило немецко-фашистским войскам катастрофическими последствиями. Анализируя причины гибели сталинградской группы войск, немецкий историк К. Типпельскирх отмечает: «...Решающей причиной, которая заставила прекратить движение (танков Гота. — В.Т.), был новый удар русских 16 декабря на Дону и предпринятое одновременно с ним наступление на слабые позиции у реки Чир. ...Вскоре на фронте зияла брешь шириной 100 км, которая оказала решающее влияние и на положение группы армий «Дон»⁵.

⁴ Порфирьев Э.В. Рейд к Тацинской // Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 63–64.

⁵ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Т. 1. 1939–1943. СПб: Полигон, 1994. С. 261.

Весьма успешно действовал 24-й танковый корпус генерал-майора В.М. Баданова, совершивший дерзкий Тацинский рейд. В состав корпуса входили 4-я гвардейская (командир полковник Г.И. Копылов), 54-я (командир полковник В.М. Поляков) и 130-я (командир подполковник С.К. Нестеров) танковые и 24-я мотострелковая (командир полковник В.Л. Савченко) бригады, 13-я инженерно-минная рота и 156-я подвижная ремонтная база. Для выполнения поставленной задачи корпус был усилен 658-м зенитным артиллерийским полком и 413-м отдельным гвардейским минометным дивизионом. К началу операции корпус имел 159 танков, два комплекта боеприпасов всех видов, две заправки ГСМ и продовольствия на пять суток⁶.

Командование фронта большое внимание уделяло организации авиационной поддержки корпуса. В штаб 24-го танкового корпуса был выделен офицер штаба 3-го смешанного авиакорпуса со своими средствами связи и кодовой таблицей. Для взаимного опознавания частей танкового соединения и авиации устанавливались общие сигналы опознавания и целеуказания. В соединениях корпуса до роты включительно с целью подачи сигналов авиации танкисты заготовили плащ-палатки, простыни, фонари, ракеты белого, красного и зеленого цветов. Управлять войсками по радио в звеньях корпус — армия и корпус — бригада намечалось с помощью кодовых переговорных таблиц, а в звеньях бригада — батальон и ниже — открытым текстом. Связь с командующим Юго-Западным фронтом планировалось поддерживать посредством выделенной корпусу штабом фронта специальной радиостанции. В случае большого удаления корпуса от штаба фронта связь между ними предусматривалось осуществлять через промежуточные радиостанции⁷.

В операции «Малый Сатурн» 24-й танковому корпусу предстояло выйти в район железнодорожной станции Тацинская — место сосредоточения крупных складов боеприпасов и продовольствия. Поблизости от станции находился один из аэродромов, с которого самолеты люфтваффе осуществляли снабжение окруженной группировки Паулюса. Уничтожение этого аэродрома стало главной целью корпуса.

К выполнению задачи 24-й танковый корпус приступил 17 декабря 1942 г. В этот день части соединения переправились через Дон в районах Верхнего и Нижнего Мамона. За семь дней в зимних условиях, при бездорожье и сильно пересеченной местности танкисты преодолели более

⁶ Порфирьев Э.В. Указ. соч. С. 64.

⁷ Там же. С. 66.

Тацинский аэродром за несколько часов до того, как на него ворвались русские танки

200 километров. Марши совершались в основном по ночам, чтобы избежать потерь от ударов германской авиации.

В военно-исторической литературе действия 24-го танкового корпуса во второй половине декабря 1942 г. чаще всего называются рейдом. Однако это не был рейд в строгом смысле военной терминологии. Рейд (англ. *raid*), как указывается в энциклопедии, — проникновение и боевые действия танковых, механизированных, кавалерийских соединений или партизан в тылу противника с целью уничтожения важных объектов, нарушения коммуникаций, расширения и поддержки партизанского движения и т.д.⁸ В данной ситуации советские войска вели непрерывные бои с арьергардом врага, находясь в отрыве от баз снабжения. По пути советские танкисты громили встречавшиеся части и гарнизоны противника, захватывали его вооружение, боеприпасы, продовольствие, транспортные средства и др.

В ходе рейда очень эффективно действовала 130-я танковая бригада под командованием подполковника С.К. Нестерова. Так, совершив ночной 40-километровый переход, утром 19 декабря передовой отряд бригады подошел к станции Маньково-Калитвенская. В ней находился сильный гарнизон врага. Батальоны бригады с ходу атаковали противника на окраинах станции и связали его боем, что позволило другим соединениям корпуса

⁸ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 1115.

ворваться в станицу с другой стороны и отрезать фашистам пути отхода. Гарнизон был полностью разгромлен. Танкисты захватили армейскую базу снабжения, а в ней богатые трофеи: склады инженерного и интендантского имущества, продовольствия, горюче-смазочных материалов, боеприпасов и оружия. Особенно ценным трофеем стали 300 исправных автомашин, которые тут же были задействованы мотострелковой бригадой⁹.

Также блестяще проявила себя бригада С.К. Нестерова при освобождении села Большинка. 21 декабря, переправившись через реку Большая, ее части уничтожили вражеское боевое охранение, ворвались на северо-восточную окраину населенного пункта. Давление на немецкий гарнизон было очень сильным, вот почему для отражения атаки противник использовал все резервы. В это время другая бригада корпуса — 54-я танковая — нанесла по врагу удар с тыла, откуда он совершенно не ждал. В результате комбинированного наступления с различных направлений немецкий гарнизон был разгромлен¹⁰.

За три дня рейда 24-й танковый корпус преодолел 120 километров, до станицы Тацинской оставалось пройти еще около 60 километров. Однако на полпути к главной цели располагался сильно укрепленный опорный пункт немцев — станица Скосырская. Командир корпуса В.М. Баданов решил взять его ночной атакой. Тактика наступления против небольших гарнизонов врага была уже отработана. Ее суть сводилась к тому, чтобы сковать войска противника наступлением с фронта, а главными силами нанести удары во фланг и тыл. Выполнение этой задачи было возложено на 54-ю и 130-ю танковые бригады и роту мотострелков. Ночная атака завершилась полной победой. К утру 23 декабря сопротивление противника было сломлено. Остатки его разгромленных подразделений пытались отойти, но попали в засаду и были уничтожены. Путь на станицу Тацинская стал свободен, до главной цели предстояло пройти еще порядка 30 километров. К рассвету 24 декабря основные соединения корпуса вышли на подступы к германской авиабазе.

Генерал-майор В.М. Баданов понимал, медлить нельзя, германское командование принимало ответные меры. «В Тацинской размещалась фронтовая база противника, — вспоминает он. — Здесь были склады: продовольственные, артиллерийские, технические, горючего. Здесь же, у Тацинской, располагался аэродром, на котором размещалась боевая и транспортная

⁹ Баданов В.М. Глубокий танковый рейд // Сталинградская эпопея. М.: Наука, 1968. С. 630.

¹⁰ Порфирьев Э.В. Указ. соч. С. 69.

Немецкие Ju-52, взлетевшие с Тацинского аэродрома

авиация, которая бомбила войска и питала окруженную группировку Паулюса.

И во мне боролись два чувства: я сознавал, что необходимо после боя привести в порядок материальную часть, заправить ее, пополнить боеприпасы, вместе с тем накормить людей и дать им отдых. В то же время обстановка требовала идти немедленно на выполнение задачи, не дожидаясь подхода 24-й мех. бригады»¹¹.

Танковый корпус испытывал огромные трудности со снабжением. Его база снабжения находилась в Калаче на расстоянии в 250 километров, а обеспеченность автотранспортом составляла 60%. Топливом пришлось загружать машины, предназначенные для транспортировки боезапаса и продовольствия. Тем не менее топливо было на исходе — в баках танков оставалось 0,5 заправки¹².

В.М. Баданов принимает решение атаковать базу люфтваффе, не дожидаясь рассвета. Атака началась в 7 ч. 30 мин. после залпа гвардейских минометов. Удар трех бригад с разных направлений оказался для гитлеровцев неожиданным. «Танки 54-й танковой бригады с десантом стремительным броском ворвались на аэродром, начали уничтожать охрану аэродрома, расстреливать из пулеметов и автоматов бегущих к самолетам гитлеровских летчиков. Фашисты в панике бежали к самолетам, кто в чем: в комби-

¹¹ Баданов В.М. Тацинский рейд // Битва за Волгу: Воспоминания участников Сталинградского сражения. Сталинград, 1958. С. 161.

¹² Самсонов А.М. Сталинградская битва. 4-е изд, испр. и доп. М.: Наука, 1989. С. 484.

незонах, в шинелях. Они пытались оказывать сопротивление, но попадали под гусеницы танков»¹³.

Наилучшим образом сражалась 130-я танковая бригада подполковника С.К. Нестерова. Уже через полчаса после начала боя она перерезала железную дорогу Тацинская — Морозовск, уничтожив несколько артиллерийских батарей противника, и овладела перекрестком шоссе юго-восточнее Тацинской. В 9 часов 1-й и 2-й танковые батальоны бригады ворвались на аэродром, располагавшийся южнее станицы, уничтожая самолеты и летно-технический состав противника. Танкисты быстро усвоили технику «топтать хвосты самолетов», так как удары по шасси самолета не достигали цели, самолет, падая, накрывал танки и мог вывести их из строя. Одновременно другие танки двигались по границе аэродрома, стреляя из пулеметов по моторам самолетов и поджигая их¹⁴.

Захватчики оказались в настоящем аду. Об этом бое чудом уцелевший пилот люфтваффе Курт Шрайт в статье, появившейся в 1952 г. в газете «Die deutsche Soldatenzeitung», «О тех, кто вырвался из преисподней, или Кровавая баня в Тацинской», писал: «Утро 24 декабря 1942 года. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт, и в это время советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолеты сразу вспыхивают как факелы. Всюду бушует пламя! Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди. Все, что может бежать, двигаться, лететь, пытается разбежаться во все стороны... Кто же дает приказ, куда направиться пилотам, пытающимся вырваться из этого ада? Стартовать в направлении Новочеркасска — вот все, что успел приказать генерал. ...Начинается безумие. Со всех сторон вырываются на стартовую полосу и взлетают самолеты. Все это происходит под огнем и в свете пожаров. Небо распростерлось багровым колоколом над тысячами погибающих, лица которых выражают безумие. Вот один “Ju.52”, не успев подняться, врезается в танк, и оба взрываются со страшным грохотом в огромном облаке пламени. Вот уже в воздухе сталкиваются “Юнкерс” и “Хейнкель” и разлетаются на мелкие куски вместе со своими пассажирами. Рев танков и авиамоторов смешивается со взрывами, орудийным огнем и пулеметными очередями в чудовищную симфонию. Все это создает полную картину настоящей преисподней...»¹⁵

¹³ Баданов В.М. Глубокий танковый рейд // Сталинградская эпопея. С. 633.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Цит. по: Михайлов М. Тацинский рейд // Военный вестник Юга России. Ростов н/Д. // http://rus.ruvr.ru/2012_12_25/Tacinskij-rejd/.

Немецкая авиация бомбит фабричный район Сталинграда

Главную роль в разгроме вражеского аэродрома и овладении железнодорожной станцией сыграли батальоны бригады С.К. Нестерова. Именно на это обстоятельство обращает внимание В.М. Баданов: «Утром 24-го декабря был сильный туман. Появление корпуса для немцев было неожиданным. Личный состав аэродрома был еще в землянках. Артиллеристы зенитных частей, прикрывающих аэродром и станцию Тацинская, не были у орудий. Гарнизон противника мирно спал.

В 7 часов 30 минут... танковые бригады перешли в атаку. 54-я ударила с запада и юго-запада и к 10.00 вышла на южную окраину, в район аэродрома. 130-я, действуя с юга и юго-востока, овладела станцией Тацинской и уничтожила на аэродроме самолеты и личный состав противника. 4-я атаковала поселок Таловский»¹⁶.

При анализе текста воспоминаний В.М. Баданова вызывают некоторое сомнение его оценки поведения немцев. Трудно представить ситуацию, чтобы гарнизон противника «мирно спал» накануне атаки советских танкистов. Для немцев этот рейд вовсе не был полной неожиданностью. Немецкие части, отошедшие из станицы Скосырской, доложили о надвигающейся опасности. Экипажи самолетов были приведены в повышенную готовность.

¹⁶ Баданов В.М. Тацинский рейд // Битва за Волгу: Воспоминания участников Сталинградского сражения. С. 162.

Еще 23 декабря транспортные «юнкерсы» были готовы покинуть аэродром «Таи», но вмешался главнокомандующий люфтваффе рейхсмаршал Г. Геринг. Он не разрешал самолетам оставлять базу и приказал удерживать Тацинскую до тех пор, пока она не окажется под прямым обстрелом. «Это казалось просто невероятным, — пишет германский историк К. Беккер. — На карту был поставлен целый транспортный флот, который, невзирая на свою недостаточность, все еще представлял слабую надежду для окруженной 6-й армии.

24-го в 5.20 первые русские танковые снаряды упали на северную окраину аэродрома. Тут же вспыхнул один самолет, а второй взорвался на взлетной полосе. Остальные стояли в ожидании с заведенными моторами. Получат ли они, в конце концов, приказ на взлет? Целый час командиры групп толклись в бункере контрольной башни, дожидаясь приказа, который принесет им избавление»¹⁷. Только с началом артналета немецкие пилоты получили приказ взлетать курсом на Новочеркасск.

Однако не приходится сомневаться в достоверности показа В.М. Бадановым картины наступления своих войск на Тацинскую. Он выделяет действия 130-й танковой бригады. Это ее основные силы штурмовали германский аэродром, а 3-й батальон дерзко атаковал железнодорожную станцию, захватил эшелон с разобранными новыми самолетами и уничтожил состав с горючим. 4-я гвардейская танковая бригада в это время заняла северную и северо-западную окраины станицы, а 54-я танковая бригада овладела западной и южной окраиной Тацинской. Днем 24 декабря танкистам корпуса пришлось не только вести бои с гарнизоном Тацинской, но и отражать контратаки врага на подступах к ней. Все попытки фашистов оказались тщетными. К вечеру были подавлены последние очаги сопротивления противника в Тацинской¹⁸.

Сражение у станицы Тацинской — это не скоротечная атака на железнодорожную станцию и аэродром, оно продолжалось весь день. В разгар боя в тылу наших войск появились пехотные части немцев, которых поддерживали до 20 танков. Они двигались в направлении высоты 175,0, где находился штаб 24-го танкового корпуса. В.М. Баданов мог рассчитывать лишь на дивизион 76-миллиметровых пушек и часть гвардейских минометов, их огонь приостановил продвижение фашистов. Штабу корпуса надо

¹⁷ Беккер К. Военные дневники люфтваффе. Хроника боевых действий германских ВВС во Второй мировой войне. 1939–1945 // http://www.e-reading.by/bookreader.php/1003580/Bekker_Kayyus_-_Voennye_dnevniki_lyuftvaffe._Hronika_boevykh_deystviy_germanskih_VVS_vo_Vtoroy_mirovoy_voyn.html.

¹⁸ Порфирьев Э.В. Указ. соч. С. 71.

Немецкие самолеты над Сталинградом

было прорываться к своим частям. «Командиру 130-й танковой бригады полковнику Нестерову, — отмечает В.М. Баданов, — по радио было приказано выслать “на меня” батальон танков... Приказ был точно выполнен. Батальон вышел, развернулся в боевой порядок и атаковал немецкие танки во фланг. Гитлеровцы оставили на поле боя семь танков и ушли в направлении совхоза Коминтерн — Морозовск. Это были танки 6-й танковой дивизии немцев. Штаб 24-го танкового корпуса переместился на северную окраину Тацинской»¹⁹.

24 декабря в 17.00 В.М. Баданов доложил в штаб Юго-Западного фронта: «Тацинская полностью очищена от противника. В строю 58 танков: 39 Т-34, 19 Т-70. Обеспеченность горючим и боезапасами: дизельное топливо — 0,2 заправки, бензин 1-го сорта — 2, бензин 2-го сорта — 2, боезапасы — 0,5 боекомплекта. Корпус занял круговую оборону. Пехоту и танки врываем в землю»²⁰.

В результате боев в районе станицы Тацинской 24-й танковый корпус разгромил важнейшую базу снабжения окруженной 6-й армии Паулюса: аэродром, железнодорожную станцию, склады с продовольствием, вещевым имуществом, боеприпасами и топливом. В Ставку Верховного главнокомандования было доложено о захвате 300 самолетов непосредственно на

¹⁹ Баданов В.М. Глубокий танковый рейд // Сталинградская эпопея. С. 634.

²⁰ Цит. по: Рейд 24-го танкового корпуса к Тацинской // <http://stalingradrus.narod.ru/opera18.html>.

аэродроме, железнодорожного состава с самолетами на станции, 50 орудий противника и других трофеев²¹. В воспоминаниях В.М. Баданова указывается о захвате и уничтожении 350 германских самолетов различных марок, нескольких десятков авиамоторов, штабелях авиационных бомб и артиллерийских снарядов. «Мы смотрели на свои трофеи и думали, что если бы не захватили эти самолеты, не уничтожили базу, обеспечивающую снабжение войск Паулюса, то сколько бы еще полетело авиабомб, снарядов на наши танки, войска, на донские станицы и хутора, сколько бы погибло наших людей»²². Советские танкисты хоть и не полностью разрушили инфраструктуру аэродрома — сохранилась взлетная полоса, запасы бензина для самолетов²³, но главное — была выведена из строя одна из главных баз снабжения армии Паулюса.

В исторической литературе данные о числе уничтоженных самолетов на аэродроме под станицей Тацинской сильно различаются. По оценке академика А.М. Самсонова, среди трофеев «было свыше 300 самолетов, не успевших подняться с аэродрома или захваченных в железнодорожных эшелонах»²⁴. Авторы академического труда по истории Великой Отечественной войны, увидевшего свет в конце 1990-х гг., пишут о 431 самолете, уничтоженном 24-м танковым корпусом в ходе десятидневного рейда²⁵.

Представляется, приведенные цифры, свидетельствующие о масштабах потерь люфтваффе в районе станицы Тацинской, завышены. Они разительно расходятся с зарубежными оценками. Германский историк К. Типпельскирх — генерал вермахта, участник Сталинградской битвы — подчеркивает резкое ухудшение снабжения окруженных войск по воздуху в декабре 1942 г., их обреченность, а также огромные потери германской транспортной авиации. По его оценке, в декабре под Сталинградом немцы потеряли 246 самолетов²⁶. Эти данные вполне согласуются с общим количеством самолетов, выделенных командованием люфтваффе для снабжения Сталинградской группировки войск. В распоряжении 8-го авиационного корпуса, отвечающего за снабжение 6-й армии Паулюса, насчитывалось порядка

²¹ Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: В 2 кн. Кн. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 280.

²² Баданов В.М. Глубокий танковый рейд // Сталинградская эпопея. С. 636.

²³ Заблотский А.Н., Ларинцев И.Р. «Воздушные мосты» Третьего рейха. М.: Вече, 2013. С. 106.

²⁴ Самсонов А.М. Указ. соч. С. 471.

²⁵ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 92.

²⁶ Типпельскирх К. Указ. соч. С. 262.

400 машин. При этом на 2 декабря 1942 г. потери транспортной авиации люфтваффе составили 36 самолетов²⁷.

В декабре под Сталинградом базировались 240 транспортных трехмоторных самолетов «Юнкерс-52», примерно 130 двухмоторных «Хейнкель-111» и около 60 двухмоторных машин «Юнкерс-86». Самолеты «Хейнкель-111» действовали в основном с аэродрома Морозовский, а «юнкерсы» — с авиабазы под Тацинской. По оценке Г.Ф. Корнюхина, на аэродроме Тацинский было уничтожено 72 вражеских самолета различных марок²⁸. Это очень внушительная цифра и выглядит она весьма убедительной.

В новейших публикациях российских историков приводятся и другие цифры. В частности, сообщается о поднявшихся в воздух утром 24 декабря с аэродрома Тацинский в течение 45 минут 124 «Юнкерс-52» и потерянных 60 транспортных самолетов²⁹. Эти сведения, с некоторыми уточнениями, подтверждаются немецкими авторами. Согласно данным К. Беккера, в канун Рождества из кутерьмы в Тацинской сумели уйти невредимыми 108 самолетов «Юнкерс-52» и 16 — «Юнкерс-86». Около шестидесяти самолетов, или треть от всего количества, пишет он, были потеряны, и, кроме того, почти все запасные части и ценное наземное оборудование остались в руках русских³⁰.

При любых разночтениях следует признать: рейд 24-го танкового корпуса нарушил планы немецко-фашистского командования. Германской авиации был нанесен огромный ущерб. «23 декабря, во второй половине дня, командование группы армий («Дон». — В.Т.), — вспоминает генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, — вынуждено было, наконец, с тяжелым сердцем решиться на то, чтобы выправить более чем угрожающее положение на своем левом фланге путем переброски туда необходимых сил. Оно приказало 3-й румынской армии, держащей фронт по нижнему течению реки Чир, высвободить со своего участка штаб 48-го тк с 11-й тд, чтобы с их помощью восстановить положение на западном фланге. Вместо этого 4-я танковая армия должна была отдать одну танковую дивизию для занятия обороны на Нижнем Чире, так как без этого удержать этот фронт было

²⁷ Кериг М. Указ. соч. С. 97.

²⁸ Корнюхин Г.Ф. Сталинград // Авиация Второй мировой // <http://www.a2m.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=63>.

²⁹ Зефиоров М., Дёгтев Д., Баженов Н. Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО. М.: АСТ, 2007. С. 93.

³⁰ Беккер К. Военные дневники люфтваффе. Хроника боевых действий германских ВВС во Второй мировой войне. 1939–1945 // http://www.e-reading.by/bookreader.php/1003580/Bekker_Kayyus_-_Voennye_dnevnik_i_lyuftvaffe_Hronika_boevyh_deystviy_germanskih_VVS_vo_Vtoroy_mirovoy_voyne.html.

бы абсолютно невозможно. Уже следующий день показал, как необходимо было это решение. Мы потеряли аэродром в Тацинской и тем самым лишились возможности снабжать 6-ю армию»³¹.

Весть о разгроме авиабазы в Тацинской вызвала среди окруженных германских войск сильное разочарование, рушились последние надежды на спасение. «Русские ударные клинья, — вспоминает участник событий тех дней И. Видер, — продвигались также на запад от реки Чир, проламывая глубокие бреши в нашем фронте и угрожая северному флангу группы армий “Дон”. Перехваченные радиogramмы позволяли нам определить местонахождение русских танков и их продвижение. Кровь застывала в жилах при взгляде на карту. Наши ближайшие фронтовые аэродромы, откуда беспрестанно вылетали в наш “котел” транспортные самолеты, основные армейские базы в Тацинской и Морозовской, где размещались интендантские склады, находились походные лавки и громоздились целые горы мешков с неотправленной полевой почтой, превратились теперь в поле боя. ...Все наши ожидания и надежды рухнули, словно карточный домик»³².

Отмечая существенные различия в подсчетах советских и современных историков потерь люфтваффе в районе Тацинской, следует признать: отчасти они объясняются стремлением отечественных историков поднять значимость победы. Видимо, так же поступил и командир 24-го танкового корпуса генерал-майор В.М. Баданов, составляя сводку о числе уничтоженных самолетов.

Однако все историки, как отечественные, так и германские, едины в том, что после учиненного разгрома авиабаза Тацинская так и не была введена в строй, и полеты «Юнкерс-52» осуществлялись в дальнейшем в основном с аэродрома Сальск. Хотя Сальск являлся хорошо оборудованным аэродромом, но отсутствие там заранее размещенных грузов для 6-й армии Паулюса не позволяло в первые дни использовать его на полную мощность. Ситуация осложнялась еще и тем, что новые аэродромы базирования «Юнкерс-52» находились на 100 километров дальше от 6-й армии Паулюса, т.е. на пределе радиуса действия этих машин. Экипажам транспортов приходилось брать с собой топливо на обратный путь, а потому эффективность полетов снижалась. В связи с указанными обстоятельствами командованию люфтваффе пришлось отказаться от использования самолетов «Юнкерс-52»

³¹ Маништейн Э. фон. Утерянные победы / Пер. с нем. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. — С. 187.

³² Видер И. Сталинградская трагедия. За кулисами катастрофы / Пер. с нем. А. Лебедева, Н. Португалова. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 69–70.

Генерал-майор
В.М. Баданов

с большой амортизацией. Кроме того, опасаясь повторения тацинского погрома, немецкое командование передислоцировало бомбардировочные эскадры, оснащенные самолетами «Хейнкель-111», из Морозовска в Новочеркасск. Все это стало прямым следствием атаки 24-го танкового корпуса на станицу Тацинская.

Занятие Тацинской создавало угрозу для левого фланга войск группы армий «Дон». Теперь фельдмаршал Манштейн вынужден был заботиться о собственной безопасности. Он выделил против 24-го танкового корпуса значительные силы — части 11-й танковой, 306-й пехотной дивизий и другие соединения. В 11 часов утра 25 декабря к станице Сысоевская подошла боевая группа «Унрейн», выделенная из состава 11-й танковой дивизии (22 танка, 6 самоходных орудий, 350 пехотинцев), атаковала и с ходу овладела ею. Находящиеся там тыловые части 24-го танкового корпуса вместе с ремонтирующимися танками были уничтожены. Уже в 13.00 немцы попытались атаковать Тацинскую, но, потеряв 5 танков, отошли на исходные позиции. Постепенно в район Тацинской стали прибывать и другие части противника (тыловые подразделения, наземный персонал люфтваффе, школа унтер-офицеров, казачьи подразделения). Они блокировали район станицы Тацинская³³.

В итоге корпус генерала В.М. Баданова оказался в тисках вражеского окружения. В 5 часов утра 26 декабря в Тацинскую прорвались 5 танков «Т-34», приведшие топливозаправщики и автомобили с боеприпасами. В 6.00 наконец появилась 24-я мотострелковая бригада, без топлива и бое-

³³ Рейд 24-го танкового корпуса к Тацинской // <http://stalingradrus.narod.ru/opera18.html>.

запасов, ее обозы, двигаясь по следам передовых частей, были атакованы казачьим отрядом и уничтожены. После этого кольцо окружения захлопнулось окончательно. С утра 26 декабря над Тацинской появились вражеские самолеты «Юнкерс-87», которые принялись бомбить боевые порядки корпуса, а также немецкие склады снабжения. Одновременно немцы начали атаки на станицу с разных сторон³⁴.

На всех участках войска противника были отброшены. Но положение было очень тяжелым. Проблема с топливом была решена за счет трофеев. Помощник командира корпуса по технической части инженер-подполковник В.И. Орлов разработал заменитель дизельного топлива, который представлял собой смесь бензина 2-го сорта — 25% и авиационного масла — 75%. Однако боеприпасов не хватало, в ход пошло захваченное немецкое оружие. О драматизме ситуации свидетельствует текст радиogramмы, отправленной в штаб Юго-Западного фронта 26 декабря в 22.00: «Положение тяжелое. Танков нет. Большие потери личного состава. Потеряна половина командного состава. Удержать Тацинскую не могу. Прошу разрешение на выход из окружения. Транспортные самолеты противника на аэродроме уничтожены. Баданов». Последовал категорический запрет оставлять Тацинскую³⁵.

Баданов просил помощи. Командование Юго-Западного фронта приказывает 25-му танковому и 1-му гвардейскому механизированному корпусам повернуть на Тацинскую. Но эти корпуса не смогли пробиться через немецкие части. Безуспешными оказались и попытки других соединений фронта³⁶. В ночь на 27 декабря немцы нащупали слабый участок обороны, который держала 24-я мотострелковая бригада, и прорвали ее. Корпус оказался на краю катастрофы. В.М. Баданов ввел в бой последний танковый резерв — 130-ю танковую бригаду подполковника С.К. Нестерова, и она ценой невероятных усилий сумела выправить положение. Устойчивость обороны советских войск была восстановлена. С утра начались интенсивные атаки с воздуха и с земли. Весь день 27 декабря Баданов забрасывал штаб фронта просьбами о помощи и разрешении на выход из окружения. Но всякий раз следовал приказ удерживать Тацинскую любой ценой.

³⁴ Там же.

³⁵ Цит. по: Рейд 24-го танкового корпуса к Тацинской // <http://stalingradrus.narod.ru/opera18.html>.

³⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. — декабрь 1943 г.). М.: Воениздат, 1964. С. 48.

Немецкие самолеты, захваченные корпусом Баданова

Ставка Верховного главнокомандования требовала от штаба Юго-Западного фронта самых решительных мер по спасению танкистов. И.В. Сталин и Г.К. Жуков разговор с командующим фронтом Н.Ф. Ватутиным закончили предельно жесткой установкой: «Помните Баданова, не забывайте Баданова, выручайте его во что бы то ни стало»³⁷.

Между тем советские танкисты несли очень большие потери в живой силе и технике, их положение становилось критическим, оставалось мало боеприпасов. «Баданов сегодня прислал мне восемь телеграмм... — докладывал 28 декабря командующий Юго-Западным фронтом Н.Ф. Ватутин в Ставку Верховного главнокомандования. — Сейчас он ведет бой в Тацинской, имея круговую оборону... От Баданова я потребовал удерживаться в Тацинской, но все же передал ему, что лишь в крайнем случае он может принять другое решение»³⁸.

Штаб Юго-Западного фронта принимал экстренные меры для оказания помощи окруженному танковому корпусу. Транспортная авиация в ночь на 28 декабря сбрасывала на парашютах горючее, снаряды, патроны, ручные гранаты. Однако в распоряжение корпуса приземлилось только 60% контейнеров. Ресурсы корпус израсходовал, развязка близилась. Ночью начались сильные атаки немцев. Часть корпуса оказалась отрезанной. И в 2 часа ночи 28 декабря Баданов отдал приказ на прорыв из окружения. Создавалась группа добровольцев численностью в 300 человек, которые должны были отвлечь немцев. Было решено оставить тяжело раненных, взяв с собой только тех, кто может нести оружие.

В 3 часа ночи остатки корпуса пошли в атаку. Прорвав оборону немцев в северо-восточной части кольца, где стоял наземный персонал люфтваффе,

³⁷ Цит. по: Самсонов А.М. Сталинградская битва. С. 477.

³⁸ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. Т. 3. С. 48.

корпус вышел из окружения. Утром он соединился с передовыми частями советских войск у Ильинки. В истории «Сталинградской битвы» академик А.М. Самсонов отмечает грамотные действия штаба танкового корпуса при осуществлении прорыва: был установлен порядок движения, вывоза материальной части и раненых. В результате при выходе из окружения корпус понес «незначительные потери»³⁹.

Следует обратить внимание: «незначительные потери» были у корпуса при прорыве блокады. Общие потери живой силы, вооружений и техники, которые он имел во время рейда к станице Тагинская и при уничтожении базы германской транспортной авиации, велики. Накануне рейда в 24-м танковом корпусе числилось 10 709 человек, а из окружения вышло 927. Из тех, кто остался прикрывать выход корпуса и кто был отрезан от основных частей, не вышел никто⁴⁰. Такова цена Тагинского рейда. В то же время советские танкисты нанесли огромный урон немецко-фашистским войскам. В Ставку Верховного главнокомандования были направлены сведения об итогах рейда, согласно которым войска противника потеряли убитыми 11 292 человека, пленными — 4769⁴¹.

Советское правительство высоко оценило подвиг танкистов. 24-й танковый корпус 26 декабря 1942 года был преобразован во 2-й гвардейский танковый корпус и получил почетное наименование Тагинского. Его командир генерал-майор В.М. Баданов стал кавалером только что учрежденного ордена Суворова II степени. Многие солдаты и офицеры соединения также были удостоены высоких правительственных наград.

Все участники Тагинского танкового рейда — настоящие герои. Но даже на этом фоне следует выделить солдат и офицеров 130-й танковой бригады и ее командира подполковника С.К. Нестерова. Командир танкового батальона этой бригады капитан М.Е. Нечаев — единственный, которому было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). С.К. Нестеров — единственный из командиров бригад 24-го корпуса, удостоенный за этот рейд ордена Ленина.

Разгром советскими танкистами германской авиабазы в Тагинской означал не только крушение «воздушного моста» по снабжению блокированной под Сталинградом 6-й армии Паулюса, он заставил командование группы армий «Дон» отвлечь крупные силы для нейтрализации действий

³⁹ Самсонов А.М. Сталинградская битва. С. 477.

⁴⁰ Рейд 24-го танкового корпуса к Тагинской // <http://stalingradrus.narod.ru/opera18.html>.

⁴¹ Баданов В.М. Глубокий танковый рейд // Сталинградская эпопея. С. 640.

Подбитые бадановские тридцатьчетверки в Тацинской

советских танков, оказавшихся в тылу немецких войск. Указанный факт признают и германские историки. «23 декабря, когда исполненные надежд на лучшее солдаты 6-й армии ждали освободителей, — пишет П. Карель, — танковые колонны наступавшего противника уже рвались с севера к летному полю под Морозовском, в 150 км к западу от Сталинграда; от этого аэродрома зависела вся система снабжения окруженной армии. Таким образом, складывалась катастрофическая ситуация. Группа Холидта на Чире более не имела никакого флангового прикрытия. В такой обстановке у Манштейна больше не оставалось выбора, как только повернуть одну из танковых дивизий влево, к низовьям Чира... Гот не колебался, он отрядил для выполнения задания самую сильную часть»⁴².

Таким образом, разгром германской авиабазы под Тацинской привел к уничтожению значительной части транспортных самолетов, наземного оборудования, летного состава и обслуживающего персонала. В результате и без того неудовлетворительное снабжение окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск оказалось парализованным как раз в тот момент, когда операция «Зимняя гроза» вступила в решающую стадию. Штаб Паулюса напрасно надеялся получить столь необходимые для организации встречного удара горючее, боеприпасы и продовольствие.

⁴² Карель П. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: Издательство «ЭКСМО», 2003. С. 536–537.

Глубокие рейды советских танковых корпусов по тылам противника, осуществленные в ходе операции «Малый Сатурн» во второй половине декабря 1942 г., заставили немецко-фашистское командование отказаться от попыток деблокады армии Паулюса. Для защиты коммуникаций группы армий «Дон» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн вынужден был использовать ресурсы, первоначально предназначенные для наступления на Сталинград. В итоге уже в конце декабря 1942 г. у солдат армии Паулюса исчезли даже призрачные шансы на спасение.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война; Сталинградская битва; станица Тагинская; люфтваффе; танковый рейд.

Viktor N. Tomilin

ROUT OF THE LUFTWAFFE BASE NEAR TATSINSKAYA VILLAGE — CULMINATION OF THE BATTLE OF STALINGRAD

he article presents the critical point of the Great Patriotic War when the fate of the Nazi troop group besieged near Stalingrad was being determined. The focus of attention, the sweep of the 24th tank corps of the Brigadier General V.M. Bagdanov to Tatsinskaya Village, and the distruction of one of the principal aerodromes for the transport aviation deployment. The rout of the Luftwaffe Base near Tatsinskaya Village to all intents meant destruction of the “air bridge” for supply of the General F. Paulus’s troops and deprived their last chances of rescue. The operation importance, the Soviet soldiers’ heroism and the victory price are shown therein.

 Виктор Николаевич Томилин

доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного
педагогического университета

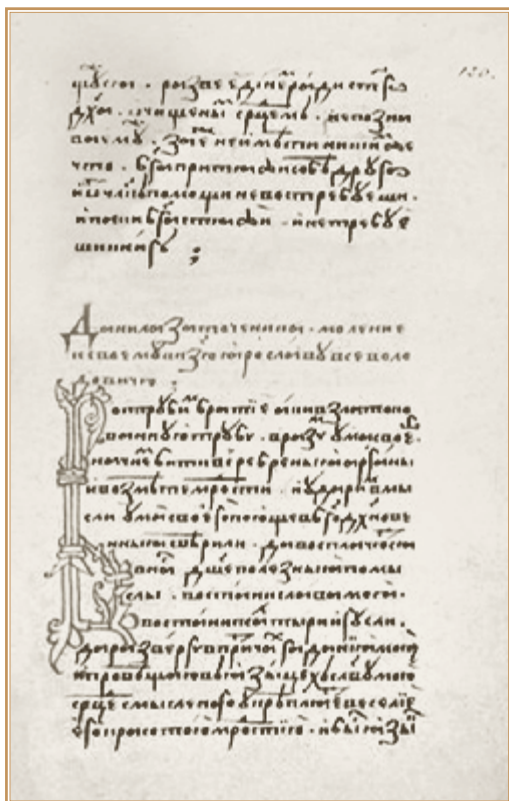
Л.А.Черная

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВТОПОРТРЕТ XVII ВЕКА

ловесный автопортрет составлялся в Древней Руси с разными целями: это мог быть беглый набросок своего «профиля» в послании другу или недругу (например, «Послание Климента Смолятича пресвитеру Фоме», послания Федора Карпова Максиму Греку и митрополиту Даниилу и др.) или даже многогранное описание своего характера (как бы развернутый в анфас многослойный портрет красками, как это сделал великий князь Владимир Мономах в «Поучении» своим детям). Но «литературным» самописание автора становится только в том случае, когда он «рисует» свой портрет именно как писателя, поэта, книжника... Поэтому литературный автопортрет отражает прежде всего представления его создателя об образе писателя своего времени, а также представления о себе как писателе, оставляя в стороне другие характеристики, черты и качества.

Первым литературным автопортретом Древней Руси можно назвать опус, созданный Даниилом Заточником в XII веке, известный под названием «Моление...». Это, безусловно, один из колоритнейших литературных автопортретов во всей допетровской Руси. Задачей Даниила было создание всестороннего и репрезентативного образа мудреца-острослова, книжного знатока, познавшего всю мудрость мира, но при этом способного разве-

«Моление
Даниила
Заточника».
XVI в.

селить князя своим остроумием. Он всячески демонстрирует свое умение как писателя, вкрапляя рифмованную речь и напрягая образное мышление: «Вострубим, яко во златокованья трубы, в разум ума своего и начнем бити в сребряныя органы возвитие мудрости своеа»; «Бысть язык мой трость книжника скорописца, и уветлива уста, аки речная быстрость»¹ и пр. Он призывает князя внимательно взглянуть в созданный им автопортрет: «Господине мои! Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моя. Аз бо, господине, одением оскуден есмь, но разумом обилен; ун возраст имею, а стар смысл во мне»². Безусловно, свою ценность как приближенного к князю человека он видит в писательском даре, проявлявшемся, скорее всего, в устной форме ярких образных речей на княжеских пирах... Мы не знаем другого, столь же развернутого русского литературного автопортрета вплоть до XVII столетия.

Следует отметить также, что «Моление Даниила Заточника» положило начало, так сказать, «оправдательным» вербальным автопортретам, призванным защитить и спасти автора от той или иной беды. Так, с целью оправдания составил свою характеристику как писателя Климент Смоля-

¹ ПАДР. XII век. М., 1980. С. 388.

² Там же. С. 394.

тич (между 1147 и 1154) в «Послании» пресвитеру Фоме. Отвечая на обвинения Фомы, автор раскрывает свой философский и писательский потенциал: «Речеш ми: “Славишися пиша, философ ся творя”... аз писах от Омира, и от Аристотеля, и от Платона, иже во елинских нырех славне беша; аще и писах, но не к тебе, но ко князю...»³ И далее Климент Смолятич преподает Фоме, как мы сказали бы сегодня, «мастер-класс», интерпретируя библейские сюжеты и тексты («Написал есмь 16 словес, яже чудна и хвалы достойна, яже не суть предана церковному прочитанию за величество разума и глубину сокровенных ради и дивных словес»⁴). Все это и позволяет Клименту окончательно расставить акценты, как бы сравнивая свой автопортрет с портретом своего оппонента — Фома освоил только альфу премудрости, а он, Климент, дошел до омеги...

Однако в русских прозаических посланиях до XVII в. чаще ставилась задача написать приукрашенный панегирический портрет адресата, чем свой собственный. И если все же говорилось о себе, то в явно приниженном тоне, авторы подчеркивали свою неученость, немощность разума, малость и худость, в особенности по сравнению с мудрым адресатом послания. Но бывало, что это противопоставление своего ничтожества с величием адресата автор послания проделывал столь виртуозно в литературном отношении, что создавал тем самым совершенно противоположный эффект, доказывая и свою начитанность в Божественном писании, и свою мудрость, и знание античной философии, и свое остроумие, и многое другое. Вот, например, как делал это Федор Иванович Карпов, дипломат конца XV — начала XVI в., в своем послании митрополиту Даниилу: «Ныне убо что отвещаю тебе, и како прсветлейшей епистолии твоей конец наложити возмогу, како бо возможно есть мне, несвершеному, о свершенных и высших вещех свершенейшему тебе отвещати?... како солнце, небесный свет, просит блистания от мирския вещи; море, водам мати, желает речныя капли? Елико звезды отстоят от земли, и елико запад от востока, и свет от тмы, и сладкое от горького, и белость от черноты, толико исповедую моему несвершению отстояти от твоего совершения»⁵.

Выработанная средневековая этикетная формула авторского самоуничижения хорошо известна и прослеживается также и в XVII столетии. Звучит она так: «Аз бо не во Афинех родился, ниже от философ учихся...» Но наряду с устоявшимся стереотипом авторы раннего Нового времени на-

³ Там же. С. 282.

⁴ Там же. С. 288.

⁵ ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 506.

чинают создавать и совершенно иные этикетные формулы и полноценные литературные автопортреты. Происходит это по нескольким причинам.

Семнадцатое столетие для русской культуры — это время мощного роста личностного начала и авторского самосознания. Обострение авторского чувства вызывалось, на наш взгляд, общим решением проблемы человека, заставляющим по-новому взглянуть и на творческий процесс, и на себя самое в нем⁶. Началась профессионализация в культуре, когда иконописцы стали подписывать свои иконы, а стихотворцы специально создавали «акrostихиды», в которых читалось их имя. Авторские имена в акrostихах, составившиеся по первым буквам виршевых строк, получили широкое распространение, особенно в Москве. Стихотворный бум, наблюдаемый в русской литературе на всем протяжении XVII века, свидетельствует о зарождении поэзии как искусства ради искусства («художества»), а не ради выражения религиозного чувства, как было до этого. Поэтому не удивительно, что первые литературные автопортреты Нового времени возникли не в прозе, а в силлабических виршах. Как видно, искусство поэтического слова, оцененное еще в первой половине XVII столетия, отодвигало назад и делало не столь значимым искусство прозаического повествования. Собственно говоря, первые беллетристические опыты, появившиеся тогда же, в России не считались каким бы то ни было искусством вообще. Так называемые «купеческие повести» («Повесть о Карпе Сутулове», «Повесть о Фроле Скобееве» и др.), произведения «демократической сатиры» («Сказание о куле и лисице», «Повесть о бражнике», «Калязинская челобитная» и др.) несли на себе явный отпечаток коллективного народного творчества особого типа, названного в работе Элизы Малек «неполезным чтением»⁷. Появление развлекательного чтения осознавалось как творцами повестей, так и их читателями в России как нечто зазорное, как чтение второго сорта, поэтому русские создатели литературных произведений подобного рода не афишировали своих имен и уж тем более не создавали своих литературных автопортретов.

Уже в начале XVII столетия формируются кружки стихотворцев, обменивающихся виршевыми посланиями, украшенными элементами барочной поэтики (серпантинный стих, вирши в форме сердца, звезды, креста и пр., но более всего распространяется акrostих). В сложении вирш упражняются, в основном, справщики Печатного двора и служащие центральных приказов, а также монастырская братия, но виршеплетению не чужды

⁶ Подробнее см.: Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.

⁷ См.: Malek E. «Неполезное чтение» в России XVII—XVIII вв. Warszawa; Lodz, 1992.

были и князья, и дворяне, и купцы, и посадский люд. Даже самозванец Тимошка Акундинов, выдававший себя за сына царя Василия Шуйского и закончивший свою жизнь на плахе, подал московскому посольству в Турции декларацию в силлабических стихах! К концу XVII — началу XVIII в. все явственнее проступает лирическая струя в русской поэзии, все сложнее становится авторское «я», все ярче образное выражение личных переживаний, все выше стихотворное мастерство, ведущее к созданию первых теоретических трудов по стихосложению.

В посланиях друг к другу стихотворцы демонстрировали свое умение «виршеплетения», особенно в составлении акrostихов, в которых заключали целые фразы с указанием имени автора, его звания и социального положения, имени адресата, с пожеланиями всех благ и здоровья, изложением просьб, челобитий и т.п. Иногда кажется, что и сами вирши, наполненные уж слишком простыми и набившими оскомину рифмами и весьма безыкусные по содержанию, были написаны с одной-единственной целью — служить ковчегом акrostиху. Акrostих же зачастую содержал и авторское название произведения, и суть просьбы автора к адресату, и лаконичную выжимку из пространного стихотворного послания.

Князь Иван Хворостинин, к примеру, посредством акrostихов передал свое имя («Князя Ивана князя Одряева сына Хаворостинино») и название своего полемического трактата («Изложение на иретики злохулники, огребати подобает хрестияном и их иресии бегати оних, яко оступили о исчапаго закона»). Как указывает А. М. Панченко, И. Хворостинин был одним из первых, кто использовал акrostих как «технический элемент, которому суждено было сыграть структурную роль в поэзии приказной школы»⁸. Антоний Подольский в послании иерею Симеону Федоровичу представил развернутый именной акrostих: «Священному иерею Семиону Федо[r]овичю в настоящих присно радоватися недостойный сын духовныя твоя паствы Онтонко Подолской благословения просит и челом биет»⁹. Стольник Михаил Татищев включил акrostих в свое послание царю Михаилу Федоровичу: «Великий господар благочестивии цар пощади холопа своего Михалка Татищева вели господар быти при своих царских светлых очах»¹⁰. Акrostих мог содержать просьбу о денежной ссуде (Михаил Злобин в «Ином послании ко иному о щедротстве» писал в акrostихиде: «Соверши господар свое

⁸ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 33.

⁹ Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подг. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989. С. 395.

¹⁰ Панченко А. М. Указ. соч. С. 246–247.

Симеон Полоцкий.
Стихотворение
в форме звезды.
XVII в.

милостивое ко мне слово еже обеща зсудити») или просьбу дать переписать книгу («Старец господар Феоктист даи ми книгу списат»), а порой и об угощении — «Алексей Савич пожалуй Михалку винца как тебе Бог известит»¹¹.

По подсчетам исследователей, только в первой половине XVII в. насчитывался «не один десяток стихотворцев», подписавших «несколько сотен стихотворений»¹². Среди творцов вирш особенно много сохранилось произведений справщика Печатного двора Савватия, Петра Самсонова, сосланного из Москвы за преступления при «Гришке-ростриге» и посылавшего знатым москвичам одно послание за другим с просьбами о помощи; попа Стефана Горчака, справщика Ивана Наседки, монахов Лариона и Феоктиста и др. Объединяет их всех, с нашей точки зрения, особое авторское чутье, ощущение своей избранности как людей, искусных в поэзии.

Стихотворцы так называемой «приказной школы» обладали повышенным авторским самосознанием, заставлявшим их маркировать свои про-

¹¹ Виршевая поэзия (первая половина XVII века). С. 438.

¹² Там же. С. 34. См. также: Виршевая поэзия (первая половина XVII века). В своей кандидатской диссертации В. К. Былинин утверждал: «Впервые вводятся в научный обиход имена ранее неизвестных русских поэтов XVI — пер. пол. XVII в. и их адресатов: Прокопий, Дионисий Свияжев, Самсон Хомин, Василий, Лука, Карп Бибилев; Алексей Иванович Зюзин, князь Федор Андреевич Шелешпанский, князь Алексей Иванович Воротынский, Агафон Тимофеев, сын поэта Стефана Горчака (Михаил Стефанович?), старец Симеон, московский иерей Семен Федорович, Гавриил, Сила Матвеевич, Стефан Матфеевич, Моисей Григорьевич Попов и другие. Кроме того, нами найдено и изучено 28 новых стихотворных произведений первой половины XVII в.» (Былинин В. К. Русская поэзия первой половины XVII века. Проблемы развития. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1982).

изведения, закрепляя свои имена за каждым из них. Характерными признаками роста авторского самосознания до середины XVII столетия были, во-первых, причисление себя к определенному кругу лиц с четко выявленными и обозначенными корпоративными признаками («витейный» язык, «любомудрие» и «остроумие»); во-вторых, гармоничное сочетание религиозного и светского начал в мироощущении каждого из мастеров (хотя поэты и подчеркивали, что «в фило[со]вских училищах не бывах и риторских остроном не читах, ниже ельинския борзости текох»¹³, тем не менее знали и использовали «естествословные» уподобления, слышали об Аристотеле и его «клеветрах», использовали в своих виршах самую разнообразную светскую тематику и литературу). В своих виршах, именуемых порой иронически «паучьим прядением»¹⁴, они накапливали штрихи к постепенно формируемому литературному автопортрету эпохи.

Основной чертой этого, обобщенного, автопортрета виршеплетов выступают «остроумие», «красота ума», «разум». Об этом даре «остроумия» как особом таланте, выделяющем поэтов из общей массы современников, рассуждает практически каждый из них, и если уж говорит не о своем уме, так об уме своего адресата обязательно. При этом в стихах монахов чаще всего можно видеть продолжение средневековой традиции принижения своего «неученого в Афинех разума», давно воспринимаемое как этикетная литературная форма авторского самоуничижения, которую задолго до XVII в. начали воспринимать «от обратного», т.е. как формулу самовосхваления. Показательны в этом плане вирши чернеца Савватия, служившего одно время при дворцовой церкви (в послании к царю Михаилу Федоровичу он представляется как «прежде бывшей у тебя, государя, служитель олтарев»), а затем ставшего справщиком на Печатном дворе. Он вставлял эту формулу почти в каждое свое стихотворное послание. Но при этом не раз упоминал о своем учительстве («дидакальстве»), всячески демонстрировал остроуму ума и многознание, рассуждая о необходимости учиться:

Ум и остр без учения не наворачается.
 Мерзость есть безумному обличение,
 Умному же и разумному бывает во учение.
 Желателie мудрости хвалими суть от разумных,

¹³ РГАДА. Ф. 181. № 250. Л. 217.

¹⁴ Стефан Горчак в послании справщику Арсению Глухому писал: «Такожеи тебе, велеумну мужу, / Не имети от нас, недостаточных, таковую нужу, / И не требе наше грубое и бесполезное плетение, / И да не вменится аки паучное прядение» (Виршевая поэзия (первая половина XVII века. С. 121).

Укоряет же ся много от буих и неразумных..
Ты же како по се время к нам укосневаеши,
Философскому учению неприлежно внимаеши¹⁵.

Сочинители вирш, не принадлежавшие к монашескому сословию, напротив, старую избитую формулу о своей неучености и недоумии практически не употребляют, тем не менее в их посланиях также много этикетного самоуничижения, как бы в противовес возвеличиванию адресата. Но даже говоря о своем «скудном разуме», они, как правило, тут же подчеркивают его способность к искусству плетения вирш. Вот, например, как это делает князь Семен Шаховской в своем послании Дмитрию Михайловичу Пожарскому:

И еще без лености хошу потружатися чернилом и пером
И убогою своею мыслию и недостаточным своим умом,
Понеже мысль моя разгорается во мне, аки пламень в печи,
Нудит мя о всем твоём добродейнии доволне рещи¹⁶.

И чуть позднее, в том же послании, говоря о своих лишениях и бедах, автор подчеркивает, что одного только еще не лишил его Бог — дара сочинительства:

Аз же, грешный, за премногия грехи своя всего того пуст
Но токмо мало нечто имею изо многогрешных своих уст¹⁷.

Отсюда видно, что если на первом месте в обобщенном автопортрете стихотворцев XVII в. стоят разум, остроумие, ученость, то на втором месте оказывается такая черта, как талантливость, поэтическая одаренность.

Они все умеют создавать акrostихиды, некоторые изошряются в составлении серпантинных и фигурных стихов, знают правила риторического искусства и используют риторические приемы в своем творчестве. У того же справщика Савватия, оставившего самое большое виршевое наследие, известное на сегодня, прослеживаются всевозможные проявления стихотворного мастерства того времени.

Если же говорить не об обобщенном, а индивидуальном литературном портрете XVII в., то он начинался с краткой характеристики, данной либо в подписи к своему произведению, либо, что чаще, в акrostихе, и включал, помимо

¹⁵ Там же. С. 151.

¹⁶ Там же. С. 81.

¹⁷ Там же. С. 88.

имени, указание на социальное положение, а также отдельные дополнительные данные, порой крайне колоритные и дающие представление о личности автора. Например, Михаил Рогов, протопоп московского собора Черниговских чудотворцев и ведущий справщик Печатного двора в 1640-х гг., в предисловии к Кирилловой книге 1644 г. поместил не до конца выдержанный акростих, в котором назвал себя так: «государев царев работник», а затем дал развернутое благословение на чтение данной книги православным и проклял противников православия — «и вам божественного закона истинным рачителем и любителем, о Бозе радоваться и веселиться, а врагом креста Христова и развратником наша православныя христианския веры скорбети и печаловати»¹⁸. Из различных акростихов и отдельных замечаний о себе внутри виршевых посланий справщика Савватия вырисовывается его автопортрет, представляющий собой человека далеко не молодого, опытного дидака, обучающего и стихосложению (в наставлении своему ученику князю Михаилу Никитичу Одоевскому он писал: «Еще же и двоестрочием счиняется / Обаче и твое остроумие тому да научается / Аз бо многогрешный имярек, твой дидака / Много тебе от своих си[а] калигравственных словес писал»¹⁹). По любимому и наиболее употребляемому акростиху — «чернец Савватеище челом бьет» — можно предположить также, что он был весьма высокого роста и тучного телосложения, отсюда это не уменьшительное, а «увеличительное» — Савватеище...

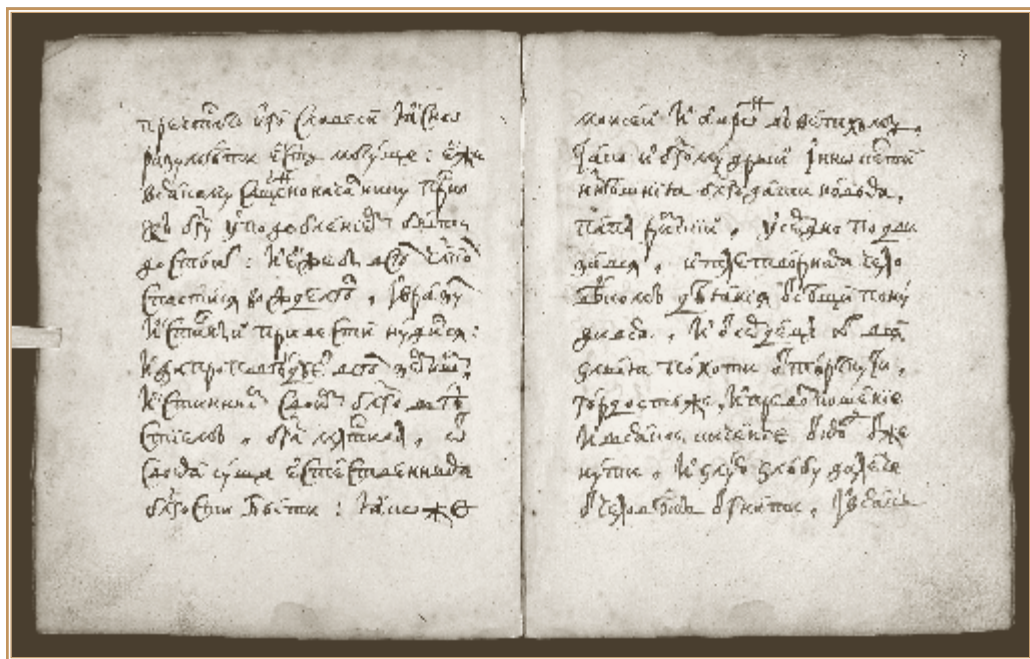
Первым полноценным литературным автопортретом в России XVII столетия можно считать специально сочиненную переводчиком Посольского приказа Федором Гозвинским расширительную подпись после переведенного им «Тропника» папы Иннокентия:

В премудрости славимый
И в разуме хвалимый,
Честностию же чести честно почитаемый,
Во своих бо сих делех художно познаваемый,
Понеже трудолюбно подвизаемый
И усердно совершаемый,
Богом же самым наставляемый —
Феодор Касианов, сын Гозвинский,
Греческих слов и польских переводчик²⁰.

¹⁸ Кириллова книга. М., 1644. Л. 6–11.

¹⁹ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 22.

²⁰ Цит. по: Тарковский Р. Б. Государев толмач Федор Гозвинский и его перевод басен Эзопа // Вестник АГУ. 1966. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 105.

Тропник Иннокентия, папы Римского. 1687 г.

Самовосхваление, четко прослеживаемое в данном автопортрете, резко контрастирует с традиционным русским средневековым самоуничижением автора. Поляк или белорус по происхождению, Федор Гозвинский в самую что ни на есть Смуту оказался на службе у царя Василия Шуйского, и будучи переводчиком с греческого и польского языков, впервые перевел на русский язык басни Эзопа («Притчи, или Баснословие Езопа Фригии», 1607), предварив их стихотворным предисловием:

Баснослатель Езоп не украшен образом,
Прочитай же сего, обрящется с разумом:
Плоть — сосудец его, аще и не зело честна,
Но душа в нем живущия зело изящна²¹...

Помимо басен Ф. Гозвинский перевел и легендарное жизнеописание Эзопа, приписывающееся византийскому филологу Максиму Плануде (1260–1310), а также и теоретические рассуждения о басне латинского грамматика Авзония (ок. 310–393). Сам факт обращения к басням Эзопа, тогда еще неизвестным в России, говорит о неординарной личности Гозвинского и как литератора, и как человека. Так что его виршевый автопорт-

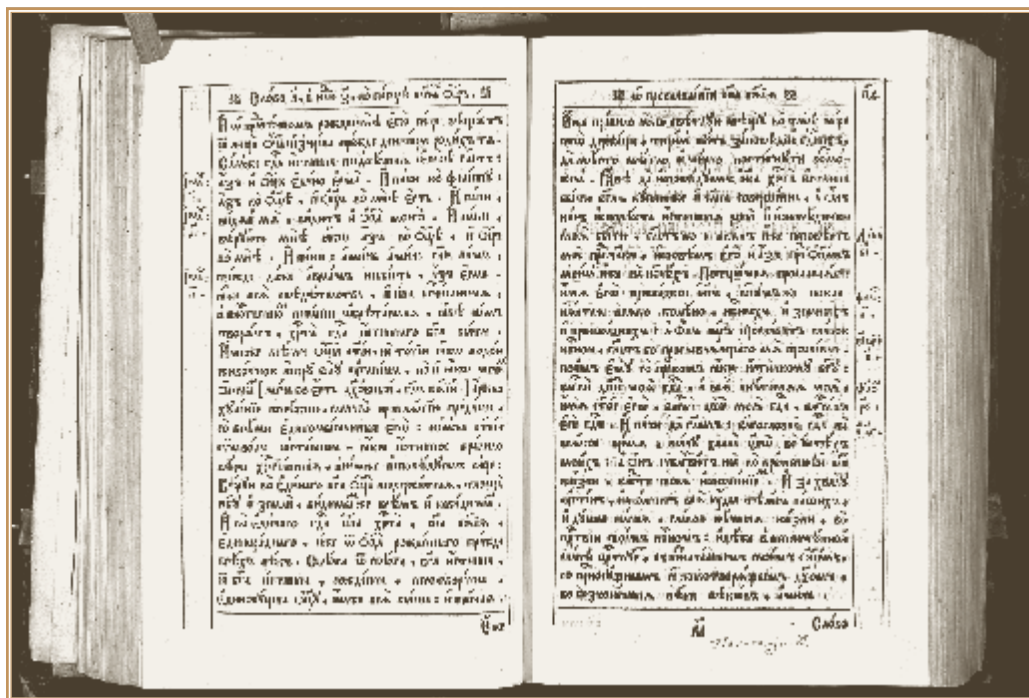
²¹ Там же. С. 106.

рет, написанный два года спустя после перевода басен, не кажется пустым бахвальством: его перевод басен стал настолько популярен, что на протяжении всего XVII столетия его многократно копировали, о чем говорит наличие множества списков и редакций.

Р. Б. Тарковский, обнаруживший этот текст, не мог не обратить внимания на его непохожесть на авторские приписки к переводам в прежнее время, где основное содержание составляло самоуничижение и самооправдание за неизбежные ошибки. Подобные приписки, помещаемые иногда в начале рукописи, а чаще в конце, служили определенной цели — фиксировали «чинность» писца или переводчика, выполнившего свой «чин» и «угодившего» Богу своим смирением, кропотливым трудом, отсутствием гордыни (отсюда самоуничижение). Их, с некоторой натяжкой, можно считать портретами наоборот, где отрицание служит главным инструментом утверждения: ссыла на недостаток ума подразумевает его наличие, указание на «простоту» стиля и отсутствие какого-либо «художества» — на осознание своего таланта и одаренности, подчеркнутое смирение говорит о тщательно маскируемой гордости, отрицание поисков «славы» и «чести» — эти самые поиски и т.д. Эти «отрицательные» автопортреты, принявшие в XVI в. застывшую форму, с трудом преодолевались в русской культуре XVII в. под явным влиянием польских авторов. Федор Гозвинский, давший столь яркий образец автопортрета Нового времени, был выходцем из Польши либо юго-западной России. В его автопортрете обращает на себя внимание расстановка акцентов: на первое место он ставит «премудрость» и «разум», уже получившие оценку и признание окружающих как его основные черты, дополняющая их «честность» принесла ему «почитание» и «честь», далее он подчеркивает свое «художество», сиречь искусство книжного переводчика, трудолюбие и усердие, а в конце, как заключительный аккорд, звучит — «Богом же самем наставляемый». В этом автопортрете мы видим на первом плане попытку рационального и доказательного (!) изображения определенного лица, на заднем плане — божественная константа, декларируемая и само собой подразумевающаяся.

Виршевой автопортрет Федора Гозвинского интересно сравнить со стихотворным автопортретом Симеона Полоцкого, также носителя белорусского варианта польской культуры. Развитое самосознание Симеона проявилось в первом в России ироническом автопортрете:

Видите мене, как я муж отраден,
Возрастом велик и умом изряден...
Сквозь нос разум вытекает

Симеон Полоцкий. «Обед душевный». XVII в.

Да Семен умен — языком принимает
Ума излишком, аж негде девати —
Купи, кто хочет, а я рад продати²².

Примечательно, что это одно из ранних стихотворений Симеона, свидетельствующее о его личной и поэтической зрелости. Как бы предвосхищая известные слова Пушкина — «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», — Симеон Полоцкий говорит о своем уме как единственном товаре, который он может продать.

Симеона Полоцкого можно считать первым поэтом в России, сознательно избравшим поэзию для самовыражения. Выходец из Белоруссии, получивший образование сначала в Киево-Могилянской, а затем и в Виленской академиях, он рано осознал свои силы и способности, устремился из родного Полоцка в Москву, добился признания при дворе царя Алексея Михайловича, благодаря своим стихам, и надолго стал первым придворным поэтом.

Симеон Полоцкий приехал в Москву в 1664 г. именно с той целью, которую он провозгласил в своем литературном автопортрете — продать свой

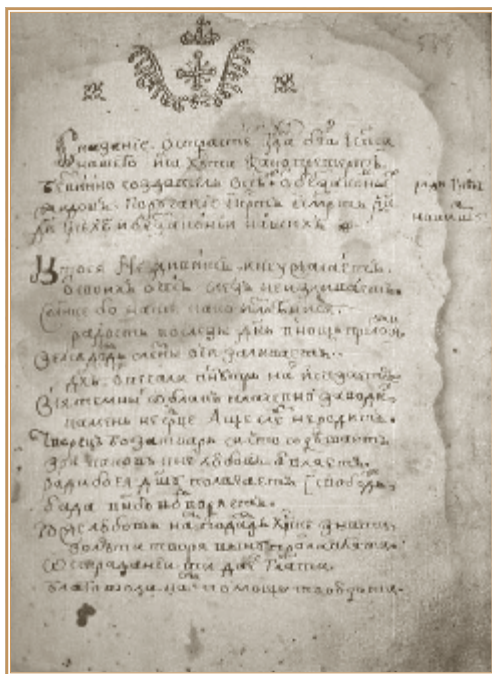
²² Хрэстаматыя на старажитнай беларускай літаратуры / Скау А. Ф. Коршунаў. Мінск, 1959. С. 345.

ум, воплощенный в поэтическом искусстве. Однако московский период его жизни (умер Симеон Полоцкий здесь же в 1680 г.) изменил его взгляды на миссию «литератора», каковым он себя называл. По наблюдениям А.Н. Робинсона, именно Симеон Полоцкий первым в России употребил понятие «литератор» по отношению к себе²³. Представления о литературном труде в глазах Симеона претерпели значительную эволюцию. Вначале он оказался в бедственном материальном положении, так как не мог добиться аудиенции у царя, чтобы напомнить тому о приглашении приехать в Москву, прозвучавшем еще в 1656 г. в Полоцке, где поэт вместе со своими учениками приветствовал русского царя виршами собственного сочинения. В первые месяцы своего пребывания в Москве он попытался продать свой талант частным лицам. Но и здесь ему не везло: «один только меценат Федор Михайлович (Ртищев. — Л. Ч.) имеет обыкновение держать открытыми уши для хвалебных голосов литераторов» — так писал он друзьям в Киево-Печерскую лавру. Отсюда ясно, что свою задачу литератора он видел в то время весьма ограниченной — «хвалебным голосом» вливать бальзам лести в «открытые уши меценатов»²⁴.

Добившись при помощи Ф. М. Ртищева своего — став любимым поэтом царя, — Симеон вполне мог бы ограничиться этой ролью, так как она хорошо обеспечивала его материально. Но этого не случилось. Он стремился к наиболее полному самовыражению, а время давало массу возможностей для этого: преподавание в Заиконоспасской школе он совмещал с большой писательской работой и церковно-административной деятельностью, оставаясь при этом неофициальным учителем поэтики и риторики для троих царских детей. Постепенно понятие «литератор» насыщалось для Симеона Полоцкого все более глубоким содержанием, приобретая явно выраженное просветительское значение. Оказалось, что ему мало сочинять панегирики в честь царских именин, крестин, рождения и похорон, а также по церковным праздникам. Он жаждет просвещать весь русский народ, служить «общему благу» словом проповедника и поэта. Созданные им сборники проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная» главной целью ставят воспитание «совершенного человека». Полемический трактат «Жезл правления», направленный против старообрядцев, доказывает, что путь к совершенству лежит через разум и рациональное мировосприятие. В «Вертограде много-

²³ Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры / Склаў А. Ф. Коршунаў. Мінск, 1959. С. 345.

²⁴ Цит. по: Татарский И. Симеон Полоцкий. Его жизнь и деятельность: Опыт исследования по истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886. С. 35.

Вирши
Сильвестра
Медведева.
Пинежская школа
письменности.
Начало XVIII в.

цветном» поэт пытается показать многообразие и пестроту жизни, открыть глаза русскому читателю на достижения мировой культуры, в особенности античной. Все его произведения, вместе взятые, свидетельствуют о Симеоне как Поэте с большой буквы, идущем к высокой цели постижения Бога через приятие мира и человека. Он жаждет просвещать, наставлять, учить жизни. К 1680 г. незадолго до кончины перед нами предстает совсем другой человек, далекий от того образа пиита, готового вливать бальзам лести в уши меценатов, который он сам создал в 1664 г. Теперь это мудрец, не чуждый светской образованности и «внешнего» знания, органично соединяющий его с внутренней — религиозной — духовностью. Он пишет о своем просветительском долге перед царем и народом, призывает правителей России помочь ему распространить мудрость и «свободные художества» среди подданных.

Для реализации своей просветительской миссии Симеон Полоцкий создает так называемую «Верхнюю типографию», ставшую по сути первой частной типографией в России. При помощи своего ученика Сильвестра Медведева он готовит к изданию ряд сочинений, причем первым был «Букварь языка славенска, сиречь начала учения детям, хотящим учиться чтению писаний» (1679 г.), что говорит о наличии у Симеона Полоцкого именно просветительской программы изданий. К сожалению, смерть помешала ему осуществить свой замысел до конца: при жизни вышла только «Псалтырь художеством рифмотворным преложенная», а сборники проповедей Симеона под названиями «Обед душевный» и «Вечера душевная» увидели свет уже

после его смерти (1681 и 1683 гг.). Среди замыслов Симеона была и публикация «Слова к люботщательному иконного писания» с гравюрами, изображающими человеческое тело в разных ракурсах. Знаменитый живописец Симон Ушаков должен был называть на медных досках эти рисунки, а дальнейшую работу должен был выполнить гравёр Афанасий Трухменский, украшавший книги Верхней типографии. К печати также готовился свод стихотворений Полоцкого «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный». Сильвестр Медведев, возглавивший типографию после смерти учителя, открыто заявлял о намерении «явить миру» все сочинения последнего. Однако после смерти царя Фёдора Алексеевича в 1682 г. Верхняя типография оказалась обузой как для светской, так и для духовной власти и была ликвидирована.

Личность Симеона Полоцкого чрезвычайно значима для развития русской культуры раннего Нового времени, поэтому совершенно закономерно, что первый настоящий, да к тому же иронически окрашенный литературный портрет создал именно он. Симеон Полоцкий был проводником западноевропейской литературной традиции на русской почве, как, впрочем, и многие другие выходцы из польских земель в то время несли с собой в Москву и Россию новые европейские явления «на польское дело»²⁵.

В целом же, появление литературного автопортрета является ещё одним ярким признаком переходного процесса, шедшего на протяжении XVII столетия в русской культуре и свидетельствующего о том, что Россия постепенно вступает в «раннее новое время».

²⁵ Подробнее см.: Черная Л. А. Образец «на польское дело» в русской культуре XVII века // Текст славянской культуры. К юбилею Людмилы Александровны Софрониной. М., 2011. С. 344–355.

Ключевые слова:

специфика раннего литературного автопортрета в Древней Руси, самописание авторов виршевых посланий, Фёдор Гозвинский, Симеон Полоцкий.

Lyudmila A. Chyornaya

RUSSIAN LITERARY SELF-PORTRAIT
OF XVII CENTURY

erbal self-portraits were made in Ancient Russia for different purposes, but an author's self-description becomes "literary" only if the author "draws" the self-portrait expressly as a writer, poet, scribe. An opus made by Daniel Zatochnik in XII century, known under the name of "Molenie..." ("Prayer..."), may be called the first literary self-portrait in Ancient Russia. However, for Russian prose messages up to the XVII century more often the task was to write a narratee's flattering panegyric portrait rather than their own one. Moreover, if it was written about themselves after all, the authors emphasized their ignorance, infirmity of mind, "nullity and poorness".

The seventeenth century for Russian culture is the time of strong growth in personal principle and author's self-consciousness. The first literary self-portraits of the XVII century appeared not in prose but in syllabic verses. The main feature of poetasters' generalized self-portrait are "wit", "sense concinnity", and "mind". Symeon Polotsky's advanced self-consciousness appeared in the first in Russia ironic self-portrait made by the poet when he was young.

In general, the appearance of the literary self-portrait is another striking feature of the transitional process, which took part during the seventeenth century in Russian culture and which evidenced that Russia was slowly entering the "Early Modern Age".

 Чёрная Людмила Алексеевна

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории
искусства Московского государственного академического
художественного института им. В.И. Сурикова

К.Ю. Ерусалимский

RES ROSSICA ET MOSCOVITICA: ЗАМЕТКИ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ Д.В. КАРНАУХОВА

Исследования восточноевропейских этногенетических легенд после публикации работ А.С. Мыльникова вышли в нашей науке на новый уровень, требуя объединения усилий этнологов, книговедов, источниковедов, историков идей, интеллектуальных историков и теоретиков культуры.

В последние годы во всех названных направлениях подвизается новосибирский историк-книговед Д.В. Карнаухов. Плод его усилий — серия статей, несколько амбициозных международных проектов, две монографии и докторская диссертация, успешно защищенная в ИРИ РАН. Мы обратимся здесь лишь к монографиям. Поскольку основным предметом работ Д.В. Карнаухова являются историографические конструкты, то и результаты этой работы необходимо оценивать из перспективы историографии, интеллектуальной истории, истории этногенетических концепций, социальной истории памяти. И эти результаты впечатляют. Показывая преемственность и развитие точек зрения ведущих польских и литовских хронистов XV — начала XVII в. на проблему Руси, русских земель и русской истории, исследователь вынужден скрупулезно учитывать все доступные в наши дни издания хроник, обширный репертуар ссылок хронистов, сложившиеся в науке точки зрения на их творчество, источниковедческие

аспекты изучения значительных комплексов приводимых в хрониках фактов. Эта систематическая работа балансирует между самостоятельным анализом и историографическими экскурсами, в которых приходится учитывать множество достижений современной науки. Первая книга Карнаухова представляет собой общий обзор хроник Я. Длугоша, М. Меховского, М. Кромера, М. и И. Бельских, М. Стрыйковского и А. Гваньини, а также данных по истории Руси, русских земель, Великого княжества Московского и Российского государства¹. Во второй книге обобщены результаты первой книги и основное внимание уделено этногенетическим концепциям возникновения славян, русских и москвитов у тех же авторов².

Достижения хронистов в изучении предыстории Руси и их взгляд на русскую историю все более обретают то плотное измерение, которое позволяет видеть развитие идей от издания к изданию, вписывать эти идеи в узкие культурные контексты и находить для них новые способы интерпретации. В этой области остаются еще многие неясные позиции, которые заметны, если вчитаться, и в работах Д.В. Карнаухова. Прежде всего, это касается соотношения фактов, почерпнутых хронистами из доступных им источников, и их собственных взглядов. В ряде случаев мы вынуждены практически бесконтрольно пользоваться такими обязывающими категориями, как «собственная фантазия», «концепция», «этногенетическая гипотеза». Эти оценки кочуют из работы в работу. К примеру, мы можем назвать собственные построения Длугоша о Лехе, Чехе и Русе или присоединении Новгорода к Москве «фантазией», а мысли Бельского или Стрыйковского о происхождении легендарного эпонимического предка москвитов — «гипотезами», но вес этих оценочных слов будет в каждом отдельном случае зависеть от всего комплекса наших знаний о формах исторической репрезентации в эпоху Ренессанса и от того, что мы знаем о творческой мастерской историка, репертуаре его чтения, круге общения и идеологическом заказе. Конечно, нельзя на основе случайного выбора таких оценочных категорий делать широкое обобщение о том, что Длугош историк-фантазер, а Стрыйковский историк-аналитик, как и обратное.

Взгляды Я. Длугоша на русскую историю за последнее время многократно становились объектом внимания исследователей. К этой теме обращались А.Л. Хорошкевич, Б.Н. Флоря, Н.И. Щавелева, Б.М. Клосс, Ю.А. Лимонов, Ю. Раджишевская, Ф. Щелицкий, С. Гавлас, А.В. Назаренко

¹ Карнаухов Д.В. История русских земель в польской хронографии конца XV — начала XVII в. / Науч. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск, 2009.

² Карнаухов Д.В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения / Науч. ред. К.Б. Умбрашко. Новосибирск, 2010.

и др. Я. Длугош в «Анналах» переосмыслил схему возникновения славянских народов «Великопольской хроники» и «Повести временных лет» и вывел славянские народы от Негно, младшего сына Алана. Исторической родиной славян он считал Паннонию, а прародиной Леха, Чеха и Руса — Хорватию. Руса Длугош считал либо братом Чеха и Леха, либо одним из потомков Леха, отдавая предпочтение второй версии (с загадочной ссылкой на то, что сами «русские в своих анналах гордятся» этим происхождением). По словам исследователя, в данном случае могут подразумеваться слова «Повести временных лет» о происхождении радимичей, вятичей и полян от ляхов. Впрочем, значит ли это, что Длугош считал, будто Русь основана поляками, как пишет автор в другом месте своей работы³?

История возникновения «Русского княжества» и русских земель, по мнению Длугоша, привела русских под власть поляков благодаря матримонимальным связям между русскими и польскими князьями, успешным военным кампаниям польских князей и королей против русских и татар (битва под Завихостом в 1205 г., возвращение Люблина в 1302 г. и др.), а также поддержке, которую оказывали короли (Казимир II, Лешек Белый, Казимир III) галицким и волынским князьям. В науке уже отмечалось, что в «Анналах» реализована идея польского доминирования в русских землях, близкая патрону Длугоша краковскому епископу З. Олесницкому⁴. Д.В. Карнаухов отмечает «строгое разграничение в хронике Длугоша “русской” и “московской” проблематики, поскольку историк никак не ассоциирует владения московского князя с Русью»⁵. Однако эта точка зрения не учитывает ту общность между схизматиками и язычниками, которая видится Длугошу главной проблемой восточных границ владений Ягеллонов. Исследователи пришли к согласию насчет того, что Длугош выводил московских православных за рамки общей славянской истории, а в православии, обычаях и языке русских видел угрозу исконному славянскому единству. Новгород и Псков эпохи князя Витовта Кейстутовича воспринимались им как русские земли, подчинявшиеся литовским князьям. Русские воины Витовта, по словам хрониста, воспринимали новгородцев как соотечественников-русских. При этом хотя Москва и восхваляется им за освобождение от «варваров»-татар, литовские русские рассматриваются как ненадежные подданные, а подчине-

³ Карнаухов Д.В. Концепции... С. 60–61. Ср.: С. 62.

⁴ Флоря Б.Н. Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в Средние века. М., 1990. С. 16–28.

⁵ Карнаухов Д.В. История... С. 32.

ние Новгорода Ивану III (в хронике под 1479 г.) — как опасный признак, свидетельствующий о сближении польско-литовских православных с Москвой. «Земля московитов» впервые упоминается в хронике под 1406 и 1408 гг. Конечно, рассматривая взгляды Длугоша, было бы ошибкой не учитывать манеру работы хрониста, в распоряжении которого были как польские, так и недошедшие до наших дней русские летописные источники. Как читатель, он в первую очередь выступал в качестве хрониста-компилятора, стремясь выстроить почерпнутые им из источников сообщения в последовательный рассказ и заполняя лакуны своими построениями, не всегда сводимыми к единой «концепции». Кроме того, обсуждая отношения между «польскими» и «русскими» княжествами, Длугош далеко не всегда видит подтекст польско-русской конфронтации в межкняжеской борьбе, а в ряде случаев его предубежденность является не столько его измышлением, сколько наложением на материал схем более ранних польских источников, например, Великопольской хроники XIV в. Так, говоря о его сообщениях за XII–XIII вв., Д. Домбровский отмечает, что большинство сведений хроники находят подтверждение в источниках: «Исключение составляют отрывки, относящиеся главным образом к Ростиславичам и посвященные событиям, имевшим место между 1200 и 1238 гг., а также такие факты истории Руси, о которых упоминали более ранние польские источники (речь идет, прежде всего, о русской политике Казимира Справедливого, а также о борьбе за наследство Романа Мстиславича). Во втором из приведенных примеров краковский каноник все же излагал сведения своих предшественников помимо материалов, обнаруженных им в летописях, а также не останавливался перед амплификациями, в удобном для него свете представляющими польские интересы»⁶.

С этой точки зрения вполне оправдано внимание Д.В. Карнаухова к последним разделам «Анналов». Однако, во-первых, отмеченная исследователем дихотомия «русского» и «московского» не была для Длугоша безоговорочным постулатом, во-вторых, не была его изобретением, поскольку сами понятия «московит», «москаль», «москвитин» еще при его

⁶ См. также: *Dąbrowski D. Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 39–40.* Здесь с. 39. Обратим внимание на то, что манера работы Длугоша с несохранившимися источниками (примером служит условно определяемый В.Т. Пашуто «Летописец Ростиславичей») заставляет исследователя интерпретировать его взгляды с оговорками о том, что мы не знаем и сегодня не можем узнать, как именно он обрабатывал сведения этих источников. См.: *Ibid. S. 499–501, 527–530, 616–621 et al.*

жизни стремительно входили в европейский канцелярский тезаурус⁷ и широко использовались в делопроизводстве Короны Польской и Великого княжества Литовского, а в историографии, например, прусскими хронистами⁸. Вопрос о разделении «русских» и «московитов» обсуждается в «Анналах» не в этническом ключе. Их религиозность и образ жизни во многом сходны, хотя свойственные им негативные черты в равной мере характеризуют и «литвинов»⁹. Не ограничиваем ли мы наше понимание взглядов Длугоша тем, что выстраиваем преимущество между «Анналами» и более поздними польско-литовскими хрониками? За очевидным текстологическим фактом кроется несовпадение в интенциях хронистов, отсутствие ясной «концепции» или идейной «программы» в «Анналах», зачастую наша неспособность вычленить мнение Длугоша из сообщений приводимых им источников. Здесь мы не обнаружим ни призывов перевести польско-литовских русских в унию флорентийского типа (хотя возможно, это был бы путь их поэтапной и наиболее мягкой католизации), ни обвинений местных русских в расколе унии Великого княжества Литовского и Короны Польской. Возможно, недосказанность Длугоша была вызвана тем, что он видел причины бедствий Ягеллонов глубже — хотя бы в самом том факте, что Казимир IV стремился удержать власть в Польше, уступая позиции на востоке более успешным и более приемлемым для русского населения московитам.

Схема Длугоша в переработках Меховского и Кромера надолго утвердилась в польской исторической мысли, несмотря на то, что сама его хроника впервые увидела свет в полном объеме лишь в 1711–1712 гг. Впрочем, и до ее полной публикации утрата влияния Великого княжества Литовского в Новгороде и Пскове представлялась читателям печатных хроник

⁷ *Luber S.* Die Herkunft von Zaporoger Kosaken des 17. Jahrhunderts nach Personennamen. Wiesbaden, 1983; *Brogi Bercoff G.* Ruś, Ukraina, Ruthenia, Wielkie Księstwo Litewskie, Rzeczpospolita, Moskwa, Rosja, Europa Środkowo-Wschodnia: o wielowarstwowości i polifunkcjonalizmie kulturowym // *Contributi italiani al XIII congresso internazionale degli slavisti*. Pisa, 2003. S. 325–387; *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge etc., 2006. Ch. 3–4; *Казакоў А.У.* Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV — 30-я гг. XVI ст.). Дыс... канд. гіст. навук. Мінск, 2010.

⁸ *Хорошкевич А.А.* Термины «Руссия» и «Московия» в 9–13 книгах «Анналов Польши» Яна Длугоша // «Cultus et cognition»: Studia z dziejów średniowiecznej kultury. Warszawa, 1976. С. 203–208; *Саганович Г.Н.* Русь в прусских хрониках XIV–XV веков // Славяне и их соседи. Средние века — раннее новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. М., 1999. С. 100–104.

⁹ *Skomiał J.* Jan Długosz o Litwie i Litwinach // Wielokulturowość polskiego pogranicza. Ludzie — idee — prawo. Białystok, 2003; цит. в: *Полехов С.В.* Внутриполитический кризис в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. Дисс... канд. ист. наук. М., 2011. С. 34–38.

его продолжателей ошибкой короля Казимира, увлеченного европейской политикой и отдавшего восточные границы своего объединенного государства на растерзание Москве. Этнополитические концепции М. Меховского, М. Кромера и М. и И. Бельских развивали общий взгляд на славян, русских и москвитов, почерпнутый в «Анналах» Я. Длугоша, но при этом каждая из них вносила что-то новое и сама претерпевала изменения от издания к изданию. Д.В. Карнаухов впервые в российской науке скрупулезно восстановил эту мозаику и впервые предпринял попытку увидеть в ней историю одного идейного комплекса — россику и москвитуку.

Самым популярным по числу изданий был «Трактат о двух Сарматиях» М. Меховского. Эта книга служила пособием для студентов Краковско-го университета и содержала обширный комплекс данных о восточно-европейских и русских землях. В трактате были критически рассмотрены версии происхождения русских — они были представлены как население древней Скифии, но их земля была обособлена от Скифии как Роксолания, их соседями названы готы и югры (венгры). Впрочем, понятия «Скифия» и «Роксолания» М. Меховского не соотнесены между собой ни в первой, ни во второй книге Д.В. Карнаухова¹⁰. Все русские земли, а также «скифские» владения, завоеванные москвитами, Меховский относит к Европейской Сарматии, восточной границей для которой он называет Дон, Азовское море и Крым. Впрочем, в отличие от Длугоша, новгородско-псковские земли для него на всем протяжении его трактата являются владениями Литвы. Позднее в «Польской хронике» Меховский упоминает завоевание Новгорода москвитами и сухо оговаривает его обстоятельства. Д.В. Карнаухов отмечает «индифферентность» Меховского к событиям недавнего прошлого в польских, литовских и московских русских землях и объясняет это тем, что «непосредственно примыкавшие к Польше русские земли были включены в состав Польского королевства и уже не воспринимались как самостоятельные субъекты международных отношений в регионе, тогда как русские земли, находившиеся в составе Литвы и тем более соседствовавшие с Литовским княжеством на востоке, рассматривались как «сфера ответственности литовских князей»¹¹. Москвиты захватывают земли «скифов» (к востоку и северо-востоку от Москвы), и это отличает их, по-видимому, от «сарматских» народов, к числу которых относятся, помимо самих «москвитов», «рутены» (польские и литовские русские), «плесковиты» (псковичи), «нугарды» (новгородцы), «смольненцы» (смоляне), «огульцы» (поло-

¹⁰ Карнаухов Д.В. История... С. 48–50; Карнаухов Д.В. Концепции... С. 61–62.

¹¹ Карнаухов Д.В. История... С. 59–60.

чане?), осевшие на землях древней Роксолании. Этот момент знаменовал отход от построений Длугоша: московиты были приближены к скифам и татарам, тогда как русские земли Польши и Литвы были представлены как объект борьбы между цивилизованными сарматами и дикими скифами. Рассказывая о недавней истории русских земель, М. Меховский опирался на сведения, почерпнутые из устных бесед с выходцами из этого региона¹². Построенный таким образом текст обладал, на мой взгляд, не столько экспансионистским потенциалом, как полагает Д.В. Карнаухов, сколько призывом к сопротивлению в борьбе за Новгород, Псков, Смоленск и Полоцк и в этом смысле выполнял важную миссию исторического обоснования планов по борьбе против татар и московитов, поддержанных после Оршанской битвы не только в Короне Польской, но и в Риме¹³.

Обособить русских от московитов удастся и ближайшим современникам М. Меховского. Популярностью в первой половине XVI в. в Европе пользовалась идея об идентичности московитов амаксобитам (И. Вадриан) и модокам (П. Джовио). Вслед за М. Меховским С. Ожеховский развил идею о происхождении русских от роксолан, получивших права на свои земли от Александра Македонского. Немаловажным в данном случае может оказаться то, что в хронике В. Кадлубека и вслед за ним в хрониках XVI в. утверждалось, что предки поляков одержали победу над Александром, тем самым еще в древности получив *jurem belli* на русские земли. Автором особой концепции происхождения славян стал Б. Ваповский, чья хроника сохранилась лишь во фрагментах. Как показывает Д.В. Карнаухов, от интерпретации влияния этой хроники на последующие труды польских и литовских историков во многом зависит наше понимание генезиса концепций происхождения славян М. Бельского, М. Кромера, М. Стрыйковского и А. Гваньини¹⁴. Ваповскому принадлежит вывод о происхождении славян от новгородского «озера Словеного». Поместив прародину славян в район Ладожского озера, Ваповский еще раз выделил Новгород в ряду русских земель. Но уже у М. Бельского та же мысль зазвучала иначе: сла-

¹² Флоря Б.Н. Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Советское славяноведение. 1965. № 2. С. 52–64.

¹³ Кошалеў М.К. Жывыя і мёртвыя: Маскоўскія вязні пасля Аршанскай бітвы 1514 г. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1998. С. 176–183; Grala H. Jeńcy spod Orszy: między jagiellońską «propagandą sukcesu» a moskiewską racją stanu (1514–1552) // Aetas media — aetas moderna. Studia ofiarowane profesorowi Henrykowi Samsonowiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 2000. S. 439–466; Sirutavičius M. Karo belaisviai Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XVI a. pradžioje pusėje. Vilnius, 2002.

¹⁴ Карнаухов Д.В. Концепции... С. 66.

вяне-«словаки» не просто вышли из района Новгорода Великого, но «произошли из Москвы». Конечно, в этом случае «Москва» подразумевает территорию Российского государства как целое, частью которого является регион Новгорода Великого. Концепция М. Бельского подразумевала, что выйдя «из Москвы», славяне разделились на три группы — болгар, волынцев и литовских русских. Генетическая точка отсчета (Москва) здесь не менее значима, чем три «ветви», объединяющие «московской», и уже — «новгородской», прародиной территориально и политически разобщенные народы. Эта «Москва» не была осмыслена как правопреемница древненовгородской прародины всех славян — однако такой вывод в одной из версий хроники М. Стрыйковского мог быть спровоцирован уже М. Бельским, который во второй редакции «Хроники всего света» 1554 г. произвел московитов от сына Иафета Мосха (Мосоха), а в третьей редакции 1564 г. соединил этногеографическую гипотезу с эпонимической легендой о вышедших «из Москвы» Русе, Лехе и Чехе, добавил в текст отрывки из хроники М. Кромера, обширные выписки из «Записок о Московии» С. Герберштейна и серию иллюстраций о Московии. Впрочем, влияние Ваповского на последующих хронистов могло быть еще более значительным. Стрыйковский ссылается на его незаконченную хронику, говоря об исходе славянских народов от «озера Словеного», и добавляет, что по этой причине поляки, чехи, болгары и другие «словаки и русаки» происходят от Мосоха или Москвы, сына Иафета, и из «московских краев»¹⁵.

Интерес вызывает идея происхождения «волынцев» от болгар, перешедших на Волынь с Волги, впервые заявленная, видимо, в «Хронике всего света» и «О происхождении и деяниях» М. Кромера¹⁶ и принятая М. Стрыйковским¹⁷. Так было признано единство всей русской части Сарматии и доказан особый статус волынцев, на котором они настаивали в ту же эпоху и позднее на Люблинском сейме, когда волынская делегация активно ссылалась на исторические хроники и заявляла о своем доминировании над Киевом и Брацлавом. Лидер делегации Г.В. Бокий был так начитан в польской и литовской истории, что получил прозвище «Хрони-

¹⁵ *Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi / wyd. przez M. Malinowskiego. Warszawa, 1846. T. 1. S. 101.*

¹⁶ *Карнаухов Д.В. Концепции... С. 66, 150.* В первом издании хроники М. Бельского говорится о роксоланском происхождении поволжских волынцев. В первом издании хроники М. Кромера, возможно, на основе переосмысленной концепции М. Бельского создана версия о том, что волынцы были поволжскими болгарями. Эта же версия отразилась на третьем издании хроники М. Бельского 1564 г. Эту цепочку восстанавливаем на основе цитат, приведенных в разных местах работы Д.В. Карнаухова.

¹⁷ *Strykowski M. Kronika polska... T. 1. S. 51, 104.*

ка». Чуть позже князь А.М. Курбский в своей «Истории о князя великого московского делех» и поздних посланиях Ивану IV пользовался понятием «сыны русские», доказывал исторические права русских великих князей на поволжские земли и восхвалял волынцев за их подвиги, доказывая их превосходство над польской шляхтой в общем деле борьбы против татар. Остается отметить, что Курбский в своей «Истории» ссылался на «Записки» С. Герберштейна и «Хронику всего света» М. Бельского. Ареал Русской земли, о которой он пишет в своих трудах, нигде четко не очерчен, однако границы Руси «тамошней» и «здесьней» охватывают московские русские земли вплоть до Поволжья, литовские русские земли и отдельно Воынь¹⁸.

Обширная хроника М. Кромера подвела итог многолетнему развитию польской хронографии, обобщила многие гипотезы и предложила читателям особую концепцию, вызвавшую широкое обсуждение в шляхетском обществе. Прародиной руссов здесь определена Сарматия, территория которой отождествлена с владениями «роксан»-роксоланов. Население Руси разделено на три ветви — руссов, московитов и волынян. Подробному разбору и критике в его хронике была подвержена версия о происхождении русских от Руса из книги пророка Иезекииля (Рос, Мосох и Тубал). Кроме того, в «Полонии» историк выступил с критикой в адрес понятия «Rutheni» и обосновал его применимость к рутенам Аквитании. Заимствованы были также построения «Записок о Московии» С. Герберштейна о происхождении руссов от крепости Руссы. Подробно рассмотрено множество версий происхождения московитов, причем в вышедшей в разгар войны с Россией третьей редакции хроники 1568 г. оговорил, что московиты называли себя «руссамии» или «роксоланамии» лишь временно и затем вновь поменяли свое наименование на «московитов»¹⁹. Выводы Д.В. Карнаухова о латентном экспансионизме концепции М. Кромера справедливы, как представляется, лишь отчасти. Как и концепции М. Меховского и М. Бельского, идея экспансии на восток уступает здесь место оборонительной точке зрения, отделяющей «своих» от «чужих», сарматов от скифов. Единство Сарматии не предполагает, по крайней мере прямо, что Корона Польская претендует на все ее наследие и стремится к «Drang nach Osten».

М. Стрыйковскому и его соавтору А. Гваньини в общей сумме в работах Д.В. Карнаухова посвящено примерно столько же внимания, сколько

¹⁸ На это совпадение в сочинениях князей А.М. Курбского и М. Бельского я раньше не обращал внимания. Ср.: Ерусалимский К.Ю. Историческая память и социальное самосознание Андрея Курбского // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2005. Вип. 5. С. 225–248.

¹⁹ Карнаухов Д.В. Концепції... С. 73–74.

и всем остальным польско-литовским хронистам. В истории развития текстов Стрыйковского — Гваньини сегодня определились такие этапы. Самым ранним является стихотворная хроника «Гонец добродетели к истинным шляхтичам», впервые изданная в Кракове 9 апреля 1574 г. Уже после нее или одновременно и после создавалось произведение «О началах, происхождении, доблестях рыцарских и гражданских деяниях славного народа литовского, жемойдского и русского», известное только в рукописи и опубликованное впервые Ю. Раджишевской в 1978 г. Следующий этап — «Описание Европейской Сарматии» А. Гваньини, впервые изданное А. Гваньини в 1578 г. и основанное на тексте, в отдельных разделах чрезвычайно близком к сочинениям М. Стрыйковского. Сам Стрыйковский считал себя подлинным автором «Описания», однако вместо «авторского права» на него получил по суду право на публикацию своей «Хроники» под своим именем, каковым и воспользовался, издав в 1582 г. в Кёнигсберге «Хронику Польскую, Литовскую, Жмудскую и всей Руси».

Д.В. Карнаухов справедливо полагает, что для изучения взглядов Стрыйковского на Русь и русские земли необходимо сравнивать отдельные этапы этой творческой эволюции. Однако, во-первых, предпочтение явно отдается «Хронике». Во-вторых, «Гонец добродетели» так и не заслужил внимания в этом сравнении. В-третьих, взгляды Гваньини и Стрыйковского рассмотрены обособленно. Согласиться с такими решениями можно не во всем. В целом, понятно, что основное внимание в работе уделяется печатным хроникам, оказавшим определяющее влияние на читательскую публику, вызвавшим резонанс среди современников и, в каком-то смысле, ставшим квинтэссенцией творчества авторов в эпоху, когда не существовало понятия «авторской воли» и его аналогов. Однако решение Д.В. Карнаухова имеет оборотную сторону, так как исследователю приходится оговариваться и вносить градации там, где они трудноуловимы или вовсе не уловимы. Так, справедливо, на мой взгляд, критикуя оценку «О началах» как «рукописного экземпляра» хроники Стрыйковского, предложенную А.И. Роговым, автор поддерживает вывод Ю. Раджишевской о том, что «О началах» является самостоятельным произведением, и говорит, что историки литературы и историографы найдут в нем «образец романа в стихах, написанного по мотивам реальных исторических событий»²⁰. Однако сравнение «О началах» с «Хроникой» приводит Д.В. Карнаухова к несколько иному выводу. Расхождения между ними в разделах, соответствующих 5–13 главам 5-й книги «Хро-

²⁰ Карнаухов Д.В. История... С. 127. Прим. 5. То же: *Его же. Концепции...* С. 26.

ники», оказываются минимальными (хотя существенными), причем в «О началах» эти отрывки, как и в «Хронике», изложены прозой²¹. Думаю, в этом смысле было бы логично распространить оценку «роман в стихах» не только на «О началах», но и на «Хронику». Но важнее другое — сам же исследователь подтверждает вывод о том, что это две редакции одного текста, и их жанровая специфика не снимает задачу их взаимного сопоставления с целью осмыслить развитие взглядов их автора.

Еще раз Д.В. Карнаухов обращается к вопросу различий между «О началах» и «Хроникой», когда обсуждает их структуру и организацию материала о Руси и русских землях в их составе. Здесь мы вновь сталкиваемся с дискуссионными оценками. Справедливо отмечено, что структура обоих текстов разнится. В первом нет четкого структурирования, и могут быть лишь условно выделены «тематические блоки», тогда как во втором присутствует и четкая структура с делением на 25 книг, главы (разделы) и подразделы. И кажется не вполне оправданным в этом месте особое внимание к «Хронике», помещающее ее в контекст сравнения с исторической поэмой «О началах»: «Хотя Стрыйковский в этом сочинении [«Хронике». — К.Е.] также делает акцент на описании истории литовского народа и государства, вопросы истории русских и московских земель здесь акцентированы в гораздо большей степени, что нашло отражение в структуре хроники»²².

Заслугу тандема М. Стрыйковского — А. Гваньини автор видит в отходе от «избыточного полоноцентризма», который более выражен в хрониках М. Кромера и М. Бельского, а своего наибольшего воплощения достиг в хрониках Я. Длугоша и М. Меховского²³. В 4-й книге «Хроники» Д.В. Карнаухов обнаруживает особую концепцию происхождения русских и московитов, которую определяет как «причудливый симбиоз устаревших мифологем и протонаучных догадок, способствовавший коренной трансформации представлений о происхождении славянских народов»²⁴. В этом месте следуют сравнение существенно расходящихся концепций «О началах» и «Хроники» и развернутый комментарий в примечании о том, что основой для этногенетической гипотезы, изложенной в «О началах», послужил некий краковский манускрипт двухсотлетней давности. Как справедливо отмечает Д.В. Карнаухов, ссылка на этот источник не встречается в «Хронике». Данные наблюдения, как кажется, уместны

²¹ Карнаухов Д.В. История... С. 142.

²² Там же. С. 131.

²³ Там же. С. 125.

²⁴ Там же. С. 132.

и справедливы, однако они тут же подводят автора к дискуссионному тезису, который как раз согласия не вызывает: «К сведениям своего информатора Стрыйковский относится без особого доверия, указывая на то, что “сам не знает, откуда тот взял известия о древностях”, и поэтому предпринимает попытку верифицировать их посредством ссылок на авторитетные мнения тех же самых авторов древности и средневековья, которые фигурируют и в *Хронике* (тогда как о краковском манускрипте в этом сочинении уже не упоминается)»²⁵. Как представляется, этой формулировкой подспудно оспорен принятый самим же исследователем тезис о кардинальных различиях в изложении этногенетической легенды происхождения русских и московитов в «О началах» и «Хронике». Однако вопрос о загадочном источнике «О началах», удаленном из «Хроники», требует более детального рассмотрения, поскольку от его решения в нынешней историографии зависят ключевые для работы Д.В. Карнаухова позиции в истолковании этногенетической концепции М. Стрыйковского.

Если особая концепция происхождения предков чехов, поляков, русских, волынцев и других от внука Иафета, шестого сына Немрода по имени Москва, является вымыслом Стрыйковского, необходимо проследовать по его ссылкам, чтобы понять, к каким источникам он при этом апеллирует и почему. Как отмечает сам же исследователь, впервые сходные предположения были сделаны во втором издании «Хроники всего света». Критикуя мою концепцию, Д.В. Карнаухов ссылается на то, что в поэме «О началах» «этногенетические рассуждения автора “рассеяны” по тексту и, как правило, “встроены” в рассказы не о русских или московских, а о литовских делах, из-за чего создается впечатление их периферийности и избыточной гипотетичности для самого автора»²⁶. Это так, и нечеткость формулировок вызвана структурными особенностями текста «О началах». Эти же особенности позволили в тексте «О началах» высказать такие идеи в пользу Москвы, которые были устранены из окончательной версии «Хроники». И устранение таких отрывков — показательный факт, уже в силу сходства значительных отрывков поэмы и хроники, особенно поэтических.

Здесь было бы уместно вспомнить о хорошо известных Д.В. Карнаухову работах познанского историка В. Войтковяка, который впервые изучил следы «краковского манускрипта» в творчестве М. Стрыйковского. След этой рукописи крайне сомнителен и напоминает литературную фикцию в духе мистифицированных рукописей из романов Ф. Рабле или М. Сер-

²⁵ Карнаухов Д.В. История... С. 133. Прим. 34.

²⁶ Карнаухов Д.В. История... С. 163.

вантеса. Опровергая хрониста И. Деция, Стрыйковский ссылается на «старый рассказик» или «древнюю записочку» (*stary komentarzyk*), купленную в Вильно у доктора Щерпца, позднее потерянные им на фронте. Как было установлено, этот факт прямо соотносится с упоминаемым в «О началах» краковским каноником Иеронимом Чехом. Вероятно, в этой легендарной фигуре соединены гусит Иероним Пражский и виленский каноник Ян Чех, а возможный владелец этой сомнительной рукописи — виленский каноник Войчех Грабовский с Щерпца. Задачи как самой этой предполагаемой мистификации в поэме «О началах», так и отказа от нее в «Хронике» были изучены в работах Я. Малицкого и З. Войтковяка. Речь шла о создании особой, благоприятной России версии этногенетической легенды о происхождении «трех братьев» от Москвы. После критики, прозвучавшей в адрес библейских корней Москвы со стороны М. Кромера, эта версия звучала вызывающе и требовала внушительных обоснований²⁷.

Особое внимание З. Войтковяка привлек также «летописец Дмитрия, чернеца смоленского». Ссылки на него появляются в «Гонце добродетели» и «О началах» и свидетельствуют о том, что сочинение смоленского монаха Дмитрия (Деметрия) — это летопись или записки, написанные древним письмом и содержащие разделы о литовской истории, в числе прочего — о легендарном предке литовских князей Палемоне. В «Хронике» Стрыйковский изменил свою первоначальную концепцию происхождения литовских князей и устранил ссылки на «летописец Дмитрия», оговорив, что в «Гонце добродетели» и «Описании» его подвело доверие «одному русскому летописцу» («omylił mię Latopisiec jeden Ruski»). По предположению З. Войтковяка, к этой летописи хронист обращался в период своей витебской службы в 1563–1573 гг., а в период поездок в Краков и Константинополь она наряду с другими источниками исчезла в подляшском имении А. Ходкевича Хороще и уже к 1582 г., когда велась работа над «Хроникой», она была Стрыйковскому недоступна. Исследование отрывков, в которых приводятся ссылки на эту летопись, показало, что в нем содержались особые сказания, не находящие аналогов в дошедших до нас летописных текстах. Среди них — нашествие Атиллы на Италию как причина перехода Палемона и других итальянцев «в эти северные страны», происхождение названия «Литва» от *litus* и *tuba* (*Littus Tubae*), святая Парасковья Полоцкая, прозванная в Риме Пракседой (и тезис о ее происхождении от князя

²⁷ Malicki J. Mity narodowe. Lechiada. Wrocław et al., 1982. S. 102; Wojtkowiak Z. «Starodawny historyk», «stary komentarzyk» — zapoznane źródła Strzykowskiego // *Mente et litteris. O kulturze i społeczeństwie wieków średnich*. Poznań, 1984. S. 349–356.

Рогволода Борисовича, внука Юрия-Гинвила Мингайловича и княжны Марии Тверской). Поздние уникальные сюжеты этой хроники касаются войн с Великим княжеством Московским и особенно битвы на реке Ведроши. Отличие сведений Стрыйковского от данных летописей Ольшевской и Румянцевской редакции, а также хроники Быховца — в несвойственной этим спискам похвале князьям Гедройцам (наряду с упоминанием также неизвестного по другим источникам конфликта князя Довмонта Гедройца с великим князем Витовтом Кейстутовичем). Однако и из «Хроники» Стрыйковского устранены все отрывки, касающиеся Гедройцев, то есть перед нами преднамеренное устранение заимствований из «летописца Дмитрия» и упоминаний этой летописи. Комплекс этих данных позволяет В. Войтковяку в этом случае, в противовес уже упомянутому примеру «стародавнего историка», прийти к выводу о существовании особой летописи, следы которой, как и следы «краковского манускрипта», были устранены из «Хроники». Возможно, как и хроника Петра Дусбурга, «летописец Дмитрия» был найден в Румборгском соборе в 1566 г., когда Ян Ходкевич принимал у магистрата Готарда Кеттлера ливонские замки, однако это лишь догадка. Как и почему исчезла эта летопись и почему потребовалось устранять ее следы из поздних версий работы М. Стрыйковского — остается неясным²⁸.

Было бы неверно утверждать, что в «Хронике» устранены все следы влияния московских исторических сказаний и политических доктрин. Ее автор ссылается на использованные им московские хроники (например, повествуя о Кернусе, Гимбуте, Святославе и др.) и критикует убеждения москвитов в праве на Венгрию (в сказании об Аттиле) и Пруссию. Видимо, из тех же московских хроник перекочевала в хронику Стрыйковского легенда о строительстве Владимира-на-Клязьме при Владимире I Святославиче и перенесении им туда столицы из Киева, дополненная замечанием о переносе столицы из Владимира в Москву при «белорусском князе» Иване Калите²⁹. Однако из текста, аналогичного поэме «О начале», в «Хронике» устранены часть ссылок на московские источники и, как уже говорилось, все следы легенды о происхождении Чеха, Леха и Руса от Москвы. Происхождение Руса (Руса) от Мосоха — одно из предположений «Хроники», хотя М. Стрыйковский приводит без контраргументации, как возможную версию, и то, что Рус был внуком Леха или Чеха.

²⁸ Wojtkowiak Z. O Smoleńskim Latopisie Demetriusza, nieznanym źródle Macieja Strykowskiego i o przyczynach jego «zapomnienia» // Scripta custos memoriae. Prace historyczne / Pod red. D. Zydorek. Poznań, 2001. S. 253–262.

²⁹ Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi / Wyd. przez M. Malinowskiego. Warszawa, 1846. T. 1. S. 126.

Сокращениям в основном тексте «Хроники» по сравнению с «О началах» соответствует изменение в справочном аппарате «Хроники» по сравнению с предыдущими редакциями труда М. Стрыйковского — А. Гваньини. Д.В. Карнаухов отстаивает идею отхода М. Стрыйковского от полоноцентризма. И обнаруживает в «Хронике» концепцию московской прародины славян, прав московитов на русские земли и Ливонию. Данные выводы, на мой взгляд, уместны в отношении поэмы «О началах», но применительно к «Хронике» они не очевидны. Версии древнего происхождения города и местности Москвы и Москвы-реки автор не принимает, доказывая, что имя «московского народа» древнее этих топонимов и образовано от имени библейского патриарха Мосоха. Однако видеть в этом москвоцентризм, как это делает Д.В. Карнаухов, было бы неверным. Древнее имя московитов не означает, согласно сочинениям М. Стрыйковского, что в древности существовал народ московитов. Потомки Мосоха занимают, конечно, выдающееся положение в концепции Стрыйковского. Это видно уже из этимологии их патриарха, приведенной в «Хронике»: его имя переведено им с иврита на латынь как «*extendens*» и, как и имя его отца Иафета, отражает право на расширение границ — младший сын Ноя Иафет наделен королевским статусом и шляхетством согласно трехчастной социальной модели (*oratores* — Сим, *laboratores* — Хам, *bellatores* — Иафет). Младший же сын самого Иафета Мосох в этом смысле оказывается номинативным наследником королевского достоинства и воинских доблестей отца.

Вместе с тем в словах о том, что Мосох был «отцом и патриархом» всех славянских народов, нет оснований видеть аванс в пользу московитов: ни само по себе имя Мосоха-Мезеха, ни упоминание московитов первыми в ряду славянских народов не говорят о москвофилии «Хроники». «Патриарх Славянский» Мосох (Мезех, Места) выступает в «Хронике» как шестой сын Иафета и предок московитов, русских, поляков, волынцев, чехов, мазовшан, болгар, сербов, харватов «и всех вообще, сколько их ни на есть, народов, пользующихся от прирождения славянским языком»³⁰. Стрыйковский сохраняет тезис о тождестве Мосоха и Москвы, помещая имя патриарха в длинный ряд «*Mosoch, Moscus, Mosca, Mosci, Moscorum, Moschovitarum, Modocarum &c.*» и ссылаясь на авторитетных авторов, начиная с пророка Моисея и халдейского историка Бероза. Доходит автор и до предположения о том, что «мосхи» — это первоначальное название

³⁰ *Strykowski M. Kronika polska...* Т. 1. S. 19–20, 91. Видимо, переосмысление в «Описании» Гваньини: «моски от Моски, брата Иафета». См.: *Гваньїні О. Хроніка Європейської Сарматії*. 2-ге вид., доопр. / Упор. та перекл. з польськ. о. Юрія Мицика. Київ, 2009. С. 52.

народа «руссов». Пассаж о московских истоках Европы и Азии заканчивается ремаркой о том, что нынешние «москва, народ Белой Руси» названы от реки и города и выросли в могучее государство только за последние 230 лет, которое затем повторяется в прямом противопоставлении нынешних москвитов, которые происходят от того же патриарха Мосоха, но надолго забыли о своем изначальном названии и назывались «русью» или «русаками»³¹. В этой плазматичной концепции автору удалось сохранить исходное ядро и дополнить его раздвоенным образом москвитов в древности и современности, отождествив москвитов с русаками, что позволило бы сохранить и единство народа, и вопрос о выборе одного имени для него как для целого. Вопрос этот сохранял актуальность и в годы бескорольев, когда велась работа над «О началах», и в годы Московских походов короля Стефана, когда исходный текст перерабатывался в «Хронику».

Усиливая интригу, М. Стрыйковский высказывает предположение о том, как началось возрождение имени прародителя сарматов-москвитов: «А потом, лет 200 и сколько-то десятков тому назад они [русаки-москвиты. — К.Е.] воскресили то старинное имя патриарха русского и сарматского Мосоха, когда москва начали называться от города и реки Москвы по причине переноса столицы из Владимира»³². Напрашивалось прояснение отношений между Мосохом и Сарматом, но родство между ними так и осталось под вопросом. Сармат или Сармата (Асармот) был пятым сыном Иафета. По другим версиям — сыном Истра или Ектанава, внуком Хебера или Сима, правнуком Сали или Ноя, пращуром Арфаксата. Еще по одной версии — сыном Сима. В любом случае, он был «родичем Мосоха». В версии от Ектанава — его внучатым племянником. Вместе с Асармотом Мосох будто бы основал через 131 год после Потопа на Черном море поселение, разросшееся в Колхидское королевство и прославленное золотым руном. Позднее их королевство разрослось и достигло на севере границ Литвы, Варяжского и Ледовитого морей³³. Слова о происхождении поляков, чехов и болгар от Мосоха вступают в противоречие с тезисом о восхождении всех москвитов, поляков, русинов, литвинов, жмудинов, поморян, волынцев и т. д. к Асармоту. Все они восходили к Ною, однако положение Мосоха и его потомков в этой схеме оказывалось более высоким. По всей видимости, вопрос о степени родства между Мо-

³¹ Strykowski M. Kronika polska... T. 1. S. 91–93.

³² Strykowski M. Kronika polska... T. 1. S. 93: «Aż potem przed lat dwiema sty i kilkiemdziesiąt, to starodawne imię patriarchy Ruskiego i Sarmackiego Mosocha wskrzesili, gdy się Moskwa od Moskwy miasta i od rzeki za przeniesieniem stolice z Włodimirza, zwać poczęli».

³³ Strykowski M. Kronika polska... T. 1. S. 15, 93.

сохом и Асармотом был для М. Стрыйковского неясным, а А. Гваньини в переиздании своей «Хроники» 1611 г. уже ссылается на версию происхождения Сарматии от Иафета как на историческую ошибку³⁴.

В других местах Стрыйковский перечисляет в одном ряду патриархов: Леха, Палемона, Мосоха, Русса³⁵; или Кия, Щека, Хорива, Лыбедь, Аскольда, Дира³⁶; или четырех братьев варягов — Рюрика, Синеуса и Трувора (названы только трое). Причем в последнем случае специально оговаривается неподтвержденность древней истории русских и москвитов: «И от тех [Рюрика, Трувора и Синеуса. — К.Е.] как русские, так и великие князья московские порядок и определенное наследование ведут и выводят, а последующих более древних начал своего народа вывести не могут из-за недостатка истории и тех, кто бы ее писал»³⁷.

Точных географических, этнических и культурных границ москвитов, или москвы, вплоть до начала XV в. «Хроника» не знает. Этот этнос выступает в одном ряду с остальными «славаками» (то есть славянами), однако нет ни одного исторического деяния, которое совершили бы древние москвиты до начала XV в. Это доказывается постоянно используемыми в «Хронике» актуализирующими формулами. Гваньини говорит в «Описании» о реке Волге, что она «является границей, которая отделяет Московию от диких татар»³⁸. Со ссылкой на «Готскую войну» Прокопия Кесарийского хронист говорит о том, что готы «вышли из тех мест, где теперь Москва, с реки Дона или Танаиса», и уже ниже по тексту рассуждает о происхождении готов из «Литвы, Жмуди и Московских земель Танайских и Метотских», «из Москвы и из Заволжских Татар», о том, что готы нападали на соседей из тех земель, «где теперь Москва, Литва, Воынь, Подолье и Перекоп, или Таврика», болгары вышли «из тех же полей и краев северных и восточных московских» и т. д.³⁹ В этом же смысле, допуская открытый

³⁴ Гваньини О. Хроника... С. 745.

³⁵ Strykowski M. Kronika polska... Т. 1. S. 69–70.

³⁶ Ibid. Т. 1. S. 90.

³⁷ Ibid. Т. 1. S. 90–91: «I od tych już porządek i successią pewną, tak Russacy wszyscy, Wielcy Kniaziewie Mosckiewscy prowadzą i wywodzą, a dalszych dawniejszych początków narodu swego wywieść nie mogą, dla nedostatku historij i tych coby je pisali».

³⁸ Гваньини О. Хроника... С. 50.

³⁹ Strykowski M. Kronika polska... Т. 1. S. 38–41, 51, 62, 98–100. В одном случае говорит, что в 260 г. готы собрались «с иными сарматскими народами, такими как москва, русаки, литва, лотва, жмудь, воыньцы и т. д.» и отправились в поход на Азию. Конечно, это симптоматичный факт, однако, думаю, это симптом обратимости современности и прошлого. Правильнее было бы понимать эти номинации: жители славянских земель, ныне населенных москвитами, русинами, литвинами, латышами, жмудянами и воыньцами. См.: Ibid. S. 41.

анахронизм, Стрыйковский говорит, что воляняне вышли с Волги, «с которой из Москвы они вывели свой народ сюда, где теперь живут»⁴⁰. Здесь же со ссылкой на Л. Деция, С. Герберштейна, М. Бельского очерчиваются исторические границы Литвы, и в том числе упоминается на востоке «государство великого князя Московского» или просто «Москва»⁴¹. В рассказе об Аттиле и Палемоне упомянута река Ихур (Югра) в «Москве»⁴².

Эти «Московские земли» и «Москва» не одновременны готам, гуннам и римлянам. Воспользуюсь примером, приводимым Д.В. Карнауховым. Раньше поляков, около 790 г., обрели свою письменность (глаголицу) «русаки, москва и болгары»⁴³. Здесь тоже подразумеваются не древние «московиты», а жители тех территорий, на которых в момент работы М. Стрыйковского над его «Хроникой» жили московиты. В том же месте своей «Хроники» автор утверждает, что глаголический алфавит первыми приняли болгары, сербы, далматы, хорваты и русаки, причем русаки повторяются и в сравнении с поляками, ставшими письменным народом около 962–999 гг. На сей раз московитов в ряду новопросвященных народов нет. Впрочем, далее в тех случаях, когда перечисляются те или иные «славаки», московитов автор упоминает. Например, в ряду современников Овидия Назона, древнегреческих и латинских историков Волатерана, Евтропия, Светония и др. Можно допустить, что говоря о частях сарматского народа, Стрыйковский упускает из поля зрения хронологию событий и возводит к древнему народу упомянутые им современные народы.

Таким образом, в обширной компиляции Стрыйковского, ставшей плодом его многосторонней эрудиции и идейной виртуозности, нет единой концепции истоков славянских народов, происхождение их от Мосоха является лишь одной из ряда изложенных гипотез и не означает, что славянские народы, согласно Стрыйковскому, происходят от московитов. Упоминание московитов в древности, в том числе в домонгольской Руси, апеллирует не к древней этнической карте, а к расположению народов в актуальной для Стрыйковского действительности. Вопрос об общем предке «славаков» оставлен хронистом без решения. Им мог быть Лех, Чех, Мосох или Асармот. Асармот не был упомянут в Библии, в связи с чем степень его родства с Мосохом в «Хронике» обойдена молчанием. Он появляется как сооснователь Колхидского королевства наряду с Мо-

⁴⁰ *Strykowski M. Kronika polska...* Т. 1. S. 51.

⁴¹ *Ibid.* Т. 1. S. 52–54.

⁴² *Ibid.* Т. 1. S. 56, 59, 69.

⁴³ *Ibid.* Т. 1. S. 89–90, 99–100; Карнаухов Д.В. Концепции... С. 139.

сохом, после чего исчезает из генеалогии славянских народов. Но признавая, что жители «России» получили свое имя от рассеяния по широкой территории, автор «Хроники» доказывает в то же время, что упоминания античных авторов о сарматах-«спорах» относятся именно к ним.

Последующая история восточноевропейского региона в «Хронике» тоже, на мой взгляд, не добавляет решительных аргументов в пользу гипотезы о «москвоцентризме» М. Стрыйковского. Варяги — по происхождению римляне из итальянской Варагии, и приходят они «в страну Лотевскую» (Ливонию) не как славяне и не как москвиты, а именно как римляне, от которых потомки Рюрика, как и потомки Палемона в Литве, унаследовали римское происхождение. Неясно, как из этого следует, что М. Стрыйковский приписывает право на Ливонию Москве. Такой вывод делала московская дипломатия того времени, ориентируясь на происхождение московских государей от Пруса, легендарного брата императора Августа, однако перерабатывая ранние редакции своего сочинения в «Хронике» вслед за эпистолярной перепалкой Стефана Батория с Иваном IV, состоявшейся в августе — сентябре 1581 г., М. Стрыйковский подверг критике легенду о Прусе. Локализация Новгорода в «московских пределах», как показано Д.В. Карнауховым, шла вслед за трудами М. Бельского и отражала не столько признание зависимости древнего Новгорода Великого от северо-восточной Руси, сколько согласие с тем, что Новгород во второй половине XV в. вошел в «московские пределы»⁴⁴.

Другой интересный след влияния посольской документации в «Хронике» обнаруживает Д.В. Карнаухов в упоминании царского или королевского титула Владимира Святославича. Московская дипломатия неоднократно с 1554 г. ссылалась на царский статус Владимира Святого и опиралась на изображения Владимира Святославича на иконах. Влияние московской посольской документации на этот факт в «Хронике» трудно проверить, однако характерно, что во всех польских, литовских и летописных русских и московских источниках «Хроники» царский и королевский титул князя Владимира Святославича не упоминается. Впрочем, эти наблюдения также не решают вопрос в пользу ее «москвоцентризма». Прямыми наследниками власти «царя Владимира», с точки зрения всех польских и литовских хронистов, начиная с Я. Длугоша, были не московские князья, а киевские, галицкие, волынские, дрогичинские.

Проводимые М. Стрыйковским сравнения князя Романа Мстиславича с московскими великими князьями подсказывали читателю, что побе-

⁴⁴ Карнаухов Д.В. Концепции... С. 78–79.

да над «тираном» Романом под Завихостом и переход русской монархии в руки литовских великих князей и польских королей — не историческая случайность, а закономерность, которая распространяется на все русские земли, в том числе на московскую. Не останавливаясь на военных обоснованиях, М. Стрыйковский дополняет свою политическую схему рассказом о переходе византийского императора «Аскария» в Галицкую землю после падения Константинополя в 1204 г. О сыне князя Романа Данииле Галицком М. Стрыйковский пишет в духе *translatio imperii*, нанося — задолго до П.Н. Милюкова и М.С. Грушевского — историографический удар по исторической схеме «Сказания о князьях владимирских»: «он перенес престол русской монархии из Киева в Галич»⁴⁵. Дальнейший ход «русской власти» из Галича в Краков при короле Казимире III был очевиден также для всех польских и литовских хронистов от Я. Длугоша до М. Стрыйковского и А. Гваньини. Однако, как отмечал еще А.И. Рогов, Стрыйковский подчеркивал величие литовских князей и известную обособленность Великого княжества Литовского от Короны Польской, представляя Киевскую Русь как прошлое «Литовского, а не Московского государства»⁴⁶. Впрочем, как представляется, этот вывод было бы точнее относить только к «Хронике» Стрыйковского и не распространять на другие версии его сочинения.

Никаких авансов Москве не сделано в рассказах «Хроники» о военных и дипломатических отношениях Москвы, Литвы и Короны. Великий князь Дмитрий Иванович (будущий Донской — Стрыйковский, по замечанию А.И. Рогова, спутал его с великим князем Д.Ю. Шемякой и назвал «Семечко»⁴⁷) обещает разгромить Литву за неделю. В ответ великий князь Ольгерд победоносно воюет Москву и московитов. Яркие символы обозначали литовское превосходство над врагом — присланный Дмитрию факел в знак скорого прихода литовского войска и прислоненное к стенам Московского кремля копьё Ольгерда, который «со своей литвой в Москве праздновал триумф» («z Litwą swoją w Moskwie tryumfował») ⁴⁸. Следом звучат энкомии в честь победителя московитов Витовта Кейстутовича и похвала литовским князьям, ведущим за собой литвинов, жмудинов и русинов. Еще А.И. Рогов отмечал, что только Стрыйковский и хроника Быховца сообщают о подчинении Витовту Новгорода и Пскова в 1414 г.⁴⁹

⁴⁵ Карнаухов Д.В. Концепции... С. 117.

⁴⁶ Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника»). М., 1966. С. 243.

⁴⁷ Там же. С. 174–178.

⁴⁸ *Strykowski M. Kronika polska*... Т. 1. S. XLI–XLII; Т. 2. S. 11–13, 433.

⁴⁹ Рогов А.И. Русско-польские культурные связи... С. 203–205, 244.

Это уникальное известие было призвано подчеркнуть исторические права Великого княжества Литовского на новгородские и псковские земли.

В рассказе «Хроники» о венграх в скобках появляется пассаж, переворачивающий московские посольские легенды начала XVI в.⁵⁰ в пользу Венгрии и Речи Посполитой: «и теперь король Стефан справедливо, как венгр, может отвоевывать у Московского свою отчизну Югру, которую тот сам признает венгерской»⁵¹. Этот отрывок содержит лексические совпадения с удаленным из текста поэмы «О началах» и отсутствующим в «Хронике» отрывком о праве «Московского» на Финляндию: «А сегодня справедливо Московский претендует на Финляндию»⁵². Вместо москвоцентризма поэмы «О началах» в «Хронике» перевернутый московский миф, одобряющий экспансию Стефана Батория вплоть до Югры, то есть, по сути, на все владения великого князя Московского. Другие сюжеты московско-литовско-польских отношений XV–XVI вв. в «Хронике» также далеки от признания за москвитями каких-либо прав в Европе.

Недавно вновь открытая поэма М. Стрыйковского «Битва под Улой», составленная молодым писателем по горячим следам победы литвинов в битве с москвитями под Чашниками 26 января 1564 г., содержит сходный с его более поздними высказываниями набор мотивов и идеолов. Радзивилл перед битвой призывает литвинов вспомнить своих предков, которые вместе с Ольгердом «в Москве копыя ламали», «с Витультом за Можайск ходили», войском форсировали «Оку, Волгу и Угру»⁵³.

В числе пропавших книг в имении А. Ходкевича М. Стрыйковский упоминает трактат «О тирании Великого Князя Московского» на латыни. Еще М. Малиновский предположил, что это был текст, близкий к отрывку из «Описания Европейской Сарматии» А. Гваньини (кн. VII, ч. IV)⁵⁴. Как позднее было установлено, он основан на записках А. Шлихтинга, бежав-

⁵⁰ Frötschner R. Ugrier — Ungarn — Hunnen. Herberstein über ein Motiv der Moskauer politischen Mythologie // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins *Rerum Moscoviticarum Commentarii* 1549–1999. Wiesbaden, 2002. S. 203–213.

⁵¹ Strykowski M. Kronika polska... T. 1. S. 69: «i teras krol Stephan słusznie jako Węgrzyn ojczyzny swej Juhariey pod Moskiewskim może dochodzić, którą on sam Węgrom, przyznawa».

⁵² Ерусалимский К.Ю. Идеология истории Ивана Грозного: Взгляд из Речи Посполитой // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 602–604, 625–633.

⁵³ Wojtkowiak Z. Odnaleziony tekst Macieja Strykowskiego o bitwie z Moskwą 1564 roku i inne rewelacje z zbiorach rosyjskich i nie tylko. Poznań, 2010. S. 59, 102–103: «Wspomnienie na swe przodki, jak Moskwę bijali / Jak z Olgierdem z Moskwie kopije łamali / Wspomnijcie, jak z Witułtem za Możajsk chodzili / Okę, Wołgę i Uhrę z wojskiem przechodzili».

⁵⁴ Strykowski M. Kronika polska... T. 1. S. XLIII, 29 (1-й арабской пагинации).

шего из России вместе с возвращавшимся на родину польским посольством Я. Кротоского и М. Талвоша⁵⁵. Это — тираноборческий, откровенно негативный образ России, ее правителей и культурной жизни, и в этом смысле подготовленные на основе С. Герберштейна и А. Шлихтинга разделы «Описания» Гваньини, на которое Стрыйковский ссылался в «Хронике» как на свое сочинение, отнюдь не свидетельствуют в пользу московфиллии «Хроники». От москвоцентризма поэмы «О началах» в «Хронике» не осталось и следа. Это можно объяснить как изменением положения дел в Речи Посполитой, так и тем, что поэма «О началах» была обработана на случай победы московского кандидата на польско-литовский или только на литовский трон. Ситуация изменилась — однако М. Стрыйковский не забросил свои труды, а доработал и отчасти переработал текст, написанный в бескорольеве, превратив его в «Хронику».

Сводя воедино наши замечания к построению Д.В. Карнаухова, обратим внимание на сохранение в нем постулатов, которые роднят его и с критикой амбиций польско-литовского экспансионизма XV — начала XVII в., и с теориями, близкими к критике «ориентализма»⁵⁶. Знание о восточных пределах Польско-Литовского государства и Русском государстве у польско-литовских хронистов было глубоко ангажированным. Это было понятно и ранее⁵⁷. Однако вопрос, как и во что именно оно было ангажировано, требует рассмотрения концепций, гипотез, идей, легенд, мифов, как бы мы их ни назвали, во всей полноте их генезиса, от момента первого обнаружения до рефлексов у более поздних авторов, вплоть до профессиональной историографии. Причем речь, по всей видимости, идет не о фантазиях и измышлениях, но и не о фактических суждениях. «Русь» и «Ruthenia» составлены из эрудитских предположений, многократных географических и этнографических локализаций, из интерпретаций отдельных исторических фактов и разрозненных практик отбора и компоновки источников. В их числе не только сугубо «русские» сюже-

⁵⁵ Grala H. Wokół dzieła i osoby Alberta Schlichtinga. (Przyczynek do dziejów propagandy antymoskiewskiej w drugiej połowie XVI w.) // Studia Źródłoznawcze. 2000. T. 38. S. 35–52.

⁵⁶ Сауд Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2006; Carrier J.G. Occidentalism: Images of the West. Oxford; New York, 1995.

⁵⁷ Реинтерпретации освоения и присвоения Руси и Московской Руси в трудах ренессансных географов, картографов, историков, дипломатов и путешественников предприняты в работах М. По и С. Мунда: Poe M.T. «A People Born to Slavery»: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca; London, 2000; Mund S. Orbis Russiarum. Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance. Genève, 2003.

ты. Весьма знаменательно, что в прототипной для знаний о восточных рубежах «русского мира» схеме Я. Длугоша граница между русскими и москвитями определена не столько продуманными дистинкциями, сколько тезисом об ошибках в восточной политике Ягеллонов.

В эрудитской бинарной идее М. Меховского «Скифия — Сарматия» место Московской Руси было определено не границей между двумя этими античными топосами, но и не военно-политической конъюнктурой эпохи Длугоша или самого Меховского. Граница столь же условна, как и само знание, рассчитанное на студенческую аудиторию и ознакомительное прочтение, а воздействие его выводов заметно в том, как интеллектуалы Б. Ваповский, Я. Дантышек, С. Герберштейн и другие пытались уточнить эти выводы. «Записки о Московии» Герберштейна невозможно изучать в одном ряду с «польскими хрониками», но и границы Сарматии и Скифии по Меховскому не могут быть осмыслены вне дискуссии, которая развернулась в кругу ренессансных интеллектуалов, открывших благодаря Меховскому неполноту своих знаний. Идеи Б. Ваповского служат еще одним примером того, как инфильтрация построения раскрывает его структуру, интенцию и значение. Происхождение славян из новгородских пределов в логике Меховского и его читателей, к каковым относился и Ваповский, не давало повода для идеи о «московской» прародине, поскольку для Меховского Москва не была собственницей Новгорода. Забвение об этом может дезориентировать и при чтении хроник М. Бельского — учитывая наследие Меховского и Ваповского, взгляды Бельского о происхождении трех славянских народов из «Москвы» отнюдь не являются свидетельством отхода от «полоноцентризма». Без понимания особого статуса «Новгорода» в сознании польско-литовских хронистов невозможно понять и слова Гваньини о новгородской «Империи» Рюрика, и изобретенную Стрыйковским версию о любекско-славянском происхождении Рюрика, живо воспринятую российской историографией XVIII в. благодаря «Синописису». Москва получила право на географическую легализацию, но это не гарантировало ей право на доминирование в русских землях и где бы то ни было.

Москва и московские русские в восприятии хронистов были включены в славянскую общность, но вопрос о прародине звучал не в той тесной связи с политикой, которую мы ищем, опираясь на националистическое понимание изначального присутствия народа на территории как права национального государства, а в случае России — национальной империи, эту территорию контролировать. В хронике М. Бельского происхождение славян от Мосоха и с территории москвитов, возможно, эпатировало

польского и литовского читателя. Однако Бельский не нуждался в устранении этих предположений, когда работал над антимосковской третьей редакцией хроники. Более того, он дополнил свое построение новыми соображениями, отразившими его прочтение хроники М. Кромера и записок С. Герберштейна. Лучше всего, как представляется, иллюстрирует ту же мысль развитие творческих ориентиров М. Стрыйковского. Его «Мо-сох» не гарантирует москвитам прав на «славянское наследство» и не оставляет после себя никакого своего «народа», который был бы замечен в истории вплоть до XIV в. Кроме того, помимо Мосоха на роль прародителя славян претендует в его тексте Асармот. Однако по той же причине неверно видеть в Стрыйковском патриота Короны или Литвы. Вернее было бы говорить о единой Речи Посполитой, которая объединяет в его воззрениях все названные народы, и москвитов в их числе. Рукописная версия хроники середины 1570-х гг. в ее отличиях от всех печатных версий демонстрирует москвоцентризм в отрывках, которые не встречаются в наиболее ранних текстах Стрыйковского и устранены к моменту публикации «Хроники» и, возможно, уже на момент издания «Описания» А. Гваньини. Этот «москвоцентризм», как и «полоноцентризм» печатной версии, проявляется не в освоении праистории народов Речи Посполитой и Российского государства, а в прославлении правителей и их прав на территории, в отборе источников и в эксплицитных формулировках *pro et contra*.

 Ерусалимский Константин Юрьевич

доктор исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры
факультета истории искусства РГГУ (Москва, Россия)

С.А. Толстогузов

ТОМИТА ТАКЭСИ. ЯПОНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД. 1917—1937 гг.

*Томита Такэси. Сэнканки но ниссо канкэй. 1917—1937.
Иванами сётэн. Токио, 2010.*

Изучение историками отношений между РСФСР/СССР и Японией в такой чрезвычайно сложный и важный период мировой истории, как 1917—1937 гг., сосредоточивалось на конфликтных ситуациях в двусторонних отношениях и на процессе нарастания конфронтации, основное внимание уделялось вооруженным конфликтам — японской вооруженной интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.), военным действиям японских и советских войск у о. Хасан (1938 г.) и на р. Халхин-Гол (1939 г.), вступлению Советского Союза в войну против Японии в 1945 г.

Сильное влияние разных факторов затрудняло объективно осветить события этого периода как советским, так и японским исследователям: первые находились под воздействием идеологии, а вторые интересовались преимущественно японо-американскими отношениями и противостоянием США с Японией в Китае. В постсоветское время стало возможным начать более или менее объективное изучение данного периода. Историки впервые получили доступ к многим рассекреченным в московских архивах материалам. Однако изучение межвоенного периода еще не завершено и в Японии до сих пор нет фундаментальной работы по этой проблематике.

На этом фоне представляет особый интерес новая работа профессора университета Сэйкэй гакуэн (Токио) Томита Такэси, которой посвящена данная рецензия. Профессор Томита — известный специалист по русско-японским и советско-японским дипломатическим отношениям, социально-политической истории Советского Союза в 1930–1950-е гг., Коминтерну, проблеме японских военнопленных и др. Его книга состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений и написана на обширной источниковой базе, включая недавно рассекреченные документы Политбюро ЦК ВКП(б) относительно советско-японских отношений из двухтомника, который был издан Российской академией наук в Москве в 2007 г.¹, а также многочисленные неопубликованные источники из Архива внешней политики Российской Федерации и других архивов в России.

В первой главе «Японо-советские дипломатические и торговые отношения 1917–1937 гг.» изложена общая история данного периода, в центр которой поставлены Маньчжурский инцидент² (1931 г.) и продажа Китайско—Восточной железной дорогой (КВЖД) Японии в 1935 г. Автор поставил своей целью изучение политики Советского Союза в Маньчжурии в вопросах, связанных с КВЖД, опираясь на результаты исследований японских ученых, с целью рассмотреть японо-советские отношения в общей канве трехсторонних отношений (с. 4). Заметно его стремление отойти от прежде распространенной схемы изложения двусторонних отношений, концентрировавшейся на событиях только в Советском Союзе и Японии и оставлявшей без внимания большую часть происходившего в сопредельных странах, в первую очередь в Китае. По мнению автора, изучение Маньчжурского инцидента и продажи КВЖД невозможно без учета политики Китая, где сосредоточивались усилия Японии этого времени. Советское руководство также рассматривало политику в Китае как приоритетное направление в Азии. Автор сделал попытку увязать между собой события в Китае, конфликт вокруг КВЖД, дипломатические маневры вокруг образования Маньчжоу-Го и проанализировать советско-японские отношения в этом контексте.

Из содержания главы становится очевидно, что даже после японской военной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке отношения двух

¹ Москва—Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931 гг. Сборник документов. В 2 кн. М., 2007.

² Маньчжурский инцидент произошел 18 сентября 1931 г. в результате взрыва на железной дороге недалеко от г. Мукдена в Китае. В результате началось наступление японской Квантунской армии, закончившееся захватом Маньчжурии и зоны Китайско-Восточной железной дороги в Китае.

стран, подписавших в 1916 г. союзную Конвенцию, не сразу превратились в противостояние, и в обеих странах существовали достаточно влиятельные группы, которые пытались найти почву для сотрудничества, учитывая, что обе страны сохраняли совместные интересы в силу наличия КВЖД и Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД).

Ярким примером таких сил в Японии становится известный политик Гото Симпэй, который в свое время занимал посты министра иностранных дел, мэра Токио и председателя правления ЮМЖД. Гото во время своего визита в Москву в конце 1927-го — начале 1928 г. пытался обсуждать возможности совместных действий двух стран в Китае и подписания в этих целях двустороннего соглашения (с. 214). Гото стремился найти почву для геополитического сотрудничества Японии и СССР, для чего предлагал расширение экономических связей, предоставление новых концессий и выделение земли для японских переселенцев. На этом фоне Маньчжурский инцидент, как верно полагает автор, изменил всю ситуацию в Восточной Азии, переведя ее в плоскость откровенного противостояния, сделав невозможным поиск основы взаимного сотрудничества.

Маньчжурский инцидент, создание марионеточного государства Маньчжоу-Го (находившегося под полным контролем Японии) и переговоры о продаже КВЖД (состоявшейся в 1935 г.), по мнению автора, неразрывно связаны между собой, так как Маньчжурский инцидент в Китае в 1931 г., подготовленный японской армией, привел к открытому противостоянию Японии и России. Подписание Антикоминтерновского пакта в 1936 г. было, по мнению автора, логическим продолжением прежней политики в направлении углубления конфронтации. Заключение этого Пакта, делает вывод автор, не только стало большим ударом для советского руководства, но и создало крайне невыгодные условия с точки зрения геополитики, добавив идеологическое противостояние, за чем последовало проведение Японией курса на борьбу с «красной опасностью» (с. 324).

Для автора важное место имел вопрос о том, почему Советская Россия, которая, казалось бы, должна была быть в полнейшей изоляции на международной арене в связи со своей идеологией и поддержкой коммунистических режимов, смогла выйти из этой изоляции и даже получить преимущество по сравнению с Японией. Ответ он нашел в сравнении двух курсов: во внешней политике Советского Союза геополитические интересы доминировали над идеологическими соображениями, поэтому прекращение уступок Японии, наращивание военной мощи, восстано-

ление отношений с Китаем и США, вступление в Лигу Наций и другие действия привели к значительному улучшению международного положения Советского Союза; политика же Японии все более углубляла ее изоляцию и ставила ее в более невыгодные условия по сравнению СССР. Японская внешняя политика оказалась, по мнению автора, в тупиковой ситуации, когда страна была втянута в трясину борьбы по частным вопросам в Китае и Монголии. Таким образом, Маньчжурский инцидент, создание марионеточного государства Маньчжоу-Го в 1932 г. открыли путь к войне на Тихом океане.

В русле японской политики находилась также продажа в 1935 г. Советским Союзом КВЖД. Эта сделка имела чрезвычайно важные геополитические последствия, так как ликвидировала, по мнению автора, общность геополитических интересов Советской России и Японии в Китае и, соответственно, важную основу для сотрудничества и уступок в пользу Японии. Продажа КВЖД правительству Маньчжоу-Го стала кардинально важным событием для двусторонних отношений Советского Союза и Японии, означавшее окончательный разрыв с прежней политикой 1920-х гг. и переход к конфронтации. В этой связи хотелось бы также обратить внимание на влияние Великой депрессии, которая подготовила этот переход в японской политике, чему в данной книге уделяется недостаточное внимание.

Во второй главе «Политическая история переговоров о соглашениях в области рыболовства 1925–1932 гг.» анализируются переговоры по вопросам рыболовства, проходившие практически весь межвоенный период. Автор обратил внимание на изменения, которые происходили в подходах к переговорам в связи с переходом рыболовства в Советском Союзе под полный контроль государства, что повлекло также усиление роли японского государства в рыболовстве в северных районах дальневосточного побережья Советского Союза. Он также отметил роль Гото Симпэй, переговоры которого в ходе его визита позволили преодолеть тупиковую ситуацию и заключить рыболовную конвенцию (1928 г.).

Из третьей главы «Гото Симпэй и Японско-русское общество 1920–1937 гг.», посвященной политике умеренных в Японии, пытавшихся противостоять усилению армии и откровенно экспансионистских сил, явствует, что до конца 1920-х гг. в Японии продолжалась внутривнутриполитическая борьба, с прекращением которой остановился внутренний диалог между политическими силами по вопросам внешней политики. Геополитические соображения в японской внешней политике значительно потеряли в своем весе, уступив место откровенно агрессивной политике.

Это привело к значительному ослаблению позиций внешнеполитического ведомства Японии, попытки которого вернуть внешнюю политику в русло геополитики попросту игнорировались или использовались с целью дипломатического прикрытия для очередных экспансионистских захватов. По мнению автора, Гото Симпэй также недостаточно учитывал антияпонские настроения, которые сформировались в Советской стране в результате японской интервенции (с. 326). Нельзя не обратить внимание на то, что автор при этом явно недостаточно уделил внимания внутрипартийной борьбе в советском руководстве по вопросам внешней политики и культурного сотрудничества, хотя Японско-русское общество имело в качестве основного партнера Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

В четвертой главе «Разведывательная и пропагандистская война между Японией и Советским государством 1917–1937 гг.», представляющей собой несколько отдельных очерков, сделана попытка определить контуры взаимных образов стран в этот период, подчеркивая при этом большое значение Маньчжурского инцидента. Автором обращено внимание, что деятельность Р. Зорге, который приехал в Японию в сентябре 1933 г., также началась под влиянием перемен, начало которым дал Маньчжурский инцидент.

Подводя итоги своему исследованию, автор признал, что изучение этого межвоенного периода еще далеко от своего завершения, что необходимо дать новую оценку ситуации на Дальнем Востоке перед началом Второй мировой войны с учетом мировой политики. По этому поводу он пишет: «Самой большой задачей, которая осталась за рамками данного исследования, — это выйти за рамки 1937 г. и изучить предысторию японо-советского Пакта о нейтралитете 1941 г., советско-германского Договора о ненападении 1939 г.» (с. 328). Нельзя не согласиться, что дипломатическая история японо-советского Пакта о нейтралитете значительно сложнее и продолжительнее, чем у советско-германского Договора о ненападении. Переговоры по этому вопросу начались еще до изменения стратегической ситуации в Китае в связи с Маньчжурским инцидентом, а их динамика в значительной степени определялась динамикой развития конфликта в Китае.

Появление данной книги профессора Томита является, на мой взгляд, важным шагом в изучении российско/советско-японских взаимоотношений в 1917–1937 гг. Этот труд восполнил большой пробел в освещении переговоров о продаже КВЖД и японо-советского Пакта о нейтралите-

те, позволив лучше уяснить динамику двусторонних отношений в контексте ситуации в мире и расширить понимание событий, которые предшествовали Второй мировой войне.

 Толстогузов Сергей Анатольевич

кандидат исторических наук, PhD, Хиросимский университет (Япония)

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf») шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — 1–2 авторских листа (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); шрифт (кегель) — 14. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор.

Сноски

Оформление сносок:

1. Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.
2. *Иванов И.И.* История европейских стран. — М., 2002. С. 14.
Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.
3. *Иванов И.И.* К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем — 1500–2500 знаков с учетом пробелов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами:
формат TIFF или JPG;
размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес: articles@historicalreporter.ru

ПОДПИСКА

Подписка на журнал возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ с любого месяца.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 83564.

Материалы журнала включены
в систему Российского индекса научного цитирования.

Для заметок

Для заметок

Десятый том «Исторического
вестника» будет посвящен
событиям XIII столетия — завоеваниям
Монгольской империи и их воздействию
на историю Руси.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
русских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке